

ДЖЕЙМС
БЕККЕР

ДЖЕЙМС БЕККЕР

СКРИЖДАЛЬ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

СКРИЖДАЛЬ
ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

ЭКСМО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС БЕККЕР

СКРИЖАЛЬ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

ЭКСМО
МОСКВА

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 42

James Becker
THE MOSES STONE
Copyright © James Becker, 2009

Разработка серии *С. Шикина*

Беккер Дж.

Б 42 Скрижаль последнего дня / Джеймс Беккер ; [пер. с англ. Т. Матюхина]. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-59970-7

Сотрудник британской полиции Крис Бронсон прибыл в Марокко — расследовать гибель двух своих соотечественников, чей автомобиль упал в пропасть. Детектив узнает, что накануне трагедии они случайно нашли на местном базаре какую-то глиняную табличку, испещренную странными знаками. Но в вещах погибших ее не обнаружили — остались лишь несколько фотографий находки. С помощью специалистов Крис выясняет, что это часть некоего зашифрованного послания на арамейском... И тут вокруг Бронсона раскручивается настоящий смерч кровавых событий. Все люди, знающие о существовании этой таблички, погибают. Сам детектив несколько раз лишь чудом избежал смерти. Ему еще предстоит узнать, что тайна, к которой он прикоснулся, очень древняя. И очень страшная...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Матюхин Т.А., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-59970-7

Благодарности

Хочу высказать самую искреннюю благодарность Селине Уокер из издательской компании «Транс-уорлд», одному из самых талантливых редакторов, каких я знаю. Она не покладая рук трудилась над тем, чтобы эта книга получилась настолько хорошей, насколько это вообще возможно. Ее идеи и предложения помогли значительно улучшить мою рукопись и придать ей окончательный вид, так что конечным результатом я во многом обязан именно ей. Также хочу сказать спасибо всем другим сотрудникам «Транс-уорлд», которые принимали участие в издании и распространении книги, и в особенности — авторам обложки и специалистам по продажам и маркетингу; любая книга является плодом работы целой команды, и упомянутые мною люди сделали все возможное, чтобы книга попала на полки как можно большего числа магазинов и чтобы она выгодно отличалась от всех остальных книг!

И, как и всегда, выражаю благодарность своему агенту Луиджи Бономи — хорошему другу, резонатору идей и не знающему себе равных источнику вдохновения. Как я уже говорил, без него я — ничто.

Пролог

Крепость Масада, Иудея, 73 год н.э.

— Мы не можем дольше ждать.

Элеазар бен Яир стоял на массивном деревянном столе почти в самом центре крепости и смотрел сверху вниз на обращенные к нему лица мужчин и женщин.

Из-за мощных крепостных стен доносился непрерывный шквал звуков: командиры выкрикивают приказы, воины старательно роют землю, а вот с грохотом падают камни. Периодически в эту какофонию врывались звуки глухих ударов и громкий треск — это метательные снаряды, выпущенные баллистами, огромными осадными машинами римлян, сокрушали стены.

Бен Яир стоял во главе движения сикариев вот уже семь лет — с тех пор как римский гарнизон был выбит из стен Масады. Сикарии представляли радикальное крыло течения зелотов. Причем они были настолько радикальными, что к описываемому моменту даже зелотов — как, впрочем, и почти всех прочих обитателей Иудеи — числили среди своих врагов. В течение более чем двух лет сикарии использовали расположенную на вершине горы крепость в качестве базы, откуда совершали набеги как на римские, так и на иудейские поселения по всей стране.

В прошлом году Люций Флавий Сильва, римский губернатор Иудеи, потерял всякое терпение и силами легиона «Фретензис»¹ атаковал крепость. Около пяти тысяч закаленных в битвах воинов осадили стены Масады, но она оказалась крепким орешком, и все попытки римлян пробить брешь в ее обороне потерпели неудачу. Тогда Люций прибег к последнему средству: римляне соорудили с одной стороны крепости вал, а затем начали строить аппарель. Она должна была подняться на достаточную высоту, чтобы можно было затащить на нее стенобитные орудия и попытаться проломить окружающую цитадель мощную стену.

— Вы все видели построенный ими вал, сейчас он уже достиг наших стен, — говорил Элеазар бен Яир. Голос его был тверд, но все же звучала в нем нотка обреченности. — Завтра или, самое позднее, послезавтра тараны пробьют наши укрепления. Мы никак не сможем им помешать. А когда римляне прорвутся в крепость, нам придет конец. Нас здесь меньше тысячи — и это вместе с женщинами и детьми. Там, за стенами, наши враги могут собрать впятеро больше. Имейте это в виду: как бы храбро и неистово мы ни сражались, римляне все равно возьмут над нами верх.

Элеазар бен Яир замолчал и огляделся по сторонам. Целая туча стрел перелетела через зубцы крепостной стены и просвистела над головами собравшихся во дворе защитников. Но едва ли кто из них даже обратил на это внимание.

— Если мы примем бой, — продолжил бен Яир, — большинство — те, кому повезет, — будут убиты. Тем же, кто уцелеет, уготована участь быть казненными,

¹ Легион X «Фретензис» (лат. Legio X Fretensis Antoniniana Pia Fidelis) был сформирован Октавианом в 41 или 40 году до н.э. как противопоставление знаменитому X легиону Цезаря в армии Марка Антония. Непосредственно предназначался для войны с Секстом Помпеем. Название Fretensis можно перевести как «Охраняющий пролив», «Легион из пролива». (Здесь и далее прим. перев.)

вероятно, через распятие на кресте, либо быть проданными работорговцам на побережье.

В ответ на такую речь предводителя сикариев гневный ропот прокатился по толпе. Римляне прибегли к хитрой уловке, которая не позволяла защитникам крепости ответить на штурм так, как хотелось бы. Сооружение вала было поручено рабам, и им же — в этом никто не сомневался — будет доверено и управление таранами. Для того чтобы взять еврейскую крепость, проклятые римляне использовали еврейских же рабов. Таким образом, защищая собственные жизни, сикарии вынуждены будут убивать своих плененных соотечественников. А это казалось невозможным даже для таких экстремистов, каковыми являлись не ведающие терпимости и сострадания последователи Элеазара бен Яира.

По этой самой причине они и не смогли воспрепятствовать возведению вала; по той же причине бессильны они окажутся и перед таранами неприятеля.

— Итак, выбор у нас невелик, — подытожил бен Яир. — Если мы будем сражаться и не погибнем в бою, мы либо примем мучительную смерть на крестах вон там, в долине, либо станем рабами римлян.

Собравшиеся вокруг люди посмотрели на своего предводителя. Во дворе крепости воцарилась тишина, которую нарушил сердитый голос:

— А если мы сдадимся?

— Тебе выбирать, брат, — ответил бен Яир, глядя на задавшего вопрос молодого человека, — но ждать тебя будет все тот же крест или рабство.

— Так что же нам остается, если мы не можем сражаться, но и не можем сдаться? Других вариантов ведь нет?

— Есть один путь, — произнес лидер сикариев, — всего лишь один путь, как добиться победы, так чтобы слава о ней звучала в веках.

— Мы можем разбить римлян?

— Да, мы можем их победить, но не так, как ты думаешь.

— Тогда как?

Элеазар бен Яир выжидательно оглядел товарищей — людей, с которыми провел бок о бок семь лет после захвата крепости. А потом он начал говорить.

Когда спустились сумерки, все звуки, доносившиеся из-за возведенного неприятелем вала, стихли. Внутри крепости сновали небольшие группы людей; они вовсю готовились к тому, что должно было стать последним актом в драме под названием «Масада».

Они сносили дрова и сосуды с горючим маслом во все расположенные в северной части цитадели кладовые. Лишь несколько комнат остались неохваченными — Элеазар бен Яир особо указал на них своим товарищам. Наконец к тому времени, когда последние солнечные лучи исчезли за вершинами окрестных гор, защитники крепости сложили в центре главной площади огромный костер и зажгли его. Следом они подожгли и сложенные в кладовых стопки дров.

Когда все приготовления были завершены, бен Яир призвал к себе четверых мужчин и дал им подробные инструкции.

Поскольку вышеупомянутый вал сооружался с западной стороны крепости, то и внимание римлян было сосредоточено на этой стене; именно здесь собралось большинство легионеров, которые готовились предпринять решающий штурм. Вдоль остальных стен цитадели, далеко внизу, там, где кончалась скала, стояли часовые, но было их в этот вечер значительно меньше, чем в предыдущие дни и недели.

Скала, на которой возвышалась крепость, с восточной стороны обрывалась вниз на целых тысячу триста футов. Спуск не был отвесным, но все же для любого, кто пожелал бы достигнуть подножия, это стало бы чрезвычайно трудной и опасной затеей. Римляне, несомненно, не предполагали, что кто-либо из укрывшихся в крепости сикариев окажется на-

столько безрассуден, что попытается здесь спуститься. Следовательно, и количество часовых с этой стороны было невелико. Ничто не предвещало сюрприза — вплоть до сегодняшней ночи.

Бен Яир подвел четверку избранных к основанию массивной стены, что защищала край плато Масада. Там он остановился и протянул мужчинам два предмета цилиндрической формы, аккуратно обернутые льняной тканью и туго перевязанные веревкой, и две тяжелые каменные дощечки, также завернутые в полотно. Затем он по очереди обнял каждого из товарищей, повернулся и пошел прочь. Подобно призракам в ночи, четверо мужчин взобрались на стену и вскоре бесшумно растворились среди нагромождения камней. Долгий и полный опасностей спуск начался.

Оставшиеся сикарии числом 936 человек, в том числе женщины и дети, в последний раз — они знали это — преклонили колени и стали молиться. После молитвы они выстроились в цепочку перед столом, поставленным возле одной из крепостных стен, чтобы тащить жребий. Когда была вытянута последняя соломинка, десять человек вышли вперед из толпы и вернулись к столу, возле которого поджидал Элеазар бен Яир. Он приказал записать имена этих десяти, а также свое собственное имя, и писарь, исполняя приказ, аккуратно вывел одиннадцать имен на одиннадцати глиняных черепках.

Затем бен Яир направился в северный дворец — строение, возведенное Иродом Великим в качестве личной цитадели более сотни лет назад, когда римские хозяева поставили его правителем Иудеи. Там он распорядился тщательно захоронить черепки, чтобы впоследствии они смогли рассказать о последних часах осады.

Покончив с этим, бен Яир вернулся в центральный двор и отдал короткую команду. Крик его был слышен во всех уголках крепости.

Собравшиеся вокруг войны, за исключением десятерых избранных, сняли с поясов оружие — мечи, кинжалы — и побросали на землю. Звон сотен клинков, упавших на пыльную каменистую почву, громким эхом отразился от окружающих стен.

Бен Яир отдал второй приказ, и десять человек подошли и встали каждый перед одним из своих невооруженных товарищей. Вот первая жертва шагнула вперед и обняла человека, которому волею жребия суждено было стать его палачом.

— Бей быстро и уверенно, брат, — сказал мужчина и отошел на шаг назад.

Двое его товарищей крепко схватили безоружную жертву под руки и заставили встать прямо. Палач по неволе выхватил из ножен меч, наклонился и осторожно оттянул тунику мужчины, так что обнажилась грудь. Затем он отвел назад правую руку с клинком.

— Уйди с миром, друг, — произнес он чуть дрогнувшим голосом и одним сильным ударом вогнал лезвие меча прямо в сердце жертвы. Мужчина дернулся, но не закричал от боли, а лишь чуть слышно застоялся.

Бережно и с благоговением товарищи опустили безжизненное тело на землю.

В собравшихся на площади небольших группках людей повторилась раз за разом та же последовательность действий, и вскоре тела десяти защитников крепости лежали неподвижно на земле.

Элеазар бен Яир снова выкрикнул команду, и вновь сверкнули мечи, и еще десять человек встретили свою смерть. Одним из этих десятерых оказался и сам бен Яир.

По прошествии примерно получаса все сикарии, кроме двух, лежали мертвые. Оставшиеся в живых с мрачной торжественностью тянули жребий — и вот очередной короткий и сильный удар оборвал еще одну жизнь. Последний из защитников крепости Масада медленно обошел цитадель, проверил каждое не-

подвижно лежащее тело и лично удостоверился, что все его товарищи мертвы. Слезы ручьем текли из его глаз.

Вздохнув, он в последний раз обвел взглядом величественную крепость, в которой теперь не осталось ни одного живого человека, кроме него самого. Потом пробормотал последнюю в своей жизни молитву, прося у Бога прощения за то, что собирался сделать, повернул меч острием к себе, приставил кончик лезвия к груди и резко наклонился вперед.

На следующее утро осаждающие крепость начали при помощи громадного тарана проламывать стену с западной стороны и вскоре пробили в ней брешь. Сразу за стеной глазам римлян предстал еще один вал, очевидно, в спешке и отчаянии возведенный сикариями в качестве последней надежды. Но и он продержался под мощным натиском всего несколько минут, а затем внутрь крепости хлынули воины победоносной римской армии.

Через час после того, как Масада была наконец взята, Люций Флавий Сильва поднялся на сооруженный силами рабов вал, прошел мимо выстроившихся рядами легионеров и через пробитую тараном дыру вступил в крепость. Оказавшись во внутреннем дворе, он, не веря своим глазам, огляделся кругом.

Повсюду лежали тела — мужчин, женщин, детей. У всех на груди зияли раны, кровь уже почернела и спеклась. Мириады мух летали с громким жужжанием и с жадностью пировали в лучах послеполуденного солнца. Птицы-падальщики клевали начинающие разлагаться трупы. Между тел здесь и там шныряли крысы.

— Все мертвы? — спросил Сильва центуриона.

— Вот так мы и нашли их, господин. Однако семеро человек выжили. Среди них две женщины и пятеро детей. Они прятались в резервуаре на южной оконечности плато.

— Они рассказали, что здесь произошло? Эти люди покончили с собой?

— Нет, господин. Их религия запрещает самоубийство. Они тащили жребий, а потом убивали друг друга. Последний оставшийся в живых, — центурион показал на тело мужчины, лежащего вниз лицом; из спины его торчал кончик меча, — сам бросился на меч. Так что он единственный, кто действительно покончил с собой.

— Но почему? — задал Сильва почти риторический вопрос.

— По словам женщин, их предводитель, Элезар бен Яир, сказал: если все они решат уйти из жизни тогда и таким образом, как сами того пожелают, они украдут у нас победу. — Центурион махнул рукой в сторону северной части крепости. — Они вполне могли сражаться, господин. В кладовых — тех, которые они нарочно не предали огню, — полно провизии, а в резервуарах достаточно свежей воды.

— Хм, если они победили, то это очень и очень странная победа, — хрюкнул Сильва, не отводя взгляда от сотен тел, устилающих двор крепости. — Мы захватили Масаду. Эти мерзкие сикарии наконец-то мертвы, все! Кроме того, в ходе штурма мы не потеряли ни единого легионера. Я бы не отказался потерпеть еще с десятков таких *поражений!*

Центурион позволил себе вежливо улыбнуться.

— А женщины и дети, господин? Каковы будут ваши приказания?

— Детей отправьте на ближайший рынок рабов, а женщин отдайте воинам. Если, после того как ребята с ними поразвлекутся, они останутся живы, можно будет их отпустить.

А за стенами крепости в нескольких сотнях футов от подножия скалы укрылись между огромных обломков и ждали дальнейшего развития событий четверо избранных. Как только стена была проломлена и рим-

ское войско ворвалось в Масаду, все часовые получили приказ оставить посты. Но даже когда легионеры, стерегущие восточный склон, присоединились к товарищам, четверо мужчин продолжали терпеливо дожидаться наступления темноты, чтобы завершить спуск.

Три дня спустя они добрались до расположенной на вершине холма общины Ир-Цадок Секаха, которая через две тысячи лет станет известна как Кумранская. Сикарии провели там день, после чего продолжили путь.

Они двигались вдоль западного побережья Мертвого моря около пяти миль, а затем свернули на север. Перед тем как остановиться на ночь в Фазеле, они миновали города Сайпрес, Таурус и Иерихон. На второй день они повернули на северо-запад в сторону Шилоха. Как только они покинули город, идти стало намного тяжелее — путникам приходилось прокладывать дорогу вдоль восточных склонов горы Герицим. К часу, когда спустились сумерки, они смогли добраться лишь до Манаима. К концу следующих суток они оказались в Сихаре, где провели и весь следующий день, отдыхали и набирались сил. Впереди четверку избранных ждала самая трудная часть путешествия — переход длиною в десять миль по пересеченной местности, что лежала к западу от горы Эбаль, к городу Бемезель.

Чтобы преодолеть этот участок пути, им пришлось идти весь день, и сикарии снова вынуждены были остановиться на двадцатичетырехчасовой отдых, перед тем как продолжить путешествие дальше на север, в Гину. Когда они добрались до города, прошло уже почти две недели со дня взятия Масады. В Гине сикарии пополнили запасы провизии и стали готовиться к заключительной части похода.

Следующим утром они вышли из города и двинулись на северо-запад, к Эсдраелонской равнине, через рощи из финиковых пальм, сплошным ковром устилавшие плодородные низменности, что протянулись

от Галилейского моря на севере до Мертвого моря на юге. Тропа, по которой шли избранные, вела вдоль подножия высоких холмов. Она виляла то вправо, то влево, огибая многочисленные препятствия, отделявшие сикариев от места их назначения. Это оказалась действительно самая медленная, тяжелая и изнурительная часть похода; беспощадное солнце опаляло несчастных, и невозможно было нигде укрыться от его горячих лучей.

Время перевалило за полдень, когда путники увидели наконец конечную цель похода, и почти совсем стемнело, когда они добрались до подножия холма. Чтобы исполнить данный Элеазаром бен Яиrom наказ, избранные должны были взобраться на холм, но они благоразумно рассудили, что не стоит делать это в темноте, и решили переждать до утра.

Когда солнце показалось из-за горизонта, четверо мужчин уже поднялись на плато. Прежде лишь одному из них довелось побывать здесь.

Больше восьми часов понадобилось им, чтобы исполнить свою миссию, так что, когда они начали спускаться по крутой тропе на равнину, вечер уже во всю вступил в свои права, а к тому времени как путники добрались до Наина, была уже почти полночь. Идти теперь стало немного легче, поскольку не нужно было больше нести ни два цилиндрических предмета, ни две каменные таблички.

На следующее утро избранные отыскивали лавку местного гончара. Они предложили ему достаточное количество золота, чтобы не задавал лишних вопросов, и попросили в свое распоряжение мастерскую до конца дня. Они крепко заперли двери и оставались там до позднего вечера, работая при неверном свете ламп на животном жире.

На следующий день четверо мужчин разошлись в разные стороны; каждый теперь должен был исполнить свою задачу в одиночку.

Больше они друг друга не видели.

ЧАСТЬ 1

Марокко

1

Маргарет О'Коннор любила *медину* и просто обожала *сук*¹.

Маргарет рассказывали, что слово *медина* на арабском означает «город». Однако в Рабате, как и во многих марокканских городах, этот общий термин применялся в отношении старого города, представляющего собой запутанный лабиринт извилистых улочек, большинство из которых были слишком узкими, чтобы по ним мог проехать автомобиль. Что там говорить — на многих улочках едва хватало места для двух идущих плечо к плечу человек. На самом же *сук*е — хоть там и присутствовали обширные открытые участки, окруженные многочисленными палатками и ларьками, — некоторые проходы были даже еще более узкие и своей эксцентричностью вызывали у Маргарет особенное восхищение. Улочки причудливо извивались между старинных оштукатуренных домов, стены которых от времени покрылись сетью трещин, а краска под действием жгучих солнечных лучей поблекла и отслаивалась.

Всякий раз, когда они с Ральфом приходили на *сук*, они попадали в самую гущу толпы. Поначалу Маргарет была несколько разочарована тем обстоятельством, что большинство местных жителей, вопре-

¹ Сук — в переводе с арабского означает «рынок».

ки ее ожиданиям, казалось, предпочитают западную одежду — чаще всего можно было встретить людей в джинсах и футболках — традиционной арабской джеллабе. Но потом они купили в отеле путеводитель и поняли причину.

Хотя Марокко и является мусульманским государством, только около четверти населения страны составляют арабы. Большинство же представлено берберами (более правильно было бы называть их *имазиген*¹), коренным неарабским народом Северной Африки. Берберы искони проживали на территории современного Марокко и поначалу оказывали сопротивление арабскому вторжению. Однако со временем большинство коренных жителей приняли ислам и заговорили по-арабски. В результате постепенной ассимиляции берберов арабским населением в стране возникла пестрая смесь культур, языков и стилей одежды. В Марокко широкое хождение имеют как арабский, так и берберский (его еще называют *тамазигт*) языки, а кроме них — французский, испанский и даже английский.

Маргарет О'Коннор нравились звуки, нравились запахи, нравилась царящая вокруг суматоха. Она могла даже примириться с мальчишками, которых здесь было просто несметное количество. Они шныряли взад-вперед по узким проходам, выпрашивали деньги или же предлагали свои услуги чичероне, безошибочно выискивая туристов в гудящей и галдящей толпе.

Это была первая поездка Маргарет в Марокко вместе с мужем Ральфом, который — надо это отметить — вовсе не был столь же сильно очарован страной, как его жена. Заполонившие *сук* толпы народа вызывали у него чувство клаустрофобии, а множество незнакомых запахов просто выводило из себя. Нет, ему больше по нраву были пусть тоже заграничные,

¹ Имазиген — самоназвание берберов.

но много более знакомые и родные морские курорты средиземноморского побережья Испании. На них семья О'Коннор обычно и проводила отпуск. Но в этом году Маргарет захотелось попробовать чего-нибудь новенького, вкусить экзотики. Марокко показалось удачным во всех отношениях выбором.

Хотя страна и находится на другом континенте, в Африке, перелет туда занимает ненамного больше времени, чем в ту же Испанию, а это было немало-важным фактором. Касабланку О'Конноры отвергли — все, кто там побывал, описывали ее как ничем не примечательный шумный и грязный портовый город, очень далекий от того романтического образа, что был некогда создан Голливудом. Так что они добрались дешевым авиарейсом до Касабланки, взяли напрокат машину и двинулись на север, в Рабат, где их уже ждал номер в относительно недорогом отеле.

Стоял ранний вечер — последний их вечер в Марокко, — и О'Конноры в очередной раз шли в сторону *сука*. Маргарет, как обычно, находилась в приподнятом настроении, смирившийся со своей участью Ральф покорно тащился следом.

— Ну и что конкретно ты хочешь там купить?

— Ничего. Все. Не знаю. — Маргарет остановилась и взглянула на мужа. — В твоей душе не находится места романтике? — Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос. — Послушай, завтра мы уезжаем, и я просто хотела еще разик прогуляться по *суку*, нащелкать фотографий, чтобы мы потом могли на них смотреть и вспоминать эту поездку. Ведь нам вряд ли еще удастся когда-нибудь приехать в Марокко, да?

— Мы точно больше не приедем, если придется постоянно сюда таскаться, — негромко пробурчал Ральф. Маргарет в этот момент обернулась в сторону *медины*, но все же услышала брюзжание мужа.

— На будущий год, — сказала она, — мы снова поедем отдыхать в Испанию. Хорошо? Так что пре-

кращай нить, улыбайся и хотя бы делай вид, что тебе все нравится.

Как и во все предыдущие посещения, они подходили к *медине* со стороны *касбы*¹ Удайя — просто потому, что, по мнению Маргарет, это был наиболее привлекательный и живописный маршрут. Сама *касба* была возведена на вершине крутого обрыва в двенадцатом веке. Зубчатые стены с бойницами и солидные каменные бастионы выходили некогда на пиратский город Сале. Каждый раз, оказываясь на узких улочках *касбы*, Маргарет испытывала ни с чем не сравнимое восхищение. Все дома здесь были аккуратно побелены, а вдоль стен, прямо от уровня земли и до высоты, как правило, около трех футов — хотя на некоторых домах ширина ее достигала восьми, а то и десяти футов — шла одинаковая полоса небесно-голубого цвета. И хотя, несомненно, полоса была нанесена на стены достаточно давно, строения производили удивительное впечатление только что покрашенных.

Ни Маргарет, ни ее супруг доселе никогда не сталкивались с таким удивительно привлекательным оформлением. Более того, хотя они и спрашивали разных людей, что бы могла означать небесно-голубая полоса на стенах домов *касбы*, ни у кого, казалось, не было ни малейших догадок. Все их попытки докопаться до истины вызывали лишь недоуменное выражение лиц да смущенное пожимание плечами. Создавалось впечатление, что этот элемент оформления присутствовал здесь всегда.

Из *касбы* путь четы О'Коннор лежал по широкой извилистой дороге все вниз и вниз, к *медине*. Относительно пологий спуск периодически прерывался небольшими лесенками, всего в три ступеньки, в местах, где склон становился излишне крутым. С левой

¹ Касба (от араб. «касаба», т.е. «город») — первоначально самая старая или укрепленная часть города, резиденция правителя. В архитектуре Северной Африки — цитадель в системе городских укреплений.

стороны несла свои воды река, а с правой раскинулось обширное, заросшее травой поле — сюда любили приходить люди, чтобы посидеть и полюбоваться окружающей красотой или же просто лечь и смотреть, как жизнь неспешно течет мимо.

Вход на территорию *медины* был темным и непривлекательным — отчасти из-за того, что снаружи ярко светило вечернее солнце, но преимущественно потому, что над этой частью старого города была сооружена ажурная металлическая конструкция, образующая своего рода полукруглую крышу. Геометрически правильные металлические панели, похоже, не предназначались для того, чтобы пропускать внутрь много солнечных лучей. В то же время небо сквозь них мерцало матовым светом, словно перламутровое.

Едва О'Конноры оказались в полумраке *медины*, их немедленно окатила волна уже знакомых запахов: дыма, металлической пыли, трав и специй, свежеструганого дерева. Витал в воздухе и еще один странный и назойливый запах. Маргарет не сразу его признала, но вскоре поняла, что исходит он от кожаных лавок. По мере приближения к *суку* вокруг становилось все более шумно. На фоне стука молотков ремесленников шумела и гудела многоликая толпа. Покупатели до хрипоты спорили с продавцами, и изредка то здесь, то там раздавались возбужденные или гневные крики.

Но не только людей было полно на *суке*, но еще и котов.

Когда Маргарет первый раз попала в *медину* и на *сук*, она была буквально потрясена тем, сколько же здесь отирается диких котов и кошек. Все они выглядели здоровыми и упитанными, и очень скоро Маргарет поняла причину — местные жители активно их подкармливали. Она набрела на своего рода кошачью столовую, где в огромном количестве дремали или просто лежали, развалившись, откормленные живот-

ные и где повсюду стояли миски с едой, оставленные специально для четвероногих обитателей рынка. Маргарет предположила, что торговцы весьма заинтересованы в подобном соседстве — кошки охотятся на мышей и крыс и не позволяют им бесконтрольно размножаться. Было здесь, правда, одно «но»: глядя на особенно упитанных представителей семейства кошачьих, мирно спящих на солнышке, Маргарет с трудом могла представить, когда им в последний раз приходилось охотиться, чтобы раздобыть себе пищу на ужин.

Как и всегда, от разнообразия предлагаемых товаров и услуг кружилась голова. Они проходили мимо палаток, в которых продавались фонари из черного металла, бутылки синего и зеленого стекла (при желании можно было заказать себе какую-нибудь особенную бутылку), изделия из кожи (в том числе и кожаные кресла), изысканные шкатулки из кедра, часы, ковры и одеяла, обувь. Разнообразная одежда висела на вешалках и просто на шестах, причем последние порой полностью перегораживали узкие улочки, так что прохожим приходилось прокладывать себе путь среди развевающихся тканей. Прямо из открытых мешков торговали разнообразными специями. Очень много попадалось серебряных безделушек. Маргарет каждый раз останавливалась у одной и той же палатки и, точно зачарованная, наблюдала, как мастер обрабатывает молотком тонкие листы серебра, режет их, придает соответствующую форму, паяет, и в итоге получаются чайники, кубки и прочая утварь.

И, конечно, вокруг во множестве стояли продуктовые палатки, в которых можно было купить еду на любой вкус: от банальных сэндвичей до цыпленка, приготовленного в *тажине* — традиционной марокканской глиняной посуде причудливой формы, напоминающей перевернутую воронку. Когда О'Конноры впервые проходили через *сук*, Маргарет изъясилась же-

ление отведать чего-нибудь из местного фастфуда, однако Ральф категорически предостерег ее от этой затеи.

— Ты только посмотри, как выглядят эти палатки, — объяснил он свою позицию. — Любого британского санитарного инспектора при виде их хватил бы удар. Здешние жители понятия не имеют о гигиене.

Маргарет с трудом сдержалась, чтобы не возразить мужу, что все марокканцы, кого они встречали, выглядели исключительно здоровыми, и все благодаря тому, что питаются естественной пищей, приготовленной без многочисленных красителей, ароматизаторов, консервантов и прочих химических добавок, которые, кажется, стали уже неотъемлемой частью британского стола. Поэтому по приезде в Рабат они, весьма предсказуемо, питались исключительно в ресторане отеля. Ральф, впрочем, с подозрением относился и к некоторым подаваемым там блюдам, но все же из двух зол предпочел выбрать меньшее.

Вопреки ожиданиям Маргарет, фотографировать на *суке* оказалось не так-то просто. Главная причина заключалась в явном нежелании большинства продавцов и покупателей, чтобы их фотографировали — пусть даже и иностранные туристы. А Маргарет, безусловно, хотелось запечатлеть на свой небольшой «Олимпус» как можно больше простых людей, местных жителей, чтобы потом, глядя на снимки, вспомнить о проведенных здесь днях.

Когда уже который по счету высокий марокканец отвернулся от нее, едва только Маргарет подняла фотоаппарат, она не сдержалась и раздраженно пробормотала:

— О, ради бога.

Она опустила «Олимпус» на уровень груди, так что от посторонних глаз его частично закрывала сумочка. Подтянула ремешок, перекинула его через плечо, а саму сумочку повесила спереди и придерживала ее левой рукой. Подобные предосторожности во-

все не были излишними — в здешних краях вовсю промышляли вору-карманники. Маргарет решила, что не станет выискивать в толпе конкретных персонажей, а будет просто на ходу безостановочно щелкать кнопкой на фотоаппарате. В этом и заключается великое преимущество цифровой фотографии — карта памяти имеет достаточный размер, чтобы на нее можно было записать несколько сотен снимков. Когда они вернутся домой в Кент, она просто сотрет лишние кадры. А если находящаяся в фотоаппарате карта окажется заполнена — что ж, у Маргарет была при себе запасная.

— Послушай, Ральф, — сказала она мужу, — ты пойдешь справа от меня, так чтобы фотоаппарат не было видно. Мы пройдем весь *сук* до противоположного конца. А потом, — прибавила она, — вернемся в отель и насладимся нашим последним обедом на марокканской земле.

— Отличная идея, — с облегчением произнес Ральф, обрадовавшись перспективе совсем скоро уйти с этого надоевшего *сука*.

Он перешел узенький переулок и встал, где велела жена. Затем, сопровождаемые тучей мальчишек, которые громко галдели, пытаясь привлечь к себе внимание, муж с женой медленно пошли через рыночную площадь. Маргарет, как и планировала, непрерывно нажимала кнопку на фотоаппарате.

Они прошли примерно половину пути, когда почти прямо по курсу возле одной из палаток вдруг возникла суматоха. Несколько человек, все в традиционных арабских одеяниях, возбужденно толкались и громко кричали. Хотя Маргарет могла разобрать на арабском едва ли пару слов, было ясно, что кричащие чем-то сильно разгневаны. Объектом их нападков, как заметила Маргарет, был невысокий, бедно одетый человечек, стоявший возле одной из палаток. Наседавшие на него мужчины, похоже, пытались привлечь его внимание к выставленным на продажу товарам.

Взглянув на прилавок, Маргарет с недоумением обнаружила, что здесь продаются единственно убогие глиняные таблички и такие же невыразительные черепки — хлам, который в этой стране можно в большом количестве отыскать в любом старинном поселении. Маргарет подумала, что, возможно, эти люди представляют государственную контору, а предметы на прилавке украдены из какого-нибудь археологического памятника. Но что бы ни являлось причиной конфликта, ничего более драматического О'Коннора́м прежде на *суке* видеть не доводилось.

Маргарет постаралась, не привлекая особого внимания, нацелить объектив на группу спорящих и принялась делать снимок за снимком.

— Что ты делаешь? — прошипел Ральф.

— Просто хочу запечатлеть немного местного колорита, только и всего, — ответила супруга. — Намного интереснее заснять потасовку, чем фотографировать старых пердунов, продающих медные кофейники.

— Давай пойдем отсюда! — Ральф схватил жену за рукав и потащил ее за собой. — Не доверяю я этим людям.

— Господи! Ральф, ты порой бываешь жутким занудой.

Спор, свидетелями которого они стали, тем временем угрожал перерасти в настоящую драку. Маргарет сделала еще пару снимков, развернулась и направилась к выходу с рынка. Ральф шагал с ней рядом.

Не прошли они и пятидесяти ярдов, как крики за спиной — и прежде-то громкие — переросли в пронзительные вопли, а еще через пару секунд О'Конноры услышали быстро приближающийся топот ног.

Не мешкая, Ральф схватил жену за руку и затащил в один из узких переулков, каких было много на *суке*. Только они скрылись в полумраке, как мимо по главной улице промчался тот самый невысокий, бедно одетый человечек. Спустя несколько секунд сле-

дом пронесли и ругавшиеся с ним мужчины; они на бегу выкрикивали что-то в адрес преследуемого.

— Интересно, что же он натворил, — задумчиво произнесла Маргарет, выходя из переулка.

— Да какая разница! Главное, что нас это не касается, — ответил Ральф. — Я буду чувствовать себя намного уютнее, когда мы окажемся в нашем отеле.

Они пробирались сквозь заполонившую *сук* толпу к главному входу и, проходя очередной боковой переулочек за палаткой торговца специями, вдруг снова слышали шум и гам. Прошло несколько секунд, и мимо пробежал маленький араб; он тяжело дышал и отчаянно вертел по сторонам головой в поисках укрытия. Невдалеке послышался топот ног преследователей. Они были уже совсем близко.

В тот самый момент, когда человечек поравнялся с О'Коннорами, из кармана его джеллабы выпал небольшой светло-коричневый предмет. Но до земли он не долетел, а упал прямо в раскрытый мешок, наполненный желтоватыми специями. Предмет попал практически в самый центр мешка и сразу же исчез из виду, слившись с похожими по цвету пряностями.

Человечек даже не заметил потери и продолжал улепетывать что было сил. Через пару секунд мимо протопало с полудюжины преследователей. Увидев жертву, теперь находившуюся на расстоянии всего лишь каких-то трех десятков футов, они припустили еще более резво.

Маргарет быстро скосила глаза на оброненный предмет, потом перевела взгляд на владельца палатки со специями. Тот, не отрываясь, смотрел вслед убегающим мужчинам. Не теряя времени, Маргарет наклонилась, выхватила из мешка с пряностями загадочную находку и быстро сунула в карман своей светлой куртки.

— Ради бога, что ты делаешь?

— Ральф, заткнись, — прошипела Маргарет, заметив, что торговец специями подозрительно на них ус-

тавился. Она любезно улыбнулась, взяла мужа под руку, и они направились к ближайшему выходу с *сука*.

— Послушай, это же чужая вещь, — пробормотал Ральф, когда они покинули *сук* и повернули в сторону отеля. — Не надо было ее брать.

— Да это же просто кусок глины, — возразила Маргарет, — и я сильно сомневаюсь, что он имеет какую-то цену. Да и как бы там ни было, я его вовсе не украла. Мы знаем, в какой палатке торгует этот коротышка, так что завтра я снова сюда приду и верну вещь хозяину.

— Но ты же не знаешь наверняка, какое он имеет отношение к этой палатке. Может, он случайно там оказался. Не надо было ввязываться в эту историю.

— Я ни во что не ввязываюсь, как ты это пытаешься представить. Не подняла бы я, поднял кто-то другой — и тогда как бы мы убедились, что эта штука вернулась к своему законному владельцу? Я обещаю, что приду сюда завтра. А потом нам уже не придется больше об этом вспоминать.

2

В конце концов преследователи настигли беглеца. Случилось это в чистом поле между городской стеной Рабата и древним некрополем Челлах. Последний в наше время приобрел большую популярность среди туристов, облюбовавших сооружение для устройства пикников. Однако к вечеру встретить здесь людей было весьма проблематично. Человечек попробовал зайти среди диких цветов, которыми обильно заросло поле, но удача от него отвернулась. Один из преследователей успел заметить, где именно беглец бросился на землю, и буквально через считанные секунды несчастного схватили и грубо швырнули на большой валун.

Мужчины сгрудились вокруг пленника, а потом вперед выступил худой высокий человек с крючкова-

тым носом. В детстве с ним приключился паралич Белла. Его не вылечили, и теперь правая сторона лица была неподвижна. Кроме того, из-за этой болезни он перестал видеть правым глазом. На его месте красовалось молочно-белое бельмо, которое диссонировало с очень смуглой кожей.

— Где она, Хасан? — спросил он очень тихо и спокойно.

Пленник только покачал головой и немедленно получил от одного из держащих его мужчин мощный удар в живот. Он нагнулся, отчаянно хватая ртом воздух; казалось, его сейчас вырвет.

— Спрашиваю тебя еще раз. Где она?

— У меня в кармане, — пробормотал Хасан аль-Калай.

Повинуясь жесту высокого главаря, двое стражей позволили пленнику залезть в один карман, потом в другой. Усталость на его лице постепенно стала уступать место отчаянию. Человечек понял наконец, что схваченный в момент бегства предмет пропал. Потерялся.

— Я, должно быть, выронил ее, — запинаясь, промолвил Хасан, — где-то на *сук*.

Высокий бесстрастно на него уставился.

— Обыщите его, — приказал он своим людям.

Один из них пригвоздил несчастного к камню, словно гигантское насекомое, в то время как второй сноровисто обыскал пленника.

— Ничего, — доложил он.

— Вы, четверо, — бросил высокий, — давайте быстро на *сук* и внимательно там все обыщите. Пройдите обратно маршрутом, которым мы бежали, и опросите торговцев.

Мужчины послушно кивнули и бегом направились к входу на *сук*.

— А теперь послушай меня, Хасан, — сказал высокий и наклонился к пленнику. — Возможно, ты и обронил ее, возможно, передал кому-то — это не име-

ет особого значения. Рано или поздно, но она где-нибудь да всплывет. И тогда я верну ее себе. — Мужчины помолчали, внимательно поглядывая на обездвиженную жертву. Потом склонился еще ниже. — Знаешь, кто я такой? — спросил он свистящим шепотом.

Человечек покачал головой. Он как зачарованный не спускал глаз, в которых плескался неприкрытый страх, с обезображенного лица и немигающего, невидящего глаза высокого человека.

— Тогда я тебе скажу. — Высокий прошептал несколько слов прямо в ухо пленнику.

Тот весь затрясся, замотал головой, лицо его искал животный ужас.

— Нет! Нет! — закричал человечек, яростно пытаюсь освободиться. — Там была только глиняная дощечка. Я заплачу вам! Все, что угодно...

— Деньги тут совсем ни при чем, дурень. И глиняная дощечка — это далеко не все. Ты даже не представляешь, не можешь себе представить, *что* ты держал в руках.

Высокий махнул рукой, и один из его клевретов грубо разорвал одежду на груди пленника, обнажив плоть, потом засунул ему в рот кусок материи и завязал концы получившегося кляпа на затылке. Бедолага отчаянно выкручивался, вертелся, но все безуспешно — сильные руки намертво пригвоздили его к камню.

Вот ему удалось немыслимым образом извернуться, он наудачу лягнул ногой — единственное, что он еще мог сделать, — и попал, пусть и несильно, по бедру высокому.

— Ах так, — прошипел разгневанный главарь. — За это тебе придется помучиться дольше.

С этими словами он извлек из запятанных в недрах джеллабы ножен жуткого вида кинжал с изогнутым обоюдоострым лезвием. Потом высокий аккуратно закатал правый рукав выше локтя, чтобы не за-

пачкать одежду кровью жертвы, и подошел ближе. Кончик кинжала он приставил к обнаженной груди пленника, осторожно нащупал пространство между ребрами и начал медленно надавливать на рукоять своего смертоносного оружия. Когда клинок проткнул кожу, человек закричал от боли, но самодельный кляп приглушил звук, и наружу прорвалось лишь приглушенное мычание.

Высокий нажал сильнее, и внезапно из раны потоком хлынула кровь, моментально окрасив в ярко-красный цвет джеллабу несчастного. Высокий продолжал медленно вгонять кинжал все глубже в плоть жертвы, при этом он не отрывал немигающего взора от лица умирающего. Когда ему показалось, что кончик лезвия вот-вот пронзит сердце, он на несколько секунд ослабил давление, перехватил оружие поудобнее, а затем резким движением вогнал кинжал почти по самую рукоять в тело пленника и провернул его несколько раз, так что сердце практически развалилось пополам.

— Хотите, чтобы мы его закопали? Или просто бросить где-нибудь? — спросил один из подручных, когда тело маленького араба кулем рухнуло на землю.

Высокой отрицательно покачал головой.

— Не надо. Просто оттащите вон туда, — приказал он и кивнул в сторону достаточно густого подлеска. Потом нагнулся и вытер кровь с кинжала об одежду убитого. — Завтра или же послезавтра его там найдут. И распространите слух, — продолжил высокий, когда, покончив с делом, он и его прислужники направились обратно на *сук*. — Убедитесь, что все и каждый знают: Хасан эль-Калай поплатился жизнью за то, что он сделал. Пусть до сознания каждого дойдет — если он обратится в полицию, его ожидает та же участь. И объявите награду тому, кто вернет досщечку. Мы *должны* ее найти во что бы то ни стало.

3

На следующее утро в самом начале одиннадцатого Маргарет вышла из отеля и направилась на *сук*. Глиняная дощечка покоилась в ее сумочке. Накануне вечером она внимательно изучила неожиданную находку и сделала несколько снимков.

Дощечка на вид казалась совершенно невыразительной. Примерно пяти дюймов в длину, трех в ширину и с полдюйма толщиной, серо-коричневого, точнее сказать, бежевого цвета. Боковины и одна из плоскостей были мягкими и девственно-чистыми. Лицевую сторону дощечки покрывали непонятные значки. Маргарет предположила, что это род письма, однако ничего похожего ей прежде встречать не доводилось. Это определенно не был ни один из европейских языков; впрочем, не походили значки и на слова и буквы арабского алфавита, которые Маргарет постоянно видела в Рабате на вывесках и в местных газетах.

В обмен на обещание жены, что она только отыщет палатку, вернет дощечку ее законному владельцу и сразу же вернется в отель, Ральф согласился не ходить с ней и остался в номере.

Но все оказалось не так-то просто. Когда Маргарет, пробравшись по извилистым переулкам *сука*, вышла наконец к палатке давешнего торговца, она остановилась в недоумении. В палатке не было ни маленького араба, ни коллекции древностей, хотя еще вчера Маргарет видела их собственными глазами. Сегодня же там стояло что-то вроде козел, поверх них лежала доска, а на ней были разложены обычные сувениры для любопытствующих туристов: медные кофейники, металлические шкатулки и прочие безделушки. Торговали этим добром двое мужчин, которых Маргарет прежде никогда не встречала.

Несколько секунд она простояла в нерешительности, затем наконец шагнула вперед и заговорила с продавцами.

— Вы понимаете по-английски? — медленно, отчетливо выговаривая слова, задала вопрос Маргарет.

Один из мужчин кивнул.

— Вчера здесь была другая палатка, — продолжила она так же неторопливо, — и торговал в ней такой невысокий человек. — Она показала рукой примерный рост давешнего марокканца. — Я хотела у него кое-что купить.

Несколько секунд мужчины молча смотрели на Маргарет. Потом быстро обменялись несколькими фразами на арабском, и тот, который понимал по-английски, взглянул на женщину и сказал:

— Он сегодня отсутствовать. Вы купить у нас сувениры, да?

— Нет. Нет, спасибо. — Маргарет твердо покачала головой. Что ж, она честно попыталась вернуть пропажу хозяину, думала она по дороге обратно в отель. Она же не виновата, что этого торговца сегодня нет на *суке*, а стало быть, и вернуть ему глиняную дощечку нет никакой возможности. Значит, она возьмет ее домой, в Кент, в качестве необычного сувенира на память о первом семейном отпуске за пределами Европы. Да, от этой поездки останется немало воспоминаний.

Погрузившись в размышления, Маргарет не заметила, как один из торговцев сувенирами вытащил из кармана мобильный телефон и нажал несколько кнопок.

* * *

Перед тем как вернуться в отель, Маргарет решила немного побродить вокруг. Ральф вряд ли согласится еще раз поехать на отдых в Марокко — очень уж ему не понравилась нынешняя поездка, — так что сейчас ей предоставляется последняя возможность ос-

мотреть достопримечательности и сделать на прощание несколько снимков.

Маргарет прошла через весь *сук*, останавливаясь здесь и там, чтобы сделать понравившийся кадр, и наконец через ворота выбралась в город. Она вспомнила, что так и не смогла уговорить мужа посетить Челлах. Возможно, сейчас для посещения древнего некрополя времени недостаточно, но уж прогуляться через сады она просто обязана.

Только Маргарет направилась к старинному сооружению, как вдруг увидела впереди группу из нескольких полицейских и людей в штатском. Они стояли полукругом и на что-то смотрели. Несколько мгновений она колебалась: может, бросить все и отправиться напрямиком в отель?

Однако затем Маргарет подумала: что бы там ни произошло, что бы ни привлекло внимание этих людей, ее это никоим образом не касается. И она решительно зашагала вперед. Любопытство всегда относилось к числу ее достоинств (или недостатков, если прислушиваться к мнению Ральфа), поэтому, проходя мимо, Маргарет не могла не посмотреть, что же так заинтересовало полицейских. И не только их.

Поначалу она не увидела ничего, кроме спин, но вот двое из стоящих отступили чуть в сторону, и Маргарет поняла, что же все они с таким интересом разглядывают. Рядом с большим валуном на земле лежал худощавый человек. Его джеллаба спереди вся пропиталась кровью. Зрелище было само по себе пугающим, но Маргарет оказалась потрясена вдвойне, ибо она моментально узнала покойника. От изумления она сама не заметила, как замерла на месте.

Ей сразу же стало ясно, почему маленького арабского торговца сегодня не оказалось на *сук*. Следующая мысль, которая пришла в голову Маргарет, была более тревожной: очевидно, глиняная дощечка, что лежала сейчас в ее сумке — та самая, которую выронил накануне, пробегая мимо нее, торговец, — имеет

гораздо бóльшую ценность и значение, чем можно было бы предположить.

Один из полицейских, заметив, что Маргарет стоит с широко открытым ртом и не спускает глаз с расprostертого на земле мертвого тела, раздраженно помахал рукой — дескать, проходите, нечего здесь делать!

Она повернулась и, погрузившись в нелегкие раздумья, побрела в сторону *сука*. Маргарет решила отказаться от первоначального плана просто пронести глиняную дощечку в самолет в дамской сумочке. С учетом сложившихся обстоятельств необходимо будет придумать, как вывезти вещицу из Марокко так, чтобы ее не обнаружили.

И Маргарет поняла, что есть один простой и очевидный способ.

4

— А я ничуть не сожалею, что мы уезжаем, — заявил Ральф О'Коннор, выводя взятый напрокат «Рено Меган» на шоссе, ведущее в Касабланку. Там им предстояло сесть на самолет до Лондона.

— Не сомневаюсь, — холодно произнесла Маргарет. — Ты недвусмысленно дал понять, что Марокко — последнее место, в которое ты бы хотел вернуться. Насколько я понимаю, на будущий год ты желаешь снова поехать в Бенидорм или Марбелью?

— Ну, по крайней мере, в Испании я чувствую себя как дома, а эта страна... она слишком *чужая*. Мне это не нравится. Да, и я по-прежнему считаю, что ты должна выбросить этот чертов камень.

— Послушай, при тех обстоятельствах это было лучшее, что я могла сделать. И все — хватит. Я больше не желаю это обсуждать.

Несколько минут они ехали в полной тишине. Маргарет не рассказала мужу, что ей довелось увидеть утром возле Челлаха. Однако перед самым отъез-

дом из отеля она отправила дочери по электронной почте коротенькое письмо, в котором сообщила о произошедшем.

По мере удаления от Рабата машин на дороге становилось все меньше, а когда они отъехали миль на пять, шоссе оказалось практически в их единоличном распоряжении. Лишь позади на некотором отдалении виднелся большой темный внедорожник. Встречные машины также попадались очень редко.

Когда шоссе, повернув, пошло совсем рядом с побережьем Атлантического океана, водитель позади идущего автомобиля прибавил газу. Ральф О'Коннор, будучи очень аккуратным водителем, теперь смотрел не только на дорогу, но и на джип, который с каждой секундой приближался к «Рено».

Навстречу показался старый седан «Пежо» белого цвета. Ральф чуть отпустил педаль газа, позволяя водителю внедорожника совершить обгон до того, как с ними поравняется «Пежо».

— Почему ты притормозил? — спросила Маргарет.

— Нас сзади догоняет — и с немаленькой скоростью — джип, а впереди довольно крутой поворот. Желательно, чтобы он обогнал нас до него.

Однако, похоже, водитель джипа не собирался идти на обгон. Он пристроился футах в двадцати от заднего бампера «Рено» и вел теперь машину с той же скоростью, что и Ральф.

Все дальнейшее произошло в считанные секунды. Они как раз приближались к тому месту, где шоссе поворачивало влево, как вдруг «Пежо» резко вырулил на встречную полосу и двинулся прямо на них. Ральф сильно ударил по тормозам и одновременно посмотрел налево. Огромный джип — это был «Тойота Лэндкрузер» с тонированными стеклами и массивной решеткой на переднем бампере — оказался совсем рядом.

Однако водитель «Тойоты» по-прежнему не проявлял намерения совершить обгон, а просто вел машину параллельно «Рено». Ральф еще сбавил скорость, перед тем как войти в поворот. И в этот момент водитель джипа повернул руль вправо, так что боковая часть решетки с силой ударилась в капот «Мегана». Послышался громкий скрежет, и Ральф почувствовал, как машина накренилась на правый бок.

— Господи! — воскликнул он и ударил по тормозам.

Протестующе взвизгнули и задымились покрышки, оставляя на гудроне шоссе два параллельных черных следа. «Рено» швырнуло вправо.

Как Ральф ни пытался удержать машину на дороге, сила удара двухтонного внедорожника, помноженная на скорость «Рено», была более чем достаточна, чтобы более легкий автомобиль вынесло на обочину.

— Ральф! — закричала Маргарет, увидев, что машина летит прямо к начинающемуся справа крутому обрыву.

Джип во второй раз ударил «Рено». От толчка у Ральфа сработала подушка безопасности, так что руки его слетели с рулевого колеса. Теперь он уже ничего не мог сделать, и машина врезалась в окаймляющий шоссе невысокий барьер, сложенный из скрепленных раствором камней.

Маргарет завизжала от ужаса, когда левые колеса «Рено» оказались в воздухе. Машина перемахнула через бордюрик, развернулась на лету и понеслась, подпрыгивая на кочках, вниз по чуть ли не вертикальному обрыву, на дне которого, футы в тридцати от дороги, лежало русло пересохшей реки.

Когда машина слетела с шоссе, монотонное урчание двигателя моментально сменилось грохотом, скрежетом и сильным стуком.

Мир перед глазами Маргарет завертелся, она снова громко заорала. Ужас проник в каждую клеточку тела, и страшнее всего было осознание полной беспо-

мощности, невозможности повлиять на происходящее. Ральф по-прежнему отчаянно давил на педаль тормоза, руки его снова инстинктивно вцепились в руль — но все было без толку.

Внезапно машина с силой обо что-то ударилась, от сильного толчка и грохота Ральф и Маргарет на мгновение потеряли ориентацию. Ремни безопасности натянулись, но все же удержали их на месте. Разлетелось вдребезги лобовое стекло, приборная панель выгнулась причудливой дугой. Развернулись оставшиеся подушки безопасности, но было уже поздно.

Маргарет протянула руку, пытаясь дотронуться до Ральфа, но машину так трясло, что попытка эта не увенчалась успехом. Она уже открыла рот, собираясь снова закричать, как внезапно ужасное падение вниз по склону завершилось. Маргарет почувствовала сильный удар по голове, сознание затопила волна чудовищной боли, а затем все вокруг погрузилось во тьму.

Тем временем на шоссе «Тойота» и «Пежо» остановились, открылись передние дверцы. Водители подошли к краю обрыва и посмотрели вниз, на *вади*.

Мужчина, сидевший за рулем «Лэндкрузера», удовлетворенно кивнул, натянул резиновые перчатки и почти бегом спустился по склону к неподвижно застывшему разбитому «Рено». Багажник от удара раскрылся, и вещи англичан были раскиданы в радиусе нескольких метров. Мужчина поочередно открывал чемоданы и изучал их содержимое. Затем он подошел к машине со стороны пассажирского сиденья, опустился на колени и вытащил из салона сумочку Маргарет О'Коннор. Покопавшись внутри, он извлек небольшой цифровой фотоаппарат, сунул его в карман, а затем продолжил поиски. Вот его пальцы сомкнулись на маленькой пластмассовой коробочке, в которой оказались карта памяти большого объема, а так-

же кард-ридер с USB-проводом. Находка отправилась в карман следом за фотоаппаратом.

Но должно было быть кое-что еще, чего мужчина пока не обнаружил. С нарастающим раздражением он снова тщательно обшарил чемоданы, потом сумочку Маргарет и наконец, сморщив от отвращения нос, порылся в карманах одежды мертвой супружеской пары. Крышку бардачка от удара заклинило, но мужчина извлек из кармана пружинный нож и, поковырявшись несколько секунд, открыл замок. Внутри ничего не оказалось.

Мужчина яростно захлопнул бардачок, пнул от досады машину и полез обратно на шоссе.

Там он быстро переговорил со своим товарищем, после чего набрал номер на мобильном телефоне. Снова спустившись по склону, он почти бегом направился к разбитой машине, вытащил сумочку Маргарет, еще раз внимательно покопался в содержимом и извлек на свет божий водительские права. Сумочку он швырнул обратно в салон и через несколько секунд вновь оказался на шоссе.

Спустя три минуты «Тойота» исчезла вдаль, направляясь в сторону столицы. Белый «Пежо» остался на обочине прямо над искореженным «Рено» с двумя трупами. Водитель стоял, небрежно привалившись к дверце, и набирал на мобильном телефоне номер «Скорой помощи».

5

— Так с каким заданием вы меня направляете? — не скрывая раздражения, поинтересовался Крис Бронсон. Едва он прибыл с утра на службу в полицейский участок Мейдстона, как его немедленно вызвали в кабинет к начальнику. — И почему вы хотите, чтобы поехал именно я? С подобной задачей вполне бы справился рядовой инспектор.

Старший инспектор Реджинальд «Дикки» Бёрд вздохнул:

— Понимаешь, здесь дело не только в должности. Есть и другие причины. К нам обратились только потому, что семья погибшей супружеской пары проживает в Кенте. Тебя же я выбрал по той простой причине, что ты, в отличие от всех остальных инспекторов, говоришь по-французски.

— Я говорю по-итальянски, — заметил Бронсон, — а по-французски хоть и могу объясняться, но недостаточно бегло. И потом, вы же сами сказали, что марокканцы собираются предоставить переводчика?

— Это так, но мы же с тобой прекрасно понимаем, что некоторые смысловые нюансы при переводе теряются. Я хочу, чтобы туда отправился человек, который будет понимать, что они говорят в действительности, а не то, как их слова интерпретирует какой-то переводчик. Все, что от тебя требуется, это убедиться, что они рассказывают все в точности как было, а по возвращении написать подробный отчет.

— Почему вы считаете, что они расскажут *не* все?

Бёрд прикрыл глаза.

— Я так не считаю. По моему мнению, этот идиот водитель просто перепутал, по какой стороне дороги ему нужно ехать, вот и поплатился за невнимательность. Сколько уже было таких случаев с англичанами за границей. Но я хочу, чтобы ты лично в этом удостоверился. Или же обнаружил, что есть иная причина — возможно, были какие-то неполадки в арендованной машине: скажем, неисправные тормоза или рулевой механизм? А может быть, в инциденте замешана другая машина и марокканские власти скрывают этот факт?

Семья погибших — собственно, это дочь со своим мужем — живет в Кентербери. Им первым сообщили о несчастном случае, сегодня утром. Как я понял из доклада местной полиции, они собираются лететь в

Касабланку, чтобы организовать доставку тел на родину. Я бы хотел, чтобы ты оказался на месте прежде их и провел там небольшое расследование. И если к твоему возвращению они еще не улетят в Марокко, будет хорошо, если ты съездишь к ним — просто чтобы ответить на вопросы, которые у них могут возникнуть. Я знаю, это дерьмовая работенка, но...

— Да я понимаю, что кто-то должен это сделать. — Бронсон посмотрел на часы, потом поднялся и провел рукой по непослушным волосам. — Хорошо, я еду собирать свой воскресный чемодан. И еще мне нужно будет сделать несколько телефонных звонков.

На самом деле Бронсону необходимо было сделать лишь один звонок. Вечером следующего дня он собирался пригласить поужинать бывшую жену Анджелу. Встречу эту уже дважды приходилось откладывать — всему виной была его работа, — и вот теперь она снова переносится на неопределенный срок.

Бёрд пододвинул к Бронсону прозрачный файл.

— Здесь билет до Касабланки, потому что до Рабата свободных мест нет. Летишь экономклассом. — Он несколько секунд помолчал. — Впрочем, ты всегда можешь поулыбаться девушке на регистрации — возможно, она переведет тебя в бизнес-класс.

6

— Это она? — спросил, глядя на изображение на экране ноутбука, Дэвид Филипс. Они с женой сидели рядышком в своей спальне (она же кабинет) в скромном особнячке в Кентербери.

Кирсти кивнула. Глаза ее были красными от долгих рыданий, а на гладких щеках остались дорожки засохших слез.

— Выглядит так себе. Ты уверена, что это именно та вещь, которую подобрала твоя мать?

Жена снова кивнула и подала наконец голос:

— Это та самая вещь, которую она нашла на *сукке*. Она сказала, что ее обронил тот мужчина.

— По мне, так это выглядит как никому не нужный хлам.

— Послушай, Дэвид, мне известно только то, что сообщила мама. Эта вещь выпала из кармана мужчины, когда он пробегал мимо них с отцом.

Филипс наклонился к экрану и некоторое время сидел в раздумье. Потом нашел чистый компакт-диск, вставил его в CD-ROM и пару раз щелкнул по тачпаду.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Кирсти.

— Есть простой способ узнать, что представляет собой эта дощечка, — объяснил Филипс. — Я покажу фотографию Ричарду и расскажу, что произошло в Марокко. Он может написать об этом целую историю и провести для нас небольшое расследование.

— Дэвид, ты уверен, что это хорошая мысль? Нам завтра утром лететь в Рабат, а у меня еще ничего не собрано.

— Я позвоню Ричарду тотчас же, — настаивал Дэвид. — Отнести диск ему в офис — дело десяти минут. По дороге прихватчу чего-нибудь к ленчу, а ты пока что начинай собирать вещи, которые понадобятся в Марокко. К утру мы будем готовы. Нам ведь предстоит там провести каких-то пару дней — думаю, вполне достаточно будет пары небольших чемоданов.

Кирсти промокнула глаза бумажным носовым платком, а муж нежно ее обнял и тихо проговорил:

— Любимая, послушай, я буду отсутствовать минут двадцать. Потом мы перекусим и начнем собираться. Завтра мы будем в Рабате и разберемся там со всеми делами. И подумай все же — я буду рад отправиться туда один, если ты предпочтешь остаться дома. Я понимаю, как тебе должно быть тяжело.

— Нет. — Кирсти покачала головой. — Не хочу оставаться здесь одна. И в Марокко ехать я тоже не хочу, но понимаю, что должна. — Она замолчала, и

глаза ее снова наполнились слезами. — Просто не могу поверить, что их больше нет, что я их никогда больше не увижу. Мама, похоже, была так счастлива, когда писала мне по имейлу, ее действительно взволновала та находка. А потом вдруг это несчастье... Почему же все пошло не так? Почему это случилось так быстро?

7

— Я бы хотел, если это возможно, увидеть машину, а также место, где произошла авария, — тщательно выговаривая каждое слово, сказал по-английски Бронсон.

Он сидел за столом и смотрел на двух расположившихся напротив мужчин. Пока предоставленный полицией переводчик переводил его просьбу на французский, Бронсон откинулся на стуле.

Стул в небольшой комнате для переговоров полицейского участка в Рабате был очень неудобный — жесткий и с вертикальной спинкой. Бронсон прибыл в марокканскую столицу на взятой напрокат в аэропорту Касабланки машине примерно час назад. Сразу по приезде он заселился в отель, после чего направился напрямик в участок. Располагался он в квадратном, покрашенном в белый цвет здании, которое отличалось от соседних лишь наличием большой парковки для полицейских машин во дворе и украшающими фасад вывесками на арабском и французском языках.

Столица Марокко оказалась меньше, чем ожидал Бронсон. Здесь было много прекрасных скверов и открытых незастроенных пространств, дороги были довольно широкие, на бульварах росли величественные пальмы. Город в целом производил впечатление утонченно-аристократического и, кроме того, космополитического. На самом деле он даже казался более европейским, нежели марокканским. А еще здесь было

жарко. Сухой и пыльный воздух накатывал горячими волнами, принося с собой непривычные для европейца запахи Африки.

Бронсон рассудил так: если старший инспектор Бёрд прав и марокканская полиция пытается скрыть некие факты, связанные с дорожным инцидентом, проще всего притвориться, будто он совершенно не понимает по-французски, и внимательно слушать, что же будут говорить полицейские.

Пока что план Бронсона работал превосходно, если не считать того, что местные стражи порядка отвечали на все его вопросы совершенно открыто и не пытались схитрить. И, насколько он мог судить, перевод также был исключительно корректным. Кроме того, Бронсон был доволен тем обстоятельством, что все служители закона, с кем ему уже довелось пообщаться, говорили по-французски. Дело в том, что основным языком в Марокко является все же арабский, французский считается вторым. Если бы полицейские начали говорить на арабском, плану Бронсона не суждено было сработать с самого начала.

— Мы ожидали такой просьбы, сержант Бронсон, — ответил через переводчика Джалал Талабани, старший офицер полиции. Бронсон прикинул, что эта должность соответствует инспектору в британской полиции. Талабани был около шести футов роста, стройный, с загорелой кожей, черными волосами и карими глазами и одет в безукоризненный темный костюм западного покроя. — Машину мы переправили в один из наших гаражей, здесь, в Рабате. А на место происшествия можем отправиться, когда только пожелаете.

— Благодарю вас. Мы бы могли прямо сейчас осмотреть машину?

— Как вам будет угодно.

Талабани поднялся и взмахом руки отпустил переводчика, а когда тот вышел из комнаты, сказал:

— Думаю, сейчас мы сможем обойтись без его услуг.

По-английски он говорил довольно уверенно, с легким американским акцентом.

— *Ou, si vous voulez, nous pouvons continuer en français*¹, — прибавил, улыбнувшись, марокканец. — Мне кажется, сержант Бронсон, что вы весьма неплохо владеете этим языком.

Было очевидно, что Джалала Талабани не проведешь.

— Да, я действительно немного говорю на французском, — признал Бронсон. — Именно поэтому меня сюда и направили.

— Я догадался. Я заметил, что вы, похоже, улавливали суть сказанного еще до того, как слышали перевод. Как правило, нетрудно догадаться, если кто-то понимает язык, даже если на самом деле на нем и не говорит. Ну да ладно, предлагаю все же беседовать на английском.

Пять минут спустя Бронсон и Талабани уже сидели на заднем сиденье патрульной машины, которая на приличной скорости с включенными сине-красными мигалками и сиреной неслась по полупустым улицам марокканской столицы. По мнению Бронсона, привыкшего на родине к несколько более скромному способу передвижения, подобные меры были излишними. В конце-то концов они всего лишь едут в гараж осмотреть автомобиль, угодивший в аварию, пусть и повлекшую гибель людей. Вряд ли это такое срочное дело, чтобы расчищать путь сиреной.

— Вроде бы нет особых оснований для спешки, — заметил, улыбаясь, Бронсон.

Талибани обернулся к нему:

— Ну, вам-то, может, и некуда спешить. У нас же в самом разгаре расследование дела об убийстве, и у меня дел невпроворот.

¹ Или, если угодно, мы можем продолжать по-французски (фр.).

Бронсон подобрался и заинтересованно спросил:

— А что случилось?

— В садах близ Челлаха — это древний некрополь, расположенный сразу же за городской стеной, — парочка туристов обнаружила труп с колотой ножевой раной в груди, — рассказал Талабани. — Мы пока не нашли свидетелей. Не все ясно также с мотивом, хотя наиболее очевидным является ограбление. Все, что мы имеем на сегодняшний момент, это собственно труп, и все. Нам неизвестно даже имя убитого. Шеф давит на меня изо всех сил, чтобы я как можно быстрее раскрыл это дело. Туристы, — прибавил он, в то время как машина свернула с дороги направо к гаражу, а сирена последний раз взвыла и умолкла, — обычно неохотно едут в города, где случаются нераскрытые убийства.

С краю потрескавшейся бетонной парковочной площадки стоял «Рено Меган». Правда, определить, что это именно интересующий его автомобиль, Бронсон смог, лишь когда заметил краешек таблички, прикрепленной к тому, что осталось от багажника. Крыша «Мегана» от страшного удара прогнулась практически до уровня капота. Одного взгляда на машину было достаточно, чтобы понять: в этой аварии выжить не мог никто.

— Как я уже говорил, автомобиль на слишком большой скорости вошел в поворот на шоссе в нескольких километрах от Рабата, — объяснил Талабани. — Он не удержался на дороге, снес ограждение из камней и полетел с обрыва. А высоты там около тридцати футов. В итоге машина приземлилась в русло пересохшей речки, несколько раз перевернулась и осталась лежать на крыше. И водитель, и его спутница погибли мгновенно.

Бронсон заглянул внутрь искореженного «Мегана». Все стекла были выбиты, рулевое колесо изогнулось под немыслимым углом. Частично сдувшиеся подушки безопасности мешали как следует изучить

салон, поэтому Бронсон отодвинул их в сторону и просунул голову. Многочисленные кровавые пятна на передних сиденьях и на потолке красноречиво говорили о том, что произошло. Обе передние двери были оторваны — очевидно, это постарались спасатели, когда доставали из машины тела погибших, — и брошены на заднее сиденье. Коротко говоря, внутри «Рено» царил настоящий хаос.

Талабани заглянул в машину с противоположной стороны.

— Они совершенно точно были мертвы задолго до приезда «Скорой», — сказал он, — тем не менее тела доставили в местную больницу. Они все еще находятся там, в морге. Вы знаете, кто будет заниматься возвращением их на родину?

Бронсон кивнул.

— Насколько мне известно, дочь О'Конноров с мужем вскоре прилетят сюда и займутся всеми делами совместно с британским посольством. А что с вещами погибших?

— В номере в гостинице мы ничего не обнаружили — они уже выписались. На месте происшествия мы нашли два чемодана и небольшую дорожную сумку. От удара багажник раскрылся, так что вещи отлетели довольно далеко. Замки открылись, и содержимое рассыпалось на значительной площади, однако мы подобрали все, что смогли. В самой машине также обнаружили дамскую сумочку. Она оказалась почти неповрежденной, но была вся заляпана кровью — как мы предполагаем, это кровь миссис О'Коннор. Все вещи хранятся, как положено, в полицейском участке, пока родственники не примут решение, что с ними делать: заберут ли, или распорядятся уничтожить. Если вам будет угодно, можете все осмотреть. Мы уже составили для вас полную опись.

— Да, спасибо, я займусь этим. Скажите, среди вещей погибших вы обнаружили что-нибудь важное?

Талабани покачал головой:

— Ничего такого, чего не было бы в багаже средне-статистической супружеской пары средних лет, отправившейся на недельный отдых. В основном одежда, туалетные принадлежности, косметика. Также парочка романов и довольно большой запас лекарств, необходимых в дороге, преимущественно нераспакованных. Мы, конечно, осмотрели карманы одежды, которая была на них надета, и сумочку женщины. Обнаружили паспорта, документы на арендованную машину, обратные билеты на самолет, международные водительские права на имя мистера О'Коннора, а также набор кредитных карт и деньги. А вы предполагали, там будет что-то еще?

— Нет. На самом деле, нет.

Бронсон вздохнул — он не сомневался в том, что напрасно теряет время. Пока что чем больше он слышал и видел, тем больше убеждался, что Ральф О'Коннор оказался, на свою беду, не самым опытным водителем; он потерял контроль над незнакомой машиной на незнакомой дороге, что и привело к трагедии. Бронсону не терпелось как можно скорее вернуться в Лондон и попытаться еще раз договориться об ужине с Анджелой. В последнее время они стали периодически проводить время вместе, и Бронсон лелеял надежду, что, возможно, им удастся склеить разбитое, что судьба дает им еще один шанс. Правда, он далеко не был уверен, что бывшая супруга придерживается такого же мнения.

Он выпрямился и сказал:

— Благодарю вас, Джалал. Теперь я бы хотел, если возможно, взглянуть на вещи О'Конноров, а также на место аварии. А потом я оставляю вас в покое.

8

Бронсон стоял над обрывом на обочине дороги в десятке миль от Рабата.

С ярко-синего неба без единого облачка ослепительно светило солнце. Воздух был неподвижным и

будто вязким. Жара казалась совершенно непереносимой, особенно после приятной прохлады кондиционера в полицейской машине, что стояла сейчас метрах в двадцати дальше по дороге. Бронсон скинул куртку, но толку от этого было чуть — он уже чувствовал, как под рубашкой по спине и груди бегут ручейки пота. Ощущения были непривычными и малоприятными. Он решил, что не задержится здесь и на минуту дольше, чем будет действительно необходимо.

«Как, должно быть, печально встретить свою судьбу в таком унылом месте», — размышлял Бронсон, оглядываясь по сторонам. Полоса гудронки стрелой протянулась вдоль русла пересохшей реки — *вади* в обоих направлениях от злополучного поворота. Вдаль от дороги простиралась, вздымаясь неровными волнами, усеянная камнями пустынная местность, лишенная какой бы то ни было растительности. Лишь кое-где торчали чахлые, невысокие кустики. Внизу в узкой расселине извивалось русло пересохшей реки. Казалось, оно уже десятилетия не знало ни капли влаги.

Бронсон был раздражен, он изнывал от жары, но все же чувствовал: что-то здесь не так. Несмотря на то что поворот действительно был весьма крутым, для опытного и здравомыслящего водителя он не мог представлять серьезной проблемы. Шоссе хорошо просматривалось в обе стороны, так что всякий водитель, приближаясь к изгибу дороги, должен был бы прекрасно его видеть и, соответственно, заранее приготовиться совершить поворот. Тем не менее отчетливо различимые на ровном гудронном покрытии две параллельные линии тормозного следа, оканчивающиеся у обочины в том месте, где «Рено» слетел с обрыва, явно говорили, что Ральф О'Коннор по какой-то причине повернуть вовремя не сумел.

Внизу, в пересохшем русле, где «Меган» наконец закончил падение, картина представлялась вполне

очевидной. Вокруг пятна грязного песка валялись в беспорядке различные части того, что некогда было автомобилем марки «Рено»: стекло, пластик, искореженные куски металла и вырванные с мясом элементы внутренней обшивки.

Если отрешиться от того обстоятельства, что разбитая машина оказалась в тридцати футах ниже дороги, в пересохшем русле, картина аварии ничем не отличалась от других, ей подобных. Сколько их довелось повидать Бронсону за годы службы в полиции! Печальное напоминание о том, что секундная невнимательность может превратить первоклассный автомобиль в искореженную грудку металлолома. Однако что-то, какая-то деталь на месте происшествия не давала Бронсону покоя.

Он нагнулся и внимательно пригляделся к ограждению дороги, сложенному из небрежно скрепленных цементным раствором камней. По словам Талабани, машина О'Конноров протаранила невысокий бордюр, а затем слетела с обрыва. Взятый напрокат «Рено Меган» был серебристо-серого цвета, и сейчас Бронсон хорошо видел мельчайшие чешуйки серой краски на камнях ограждения. Два камня выпали со своих мест, очевидно, как раз в тот момент, когда машину вынесло с шоссе к обрыву.

Все, казалось бы, было ясно и понятно. Но почему же произошла трагедия? Может, Ральф О'Коннор был нетрезв? Или он уснул за рулем? Снова осмотрев дорогу в обоих направлениях, Бронсон удостоверился: да, поворот был достаточно крутой, но не *на* столько крутой.

— Вы рассказали мне, что, по-вашему, здесь случилось, — обратился он к Талабани, но марокканский полицейский прервал Бронсона.

— Не совсем так, сержант Бронсон. Мы *точно* знаем, как все произошло. Есть свидетель.

— Что вы? И кто он?

— Один местный житель ехал в это время по шоссе в противоположном направлении, в Рабат. Он увидел, как «Рено» входит в поворот на чересчур большой скорости. Окажись он чуть ближе, и тоже мог бы пострадать в аварии. В общем, он первым оказался на месте происшествия и вызвал по своему мобильнику полицию и «Скоруо».

— Я могу с ним поговорить? — спросил Бронсон.

— Безусловно. Он живет в Рабате. Я свяжусь со своими людьми и попрошу, чтобы он сегодня вечером явился в отделение.

— Спасибо. Это может здорово помочь, когда мне придется рассказывать о том, что случилось, родным О'Конноров.

Бронсону хорошо было известно, как тяжело сообщать родственникам подробности гибели их близких. Собственно, это является одной из самых неприятных обязанностей в работе полицейского.

Он снова посмотрел на камни ограждения, на дорогу в том месте, где с нее слетел «Рено», и заметил кое-что, чего не увидел прежде: мельчайшие черные чешуйки на самом краю проезжей части, почти неразличимые на темном гудроне.

Он быстро оглянулся, но Талабани был занят беседой с шофером полицейской машины, и оба стояли спиной к месту происшествия. Бронсон опустился на колени и, быстро подобрав пару чешуек, опустил их в маленький пластиковый пакетик для вещественных доказательств.

— Нашли что-нибудь? — направляясь к английскому коллеге, спросил Талабани.

— Нет-нет, — соврал Бронсон, встал с колен и незаметно опустил пакетик в карман. — Ничего существенного.

По возвращении в Рабат Бронсон снова отправился в полицейский гараж и сейчас стоял и внимательно рассматривал искореженные останки «Рено»

О'Конноров. В голове крутились мысли: может быть, он видит то, чего на самом деле нет?

Бронсон попросил Талабани высадить его возле гаража, объяснив, что хочет сделать фотографии пострадавшей машины. Марокканский полицейский ничего не имел против. На цифровой фотоаппарат Бронсон сделал с дюжину снимков, уделив особое внимание задней левой части, а также водительской двери. Последнюю он осторожно вытащил из обломков и сфотографировал отдельно.

Удар об усыпанное камнями дно пересохшей реки — *вади* — был настолько сильным, что все плоскости машины были смяты, искривлены и покрыты глубокими царапинами. Они, впрочем, могли образоваться как от самого удара, так и в результате последующих действий по извлечению тел и транспортировке останков «Рено» в гараж.

От Талабани Бронсон знал, как все происходило. Поскольку никаких сомнений в том, что находившиеся в машине люди мертвы, ни у кого не возникало, присланный для расследования инцидента полицейский велел врачам «Скорой помощи» подождать, пока фотограф во всех деталях зафиксировал картину случившегося. Сам же он вместе с подчиненными обследовал то, что осталось от «Рено», а также участок шоссе, на котором случилась трагедия. Копии всех снимков Талабани уже передал Бронсону.

После того как тела погибших вырезали из машины и увезли в город, началась операция по поднятию искореженного «Рено». Поскольку автокран раздобыть не удалось, пришлось воспользоваться услугами эвакуатора. Подогнать машину непосредственно к *вади* на том участке было никак невозможно, поэтому эвакуатор припарковался на самой обочине дороги и с помощью лебедки перевернул «Рено» и поставил его на колеса. Затем той же лебедкой машину медленно вытянули вверх по крутому склону и наконец погрузили в кузов, чтобы увезти в гараж.

Бронсон затруднился бы сказать с определенностью, какие именно повреждения машина получила непосредственно во время аварии, а какие в процессе подъема по склону на шоссе — для этого требовался детальный осмотр специалиста. А это, в свою очередь, означало, что «Рено» нужно морем доставить в Великобританию, где им может заняться судебный дознаватель. Одному только богу известно, сколько это будет стоить и сколько времени займет. Однако и поверхностного осмотра было достаточно, чтобы Бронсон понял — дело здесь нечисто. На дверях с левой стороны, а также на левом заднем крыле обнаружилось множество вмятин, которые, по мнению Бронсона, могли бы появиться в результате бокового удара — а такое предположение шло вразрез со всем, что рассказал Талабани, а также, судя по всему, и с показаниями очевидца трагедии.

Из кармана Бронсон достал пакетик, в который на месте происшествия собрал частички темной краски. На вид они казались свежими, однако, решил детектив, это еще ни о чем не говорит. На том участке дороги наверняка частенько случаются незначительные ДТП, и найденные им чешуйки могут не иметь никакого отношения к происшествию с «Рено» О'Конноров. В Великобритании дождь смыл бы их уже через несколько часов, максимум через пару дней, но в засушливом климате Марокко они могли сохраниться весьма долго.

И все было бы ничего, но на водительской двери «Мегана», всего в одном месте, Бронсон обнаружил темную, то ли синюю, то ли черную, царапину.

Бронсон возвращался в отель, когда в кармане у него зазвонил мобильник.

— У тебя там найдется где-нибудь факс? — громко и явно нервничая, прокричал в трубку старший инспектор Бёрд.

— Думаю, в отеле есть. Подождите немного, я скажу вам номер.

Десять минут спустя Бронсон сидел и смотрел на смазанную копию статьи, напечатанной накануне в местной кентерберийской газете. Не успел он приступить к чтению, как снова раздался звонок мобильного телефона.

— Ну, получил? — спросил Бёрд. — Ее обнаружил один из полицейских в Кентербери.

Бронсон перевел взгляд на набранный жирным шрифтом заголовок, гласивший: «УБИТЫ ЗА КУСОК ГЛИНЫ?» Ниже были помещены две фотографии. На первой Ральф и Маргарет О'Коннор, запечатленные на каком-то мероприятии, смотрели прямо в камеру и улыбались. Вторая представляла собой размытое изображение продолговатого предмета бежевого цвета, на поверхности которого виднелись вырезанные значки.

— Ты знаешь что-нибудь об этом?

Бронсон вздохнул:

— Нет. Что еще говорится в статье?

— Ты сам можешь все прочитать, а потом поезжай и поговори с Кирсти Филипс. Спроси ее, что, черт возьми, они там с мужем задумали.

— Вы имеете в виду — когда я вернусь в Великобританию?

— Нет, я имею в виду — сегодня или завтра. Похоже, они прибыли в Рабат практически одновременно с тобой. У меня есть номер ее мобильного телефона.

Бёрд прервал разговор так же неожиданно, как и начал, и Бронсон начал читать статью. Рассказанная в ней история была весьма проста.

Автор статьи полагал, что О'Конноры стали свидетелями серьезного спора между местными жителями на *суке* в Рабате. Вскоре после этого Маргарет О'Коннор подобрала маленькую глиняную дощечку — ее выронил один из участников спора, за кото-

рым гнались по узким улочкам и переулкам *сука* его оппоненты. На следующий день, когда О'Конноры направлялись в аэропорт Касабланки, чтобы лететь домой, на шоссе неподалеку от Рабата их поджидала засада. И муж, и жена были убиты.

«Это не был несчастный случай, — цитировала газета Дэвида Филипса. — Тестя и тещу преследовала и в конце концов убила банда безжалостных преступников, которая во что бы то ни стало намеревалась заполучить обратно эту бесценную реликвию».

Статья заканчивалась следующим пассажем: «Хотелось бы знать, какие шаги в связи с этим происшествием собирается предпринять британская и марокканская полиция?»

— Похоже, практически никакие, — пробормотал Бронсон, доставая телефон, чтобы позвонить Кирсти Филипс. — Интересно только, откуда стало известно, что эта дощечка хоть чего-то стоит?

9

Полицейский из Кентербери оказался не единственным человеком, которого заинтересовала короткая статья в местной газетке. В скромной квартире на окраине Энфилда белокурый молодой человек увидел фотографию с изображением глиняной дощечки и немедленно потянулся за ножницами. Вырезав статью, он отложил ее в сторону и занялся изучением остальных полос газеты. На столе рядом с ним высилась стопка свежей прессы: все общенациональные ежедневные британские газеты, подборка новостных журналов и большинство из провинциальных газет с наибольшими тиражами.

Молодой человек провел все утро и два часа после ленча, методично просматривая газеты и журналы и вырезая из них заинтересовавшие его статьи — как делал каждый день, — но до конца стопки так и не добрался. Изрезанные газеты и журналы он засунул в

черный мусорный мешок, а отобранные материалы перенес к большому сканеру формата А3, который был подсоединен к мощному компьютеру.

Он поочередно закладывал вырезки в устройство, сканировал их и записывал в созданную на жестком диске папку, озаглавленную сегодняшним числом. При этом он внимательно следил, чтобы каждая фотография была соотнесена со статьей, с которой она появилась в газете.

Покончив с этим занятием, молодой человек собрал все вырезки и отправил их в мусорный мешок к уже имеющимся там газетам, затем сел за компьютер, чтобы отправить письмо по электронной почте. Текст в письме отсутствовал, но к нему любитель попортить прессу прикрепил заархивированный файл со всеми отсканированными сегодня фотографиями. Бывали дни, когда отсканированных изображений было так много, что молодому человеку приходилось отправлять два, а то и три письма подряд. В окошко «Кому» он ввел зарегистрированный на домене yahoo адрес, состоящий из одних только цифр, так что догадаться по нему о личности адресата не представлялось возможным. При создании данного адреса были специально созданы пять вспомогательных, чтобы затруднить возможность идентификации основного имейла. После того как последний заработал, остальные пять адресов были ликвидированы, цепочка разорвана, и определить, кто же скрывается за набором цифр, теперь было абсолютно невозможно.

Конечно, молодой человек прекрасно знал, кто получает его электронные послания. Вернее будет сказать, ему абсолютно точно было известно, *где* их получают, но неизвестно, *кто*.

Молодой человек находился в Великобритании уже почти два года. Он выдавал себя за журналиста, специализирующегося на написании статей для иностранных периодических изданий. Возникни такая необходимость, и он без труда представил бы копии

различных вышедших на континенте газет и журналов со своими статьями, точнее, статьями, подписанными его фамилией. Правда, если бы кто-то не в меру любопытный захотел отыскать подлинники этих публикаций, он бы обнаружил те же самые — слово в слово — статьи, но только подписанные совершенно другим автором. На самом деле все копии были тщательным образом сфабрикованы в особо охраняемом подвале одного нигде не числящегося и также особо охраняемого дома в городке Глилот, совсем рядом с Тель-Авивом, с одной только целью — обеспечить молодому человеку прикрытие.

Он не был шпионом, — во всяком случае, пока не был, — но работал на «МОССАД», израильскую секретную службу¹. Одна из его задач, как нештатного агента, заключалась в поиске, копировании и передаче «куда следует» всех без исключения статей, имеющих — пусть даже самое косвенное — отношение к британскому правительству и вооруженным силам, а также к разведке и контрразведке Великобритании. Но, как и перед любым штатным и нештатным агентом «МОССАДа», перед молодым человеком были поставлены и другие задачи, никоим образом не имеющие отношения к вышеперечисленным предметам. Среди этих иных задач особый приоритет имел поиск всего, что было так или иначе связано со старинными дощечками — из глины или из других материалов.

После того как он отправлял электронную почту, молодой человек, как правило, бывал предоставлен самому себе до следующего утра. Однако в этот день, через несколько минут после того как ушла почта, компьютер дважды коротко пискнул, что означало: получено письмо. Он открыл папку «Входящие» и едва не подскочил на месте, когда увидел кодовое имя

¹ «МОССАД» (Служба секретной разведки Израиля) — политическая разведка Израиля, считающаяся одной из самых эффективных и профессиональных в мире.

отправителя, а также стоящий сбоку восклицательный знак, означающий первостепенную важность письма. Он быстро пробежал текст глазами, а затем перечитал его еще раз, уже более внимательно.

Бог его знает, насколько большую ценность представляла эта глиняная дощечка, но, похоже, только что отправленный им материал всколыхнул осиное гнездо в Тель-Авиве. Полученные в письме новые инструкции ясно давали понять, что произошло нечто неординарное. Молодой человек посмотрел на наручные часы, что-то быстро прикинул, потом схватил с вешалки в прихожей куртку, покинул квартиру и спустился по лестнице на небольшую автостоянку позади дома.

Даже если он очень поспешит, то вряд ли попадет в Кентербери быстрее чем за час.

10

— Это Хафез Азиз, — сказал по-английски Талабани, — тот самый свидетель происшествия. Он говорит только на *тамазигт*, поэтому мне придется вам переводить.

Бронсон сидел уже в другой комнате для переговоров полицейского участка в Рабате. Напротив него за столом расположился невысокий худощавый марокканец в линялых голубых джинсах и белой рубашке.

По прошествии нескольких минут, в течение которых Талабани старательно, предложение за предложением, переводил рассказ Азиза, Бронсон знал ровно столько же, сколько и раньше. Азиз терпеливо пересказал почти ту же самую историю, которую англичанин уже слышал раньше от марокканского коллеги. Никаких признаков того, что рассказчик что-то утаивает или привирает, Бронсон также не обнаружил.

По словам свидетеля, он заметил, как «Рено» на чересчур большой скорости приближается к поворо-

ту. Машина начала входить в вираж, но затем ее понесло в сторону, она ударилась о сложенный вдоль дороги бордюр из камней, взмыла в воздух, перелетела через ограждение и исчезла из поля зрения. Марокканец остановился возле места происшествия, вызвал по телефону полицию, а потом спустился вниз, намереваясь помочь пассажирам «Рено». Но было уже слишком поздно.

Бронсону очень хотелось задать свидетелю всего один вопрос, но он сдержался и, поблагодарив Азиза за помощь в расследовании, распрощался с ним.

Когда марокканец вышел из комнаты, Бронсон повернулся к Талабани.

— Огромное вам спасибо за помощь, — произнес он, — и за то, что организовали мне встречу со свидетелем. Пожалуй, я увидел здесь почти все, что было нужно. Последнее, на что хотелось бы взглянуть, — это чемоданы и прочие вещи, которые вы обнаружили на месте происшествия. Если мне не изменяет память, вы говорили, что приготовили их опись?

Талабани кивнул и встал.

— Подождите здесь, сейчас вам принесут чемоданы, — сказал полицейский и вышел из комнаты.

Двадцать минут спустя Бронсон убедился, что Талабани был прав. В багаже О'Конноров не обнаружилось ничего мало-мальски необычного, впрочем, Бронсон и не ожидал каких-то сюрпризов. Он просто хотел собственными глазами во всем убедиться. Собственно говоря, внимание его привлекло не то, что было перечислено в описи, а то, чего в ней не оказалось. А не оказалось там самой обычной вещи, которую можно обнаружить в багаже любого туриста, — фотоаппарата.

— Джалал, еще один маленький вопрос, — обратился Бронсон к коллеге. — Скажите, когда вы осматривали машину, вы не нашли в ней ничего похожего на старинную глиняную дощечку?

Талабани сделал удивленное лицо.

— Глиняная дощечка? Нет, ничего такого не помню. А что такое?

— Да просто слышал кое-что. Ладно, не имеет значения. Еще раз спасибо вам за все. Если мне понадобится еще что-то, я с вами свяжусь.

Последнее, что оставалось сделать Бронсону в Марокко, — это встретиться на следующее утро с дочерью О'Конноров и ее мужем в их отеле. Он сложил лист бумаги с отпечатанной описью, сунул в карман и посмотрел на часы. Похоже было, что он успевает на завтрашний рейс из Касабланки и поздним вечером окажется наконец дома.

Вечером, когда Джалал Талабани покинул полицейский участок, он изменил свой привычный маршрут. Вместо того чтобы отправиться напрямик на стоянку, сесть в машину и ехать домой, на северную окраину Рабата, он зашел в расположенное неподалеку кафе, где наскоро перекусил. Затем он некоторое время кружил по близлежащим улицам, то ускоряя шаг, то замедляя, и часто останавливался, чтобы проверить, нет ли «хвоста». Только тщательно убедившись, что за ним никто не следит, Талабани зашел в телефонную будку и по памяти набрал номер.

— Я узнал кое-что, что может оказаться для вас полезным.

— Говорите.

— Сейчас в Рабате находится полицейский из Великобритании по фамилии Бронсон. Он расследует обстоятельства смерти О'Конноров. Его также интересует старинная глиняная дощечка. Вам об этом что-нибудь известно?

— Возможно, — ответили на том конце провода. — Где он остановился?

Талабани сообщил название отеля.

— Спасибо. Я позабочусь о нем, — сказал неизвестный и повесил трубку.

В тот же день ранним утром в конференц-зале одного из многочисленных правительственных зданий Израиля почти в самом центре Иерусалима встретились трое. О встрече было договорено заранее. На ней не присутствовал секретарь, не велось никаких записей.

Перед каждым из мужчин лежали по две большие фотографии: одна цветная, вторая черно-белая. На каждой была изображена хорошо видная во всех деталях серо-бурая глиняная дощечка. Рядом с фотографиями лежали копии статьи из провинциальной британской газеты вместе с переводом ее текста на иврит.

— Это сообщение появилось вчера в британской газете, — заговорил Эли Нахман, пожилой, худой и сутулый мужчина с белой бородой и гривой таких же белых волос, которые венчала распущенная черная ермолка. Но вот глаза его совсем не были глазами старика — ясные, пронзительно-голубые, в них светился ум. Нахман был старшим научным сотрудником Музея Израиля в Иерусалиме и большим авторитетом по части дохристианских реликвий. — Статью обнаружил один из агентов «МОССАДа» в Лондоне и переправил ее в Глилот, — продолжил Нахман и кивнул на сидящего во главе стола мужчину среднего возраста.

Леви Бараку было около сорока, он мог похвастать черными волосами и загорелой кожей лица. Его в целом правильные черты лица портил огромный нос, настоящий шнобель, из-за которого вряд ли кто решился бы назвать Барака красивым. На встречу он пришел в светло-коричневом костюме, но пиджак снял и повесил на спинку стула, так что на виду под левой подмышкой оказалась наплечная кобура, из которой торчала черная рукоятка полуавтоматического пистолета.

— Как вы знаете, у нас есть четкие инструкции немедленно информировать профессора Нахмана в случае получения подобного сообщения. Поэтому вчера во второй половине дня, едва увидев эту статью, я сразу же ему позвонил, — сказал Барак. — Собственно, это пока все, что у нас есть. Нашему агенту поручено внимательно просматривать британскую прессу в поисках новой информации по данной теме. Он также получил приказ поехать в Кентербери — это город в Кенте, в котором живут эти люди, — и раздобыть копии всех местных газет. Все, что ему удастся найти, он немедленно перешлет нам.

Барак сделал паузу и посмотрел на двух своих собеседников.

— Проблема заключается в том, что на данный момент мы владеем лишь минимумом информации. Все, что известно наверняка, сводится к следующим фактам: пару дней назад двое пожилых англичан погибли в автомобильной аварии в Марокко. Незадолго перед этим они случайно стали обладателями некой старинной глиняной дощечки. И сегодня нам предстоит определиться — какие действия мы должны предпринять. И должны ли?

— Согласен, — кивнул Нахман. — Очевидно, первое, что необходимо сделать, это решить, является ли данная дощечка частью целого. Однако это будет не легкая задача. Фотография в газете настолько нечеткая, что по ней практически невозможно ни о чем судить, и в статье нет никаких указаний на то, где может сейчас находиться реликвия. Чтобы была хоть какая-то определенность, я принес фотографии дощечки, которая уже находится у нас. Так мы хотя бы сможем сравнить их внешний вид.

Он замолчал и посмотрел на сидящего напротив молодого человека.

— Ну, Йосеф, что вы можете нам сказать?

Йосеф Бен Халеви несколько секунд внимательно рассматривал копию статьи из британской газеты и только потом ответил:

— Собственно, сказать можно немного. Была бы здесь линейка или хоть какой-нибудь ориентир для масштаба, это сильно помогло бы. А так мы можем лишь приблизительно прикинуть ее размеры. Дощечка может быть от примерно пяти до двадцати или тридцати сантиметров в длину. Это первая проблема. Ведь если необходимо определить, *та* ли это дощечка, размер приобретает первостепенное значение. Нет никакой возможности узнать ее размеры?

— Боюсь, что никакой, увы, — ответил Нахман. — В статье говорится о «небольшой глиняной дощечке», так что, скорее всего, перед нами предмет, имеющий в длину, скажем, десять или, возможно, пятнадцать сантиметров. Я сомневаюсь, что предмету более крупному подошло бы определение «небольшой». А десять-пятнадцать сантиметров — это как раз подходящий размер.

Бен Халеви кивнул.

— Второй параметр, по которому можно провести сравнение, это, конечно же, надписи. Если посмотреть на фотографии двух дощечек, складывается впечатление, что, по крайней мере, внешне они очень похожи. На обеих в одном углу можно обнаружить, как я и ожидал, наклонную черточку. Строки имеют различную длину, что в целом не характерно для арамейской письменности, но фотография из газетной статьи настолько низкого качества, что я могу рассчитывать перевести всего лишь пару слов.

Как и Нахман, Бен Халеви работал в Музее Израиля. Он был специалистом по древним языкам и еврейской истории.

— Какие именно слова вам удалось прочитать? — уточнил Нахман.

— Вот здесь, в первой строке, — кивнул молодой историк на фотографию. — Это слово, скорее всего,

«медный». А первое слово в последней строчке, как мне кажется, означает «свитки» или, возможно, «свитков». Но ручаться нельзя — изображение уж больно нечеткое.

Нахман впился взглядом в лицо друга и коллеги.

— Йосеф, насколько вы уверены?

— То есть вы хотите знать мое мнение, является ли дощечка одной из четырех? Я бы оценил вероятность этого процентов в шестьдесят-семьдесят, не выше. Для того чтобы сказать наверняка, нужно иметь хорошую, с высоким разрешением, фотографию находки, а лучше всего заполучить саму дощечку.

— Да, я точно такого же мнения, — согласился Нахман. — Мы непременно должны раздобыть эту реликвию.

Леви Барак посмотрел на ученых.

— Это действительно настолько важно?

Нахман кивнул:

— Если эта дощечка в самом деле то, что мы думаем, нам крайне необходимо ее заполучить. Запомните это как следует, Леви. В надписи, возможно, содержится последний, недостающий ключ, для того чтобы определить местонахождение Скрижалей. Тогда наконец завершатся поиски, длящиеся вот уже два тысячелетия. Передайте это своим боссам в Глилите и убедите их в том, насколько все серьезно.

— Это будет нелегко, а то и просто невозможно, — проворчал Барак. — Даже для «МОССАДа».

— Послушайте, — произнес Нахман, — эта дощечка существует, и мы просто должны найти ее раньше, чем это сделают другие.

— Кто, например?

— Кто угодно. Охотники за сокровищами в первую очередь. Но с теми, чья единственная цель — нажива, договориться возможно. Меня больше беспокоят другие — люди, которые будут пытаться во что бы то ни стало найти реликвию с одной целью — уничтожить.

— Мусульмане? — высказал предположение Барак.

— Да, но, возможно, также и радикально настроенные христиане. Мы всегда были меньшинством, нас постоянно подвергали гонениям, но если нам удастся найти утраченные Скрижали, это как ничто другое придаст нам и нашей вере сил. Вот почему мы непременно должны заполучить эту глиняную дощечку и расшифровать надпись.

Барак кивнул:

— У нас есть люди и в Рабате, и в Касабланке. Я свяжусь с ними и дам указание начать поиски.

— Но не только в Марокко, — подчеркнул Нахман. — Ведь пара, которая обнаружила дощечку, была из Англии. Вам нужно будет искать и там тоже. Расставьте свои сети везде и всюду. Благодаря этой статье теперь масса людей узнает о существовании реликвии. Ваши люди наверняка обнаружат, что они отнюдь не единственные, кто охотится за этой глиняной дощечкой.

— Мы можем о себе позаботиться.

— Не сомневаюсь. Только будьте так добры позаботиться еще и о дощечке. Что бы ни произошло, она ни в коем случае не должна быть повреждена, а тем более уничтожена.

12

— Спасибо, что встретились с нами, — произнесла Кирсти Филипс, пожимая руку Бронсону. Они сидели в баре-салоне отеля в Рабате, где чета Филипсов снимала номер. Карие глаза Кирсти покраснели от слез, прекрасные темные волосы находились в беспорядке, однако в целом, с учетом случившейся трагедии, она держалась довольно неплохо.

— Дэвид уехал в посольство. Надо уладить там все, — объяснила она. — Но он не должен задержаться

ся. Пожалуйста, присаживайтесь вот здесь, а я закажу кофе.

— Благодарю вас, — вежливо сказал Бронсон, хотя на самом деле пить ему ничего не хотелось. — С удовольствием.

Через несколько минут официант принес поднос, на котором стояли две чашки с блюдцами, кофейник, а также молоко и сахар.

— Мне очень жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, — начал Бронсон после того, как официант удалился.

Кирсти коротко кивнула, при этом нижняя губа ее чуть дрогнула.

— Я уже переговорил с местными полицейскими относительно происшествия, — поспешил продолжить Бронсон, — и похоже на то, что это был просто несчастный случай. Трагедия, конечно. Понимаю, это вряд ли принесет вам утешение, но ваши отец и мать умерли мгновенно. Им не пришлось страдать. — Несколько секунд он молча смотрел на сидящую напротив привлекательную молодую женщину. — Хотите, чтобы я рассказал вам, как все произошло? — мягко спросил он.

Кирсти кивнула.

— Наверное, мне действительно лучше знать, — чуть всхлипнув, произнесла она. — Иначе придется всю жизнь гадать, что же там случилось.

Бронсон коротко поведал все, что ему самому было известно. Когда он закончил, Кирсти недоверчиво покачала головой.

— Все равно я не могу понять. Папа был очень хорошим водителем. Он всегда был таким внимательным, таким осторожным. Его даже ни разу не штрафовали за нарушение правил парковки.

— Но он управлял незнакомым автомобилем, ехал по незнакомой дороге, — попытался убедить ее Бронсон. — Судя по всему, он не предполагал, насколько крутым окажется поворот. К несчастью, на том участ-

ке шоссе не было нормального защитного ограждения. — Он говорил и чувствовал, что и сам слабо верит в подобную версию происшествия. — Здесь у меня, — нарушил Бронсон затянувшееся молчание и открыл кейс, — копия описи вещей, принадлежащих вашим родителям.

Он передал Кирсти распечатку, подготовленную местными полицейскими, а сам откинулся на спинку стула.

Женщина едва ли удостоила листки бумаги мимолежным взглядом и положила их на стол. Сделав глоток из чашки, она посмотрела на сидящего напротив Бронсона.

— Как же глупо получилось, — промолвила Кирсти. — Я хочу сказать, они ведь только совсем недавно решили отдыхать по-человечески, позволили себе наконец наслаждаться жизнью. Обычно они ездили на пару недель в Испанию, а в этом году впервые захотели попробовать чего-то более захватывающего. И вот как вышло... — Голос ее прервался, и женщина тихонько заплакала. — Они хорошо провели здесь время, — продолжила через минуту Кирсти, после того как прочистила нос. — Ну, по крайней мере, мама. Папе, мне кажется, в Марокко совсем не понравилось, а вот мама в эту страну просто влюбилась.

— Она ведь посылала вам открытки? — спросил Бронсон, хотя на самом деле он прекрасно знал ответ на вопрос.

В кентерберийской газете был напечатан снимок глиняной дощечки, и, следовательно, либо у Маргарет, либо у Ральфа должен был быть фотоаппарат, а снимок они отправили дочери по электронной почте. В то же время Бронсон изучил врученную ему опись и прекрасно знал, что никакой фотоаппарат в ней не упоминается. Да и когда он лично осматривал вещи О'Конноров, камеры среди них определенно не было.

По словам Талабани, при падении машины чемоданы вылетели из багажника и раскрылись, так что,

возможно, фотоаппарат просто отлетел настолько далеко, что полицейские, когда собирали разбросанные вещи, его не заметили. Или может быть иное объяснение: Азиз либо кто-то другой, оказавшийся на месте происшествия, подобрал дорожную вещь и решил оставить себе. С другой стороны, современные цифровые фотокамеры имеют небольшие размеры и дорого стоят, поэтому логично было бы предположить, что Маргарет О'Коннор держала ее в сумочке или же в кармане.

Кирсти покачала головой.

— Нет. Мама, еще когда работала, начала осваивать компьютер. Она очень интересовалась Интернетом, с удовольствием пользовалась электронной почтой. В их отеле был доступ к Интернету, и она каждый вечер посылала мне имейл, в котором рассказывала, как они провели день. — Она похлопала по стоящей на полу рядом со стулом черной сумке. — Они все хранятся у меня на ноутбуке. Я собиралась распечатать все мамины письма и, когда она вернется, отдать ей, а также вывести наиболее удачные фотографии.

Бронсон выпрямился на стуле.

— Она сделала много снимков?

— Да. Она брала с собой небольшой такой цифровой фотоаппарат, одной из последних моделей. И еще у нее была эта штука — кажется, она называется кард-ридер, — в которую можно вставлять карту памяти. Вероятно, она пользовалась имевшимся в отеле компьютером.

— А можно взглянуть на снимки, которая она вам присылала? Вообще, вы могли бы сделать мне копию? Скажем, на компакт-диске?

— Да, конечно, — ответила Кирсти.

Она вытащила из сумки ноутбук «Compaq» и открыла крышку. Когда загрузилась операционная система, Кирсти вставила в DVD-ROM чистый CD-диск,

нашла нужную папку и начала записывать файлы с фотографиями.

Пока шла запись, Бронсон пододвинулся ближе к Кирсти и вместе с ней стал просматривать выборочные снимки. С первого же взгляда стало ясно, что Маргарет О'Коннор нельзя было назвать опытным фотографом. Она просто наводила объектив камеры на движущийся или неподвижный объект и нажимала кнопку. Снимки были самые обычные — такие или похожие во множестве делают все отдыхающие. Вот Ральф О'Коннор в аэропорту дожидается багажа; вот Маргарет стоит возле взятого напрокат автомобиля перед отъездом из Касабланки в Рабат; вот целый ряд фотографий, сделанных из окна машины по дороге, и многое другое. Однако все снимки были четкими и яркими — преимущество современного дорогого фотоаппарата, который даже в руках неопытного пользователя способен творить чудеса.

— А это *сук*, здесь, в Рабате, — объяснила, показывая на экран, Кирсти. Запись тем временем завершилась, она вынула диск, положила в пластиковую коробочку и отдала Бронсону. — Мама так любила туда приходить. Это было одно из любимых ее мест в Рабате. Запахи, говорила она, там просто опьяняли, а от выбора товаров глаза разбегались.

Кирсти продолжала рассеянно кликать по тачпаду, просматривая сделанные мамой фотографии. Вдруг на экране начали появляться один за другим такие непохожие на все предыдущие снимки — по-прежнему четкие, но сделанные явно впопыхах и словно наудачу.

— А что с этими фотографиями? — спросил Бронсон.

Кирсти едва заметно улыбнулась.

— Они сделаны накануне их отъезда из Рабата. Мама говорила, что она хотела пофотографировать на *суке* торговцев и все такое. Но большинству местных эта идея совсем не пришлась по вкусу, поэтому мама

просто спрятала фотоаппарат за сумочку и щелкала не глядя, надеясь, что какие-то снимки в итоге получатся.

— А это что? — Бронсон ткнул пальцем в изображение на экране.

— О, когда родители были на *суде*, там случилось что-то вроде спора между местными, и мама сделала с дюжину снимков.

— Да-да. Та история, которую напечатали в кентерберийской газете. Было бы намного лучше, если бы вы, миссис Филипс, перед тем как обращаться в прессу, посоветовались с кем-нибудь.

Кирсти чуть покраснела и смущенно объяснила, что у ее мужа есть знакомый в местной газете, и Дэвид попросил его написать статью о происшествии.

Пока Кирсти говорила, Бронсона вдруг осенило, что пропали не только фотоаппарат Маргарет О'Коннор вместе с картой памяти и глиняная дощечка — та самая, о находке которой Маргарет в ярких красках, явно находясь в возбуждении, сообщила дочери в своем последнем электронном письме. Недоставало среди вещей запасной чистой карты памяти и кард-ридера.

— Муж убежден, что это не был просто несчастный случай, — сказала Кирсти. — Конечно, если бы глиняную дощечку обнаружили на месте происшествия, тогда было бы ясно, что он ошибается. — Она пристально посмотрела на Бронсона. — Ее ведь там не было?

— Не было, — признал Бронсон и кивнул на лежащий перед ним список. — Я сам спросил об этом у офицера полиции, который ведет дело. Также я должен вас известить, что, помимо фотоаппарата, пропала еще пара вещей. Но вполне возможно, что они были украдены накануне карманником на рынке. А что касается глиняной дощечки, не исключая, что миссис О'Коннор в итоге решила не тащить ее с собой.

Так что вовсе не обязательно, что мы здесь имеем дело с каким-то заговором.

— Я-то понимаю, — безропотно произнесла Кирсти, — но вот Дэвида мне переубедить не удалось. Да и, возможно, одной статьей дело не ограничится. Тот знакомый Дэвида из кентерберийской газеты поделился историей с репортером «Дейли мейл», и вчера вечером он уже звонил нам сюда, чтобы выведать подробности. Думаю, в сегодняшнем выпуске появится его статья.

В эту минуту в бар вошел высокий, хорошо сложенный молодой человек с вьющимися темными волосами и стремительно направился к беседующим.

Кирсти встала и представила полицейского.

— Дэвид, это сержант Бронсон.

Бронсон встал и пожал протянутую для приветствия руку. Он обратил внимание, что Дэвид чересчур напряжен, как будто из последних сил пытается сдерживать рвущуюся наружу энергию.

— Дайте-ка я угадаю, сержант, — едва присев на софу, начал Филипп тихим, но гневным голосом. — Это был просто несчастный случай на дороге, да? Как это часто бывает: английский водитель за границей ехал на незнакомой машине и не совладал с управлением, когда входил в плавный поворот. Так? Или, может, он ехал не по той стороне шоссе? Что-то в таком роде?

— Дэвид, не надо, пожалуйста. — Кирсти, казалось, вот-вот снова расплачется.

— На самом деле поворот вовсе не был плавным, — уточнил Бронсон. — Он был весьма крутой. Кроме того, это случилось на дороге, которую ваш тесть вряд ли хорошо знал.

— Вы же были там? Видели место, где все произошло? — спросил Филипп.

Бронсон кивнул.

— Ну так и я там побывал. И вы скажите мне: неужели вы бы не смогли пройти тот поворот так, чтобы не улететь в ущелье?

— Смог бы, конечно.

— Так почему же вы думаете, что мой тесть, который за все время ни разу не оказался замешан ни в каком дорожном инциденте, который являлся членом Института водительского мастерства и который — я так считаю — был одним из самых опытных и осторожных водителей, каких я только знал, почему он вдруг не смог вписаться в тот поворот?

Бронсона раздирали противоречия. Да, он и сам был согласен с Дэвидом: предположение, что Ральф О'Коннор не вписался в поворот, не выдерживало никакой критики. Но в то же время сержант должен был придерживаться официальной версии.

— Все дело в том, — объяснил он Филипсу, — что есть свидетель, который лично видел, как все произошло. По его словам, машина не удержалась на дороге, сшибла ограждение из камней и полетела с обрыва вниз. Местная полиция всецело доверяет его показаниям. Я понимаю ваши подозрения, но поймите и вы — нет никаких доказательств того, что человек этот говорит неправду. Это действительно так.

— Ясно. Но я — я не верю ни единому их слову. Я знаю, вы просто делаете свою работу, но поймите — здесь все не так просто. Я *знаю*, что тесть с тещей не были жертвами обычного ДТП. И что бы вы ни говорили, убедить меня в противоположном вам не удастся.

13

Расставшись с четой Филипс, Бронсон вышел из отеля и, прошагав несколько сотен ярдов, сел за столик в уличном кафе. Заказав кофе, он принялся размышлять, что делать дальше. Если позвонить старшему инспектору Бёрду и доложить, что, дескать, да, О'Конноры погибли в результате странного, хотя и

объяснимого дорожно-транспортного происшествия, тогда он может спокойно возвращаться домой. Но если озвучить старшему инспектору свои подозрения — а это пока были именно подозрения, ничего более, — в этом случае, вероятно, придется задержаться в Рабате дольше, чем хотелось бы.

Не то чтобы город не нравился Бронсону — на самом деле скорее наоборот. Он поднес чашку ко рту и огляделся вокруг. Столики кафе были расставлены на широком тротуаре с одной стороны просторного бульвара, вдоль которого росли пальмы. Большинство столиков в этот час были заняты, и до Бронсона доносилась слегка гортанная арабская речь, перемежающаяся более мягкой и мелодичной французской. Что ни говори, а прекрасная погода, уютная обстановка кафе и спокойная, размеренная жизнь города не могли не настраивать на положительный лад. Вот если бы еще и Андже́ла была рядом, тогда Бронсон в полной мере оценил бы все здешние плюсы. Мысль об Андже́ле и заставила его принять решение.

— К черту! — пробормотал он. — Надо с этим кончать.

Бронсон допил кофе, встал со стула и пошел к выходу, но внезапно обнаружил, что забыл портфель. Только он развернулся, чтобы вернуться к столику, как увидел двух мужчин в традиционных джеллабах, которые только что встали из-за своего столика в дальнем конце кафе и сейчас уставились прямо на Бронсона.

Надо сказать, что за короткое время пребывания в Марокко он уже привык к тому, что на него часто откровенно пялятся, — все же он был чужаком в этой стране, и такое отношение не казалось чем-то удивительным. Однако у Бронсона возникло неприятное ощущение, что эти двое смотрят на него не просто чтобы удовлетворить праздное любопытство. Присутствовало в их взглядах что-то такое, от чего засосало под

ложечкой. Но Бронсон сделал вид, будто ничего не заметил, спокойно забрал портфель и вышел из кафе.

Пройдя пятьдесят ярдов, он остановился у края тротуара и, перед тем как перейти дорогу, посмотрел в обе стороны. Двое мужчин из кафе — и это не особенно удивило Бронсона — медленно следовали за ним. Еще меньше он удивился, когда увидел, как неизвестные также перешли на противоположную сторону улицы. Еще через пару сотен ярдов у Бронсона не осталось никаких сомнений, что за ним установлена слежка. Оглянувшись, он увидел, что один из мужчин оживленно говорит что-то в трубку мобильного телефона. Теперь надо было решать, как поступить дальше.

Менее чем через полминуты ответ пришел сам собой. Преследовавшие Бронсона мужчины ускорили шаг, и в это же время он вдруг увидел, как навстречу приближаются еще трое.

Конечно, это могли оказаться самые обычные местные жители, вышедшие на послеполуденную прогулку, но Бронсон в этом сильно сомневался и никакого желания испытывать судьбу не испытывал. Он резко нырнул в ближайшую боковую улочку и, лавируя между многочисленными прохожими, помчался со всех ног. Позади слышались громкие крики и топот ног, так что Бронсон понял — инстинкты его не подвели.

На следующем перекрестке он свернул налево, затем кинулся вправо. Поймав нужный ритм, он бежал легко и быстро. Хорошо было бы теперь узнать, что происходит за спиной, и Бронсон быстро оглянулся. Примерно в пятидесяти ярдах сзади бежали, изо всех сил стараясь сохранять дистанцию, двое мужчин из кафе. Еще один преследователь чуть приотстал.

Бронсон свернул за угол и вдруг обнаружил, что слева с явным намерением отрезать ему путь приближаются еще двое. Похоже было, что чертовы арабы

догадались, какую дорогу он выберет, и теперь попытаются его перехватить.

Бронсон поднажал, но видел, что от столкновения не уйти. На секунду преследователи заколебались и притормозили, и в следующее мгновение Бронсон налетел на них. Один из мужчин сунул руку под джеллабу, вероятно, чтобы достать оружие, но сделать ничего не успел. Бронсон со всей силы ударил его портфелем в грудь. Мужчина полетел на землю, а сержант уже повернулся ко второму арабу, который в этот момент нанес удар кулаком. Точнее, попытался нанести, поскольку Бронсон успел нырнуть под руку нападавшего и, в свою очередь, врезал тому кулаком в живот.

Времени, чтобы посмотреть, насколько эффективным вышел удар, не было — сзади с гиканьем мчались оставшиеся в строю преследователи. Двое вышли из игры — по крайней мере на время, — но с этими тремя нужно еще справиться.

Бронсон не стал терять время и оглядываться, а снова бросился бежать. Нужно быстрее с этим кончать, подумал он на бегу. Несмотря на то что он был неплохим бегуном, жара и высокая влажность делали свое дело, и сержант почувствовал, что начинает задыхаться и долго не протянет.

Он дернулся было влево, потом вправо, но преследователи не отставали, а, напротив, постепенно сокращали дистанцию. Бронсон выбежал на оживленную магистраль и, притормозив, закрутил головой по сторонам. Наконец он обнаружил то, что искал, выскочил на проезжую часть и побежал, лавируя между еле ползущими легковушками и грузовиками.

Примерно в сотне ярдов впереди остановилось такси, и из него выходили двое пассажиров. За мгновение до того, как таксист тронулся с места, Бронсон распахнул заднюю дверь и нырнул в салон. В зеркале он поймал испуганный взгляд водителя и, задышавшись, выдавил:

— В аэропорт. И побыстрее!

На всякий случай он повторил фразу по-французски.

Машина вырулила на проезжую часть и начала набирать скорость. Обессиленный, Бронсон откинулся на спинку сиденья и жадно глотал воздух. Чуть отдышавшись, он посмотрел назад. Ярдах в сорока позади по тротуару бежали двое арабов, но расстояние между ними и машиной быстро увеличивалось.

Внезапно такси замедлило ход. Бронсон увидел, что впереди дорогу перегородили несколько автомобилей. Если машина сейчас остановится, чертовы преследователи его настигнут.

— Поверните здесь, — показал Бронсон.

Таксист оглянулся на пассажира.

— Но эта дорога не ведет в аэропорт, — сказал он на правильном английском, но с сильным акцентом.

— Я передумал.

Таксист пожал плечами и повернул. К счастью, эта улица оказалась почти пуста, и машина быстро набрала скорость. Снова оглянувшись, Бронсон увидел, что преследователи остановились на углу и с выражением бессильной злобы на лицах смотрят вслед удаляющейся жертве.

Через десять минут водитель остановился на улочке неподалеку от отеля, в котором поселился Бронсон. Детектив расплатился, не забыв прибавить щедрые чаевые, и вышел из машины.

Часа через полтора, расположившись в тишине и покое номера уже другой гостиницы — он решил переселиться на случай, если вдруг преследователи следили за ним от прежнего места жительства, — Бронсон набрал на мобильном телефоне номер полицейского участка Мейдстона.

— Крис, что ты обнаружил? — сразу же спросил Бёрд.

— За мной только что гонялась по всему Рабату шайка местных головорезов. И определенно не затем, чтобы взять автограф.

— Что? Зачем?

— Я не стал их спрашивать. Но я не верю, что авария, в которой погибли О'Конноры, была лишь несчастным случаем, как мы думали.

— Вот дерьмо, — выругался Бёрд. — Этого нам только не хватало.

В двух словах Бронсон сообщил о своих подозрениях, о самом происшествии, о полученных машиной повреждениях. Потом рассказал о присущей Маргарет О'Коннор привычке фотографировать все подряд.

— Кирсти Филипс записала мне на диск все снимки, которые сделала в Марокко ее мать, и я битый час их просматривал. И вот что меня очень смущает: один из мужчин, запечатленных ею на *суде*, оказался тем самым единственным очевидцем ДТП, в котором погибли О'Конноры. А еще один человек с той же фотографии, по словам Кирсти, был найден мертвым за пределами *медины*. Его закололи кинжалом. Я предполагаю, что тот спор на *суде*, который Маргарет О'Коннор нечаянно засняла на фотоаппарат, завершился убийством. Отсюда почти наверняка следует, что убийцей является один из людей, попавших на снимки. — Бронсон немного помолчал и закончил: — А это вполне серьезная причина, чтобы убрать двух нежелательных свидетелей и забрать фотоаппарат.

14

«ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ ДОЩЕЧКИ» — под таким заголовком появилась коротенькая статья на тринадцатой странице «Дейли мейл». «Дикки» Бёрд переслал копию статьи Бронсону по факсу из полицейского участка в Мейдстоне. Ниже заголовка, буквами помельче, был помещен вопрос: «Пенсионеров

из Великобритании убили, чтобы вернуть бесценную реликвию?»

Автор практически слово в слово повторял рассказ, помещенный в кентерберийской вечерней газете, но был в статье и один дополнительный абзац. Несомненно, его специально включили в текст для придания ему значительности, хотя, по мнению Бронсона, он того не заслуживал. В концовке статьи журналист рассуждал о том, насколько большую ценность может иметь дощечка, и ссылаясь на некоего «эксперта из Британского музея», который, по его словам, «воздержался от комментариев». Тем не менее автор счел нужным заметить, что «дело это нехорошее». Таким образом, у читателя должно было создаться впечатление, что так называемый эксперт точно знает, что представляет собой дощечка, но по каким-то причинам не хочет или не может поведать об этом миру.

У Бронсона, однако, имелась возможность проверить это сию же минуту. Кроме того, это был прекрасный повод поговорить с Анджелой, которая работала хранителем в отделе керамики Британского музея. Он вытащил мобильник и набрал ее прямой номер. Ответила Анджела практически мгновенно.

— Это я, — вместо приветствия сказал Бронсон. — Слушай, мне правда жаль, что так получилось с тем вечером. Я совсем не хотел тащиться в это чертово Марокко, но у меня не было выбора.

— Ладно, Крис, не бери в голову. Ты рассказал мне, что случилось.

— Ну, я все еще сожалею из-за этого. Послушай, ты сейчас не занята?

Анджела коротко рассмеялась.

— Я всегда занята, ты же знаешь. Сейчас половина двенадцатого, я на работе уже почти три с половиной часа, и сейчас передо мной на столе навалено три коробки черепков, которые я должна разобрать. У меня с утра не было даже минутки, чтобы наскоро вы-

пить чашечку кофе. Так что, Крис, если ты звонишь, чтобы просто поболтать, извини, мне не до этого. Или ты хочешь о чем-то спросить?

— Я действительно хотел задать тебе вопрос. В сегодняшнем выпуске «Мейл» на тринадцатой странице есть статья о глиняной дощечке. Не видела?

— Как ни странно, видела. Я прочитала ее по дороге на работу. На самом деле я здорово посмеялась, потому что так называемый эксперт, с которым журналист не смог связаться, это я и есть. Вчера во второй половине дня он позвонил в музей, и звонок перевели ко мне в кабинет. В общем-то глиняные дощечки не являются моей специальностью, но оператор, видимо, решил, что керамика относится к той же области. Так или иначе, я как раз выбежала попить чаю, а когда вернулась к себе, этот парень уже повесил трубку. Так что это правда, что я «воздержалась от комментариев», но на каких-то три минутки. Эти голимые журналюги вечно так поступают.

— Ну, я что-то в таком роде и предполагал, — сказал Бронсон. — Но может это быть правдой? Может эта глиняная дощечка действительно быть такой ценной?

— Очень сомнительно. Таким дощечкам цена грош за десяток в базарный день. Не буквально, конечно, но ты меня понимаешь. Их находят по всему белу свету — иногда в виде фрагментов, но и целые встречаются очень часто. По приблизительным оценкам, в запасниках музеев разных стран хранится до полумиллиона дощечек, которые никто не изучал, не пытался расшифровать, а многие ни один из специалистов даже в руки не брал. В общем, их просто пруд пруди. Их использовало большинство древних народов для всяческих кратких записей. Чего на них только нет — от имущественных подробностей и счетов до рецептов; в общем, на них писали практически все, что только можно представить. Находили дощечки с надписями на латыни, греческом, коптском,

древнееврейском, арамейском, но большинство выполнено клинописью.

— А что это такое, если поточнее?

— Это такая древняя форма письма. Значки, использовавшиеся в ней, имеют форму клина. Их особенно удобно наносить при помощи стила на еще влажную глину. Вообще, глиняные дощечки — это просто занятные свидетельства о повседневной жизни людей того или иного исторического периода. Они, конечно, имеют определенную ценность, но, как правило, только лишь для ученых да музейных работников.

— Пусть так, — произнес Бронсон, — но здесь в Марокко убиты два человека, а глиняная дощечка, которую, как известно, погибшая женщина подобрала на *суке*, исчезла. Причем вместе с принадлежавшей ей камерой. А вчера за мной по всему Рабату гонялась шайка каких-то типов, и они...

— Что? Это были местные бандиты?

— Понятия не имею, — признался Бронсон. — У меня почему-то не возникло желания спросить, что им было надо. Но скажи: если сама дощечка действительно не имеет никакой ценности, может быть, важно то, что на ней написано? Такое возможно?

После недолгого раздумья Анджела ответила:

— Все может быть, но я сильно сомневаюсь. Просто потому, что большинство этих дощечек имеют возраст от двух до пяти тысяч лет. Но то, что произошло с тобой, Крис, меня очень тревожит. Если ты прав и надпись на дощечке важна, тогда все, кто ее видели, могут находиться в опасности.

— У меня есть с полдюжины снимков дощечки, но что может означать надпись, я даже не представляю. Да я даже не знаю, на каком это языке.

— Ну что ж, думаю, я смогу тебе помочь. Перешли мне снимки по электронной почте сюда, в музей, а я попрошу одного из наших специалистов по древним языкам посмотреть на них. Таким образом мы,

по крайней мере, узнаем, что написано на дощечке, и заодно проверим твою гипотезу.

— Отличная идея, — обрадовался Бронсон. Собственно, именно на такой ответ он и надеялся. — Отправлю тебе их сию же минуту. Загляни в свой почтовый ящик минут через пять.

15

Четверть часа спустя Анджела проверила электронную почту и сразу же обнаружила письмо от Криса. Она просмотрела на компьютере четыре присланные фотографии глиняной дощечки и затем распечатала их в черно-белом варианте. Она знала, что так работать с ними будет легче, нежели в цвете. Откинувшись на спинку вращающегося кожаного кресла, Анджела принялась изучать изображения артефакта.

Экс-супруга Бронсона занимала этот кабинет с самого своего поступления на работу в музей. В небольшом по площади квадратном помещении не имелось ничего лишнего. Центральное место занимал рабочий стол в форме буквы L. На короткой его стороне стоял компьютер Анджелы и цветной лазерный принтер. В центральной части длинной стороны возвышалась гора черепков — их ей предстояло сегодня разобрать, — а также лежало несколько папок и записных книжек. В углу кабинета стоял деревянный верстак, на котором Анджела проводила работы по консервации материалов, используя для этого набор блестящих инструментов из нержавеющей стали, очищающие жидкости, различные клеи и прочие химические препараты. Рядом расположились несколько стеллажей с выдвижными ящиками, а над ними на стене висели две полки, на которых выстроились в ряд справочники.

Британский музей просто огромен — да и как может быть иначе, если только постоянных сотрудни-

ков, которые ежедневно приходят на работу, насчитывается около тысячи? Плюс пять миллионов посетителей ежегодно. Здание музея занимает площадь порядка семидесяти пяти тысяч квадратных метров — это в четыре раза больше знаменитого римского Колизея и равно девяти футбольным полям, — в нем три с половиной тысячи дверей. Это одно из самых эффектных строений во всем Лондоне, да и, коли на то пошло, во всем мире.

Анджела внимательно просмотрела распечатанные фотографии и покачала головой. К сожалению, качество снимков совсем не оправдало ее надежд и ожиданий. Запечатленный на фотографиях предмет определенно представлял собой глиняную дощечку, и Анджела почти не сомневалась, что сможет определить, на каком языке сделана надпись, — вот только задача эта оказалась не из легких, поскольку изображение на всех четырех снимках было очень нечетким.

Примерно через минуту она положила распечатки на стол и погрузилась в размышления. Разглядывая фотографии, Анджела неизбежно возвращалась мыслями к Крису, а вместе с этим внутри нарастало замешательство и чувство неопределенности, как бывало всякий раз, когда она думала о бывшем муже. Брак их был недолгим, но нельзя сказать, что совсем неудачным. По крайней мере, они остались друзьями, а многие ли разведенные супруги могут похвастать тем же? Вся проблема заключалась в постоянном и незримом присутствии в их отношениях третьего — точнее, третьей — Джеки Хэмптон, жены лучшего друга Бронсона. Анджела внезапно поняла, как это похоже на избитый стереотип, и криво усмехнулась.

Все дело было в том, что Крис испытывал сильную и безответную страсть к Джеки. Страсть, которой — Анджела это знала — он никогда не позволял выплыть наружу; страсть, о существовании которой Джеки находилась в блаженном неведении. Нет-нет, он никогда не давал Анджеле ни малейшего повода

заподозрить его в неверности — он был очень честным и порядочным человеком, — и, положив руку на сердце, следовало признать: вина в том, что их брак распался, лежит на ней, на Анджеле. Как только она поняла, что Крис испытывает настоящие чувства к другой женщине, то обнаружила, что ни за что на свете не смирится с второстепенной ролью.

Но теперь Джеки уже не было в живых, и чувства Бронсона неизбежно претерпели перемену. Уже некоторое время он пытался — и прилагал к тому немалые усилия — стать к ней ближе, проводить с ней больше времени, но до сих пор Анджела, в свою очередь, делала все, чтобы держать бывшего мужа на расстоянии. Она твердо решила: чтобы позволить Крису вернуться в ее жизнь, она должна быть на сто процентов уверена, что подобное ни с кем и никогда больше не повторится. И пока у нее такой уверенности не было.

Анджела встряхнула головой и снова посмотрела на фотографии.

— А ведь это и вправду арамейский, — чуть слышно пробормотала она.

По-арамейски Анджела понимала лишь самую малость, однако в музее работали несколько человек, чьи познания в языке намного превышали ее и позволили бы им перевести древний текст. Логичнее всего было бы обратиться к Тони Бэверстоку, одному из старейших сотрудников и признанному специалисту по древним языкам. Было, правда, одно «но»: Анджела его недолюбливала. Впрочем, это вряд ли могло помешать делу, поэтому она взяла два снимка и направилась по коридору к его кабинету.

— Ну, что тебе угодно? — раздраженно спросил Бэверсток, когда Анджела, предварительно постучав, вошла и остановилась перед столом, на котором в беспорядке были разбросаны разнообразные предметы. Специалист по древним языкам своей коренастой фигурой смахивал на медведя. Несмотря на то что ему не исполнилось еще и пятидесяти, волосы Бэверстока

были седыми, и, глядя на его неопрятный внешний вид, сразу становилось понятно, что он холостяк.

— И тебе тоже доброе утро, Тони, — сладким голосом приветствовала его Анджела. — Посмотри, пожалуйста, две эти фотографии.

— Что это такое? Зачем? Я занят.

— Я отниму у тебя всего несколько минут. У меня тут пара фотографий глиняной дощечки. К сожалению, они весьма плохого качества и разобрать как следует текст, чтобы понять, о чем он, затруднительно. Текст, кстати говоря, на арамейском. Собственно, от тебя я прошу только одного: сказать, о чем гласит надпись. А если ты еще рискнешь предположить, когда она была сделана, это будет совсем хорошо.

Анджела положила на стол распечатанные фотографии. Бэверсток взглянул на них, и в этот миг Анджеле показалось, что в глазах его промелькнуло *узнавание*.

— Ты видел ее раньше?

— Нет, — резко бросил он, посмотрел на девушку и быстро перевел взгляд на один из снимков. — Ты права, — нехотя буркнул Бэверсток. — Надпись сделана на разновидности арамейского. Оставь их мне, и я попробую что-нибудь сделать.

Анджела коротко кивнула и покинула кабинет.

Несколько минут Тони Бэверсток просто сидел за столом, не сводя глаз с лежащих перед ним фотографий. Наконец он оторвался от них, посмотрел на наручные часы, отпер ящик стола и вытащил оттуда маленькую черную записную книжку. Сунув ее в карман куртки, он вышел из кабинета, прошел по коридорам к выходу из музея и направился по Грейт-Рассел-стрит к ближайшей телефонной будке.

На том конце провода ответили после пятого гудка.

— Это Тони, — произнес Бэверсток. — Всплыла еще одна дощечка.

Александр Декстер был погружен в чтение журнальной статьи, посвященной антикварным часам, и не стал отвлекаться, увидев, что на мобильник пришло СМС-сообщение. Когда же он наконец его прочитал, то выпрямился и пробормотал проклятие. Сообщение гласило: «См. Д мэйл, стр 13. Перезвони».

Декстер записал номер, с которого пришло СМС, схватил ключи от машины, закрыл на засов дверь магазина и повернул табличку надписью «ЗАКРЫТО» наружу. Затем из ящика письменного стола он достал другой мобильник с сим-картой «pay-as-you-go»¹ и аккумулятор — Декстер всегда вынимал аккумулятор, когда не пользовался телефоном, — и через черный ход покинул магазин.

Декстер занимался вполне законным антикварным бизнесом, будучи одним из нескольких антикваров, ведущих дела в маленьком городке Петуорт, что в Суррее. Петуорт являлся своего рода Меккой для продавцов и покупателей предметов старины. Специализировался Декстер на старинных часах и хронометрах, а также на небольших предметах дорогой мебели, хотя готов был купить любую вещь, если полагал, что она принесет ему прибыль. Все свои доходы он каждый год честно заносил в налоговую декларацию, которую представлял в управление налоговых сборов. Так же аккуратно он уплачивал налог на добавленную стоимость. Все отчетные документы содержались в образцовом порядке, в них вносились записи обо всех сделках, о каждой покупке и продаже. Благодаря столь тщательному ведению дел и вниманию к каждой мелочи Декстер счастливо избегал проверок налоговых инспекторов, и только один раз его

¹ Распространенный в Великобритании способ пользования мобильной связью — без заключения контракта, баланс пополняется с помощью ваучеров. Наиболее удобен для людей, которые пользуются телефоном только в случае необходимости или только для приема звонков.

удостоил посещением инспектор по VAT¹. Второго визита Декстер в ближайшее время не ожидал.

Однако, помимо легального, был у него еще и нелегальный бизнес, о котором большинство его клиентов — и, уж конечно, налоговые инспектора и полиция — ничего не знали. За годы упорной работы Декстер обзавелся внушительным списком состоятельных клиентов, которые вечно находились в поисках чего-нибудь «эдакого» и которым было совершенно безразлично, откуда он достал раритет и сколько тот стоит. Платили эти покупатели исключительно наличными и никогда не требовали никаких расписок.

Декстер именовал себя искателем, хотя на самом деле являлся обычным перекупщиком краденого. Как правило, он предпочитал иметь дело с вещами, похищенными из никому не известных гробниц, а также других источников древностей в Египте, Африке, Азии и Южной Америке. Впрочем, не гнушался Декстер и предметами, украденными из частных коллекций или музеев, — лишь бы цена была подходящей, а риск сводился к минимуму.

Он обогнул здание, в котором размещался магазин, забрался в «БМВ» третьей серии и выехал на улицу. На окраине Петуорта Декстер остановился на заправочной станции, залил бак бензина и купил номер «Дейли мейл». Выбравшись из города, он проехал с десяток миль и наконец затормозил на придорожной площадке для отдыха.

Достав газету, он пролистал ее, пока не добрался до тринадцатой страницы. Взглянул на слегка размытое изображение и, не теряя времени, приступил к чтению статьи. Глиняные дощечки не являлись чем-то редким и не были для Декстера особо желанной добычей, однако он с нарастающим волнением читал помещенный в газете материал.

¹ VAT (англ. value added tax) — налог на добавленную стоимость.

Он закончил чтение и покачал головой. Совершенно очевидно, что родственники погибшей пожилой семейной пары были неверно информированы — а скорее всего, не информированы вовсе — о возможной стоимости артефакта. Но в таком случае оставался неразъясненным один очевидный вопрос. Если верна выдвинутая Дэвидом Филипсом, зятем погибших, теория, что его тесть с тещей были убиты с целью ограбления, тогда почему же воры не забрали такую привлекательную добычу, как деньги и кредитные карточки, а взяли одну лишь старинную глиняную дощечку? Очень похоже на то, размышлял Декстер, что его клиент — некто Чарли Хокстон, отвратительнейший негодяй из Ист-Энда, который с первой же встречи вселил в него непередаваемый ужас и который при этом имел на удивление утонченный вкус к старинным вещам, — вовсе не единственный, кто разглядел, что глиняная дощечка может иметь огромную ценность.

Декстер поставил на место аккумулятор, включил мобильник и набрал номер, с которого было отправлено сообщение.

— Ты не очень спешил.

— Извини, — быстро ответил Декстер. — Так что я должен для тебя сделать?

— Ты прочитал статью? — спросил Хокстон.

— Да.

— Ну, тогда все должно быть ясно. Достань мне эту дощечку.

— Это может оказаться непросто, но, думаю, мне удастся раздобыть изображение надписи.

— Раздобудь, но я хочу заполучить саму дощечку. Там может быть что-то на задней части или на боках, то, чего не увидишь на фотографии. Декстер, ты вроде говорил, что у тебя хорошие связи в Марокко. Сейчас есть возможность это доказать.

— Это будет недешево.

— Плевать я хотел, сколько это будет стоить. Просто найди ее.

Декстер выключил мобильник, завел двигатель и, проехав около пяти миль на юг, припарковал «БМВ» в дальнем углу большой автостоянки возле паба. Из кармана куртки он вытащил маленькую записную книжку, в которую записывал телефонные номера и имена людей, специалистов в разных сферах, которых он периодически нанимал для выполнения деликатных поручений. Эти телефоны нельзя было найти ни в одном из справочников, кроме того, все они были для однократного использования, и их владельцы регулярно сообщали Декстеру новые номера, так что вся книжка была исписана цифрами.

Он снова включил мобильник и открыл записную книжку. Едва телефон поймал сигнал сети, Декстер набрал номер.

— У аппарата.

— У меня есть для вас работа, — сказал Декстер.

— Говорите.

— Дэвид и Кирсти Филипс. Они живут в Кентербери. Адрес должен быть в списке избирателей или в телефонной книге. Меня интересует их компьютер.

— Сделаем. Как срочно?

— Как можно скорее. Если получится, то сегодня. Гонорар как обычно?

— Расценки немного выросли, — отозвался на том конце провода хриплый голос. — Это обойдется вам в штуку.

— Согласен. И вы же постараетесь, чтобы все было чисто?

Закончив разговор, Декстер вывел «БМВ» со стоянки, проехал еще пару миль, остановился и снова достал записную книжку. Включил мобильник и набрал другой номер, на этот раз начинающийся с цифр 212¹.

¹ 212 — международный телефонный код Марокко.

— *As-Salaam alaykum, Izzat. Kef halak?*

Декстер говорил по-арабски достаточно свободно, хотя и не бегло, и поприветствовал собеседника официально («Мир тебе!»), а потом уже по-свойски поинтересовался: «Как дела?» Он выучил язык в основном из-за того, что большинство его «особых» клиентов интересовались старинными предметами, которые чаще всего можно было найти в арабских странах. А если ты можешь говорить с продавцом на его родном языке, это намного облегчает сделку.

— Чего тебе нужно, Декстер? — ответили на том конце провода низким голосом с сильным акцентом, хотя и на правильном английском.

— Как ты догадался, что это я?

— Только одному человеку в Великобритании известен этот номер.

— Понятно. Слушай, у меня есть для тебя работа.

Больше трех минут понадобилось Декстеру, чтобы объяснить Иззату Забари, что произошло и что он просит его сделать.

— Это будет непросто, — ответил Забари.

Практически такой ответ Декстер и ожидал услышать. Собственно говоря, сколько он помнил, всякий раз, когда он поручал марокканцу работу, тот отвечал одно и то же.

— Знаю. Но ты сможешь?

— Ну, — с сомнением протянул Забари, — я, пожалуй, могу прощупать свои связи в полиции. Возможно, им что-нибудь известно.

— Иззат, мне не нужно знать, как ты собираешься это сделать, только скажи: сможешь ты или нет? Я перезвоню вечером, хорошо?

— Отлично.

— *Ma'a Salaama.*

— *Alla ysalmak.* Пока.

* * *

Возвращаясь в Петуорт, Декстер размышлял, что предпринять дальше. Безусловно, надо закрывать магазин и как можно скорее лететь в Марокко. Забари вполне сможет справиться и сам, но Декстер не доверял практически никому и хотел лично находиться на месте, если марокканцу все же удастся найти и заполучить глиняную дощечку.

Слегка размытая фотография на тринадцатой странице «Дейли мейл» Декстеру была очень даже хорошо знакома. Около двух лет назад он продал Чарли Хокстону практически идентичную дощечку. Если Декстера не подводила память, дощечка являлась одной из многих реликвий, хранившихся в ящике, который его поставщик «взял» из запасника Каирского музея. Он вспомнил, что Хокстон горел желанием заполучить любую другую похожую дощечку — он считал, что та, которую он купил, является лишь одной из целой серии.

Что ж, похоже, что Хокстон оказался прав.

17

Сидевшие в замызганном белом «Форде Транзит» двое мужчин любому, кто бы обратил на них внимание, показались бы типичными рассыльными. Одеты они были в неброские джинсы, футболки и кожаные куртки, на ногах — грязные кроссовки. Оба были хорошо сложены и, похоже, отличались немалой силой. Они и в самом деле служили рассыльными в небольшой кентской фирме, но имели также и другую работу, которая и приносила им львиную долю доходов.

На лобовом стекле перед водителем на присоске был закреплен спутниковый навигатор. Мужчина, сидевший на пассажирском сиденье, внимательно изучал выведенный на экран план города. Но так как их официальная работа заключалась в том, чтобы на-

ходить в Кентербери нужный адрес, им необходимо было определять наиболее подходящий маршрут подъезда к тому или иному жилому кварталу, и оба мужчины предпочитали доверяться старой доброй карте, чем всецело полагаться на маленький многоцветный экран навигатора.

— Вот он, — ткнул пальцем мужчина на пассажирском сиденье, — слева, где на улице припаркован «Гольф».

Водитель микроавтобуса нажал на тормоз и припарковался на обочине, не доехав метров сто до искомого дома.

— Набери еще раз номер, — скомандовал он напарнику.

Второй мужчина вытащил мобильный телефон, потыкал пальцем в кнопки и нажал на «Вызов». Секунд двадцать он сидел и слушал, потом сбросил звонок.

— По-прежнему не отвечает, — сообщил он.

— Хорошо. Приступаем.

Водитель включил передачу, тронул машину с места и завернул за угол. Там он остановился прямо напротив особняка с левой стороны улицы и заглушил двигатель. Оба мужчины нацепили бейсболки, вылезли из микроавтобуса, открыли задние дверцы и вытащили из кузова большую картонную коробку.

Они прошли по тропинке мимо стоящего на подъездной дорожке «Фольксвагена» к двери черного хода и опустили коробку на землю. Случайный наблюдатель наверняка предположил бы, что коробка весит несколько десятков килограммов, хотя на самом деле в ней не было ровным счетом ничего.

Мужчины обернулись к проезжей части, потом внимательно огляделись по сторонам. Звонка на двери не оказалось, поэтому водитель просто постучал по стеклу. Как они и ожидали, в доме стояла полная тишина и на стук никто не отозвался — так же как никто не ответил пару минут назад на телефонный зво-

нок. Подождав еще немного, водитель достал из кармана куртки фомку, вставил ее в щель между дверью и косяком возле замка и с силой надавил на импровизированный рычаг. Раздался резкий щелчок, замок подался, и дверь распахнулась.

Они подхватили коробку и вошли в дом. Оказавшись внутри, взломщики разделились: водитель стал подниматься по лестнице, а его поделщик начал обыскивать комнаты на первом этаже.

— Давай сюда. Помоги мне.

Второй мужчина бросился вверх по лестнице и увидел, что напарник выходит из кабинета и держит в руках системный блок.

— Возьми монитор, клавиатуру и все остальное, — скомандовал он.

Компьютер они погрузили в коробку, а затем прошли по дому, наводя кругом беспорядок: срывали покрывала с кроватей, выбрасывали вещи из платяных шкафов и выдвижных ящиков. Словом, создавали впечатление налета ошалевших наркоманов.

— Ну, думаю, так сойдет, — озирая воцарившийся в гостиной хаос, промолвил водитель.

Они подхватили с двух сторон теперь уже действительно тяжелую коробку, прошли тем же путем обратно и погрузили добычу в грузовое отделение «Транзита», а сами забрались в кабину. Только что они честно заработали пятьсот фунтов.

«Вовсе неплохо за каких-нибудь десять минут работы», — весело подумал водитель, поворачивая ключ в замке зажигания.

Вовсе неплохо.

18

— Анджела? Заходи.

Как это типично для Тони Бэверстока, подумалось Анджеле. Лаконичен чуть ли не до бесцеремонности плюс к тому совершенно пренебрегает всеми светски-

ми: ни тебе «здрасьте», ни «пожалуйста». Когда она вошла в кабинет, Тони удобно откинулся в кресле на колесиках, а ноги водрузил на угол стола. Фотографии, которые передала ему Анджела, лежали рядом с ботинками.

— Удалось что-нибудь сделать? — спросила Анджела.

— И да и нет.

И это тоже было очень похоже на Бэверстока. Он считался признанным мастером давать уклончивые ответы на прямые вопросы.

— Пожалуйста, по-английски, — попросила Анджела и села в кресло для посетителей.

Бэверсток хрюкнул и подался вперед.

— Хорошо. Как ты и предположила, надпись сделана на арамейском, что само по себе несколько необычно. Как ты должна знать, — от слабо завуалированного намека на ее некомпетентность Анджела почувствовала себя неуютно, — после шестого века до нашей эры такой тип дощечек практически перестали использовать. Причина проста: в силу особенностей арамейского рукописного шрифта гораздо удобнее было писать на папирусе или пергаменте, чем выводить каждый символ на глине. И еще более необычная особенность — то, что это настоящая тарабарщина.

— О, ради бога, Тони, выражайся, пожалуйста, по-английски.

— А это и *есть* английский. Эта дура — а я предполагаю, что снимки сделаны именно женщиной, — совершенно очевидно, была никудышным фотографом. Она умудрилась сделать две фотографии лицевой поверхности дощечки так, что фактически в фокусе оказалась только лишь где-то половина одной строчки надписи. Перевести весь текст представляется абсолютно невозможным. Ну а из того, что мне все же удалось расшифровать, ясно, что дальнейший перевод будет, похоже, пустой тратой времени.

— Что это значит?

— На дощечке, судя по всему, действительно начертаны слова на арамейском. Взятые по отдельности, они вполне понятны, но вот все вместе не имеет никакого смысла. — Бэверсток ткнул пальцем во вторую из шести строк символов на одном из снимков. — Это единственная строчка из всей надписи, которую худо-бедно можно прочесть, да и то одно слово в ней непонятно. Вот это слово, *'arabaāh*, означает цифру четыре. Ну, это-то достаточно просто. Следом за ним идет слово «и». Перед ним можно перевести еще три слова, а именно — «дощечки», «против» и «исполнить». Таким образом, предложение в целом будет звучать следующим образом: «исполнить против непонятное слово дощечки четыре и». Это я и подразумевал под тарабарщиной. Каждое отдельно взятое слово имеет смысл, но целиком предложение представляет полную бессмыслицу. Это как будто было домашнее задание для ребенка, просто набор случайных слов.

— Ты именно так и думаешь?

Бэверсток отрицательно покачал головой.

— Я этого не сказал. Мне доводилось видеть немало арамейских текстов, и я могу сказать, что этот явно начертан рукой взрослого человека. Смотри: символы нанесены короткими, уверенными штрихами. Мое мнение такое, что надпись была сделана образованным взрослым человеком, причем мужчиной. Не забывай, в то время женщины в большинстве своем были неграмотными, точно как многие из них и по сей день, — язвительно прибавил он.

— Тони, — предостерегающе произнесла Анджела.

— Да я же шучу, — отмахнулся Бэверсток.

Но Анджела знала, что его высказывания о женщинах всегда находятся, что называется, на грани фола. По ее мнению, Бэверсток был высокомерным и напыщенным, но, в сущности, безобидным кабинетным женоненавистником. Он не делал особого секрета из того, что терпеть не может успешных женщин,

а особенно успешных женщин, которые были настолько неосмотрительны, что сочетали в себе красоту и ум. Анджела даже помнила пару случаев, когда он накидывался на нее с оскорблениями, но оба раза она давала хаму достойный отпор.

Хотя Анджела знала, что ее нельзя назвать красивой в общепринятом смысле, светлые волосы и карие глаза — да, и еще губы, губы, про которые Бронсон всегда говорил, что они приносят счастье, — делали ее чрезвычайно привлекательной. Она производила неизгладимое впечатление почти на всех мужчин, за что, собственно, Бэверсток и невзлюбил ее с первого же дня.

— О каком времени мы говорим? — спросила Анджела.

— Надпись сделана на староарамейском, который был в ходу примерно с 1100 года до нашей эры по 200 год нашей эры.

— Послушай, Тони, это же больше тысячи лет! Неужели нельзя несколько сузить хронологические рамки?

Бэверсток покачал головой.

— Ты знаешь что-нибудь об арамейском языке?

— На самом деле немного, — признала Анджела. — Я работаю с глиняной посудой, с керамикой вообще. Могу отличить большинство древних языков и прочитать на них по несколько слов. Но единственный язык, который я хорошо понимаю, с которого могу переводить, — это латынь.

— Ну хорошо. Тогда разреши дать тебе краткий урок. Арамейский язык появляется около 1200 года до нашей эры, когда народ, впоследствии ставший известным как арамеи, поселился в области Арам, в Верхней Месопотамии и Сирии. Вероятно, язык происходит от финикийского, и, так же как и финикийские, арамейские тексты читались справа налево. У финикийцев не было символов для обозначения гласных звуков, в то время как арамеи начали приме-

нять некоторые буквы, главным образом *aleph*, *he*, *waw* и *yodh*, для отображения на письме гласных.

Письменные памятники на языке, получившем название арамейский, начинают появляться примерно пару сотен лет спустя, а к середине восьмого века до нашей эры он стал официальным языком Ассирии. Около 500 года до нашей эры, после того как Месопотамию завоевал персидский царь Дарий I, должностные лица так называемой Империи Ахеменидов начали пользоваться арамейской письменностью во всех официальных документах, имевших хождение на территории Империи. Среди ученых нет единого мнения, стало ли это результатом имперской политики, или же арамейский просто оказался наиболее удобным языком для многонационального образования.

— Империя Ахеменидов? Напомни, пожалуйста.

— Я думал, даже тебе это известно, — раздраженно произнес Бэверсток, но все-таки соизволил продолжить: — Она просуществовала примерно с 560 по 330 год до нашей эры и была первой из многочисленных персидских империй, которые владели в разное время большей частью территории современного Ирана. Если принимать во внимание захваченные ею земли, это было крупнейшее дохристианское государство, занимавшее площадь почти три миллиона квадратных миль на трех континентах. Среди покоренных персами областей и стран были Афганистан, Малая Азия, Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия и Фракия.

Для нас важно то, что примерно с 500 года до нашей эры язык становится известен как имперский или ахеменидский арамейский. Обретя статус официального, он, что удивительно, на протяжении следующих порядка семисот лет практически не изменялся. Как правило, единственный способ определить, где и когда была создана та или иная надпись, заключается в распознавании заимствованных слов.

— То есть?

— Это слова, использовавшиеся для описания предметов или мест, для выражения понятий или воззрений, которые не имели точного эквивалента в арамейском языке и потому заимствовались из местного языка, чтобы максимально доходчиво и правильно передать ту или иную часть текста.

— А в этом тексте ничего подобного нет? — спросила Анджела.

— В той полудюжине слов, что мне удалось разобрать, — нет. Если хочешь знать поточнее, ну, я бы предположил, что эта дощечка имеет довольно позднее происхождение, пожалуй, не раньше начала первого тысячелетия до нашей эры. Но конкретнее определить я не берусь.

— И это все?

— Ты же знаешь, Анджела, я не люблю строить досужие предположения. — Несколько секунд Бэверсток молча рассматривал снимки глиняной дощечки. — У тебя нет фотографий получше? — спросил он. — И откуда взялась эта дощечка?

Что-то в интонации, с которой Бэверсток задал вопрос, заставило Анджелу насторожиться. Она покачала головой:

— Насколько мне известно, других фотографий не существует. И я понятия не имею, где была найдена дощечка. Мне просто прислали снимки для изучения.

Бэверсток хрюкнул.

— Дай мне знать, если вдруг у тебя появится что-то еще. Если в моем распоряжении окажутся фотографии лучшего качества, я бы смог тебе сказать более точно, где была сделана надпись. Но не исключено, — прибавил он, — подчеркиваю, не исключено, что дощечка эта из Иудеи.

— Почему?

Бэверсток показал на то единственное во второй строке слово, которое ему не удалось перевести.

— Конечно, качество снимков настолько отвратительное, что по ним почти ничего нельзя определить, но возможно, что это слово «*Ир-Цадок*».

— И что это означает?

— Само по себе ничего особенного. Но это может быть первая половина имени собственного *Ир-Цадок Секаха*. Это старинное арамейское название поселения на северо-западном берегу Мертвого моря. В наше время оно больше известно под своим арабским именем, которое переводится как «Две Луны».

Бэверсток замолчал и через стол посмотрел на собеседницу.

— Кумран? — осторожно предположила Анджела.

— В точку. Хирбет Кумран, таково его полное название. «Хирбет» переводится как «руины». Это слово происходит от древнееврейского *horbah*. Его можно встретить по всей Иудее, где оно используется для обозначения древних поселений.

— Спасибо, Тони, я *знаю*, как переводится слово «хирбет». Стало быть, ты считаешь, что эта дощечка из Кумрана?

Бэверсток покачал головой:

— Нет. Я не могу быть уверен, что правильно прочитал надпись. Но даже если и так, слово само по себе может ничего не значить. Оно может быть частью целой фразы. И если оно *все же* означает Кумран, опять-таки, возможно, это просто упоминание о поселении.

— А когда оно возникло, это поселение? В первом веке до нашей эры?

— Немного раньше, в конце второго столетия. В нем жили примерно до 70 года нашей эры, до того времени, когда пал Иерусалим. Это и есть основная причина, по которой я отношу дощечку к весьма позднему периоду. То есть, если я прав и *Ир-Цадок* является частью названия *Ир-Цадок Секаха*, тогда почти наверняка надпись на дощечке была сделана в тот период, когда ешиимы — это племя сегодня боль-

ше известно как ессеи — предположительно, обитали в Кумране. Отсюда и происходит очень приблизительная датировка.

— Значит, в тексте на дощечке присутствует только упоминание о Кумране, но сама она не из есеевской общины.

— Я этого не говорил. А сказал я, что в надписи, *возможно*, присутствует упоминание о Кумране, но сама дощечка, *вероятно*, не имеет отношения к ессеям.

— Хорошо. А есть еще слова, которые ты бы мог перевести?

— Вот здесь. — Бэверсток показал на последнюю строчку. — Это слово похоже на «локоть» или «локтей», но я не стану за это ручаться. И еще одно слово — вот здесь — может означать «свитков».

— И ты по-прежнему не знаешь, что собой представляет сама дощечка? И может ли она иметь ценность?

Бэверсток покачал головой.

— Определенно, она не имеет никакой ценности. Что касается назначения, скорее всего, она так или иначе связана со школой. Я думаю, это было нечто вроде учительского пособия, для того чтобы научить детей правильно писать определенные слова. Так что твоя дощечка — не более чем просто любопытная вещь и никакой ценности, конечно же, не представляет, разве только для ученых.

— Спасибо, Тони. — Анджела поднялась с кресла. — Я и сама пришла к такому же заключению и просто хотела удостовериться.

Анджела ушла, а Тони Бэверсток несколько минут сидел в глубокой задумчивости. Он надеялся, что не ошибся, когда сообщил Анджеле Льюис точный перевод части надписи, которую ему удалось разобрать. На самом деле он смог перевести еще с полудюжины слов, но значение их решил не разглашать. С гораздо большей охотой он не сказал бы ей вообще ничего, но тогда настырная женщина могла бы отправиться к

другому специалисту по древним языкам, а Бэверстоку вовсе не хотелось, чтобы кто-либо заинтересовался возможным скрытым смыслом некоторых слов старинного текста.

Теперь же, если Анджеле вздумается продолжить поиски, единственное место, куда они могут ее привести, это Кумран. А в том, что там она абсолютно ничего не найдет, Бэверсток был уверен почти на сто процентов.

Через два часа Бэверсток остановился у дверей кабинета Анджелы Льюис и постучался. Как он и предполагал, ответа не последовало. Бэверстоку было известно, что именно в это время Анджела обычно ходит перекусить. Для пущей уверенности он постучал еще раз, потом открыл дверь и проник внутрь.

В течение последующих пятнадцати минут он быстро, но тщательно обыскивал комнату, проверил все ящики стола и шкафы, но безрезультатно. Бэверсток очень надеялся, что глиняная дощечка на самом деле хранится в кабинете Анджелы, но все, что ему удалось найти, это еще два снимка реликвии. Их он забрал с собой. Перед уходом Бэверсток попытался залезть в электронную почту Анджелы, но потерпел неудачу: отключить экранную заставку без пароля было невозможно.

Тем не менее, размышлял Бэверсток, возвращаясь в собственный кабинет, не исключено, что дощечка все же находится у Анджелы, — возможно, спрятана в ее квартире. Что ж, в таком случае нужно сделать еще один звонок.

19

Для того чтобы на тебя не обращали внимания где бы то ни было, требуются всего две вещи: иметь соответствующую внешность и вести себя уверенно. Вошедший в один из отелей Рабата темноволосый заго-

релый мужчина в костюме западного покроя, с большим портфелем, был настолько неотличим от любого другого постояльца, что портье за стойкой удостоил его лишь мимолетным взглядом и вернулся к своим занятиям.

Мужчина тем временем уверенной походкой пересек холл и начал подниматься по центральной лестнице. На следующем этаже он остановился, вызвал лифт и нажал кнопку с цифрой четыре. Сверившись с висящей возле лифта табличкой, указывающей расположение номеров, мужчина повернул направо. Около номера 403 он остановился, поставил портфель на пол, натянул тонкие латексные перчатки, вытащил из кармана тяжелую резиновую дубинку и свободной рукой громко постучал в дверь. Когда он заходил в отель, то заметил женщину — она сидела со стаканом в руке в примыкающем к холлу баре, — но вот мужа ее нигде не было видно. Хорошо, если он вышел куда-нибудь. В этом случае придется воспользоваться лежащим в кармане куртки, в изящном кожаном футляре, набором отмычек. Если же муж окажется в номере — что ж, тогда ему сегодня просто не повезло.

За дверью послышались шаги. Мужчина покрепче ухватился за рукоять дубинки и поднес к лицу большой белый носовой платок — будто собирался высморгаться.

Дверь широко распахнулась, и в коридор выглянул Дэвид Филиппс.

— Да? — спросил он.

Филиппс наткнулся взглядом на стоящего прямо перед ним черноволосого мужчину, большая часть лица которого была прикрыта белой тканью, а в следующее мгновение он уже падал навзничь, после того как что-то темное просвистело в воздухе и врезалось ему в лоб. Искры посыпались у него из глаз; все, что видел Филиппс, это яркие вспышки белого и красного

света, который будто взрывался прямо в голове. А еще через мгновение он лишился чувств.

Нападавший быстрым взглядом окинул коридор, но тот был совершенно пуст. Тогда он подхватил чемодан, прошел внутрь, затащил через порог тело бесчувственного Филипса и прикрыл за собой дверь.

Номер был небольшой, и на то, чтобы его обыскать, ушло меньше пяти минут. Вскоре мужчина уже покидал 403-й, при этом чемодан его был значительно тяжелее, чем прежде. И как никто не обратил на него внимания, когда он заходил в отель, на выходе мужчине также удалось остаться незамеченным.

— Прощу прощения, что снова вас побеспокоил, — неловко начал Бронсон, присаживаясь напротив Кирсти Филипс.

Буквально несколько минут назад сержанту позвонил «Дикки» Бёрд и рассказал, что в доме Филипсов совершено ограбление. Бронсону это известие крайне не понравилось: похищение персонального компьютера у английской четы определенно имело связь с тем, что произошло в Марокко. Вот только Бёрд не был так в этом убежден.

— Что случилось? — Раздражение в голосе Кирсти смешалось с ощутимым беспокойством. — В смысле, кто-нибудь из соседей что-нибудь видел?

— На самом деле, — произнес Бронсон с извиняющейся улыбкой, — несколько человек видели в точности все, что произошло. Но все они предположили, что вы уже вернулись из Марокко и вам доставили из магазина холодильник или что-то еще. К вашему дому подъехал белый фургон, из него вышли двое мужчин и занесли внутрь большую картонную коробку. В доме они провели около десяти минут, а затем вышли обратно — судя по всему, с компьютером в коробке, — сели в машину и уехали.

— Это все, что они взяли?

— По словам вашей соседки, миссис Тернбулл, — да. Она осмотрела дом и сказала, что пропал только компьютер. Могу вас успокоить: хоть взломщики и перевернули все вверх дном — впечатление такое, будто из каждого ящика вывалили все до последней вещицы, — серьезного ущерба они не причинили. Единственное, что пострадало, — это замок на двери черного хода. Миссис Тернбулл уже договорилась о его замене, и еще она сообщила, что к вашему приезду все как следует приберет.

— Она всегда так к нам добра, — кивнула Кирсти. — И так со всем прекрасно управляется.

— Да, такое впечатление она и производит. Кстати, а где ваш супруг?

— О, он поднялся в номер как раз перед вашим приходом, но должен с минуты на минуту появиться.

С этими словами Кирсти бросила взгляд в сторону холла и внезапно вздрогнула всем телом.

— Дэвид! — крикнула она и вскочила на ноги.

Через холл шел, спотыкаясь и качаясь из стороны в сторону, Дэвид Филипс. По щеке струилась кровь, но мужчина этого не замечал.

Бронсон и Кирсти почти одновременно подбежали к нему, схватили под руки, осторожно завели в бар и усадили в кресло.

— Что, черт возьми, произошло? Ты упал, или что случилось? — ощупывая пальцами рану на лбу, спросила Кирсти.

— Ш-ш-ш! Больно, Кирсти, — выдавил Филипс и отвел ее руку в сторону. — Я не упал. Меня толкнули.

— Не думаю, что придется зашивать, но кровоподтек выглядит очень скверно, — внимательно осмотрев рану, заметил Бронсон.

Рядом возник бармен с целым ворохом бумажных салфеток. Бронсон поблагодарил его и попросил принести стакан воды.

— Я бы не отказался от чего покрепче, — пробурчал Филипс.

— Это не для питья, — сказал Бронсон.

— И бренди, — крикнула Кирсти в спину удаляющемуся бармену.

Когда он вернулся, Филипс схватил стакан и выпил маленькими глотками, в то время как жена смочила несколько салфеток и осторожно протерла рану, а затем начала смывать кровь с лица.

— Кожа, конечно, рассечена, — констатировала Кирсти, — но рана неглубокая, и можно обойтись без швов. А вот это поможет остановить кровотечение, — прибавила она и, свернув вместе несколько салфеток, приложила импровизированный тампон к ране. — Просто крепко его держи. А теперь расскажи, что с тобой случилось.

— Я был в номере, — начал Филипс, — и тут в дверь постучали. Только я открыл, как какой-то мужик стукнул меня — и сильно стукнул — по голове. И ведь ни слова не сказал, сразу отправил в нокаут. А когда я очухался, его уже и след простыл, а вместе с ним исчез и твой ноутбук.

Кирсти с ужасом посмотрела на Бронсона.

— Такое впечатление, что они охотятся за нашими компьютерами!

Бронсон не обратил на нее внимания, а повернулся к Филипсу.

— Мне совсем недавно сообщили, что ваш дом ограбили. И воры забрали компьютер.

— Вот черт!

— Сколько лет вашим компьютерам?

— Ну, мы купили их около трех лет назад, — сообщил Филипс. — А в чем дело?

— По сегодняшним меркам это уже старье, — повернувшись к Кирсти, решительно заявил Бронсон. — Красная цена трехлетнему компьютеру — пара сотен фунтов. А из этого следует, что того, кто организовал два этих ограбления, интересуют не сами

машины, а информация, хранящаяся на жестких дисках: электронные письма вашей матери и сделанные ею фотографии.

— Вы все еще считаете, что катастрофа на шоссе — не более чем несчастный случай? — спросил Дэвид.

Бронсон помотал головой:

— Ни в коем случае. За каждым вашим шагом внимательно следят. И, похоже, это из-за тех снимков, которые ваша теща сделала в Рабате. Все остальные версии не выдерживают критики. Вы все подготовили для возвращения тел на родину?

Дэвид Филипс кивнул.

— Отлично, — произнес Бронсон. — Тогда, я думаю, вам нужно лететь домой, и как можно скорее. И будьте очень осторожны и внимательны. Сейчас вы отделались лишь головной болью, но в следующий раз можете оказаться не столь удачливы.

Он собрался уходить, но задержался и внимательно посмотрел на чету Филипсов.

— У меня к вам последний вопрос. Предположим, что я прав и воры действительно интересовались содержимым компьютеров: фотографиями и прочим. Скажите, вы не копировали эти файлы на другую машину?

Дэвид Филипс утвердительно кивнул.

— Да. Электронные письма были только на ноуте Кирсти, но вот фотографии, которые сделала здесь теща, я сохранил также на нашем стационарном компьютере. Такое вот резервное копирование. Мы так всегда поступали — то есть регулярно делали копии всей информации на обеих машинах. Таким образом, в распоряжение воров попали фотографии той ссоры на *суке*, свидетелем которой была Маргарет, а также снимки глиняной дощечки. А поскольку оба компьютера исчезли, никаких доказательств у нас не осталось.

С двумя пакетами покупок в руках Андже́ла вошла в квартиру и закрыла за собой дверь. Отнесла пакеты на кухню и проследовала через нее в спальню, чтобы переодеться. Натянула джинсы и джемпер, затем вернулась на кухню, разгрузила покупки и стала варить себе кофе. С чашкой в руке она направлялась в гостиную, когда внезапно услышала за входной дверью тихий стук.

Андже́ла замерла и пару секунд стояла и недоуменно прислушивалась. Было не похоже, что кто-то стучится, просясь войти, — скорее о дверь ударялся какой-то предмет. Андже́ла поставила чашку с кофе на столик в прихожей, подошла к двери и осторожно заглянула в глазок.

Глазам ее предстало несколько искаженное изображение, но все же Андже́ла отчетливо разглядела топчущихся у входа в квартиру двух крупных мужчин. Один из них был занят тем, что просовывал то ли фомку, то ли ломик в щель между дверью и косяком. В руке у его напарника Андже́ла заметила нечто, очень похожее на пистолет.

— О боже, — пробормотала она и сделала пару шагов назад. Пульс учащенно забился.

Пальцы от волнения отказывались повиноваться, но Андже́ла все же сумела закрыть дверь на цепочку. Вот только вряд ли это могло надолго задержать взломщиков. Если они прихватили с собой ломик, вполне могли позаботиться и о кусачках.

Позабыв не то что про остывающий кофе, но и почти про все на свете, Андже́ла бросилась бегом по коридору в спальню, достала дорожную сумку и принялась собираться. Из гардероба она вытащила теплую куртку, потом сунула ноги в кроссовки, схватила сумку с ноутбуком, убедилась, что на месте — то есть в сумочке — лежат паспорт, мобильный телефон и кошелек, бросила туда же зарядное устройство для

мобильника. Затем открыла дверь черного хода, ведущую на пожарную лестницу с тыльной стороны здания.

Анджела быстро посмотрела вниз, убедилась, что внизу ее никто не дожидается, и только после этого закрыла за собой дверь. И в эту самую минуту из квартиры донесся треск, а следом громкий щелчок — похоже, грабители перекусили цепочку.

Не колеблясь дольше ни секунды, Анджела со всей прытью, на какую только была способна, начала спускаться вниз и через каждые несколько ступенек кидала взгляд на дверь черного хода. Она находилась едва ли на полпути, когда наверху показались двое мужчин. Они уставились прямо на нее, а потом один из грабителей выбрался на лестницу и стал быстро спускаться следом. Он с такой силой грохотал ботинками, что вся металлическая конструкция сотрясаясь и звенела.

— О господи, — снова прошептала Анджела и еще прибавила скорости. На последних метрах она уже просто перепрыгивала через несколько ступенек за раз, но все же кожей ощущала, что преследователь ее нагоняет.

Едва коснувшись ногами земли, Анджела сразу же бросилась бежать, обогнула здание и направилась в сторону улицы, отчаянно надеясь, что там окажется полно народу.

Но стоило ей только завернуть за угол своего многоквартирного дома, как навстречу выскочил мужчина. Он широко расставил руку и попытался схватить Анджелу.

На одно ужасное мгновение пальцы мужчины ухватили ее за куртку, но девушке удалось развернуться, она замахнулась и что было сил ударила нападавшего сумкой, в которой лежал ноутбук. Получив мощный удар по скуле, мужчина едва удержал равновесие на мокрой траве. Он зарычал от боли и, шатаясь, отступил на несколько шагов назад. Анджела

проскочила мимо, выбежала через открытые ворота для пешеходов и рванула к тротуару.

Людей на улице оказалось немного, и Андже́ла сразу же увидела движущееся черное такси с включенными фарами. Она засвистела и замахала руками, пытаясь привлечь внимание водителя, а затем оглянулась. Двое преследователей по-прежнему гнались за ней. Теперь они находились всего в каких-нибудь двадцати футах позади.

Такси притерлось к краю тротуара и остановилось. Последние несколько ярдов Андже́ла преодолела, словно финиширующий спринтер, рванула на себя дверь и буквально запрыгнула на заднее сиденье.

Таксист внимательно наблюдал за происходящим и, едва Андже́ла захлопнула за собой дверь, рванул машину с места и влился в дорожный поток прямо перед носом у движущегося в том же направлении автомобиля. Чтобы избежать столкновения, водитель последнего вынужден был ударить по тормозам, после чего с негодованием надавил на клаксон и долго не отпуская.

Андже́ла оглянулась. Преследователи стояли на тротуаре и злобными взглядами провожали удаляющуюся такси.

— Ваши друзья? — поинтересовался водитель.

— Нет, слава богу. Да, и спасибо вам. Спасибо огромное.

— Без проблем. И куда поедет, дорогуша?

— В аэропорт Хитроу, — попросила Андже́ла и достала из сумочки мобильник.

Машина стала набирать скорость. Несколько мгновений Андже́ла смотрела, не отрывая взгляда, в зеркало заднего вида на свой дом, а потом набрала на телефоне 999. Ответившего на звонок оператора она попросила соединить с полицией и рассказала представителям закона, что в ее квартиру только что залезли грабители.

Вечером того же дня Декстер вышел из своего магазина в Петуорте, сел в машину и направился в кафе на окраине Кроуборо, где его уже поджидал мужчина. Они недолго посидели, пропустили по стаканчику, после чего Декстер положил на стол запечатанный конверт. Выйдя на парковку, он вытащил из кузова небольшого белого фургона картонную коробку, перетащил ее в багажник «БМВ», сам сел за руль и поехал обратно в Петуорт.

Вернувшись в магазин, Декстер перенес добычу в подсобку, достал из коробки компьютер и поставил его на занимающую всю длину помещения скамью. Подсоединив необходимую периферию, он включил машину. Через пятнадцать минут он уже нашел все, что его интересовало, и разложил перед собой несколько распечатанных на принтере фотографий с изображением продолговатой серо-коричневой дощечки, покрытой письменами. Увы, снимки не оправдали надежд — они оказались не очень четкими, так что надпись стала ненамного понятнее, как он рассчитывал, хотя все же были намного лучше по сравнению с опубликованными в газете.

У Декстера не было ни малейшего представления, что может означать надпись, не знал он даже, на каком языке она сделана. Он просто засунул снимки в конверт из манильской бумаги, запер подсобку и вернулся в магазин. В кабинете в задней части здания у Декстера стоял мощный компьютер с винчестером большого объема, на котором хранилась подробная информация (изображения и описание) всех вещей, которые он купил или продал за много лет. Кроме того, в отдельной папке, защищенной восьмизначным буквенно-цифровым паролем, содержались подробные сведения обо всех «неофициальных» сделках.

Включив компьютер и перейдя в нужный каталог, Декстер начал сравнивать только что распечатанные

фотографии с изображениями глиняной дощечки, которую он продал Чарли Хокстону два года назад.

Удовлетворенный увиденным, он откинулся на спинку стула. Да, он оказался прав. Дощечка действительно являлась частью серии, и от этого находка приобретала большую ценность.

22

— Ну и что ты скажешь? — спросил Бронсон, когда в трубке раздался голос Анджелы.

— По сути, это ничего не стоящая глиняная дощечка; датируется она ориентировочно началом первого тысячелетия до нашей эры, — ответила Анджела. — Но я звоню по другому поводу.

Тон, каким она произнесла эти слова, встревожил Бронсона.

— Что случилось?

Анджела тяжело вздохнула:

— Когда я сегодня вернулась после ленча в кабинет, я обнаружила, что там кто-то покопался.

— Ты уверена?

— Вполне. Нет, никакого беспорядка, ничего такого, но кое-какие предметы на столе оказались передвинуты. Кроме того, исчезли две фотографии — из тех, что ты мне прислал. И еще — на экране компьютера была заставка, скринсейвер.

— И что это значит?

— Скринсейвер включается после пятиминутного бездействия компьютера, затем, по прошествии пятнадцати минут заставка исчезает, экран становится пустым. Я же отсутствовала больше часа.

— Стало быть, кто-то пользовался твоим компьютером не меньше пяти и не больше двадцати минут перед твоим возвращением. Что ты на нем хранишь? Есть что-то, не предназначенное для чужих глаз?

— Ничего такого, насколько я знаю, — ответила Анджела, — но в любом случае скринсейвер у меня

защищен паролем. Кто бы ни пытался ко мне залезть, у него бы все равно ничего не вышло. — Она помолчала, а когда снова заговорила, Бронсон услышал, как напрягся ее голос. — Но это не все.

— Что еще?

— У меня во второй половине дня были намечены дела, так что я ушла из музея вскоре после ленча. Только я пришла домой, как услышала за дверью шум. Я выглянула в глазок и увидела на площадке двух мужчин. У одного из них в руках была фомка или что-то вроде того, а у другого пистолет.

— Господи, Анджела! С тобой все в порядке? Ты позвонила в полицию? Где ты сейчас?

— Конечно, я позвонила. Думаю, есть небольшая вероятность, что где-нибудь на этой неделе они пришлют полицейского. Но я не стала задерживаться и дожидаться, когда же он объявится. Я покинула квартиру через черный ход и спустилась по пожарной лестнице. Ну а сейчас направляюсь в аэропорт Хитроу.

— Куда ты собралась? — поинтересовался Бронсон.

— В Касабланку. Подробности сообщу, когда буду в аэропорту. Самолет делает промежуточную посадку в Париже, так что прилечу я довольно поздно. Ты ведь встретишь меня?

— Конечно... Но почему...

— Крис, я, так же как и ты, не верю в совпадения. От этой глиняной дощечки или от того, что на ней написано, исходит осязаемая опасность. Сначала — мой кабинет в музее, потом — квартира. Я хочу скрыться на время, пока мы не поймем, что же происходит. И рядом с тобой я буду находиться в большей безопасности, чем здесь в Лондоне, одна.

— Спасибо. — На мгновение Бронсон лишился дара речи. — Анджела, перезвони мне, когда узнаешь подробности про свой рейс. Буду ждать тебя в Касабланке. Знаешь, я *всегда* буду тебя ждать.

23

Двое мужчин, одетые во все черное, лежали на склоне холма возле группы невысоких кустов и смотрели в компактные бинокли на расположенный внизу, в долине, дом.

Переговорив с Декстером, Забари, в свою очередь, сделал несколько звонков, собирая информацию. Расспросы и привели его сюда — глиняную дощечку похитили у состоятельного человека, а в этом доме, как было известно, он хранил большую часть своей коллекции. Само здание было двухэтажным, с большой террасой на крыше в задней части. С террасы открывался вид на раскинувшийся внизу сад и горы, высящиеся вдаль. Перед домом располагалась мощеная парковка; чтобы попасть на нее, необходимо было проехать через массивные стальные ворота.

Сам участок, на котором стоял дом, окружали высокие стены — Забари прикинул, что высота их около трех метров, — однако они не являли собой непреодолимое препятствие. Через любую стену, какой бы прочной она ни была, всегда можно перелезть. Забари больше беспокоила охранная сигнализация; кроме того, требовалось позаботиться еще и о собаках. По территории безостановочно рыскали туда-сюда два крупных черных зверя: похоже, доберманы. Время от времени они подбегали к запертым воротам и глядели через решетку на дорогу. Но стоит им только скушать по куску сырого мяса, сдобренного коктейлем из барбитуратов и транквилизаторов, как собачки погружаются в крепкий сон.

Забари оторвался от бинокля и оглядел растущие вокруг чахлые кустики — они покрывали всю вершину и склоны песчаного холма, который он выбрал в качестве наблюдательного пункта. От дома их отделяло примерно полкилометра, и Забари был уверен, что внизу никто не догадывается об их присутствии.

Он обернулся на запад, где солнце катилось за горизонт, расцветивая вечернее небо вперемешку синим, розовым и пурпурным. Закаты в Марокко всегда являются собой захватывающее зрелище — особенно вблизи Атлантического океана. Здесь чистый воздух в сочетании с плавным изгибом побережья каждый день создает причудливое калейдоскопическое зрелище, которое никогда не переставало волновать Забари.

— Сколько нам здесь торчать? — спросил его напарник громким шепотом, хотя подслушать их здесь было явно некому.

— Еще час, — прошептал в ответ Забари. — Прежде чем мы пойдем, необходимо узнать, сколько всего народу в доме.

Через несколько минут зашло солнце, небо стало темно-пурпурным, а затем совершенно черным. Погасли все краски дня, и над миром медленно распахнула свой полог гигантская, неизменная в веках Вселенная, усеянная сияющим светом миллионов звезд.

24

Войдя в зал для прибывающих пассажиров аэропорта имени Мохаммеда V в Касабланке, Анджела Льюис огляделась по сторонам и сразу же увидела Бронсона. Экс-супруг на пару дюймов возвышался над большинством местных жителей, а кроме того, выделялся из окружающей толпы типичным европейским нарядом — широкие серые брюки, белая рубашка и светлая куртка — и сравнительно бледным лицом под шапкой густых и непокорных черных волос. Да, и еще, конечно, его несомненная красота, от которой Анджелу всякий раз, когда она видела Бронсона, пробирала дрожь.

Внезапно она почувствовала, как спало сковывавшее ее напряжение. Анджела знала, что Бронсон ее обязательно встретит, раз обещал — он был из тех людей, на чье слово можно положиться, — но неболь-

шой червячок сомнения где-то на задворках сознания все же давал о себе знать. Больше всего она страшилась того, что с Бронсоном могло что-то приключиться и она окажется совсем одна в чужом городе. Этот страх по-настоящему не давал ей покоя всю дорогу до Касабланки.

Анджела радостно заулыбалась и стала пробиваться к нему через толпу. Бронсон заметил ее и помахал рукой. И вот уже он прямо перед ней, и сильные руки притягивают ее к себе. Анджела не сопротивлялась, и несколько секунд они стояли, крепко прижавшись друг к другу. Наконец она отступила на шаг.

— Нормально долетела? — спросил Бронсон, забирая чемодан и сумку с ноутбуком.

— Так себе, — ответила Анджела, когда схлынула первая радость от встречи. — Как обычно, ноги девать было некуда, а кормили отвратно. Я умираю от голода.

— Ну, это дело поправимое. Пойдем, у меня там машина.

Через двадцать минут они уже сидели в ресторанчике на южной окраине Касабланки, а официант ставил перед ними на стол большое блюдо с ягненком и пастой тахини¹.

В ресторане больше половины столиков были свободны, но Бронсон настоял на том, чтобы не садиться ни у окна, ни возле входа. Он прошел в самый конец зала и выбрал там столик у стены. И хотя Анджела желала есть так, чтобы видеть других посетителей (ей всегда нравилось наблюдать за людьми), Бронсон настоял на том, чтобы выбрать место, откуда открывался бы обзор на входную дверь. Он хотел иметь возможность видеть всех, кто заходит в ресторан.

— Тебя все это беспокоит? — спросила Анджела.

¹ Т а х и н и — распространенная на Среднем Востоке густая паста из молотого кунжутного семени.

— Да, черт побери! Мне не нравится, что происходит ни здесь, в Марокко, ни в Лондоне. Ведется какая-то игра, и ее участники, похоже, совершенно не знают жалости. Так что я бы хотел все время быть настороже. Не думаю, что кто-то мог за нами проследить, но все же я не собираюсь рисковать. А теперь рассказывай, что случилось у тебя в квартире.

— Один момент. — В сумочке у Анджелы запили-кал мобильный телефон. Она быстро вытащила трубку и поднесла к уху.

— Спасибо, — произнесла она через некоторое время. — Я знала об этом. Полиция появилась? Я позвонила им после того, как убежала из квартиры.

Анджела снова замолчала — очевидно, звонивший что-то ей объяснял.

— Хорошо. Мэй, спасибо тебе еще раз. Слушай, я на несколько дней улетела из Англии. Ты могла бы сходить к слесарю, попросить, чтобы он починил замок? Рассчитаемся, когда я вернусь.

Анджела закрыла мобильник и посмотрела на Бронсона.

— Это моя соседка из Илинга, — пояснила она. — Ничего особенного она не сообщила, за исключением того, что полицейские все же явились. Я думала, они не станут беспокоиться из-за таких пустяков. Квартиру всю разнесли. Достаточно странно, что взяли, судя по всему, немного, а может быть, и вовсе ничего. Мэй сказала, что и телевизор, и стереосистема на месте, но вещи из ящичков стола, с полок разбросаны по всей квартире.

— Хм, что-то мне это напоминает, — заметил Бронсон. — Значит, ты спустилась из квартиры по пожарной лестнице?

Анджела проглотила комок в горле, а когда снова заговорила, голос ее чуть дрожал.

— Именно так. Все, что я успела, — это схватить сумочку и ноутбук, а потом рвануть к пожарной лестнице. Один из них... — Она замолчала и отхлебнула

воды. — Один из них полез за мной вниз. Другой, должно быть, спустился по обычной лестнице, потому что поджидал меня уже на улице.

— Боже, Анджела, до меня только сейчас дошло. — Бронсон взял ее руки в свои и крепко, но нежно сжал. — Как же тебе удалось вырваться?

— Я ударила его сумкой, в которой лежал ноутбук. Он получил по уху, а я выиграла несколько мгновений, чтобы выскочить на улицу. По ней как раз проезжало черное такси, так что я голоснула и нырнула в машину. Водитель видел все, что происходит, и сразу же рванул с места, пока эти двое меня не схватили.

— Хвала Господу, что в Лондоне такие таксисты. Анджела энергично закивала головой.

— Если бы не он, они бы точно меня поймали. Понимаешь, Крис, вокруг были люди, полно пешеходов, но эти парни словно не обращали на них никакого внимания. Это было ужасно.

— Что ж, здесь ты в безопасности. По крайней мере, я надеюсь, — уточнил Бронсон.

Анджела кивнула и откинулась на спинку стула. Рассказ о том, что произошло в Лондоне, подействовал как чудодейственное лекарство, и к девушке начало возвращаться присущее ей обычно самообладание.

— Мне еще повезло, что ноутбук, похоже, не пострадал от удара. А потом я немного расслабилась и получила удовольствие от посещения магазинчика в Хитроу. Как видишь, у меня новый чемодан и еще кое-какое барахлишко.

— А я и не заметил, — признался Бронсон.

— Чему ж тут удивляться, — великодушно простила его Анджела. — Ты ведь мужчина.

Бронсон соорудил зверскую ухмылку:

— Замнем этот вопрос. Знаешь, я действительно очень рад, что ты прилетела.

— Послушай, перед тем как приступить к делу, — с внезапно посерьезневшим лицом произнесла Андже́ла, — давай определимся с правилами игры. Я имею в виду нас с тобой. Ты находишься здесь, чтобы попытаться выяснить, что же случилось с О'Коннора́ми; я нахожусь здесь, потому что после того, что произошло, мне страшно оставаться одной в Лондоне.

— К чему ты ведешь?

— Последние несколько месяцев мы с тобой ладим лучше, чем прежде, но я все еще не готова сделать следующий шаг. Я просто не хочу снова страдать. Так что живем в разных номерах, договорились?

Бронсон нагнул голову в знак согласия, хотя Андже́ла буквально физически ощутила его разочарование.

— Все как ты захочешь, — пробормотал он. — Я уже заказал тебе отдельный номер.

Андже́ла наклонилась и коснулась его руки.

— Спасибо. Я хочу, чтобы все шло своим чередом.

Бронсон кивнул, но выражение беспокойства не сошло с его лица.

— Андже́ла, ты должна понять одну вещь: в Марокко может оказаться так же небезопасно, как в Лондоне, — сказал он и объяснил, что произошло в отеле, где остановились Филипсы. — Я тебе уже рассказывал о банде головорезов, которые гнались за мной. Я перебрался в другой отель — на случай, если они вдруг вычислили, где я остановился вначале. Но нам все равно придется затаиться.

В ответ Андже́ла улыбнулась:

— Я это предполагала. Как Дэвид Филипс?

— С ним все в порядке, не пришлось даже накладывать швы. Только на лбу ужасный синяк, и, думаю, еще он испытывает чудовищные головные боли. Похоже, нападавший огрел его дубинкой.

— И ты не веришь, что это был обычный гостиничный воришка?

— Нет. Я потом осмотрел номер. Его очень тщательно обыскали. Но единственная вещь, которая пропала, — это ноутбук. Вор не тронул ни паспорта — а они лежали на столе на самом виду, — ни деньги с кредитными картами, которые были у Филиппа в кармане. На самом деле это ограбление почти в точности похоже на то, что произошло в их доме в Кенте. Такое впечатление, что в обоих случаях воров интересовали только компьютеры и ничего более.

— А это значит?..

— Ни один из похищенных компьютеров нельзя назвать особо ценным, стало быть, воров, скорее всего, интересовала информация, содержащаяся на жестких дисках. А это приводит нас к фотографиям глиняной дощечки. Ты доверяешь этому своему парню из музея? Потому что не важно, что он думает об этом обожженном куске глины, важно, что кто-то — очевидно, имеющий связи в разных странах, — явно придает дощечке серьезное значение. Серьезное настолько, что он обеспокоился организовать почти одновременно два ограбления в двух странах, а когда на его пути встал Дэвид Филиппс, его без раздумий ударили дубинкой по голове.

Анджелу речь бывшего мужа, казалось, убедила не до конца.

— Я попросила взглянуть на снимки Тони Бэверстока, а он — один из главных наших специалистов по древним языкам. Ты ведь... не думаешь всерьез, что он тоже причастен к этой истории?

— Кто еще знает о фотографиях глиняной дощечки? Я имею в виду в музее.

— Я поняла, к чему ты клонишь, — задумчиво протянула Анджела. — Никто больше не в курсе.

— Значит, подозреваемый номер один — Бэверсток. А отсюда следует, что он может быть даже причастен и к налету на твою квартиру. Что более существенно — это также означает: все, что он сообщил

тебе о дощечке, может быть неправдой от начала до конца. Кстати, что он о ней рассказал?

Анджела пожала плечами:

— Он предполагает, что, скорее всего, эта дощечка использовалась для обучения. Что-то вроде наглядного пособия. И он был твердо убежден, что никакой ценности она не представляет.

Бронсон с сомнением покачал головой:

— Но она должна иметь какую-то ценность, потому что я по-прежнему считаю: О'Конноров наверняка убили именно из-за нее.

— Но ведь Маргарет О'Коннор сфотографировала какую-то стычку на *сук*. Может быть, убийцы просто хотели заставить ее замолчать, а фотоаппарат украл, чтобы уничтожить доказательства?

— И такое тоже возможно, — признал Бронсон. — Это объяснило бы отсутствие на месте аварии фотоаппарата и карты памяти. Но все же — если только Маргарет О'Коннор не выбросила дощечку перед отъездом из Рабата, значит, кто-то забрал и ее тоже.

— А ты не думаешь, что она просто от нее избавилась?

— Нет. По словам Кирсти, ее мать хотела вернуть-ся следующим утром на *сук* и вернуть дощечку тому человеку, марокканцу, который ее обронил. А если бы отыскать его не удалось, Маргарет О'Коннор собиралась взять дощечку домой в качестве сувенира на память об отпуске. Вечером накануне отъезда из Рабата она сообщила все это Кирсти по имейлу. Но к тому времени марокканец уже лежал за пределами *медины* мертвый, с колотой раной в груди. Об этом говорилось в последнем письме Маргарет О'Коннор (оно было отправлено следующим утром); она своими глазами видела мертвеца. Талабани подтвердил: это был один из тех людей, которых мать Кирсти сфотографировала на рынке.

— Но Маргарет не сообщила дочери, что собирается делать с дощечкой?

— Нет. Последнее письмо было совсем коротеньким: буквально пара строчек. Вероятно, она отправила его, пока Ральф О'Коннор расплачивался за отель, а может, забирал машину. — Бронсон помолчал, а потом наклонился к Анджели. — А теперь о дощечке. Что тебе удалось разузнать о ней?

— Как я уже говорила тебе по телефону, — ответила она, — это просто кусок глины, практически ничего не стоящий. Надпись сделана на арамейском, но Бэверсток сказал, что смог перевести только одну строчку. Знаешь, думаю, по крайней мере в этом он не солгал. Ему известно, что я немного читаю по-арамейски. Если бы он попытался ввести меня в заблуждение, я бы легко это определила, просто сравнив его перевод с оригиналом.

— И ты сравнила?

— Да. Я попыталась прочесть пару строчек с фотографии и обнаружила те же самые слова.

— Ну хорошо, — нехотя произнес Бронсон, — предположим на мгновение, что он был с тобой искренен. Что именно он сказал?

— Слова в той строчке можно разобрать без труда, но они лишены всякого смысла. Я специально для тебя записала перевод строчки плюс еще пары слов.

— В этой дощечке есть что-нибудь особенное? Я имею в виду, что-то такое, из-за чего ее стоило бы похитить, не говоря уже о том, чтобы пойти на убийство.

— Ничего такого. Бэверсток обнаружил часть слова, которое может иметь отношение к общине ессеев в Кумране. Но и это не неопровержимый факт.

— Кумран? Это ведь там, где обнаружили Свитки Мертвого моря?

— Верно. Но, возможно, это и не имеет никакого значения. Насколько удалось понять Бэверстоку, сама дощечка не из Кумрана; в ней просто упоминается это место. Что еще интересно — одно из слов, которые он смог перевести, означает «локоть».

— И при чем тут локоть? — спросил Бронсон.

— Была в свое время такая мера длины, равная расстоянию от кисти до локтя. Руки у всех разные, соответственно, существовало и много различных локтей. Известна по меньшей мере дюжина: от римского, который имел размер порядка семнадцати дюймов, до самого большого, локтя Хашими, или арабского, — он был почти двадцать шесть дюймов в длину. Тот факт, что в надписи упоминается локоть, может указывать на зашифрованное послание; возможно, в нем содержатся сведения о местонахождении некоего клада. Может быть, поэтому дощечка так важна?

— Давай-ка посмотрим, — сказал Бронсон. — Если Бэверстоку можно доверять, надпись на дощечке является своего рода шифром. Другие предположения не имеют смысла.

— Согласна. Вот здесь у меня, — Анджела открыла сумочку и стала в ней рыться, — перевод арамейского текста.

Бронсон взял лист бумаги формата А4 и быстро пробежал глазами список из полудюжины слов.

— Теперь понятно, что ты имеешь в виду, — пробормотал он, более вдумчиво вглядываясь в текст. — А что Бэверсток? Он не думает, что это зашифрованное послание?

— Нет, но он все же специалист по древним языкам, а не по древним кодам. Это не входит в его компетенцию, зато я в этих вещах кое-что смыслю. Нам повезло, что мы имеем дело с артефактом, чей возраст порядка двух тысяч лет. А повезло — потому что хоть нам известно крайне мало примеров кодов и шифров, относящихся к тому времени, те, о которых мы все же знаем, очень и очень просты. Из них, пожалуй, наиболее известен шифр Цезаря. Считается, что его использовал в первом веке нашей эры Юлий Цезарь для переписки со своими генералами. Это дей-

ствительно очень простой моноалфавитный шифр, основанный на методе подстановки.

Бронсон тяжело вздохнул. Он знал, что Анджеला во внеурочное время проводила ряд исследований в области криптологии.

— Не забывай, что я всего лишь обычный коп. Это ты у нас с мозгами.

Анджеला не выдержала и рассмеялась.

— Вот интересно: почему я тебе не особо верю? — Потом продолжила уже серьезным тоном: — Шифр Цезаря чрезвычайно прост в применении. Ты записываешь открытый текст, потом выбираешь, на сколько букв сделать сдвиг, осуществляешь подстановку и записываешь зашифрованное таким образом послание.

Поскольку Бронсон, казалось, так ничего и не понял, Анджеला отодвинула тарелку в сторону и достала из сумочки лист бумаги и шариковую ручку.

— Я покажу тебе на примере. Предположим, ты хочешь зашифровать послание «начать атаку», — она написала эти слова большими буквами, — и хочешь сдвинуть текст на три буквы влево. Записываем алфавит, а потом пишем его еще раз, ниже, но на этот раз смещаем каждую букву на три позиции влево, так называемый сдвиг влево на три. Следовательно, буква А окажется над буквой Г, Б — над Д и так далее. В нашем случае послание, гласящее «начать атаку», будет выглядеть так: «ргъгхя гхгнц». Легко можно увидеть слабое место этого шифра: когда та или иная буква появляется в первоначальном тексте, та же буква, но уже со сдвигом, будет и в зашифрованном. В нашем примере всего два слова, однако буквы А и Т повторяются, и тот, кто попытается расшифровать послание, может разгадать тайну шифра, применяя так называемый криптоанализ на основе частоты появления букв.

Анджеला с надеждой посмотрела на Бронсона, но тот только покачал головой.

— Извини, но придется тебе объяснить мне и это.

— Хорошо, — согласилась Анджела. — Криптоанализ на основе частоты появления букв является простейшим способом разгадывания шифров. Наиболее часто в английском языке встречаются следующие буквы, в порядке убывания: E, T, A, O, I, N, S, H, R, D, L и U. Я запоминаю их как два слова: ETAOIN SHRDLU. Полагаю, Крис, ты знаешь самый известный пример использования шифра Цезаря?

— Знаю? — ошарашенно переспросил Бронсон и покачал головой. — Подскажи уж.

— 2001, — пояснила Анджела и откинулась на стуле. — «2001. Космическая одиссея». Научно-фантастический фильм, — прибавила она.

Бронсон наморщил лоб, но тут же вскинул голову.

— Понял! Создатели фильма не хотели использовать для расположенного на космическом корабле компьютера аббревиатуру «IBM» и потому назвали его «HAL». И если я правильно тебя понял, это как раз и есть пример использования шифра Цезаря со сдвигом вправо на одну букву.

— Точно. Есть, кстати, еще один, немного даже невероятный пример, — сказала Анджела. — Французское слово *oui*, то есть «да», преобразуется в английское *yes*, если принять сдвиг влево на десять букв.

— И ты думаешь, с чем-то подобным мы имеем дело и здесь?

— Нет. По одной простой причине: на дощечке можно прочитать нормальные слова на арамейском. Когда мы имеем дело с шифром Цезаря, всякое слово из зашифрованного текста представляет собой абракадабру — и это, собственно, служит главным указанием на то, что информация зашифрована. Но это отнюдь не наш случай.

— Ну а другие методы шифровки? — поинтересовался Бронсон.

— В любом случае будет все то же самое. Если какие-то конкретные слова зашифрованы, они перестают быть словами как таковыми и превращаются про-

сто в набор букв. Арамейский текст на этой дощечке, — Анджела похлопала по лежащей на столе фотографии ALNhhhhh, — не зашифрован. Что вовсе не исключает того, что в надписи скрыто тайное послание.

— Все-таки я не очень понимаю, — признался Бронсон, — но давай ты расскажешь мне все по дороге.

— Подожди меня недолго здесь, — попросил Бронсон, когда они подошли к выходу из ресторанчика. — Хочу убедиться, что никто не поджидает нас на улице. А потом я подгоню машину.

Расположившись у двери, Анджела смотрела, как Бронсон проходит по парковке и заглядывает в стоящие на ней немногочисленные машины. Через некоторое время он подогнал взятый напрокат автомобиль и притормозил прямо у входа.

— И все-таки объясни: если слова не зашифрованы, то каким образом в надписи может быть скрыто послание? — спросил он, когда машина выехала на шоссе.

— Понимаешь, возможна замена не букв, а целых слов. То есть в совершенно безобидных словах может быть скрыта важная информация. Исламские террористы, например, давно пользуются этой методой. Они не будут говорить, например: «Сегодня в три часа мы установим бомбу». Нет, они скажут: «Сегодня в три часа мы доставим фрукты».

— Ага, то есть в предложении содержится смысл, но реальное значение послания совершенно отличается от видимого, — догадался Бронсон.

— Именно так. Незадолго до атаки на Всемирный торговый центр один из лидеров террористов Мухаммед Атта вышел на связь со своим человеком и передал ему сообщение, которое на тот момент показалось американским спецслужбам полной бессмыслицей. Среди прочего там была фраза со словами что-то вроде «шаг влево, потом еще два шага». Если немного

напрячь воображение, становится понятно, что он имел в виду цифры 11 и 9. Фактически он сообщал сообщнику из «Аль-Каиды» точную дату атаки смертников на Америку.

— А в случае с этой дощечкой?

Анджела посмотрела вперед, где в свете фар видна была практически пустая дорога, и помотала головой.

— Вряд ли в нашем случае в тексте содержится некое скрытое послание — просто потому, что фразы не имеют вообще никакого смысла.

Она замолчала и посмотрела в окно на чистое ночное небо. Касабланка с ее мириадами огней к этому времени осталась в нескольких милях позади, и весь свод был усыпан звездами. Они казались ярче, ближе и, главное, многочисленнее, чем Анджела привыкла видеть. Она обернулась и увидела в бледно-зеленом сиянии приборной доски четкий строгий профиль Бронсона.

— Однако существует одна вероятность, которую мы даже не принимали во внимание.

25

Когда Иззат Забари рискнул наконец подойти к двойным стальным воротам, был уже второй час ночи. Свет в доме к этому времени уже больше часа как потушили. Забари швырнул через забор два больших куска сырого мяса и немедленно отступил обратно в темноту. Отходя, он слышал глухое рычание и быстрый мягкий топот когтистых лап: два сторожевых пса выскочили каждый из своей конуры проверить, что нарушило их покой.

— И когда эта штука сработает? — проворчал Хаммад, когда Забари проскользнул на пассажирское сиденье. Машина была припаркована на пустынной улочке метрах в ста от забора.

В задачу Хаммада входило позаботиться о сигнализации и любых других электронных устройствах, с

которыми они могли столкнуться в доме. В ногах у него стояла небольшая матерчатая сумка с набором разнообразных хитроумных инструментов и приспособлений. После того как они вернулись в машину, Хаммад уже минимум раз шесть открывал сумку и проверял ее содержимое, так что Забари запомнил, что там лежит. Они осторожно спустились с холма сразу после наступления темноты и все это время сидели в машине и ждали.

— Получаса должно хватить, — ответил Забари. — Нам надо только дожидаться, когда подействуют наркотики. Мой приятель аптекарь очень тщательно отмерил дозу.

Забари выждал еще сорок пять минут, после чего дал команду идти. Они выбрались из машины, поставившись как можно тише закрыть двери, затем Хаммад вытащил из багажника всю необходимую в предстоящей операции экипировку. Среди прочих предметов выделялась размерами раздвижная лестница достаточной длины, чтобы можно было забраться на ограждающую участок стену.

Пару минут спустя они уже присели на корточки у самой стены. Одетые во все черное, они практически сливались с окружающим непроглядным мраком. Не теряя времени и стараясь не шуметь, Хаммад и Забари собрали лестницу, вставляя одну секцию в другую, и установили ее на земле. Верхний конец лестницы, обтянутый материей, беззвучно опустился на верхушку стены.

— Полезай, — шепотом проговорил Забари.

Хаммад бесшумно забрался почти до самого верха, включил карманный фонарик толщиной не более карандаша и тщательно обследовал стену в обоих направлениях. Узкий луч света снизу был почти не виден. Из матерчатой сумки Хаммад достал баллончик, надавил насадку и направил струю аэрозоля прямо на верхушку стены в том самом месте, где им предстоя-

ло через нее перебраться. Затем он спустился к напарнику и доложил:

— Все чисто. Там нет ни проводов, ни датчиков давления или инфракрасного излучения, ни лазеров.

— Превосходно, — пробормотал Забари. — Похоже, они полагаются исключительно на собак. Пошли.

Мужчины быстро поднялись по лестнице и через несколько секунд уже сидели, свесив ноги, на верхушке стены. Хаммад подтянул лестницу, а затем перекинул ее уже на территорию частной собственности.

Они спустились на землю. Забари пробрался к фасаду здания и убедился, что собаки мирно спят. Затем он вернулся, и они вместе с Хаммадом бегом направились к дальней части дома.

Прямо посередине задней стены располагалась прочная старинная деревянная дверь, украшенная беспорядочными узорами, со стальными косяками и снабженная массивным, также старинной работы, замком. Забари кивнул на дверь, но Хаммад решительно покачал головой.

— Там может быть сигнализация, — предупредил он и обратил все свое внимание на расположенные по обе стороны от двери окна. Они, как и в большинстве марокканских домов, были квадратные и небольшого размера — для защиты от здешнего палящего солнца. Хаммад встал на цыпочки, включил фонарик и очень тщательно осмотрел раму в поисках проводков или контактов, которые говорили бы о наличии сигнализации.

— Вот оно, — пробормотал Хаммад. — Простенькое устройство, которое срабатывает, когда открываешь окно. Но на самом стекле нет никаких датчиков. Я проникну в дом через это окно, а потом открою дверь изнутри.

Он отошел на пару шагов, вытащил из сумки рулон клейкой ленты и прилепил несколько кусков по центру стекла, оставив болтаться небольшой хвостик,

так чтобы можно было за него ухватиться. Крепко зажав в руке алмазный стеклорез, Хаммад провел им по всему периметру стекла, стараясь, чтобы надрез прошел как можно ближе к раме. Затем он отложил стеклорез и легонько постучал кулаком вдоль края стекла. Раздался негромкий треск, и стекло целиком сдвинулось с места внутрь, так что Хаммад смог вынуть его из рамы. Сигнализация не сработала.

Он аккуратно прислонил стекло к стене на безопасном расстоянии, попросил Забари посадить его и, извиваясь ужом, протиснулся через раму и проник в здание. Забари передал напарнику сумку с инструментами, а сам стал ждать.

Менее чем через три минуты Хаммад отключил систему безопасности, открыл заднюю дверь и впустил товарища внутрь.

Они прошли коротким коридором; Хаммад тщательно проверял каждую дверь, перед тем как ее открыть, на наличие проводов или иных признаков подключенной сигнализации. Убедившись, что все чисто, он открывал дверь и осматривал помещение при свете фонарика. Третья по счету дверь вела в продолговатую комнату, вдоль всех четырех стен которой стояли застекленные шкафчики. Напоминало помещение выставочный зал в музее.

— Покажи-ка мне еще раз картинку, — шепотом попросил Хаммад. Луч света от его фонарика перебегал с одного деревянного шкафчика на другой, отражался от стеклянных витрин и озарял комнату призрачным светом.

Забари вытащил из кармана сложенный лист формата А4 с цветным изображением, развернул и протянул Хаммаду. Фотографию дощечки своему марокканскому агенту Декстер переслал по электронной почте накануне вечером.

Несколько секунд Хаммад пристально смотрел на изображение, потом кивнул и шагнул к первому из

шкафчиков, стоявших по правую руку. Забари начал обход с противоположной стороны.

По прошествии четырех минут обоим непрощеным гостям стало ясно: в этой комнате дощечки, которую они ищут, нет.

— И что дальше? — сквозь зубы прошептал Хаммад.

— Продолжаем искать, — откликнулся Забари, вышел из комнаты и зашагал дальше по коридору.

В самом его конце оказались двойные двери. Забари открыл их и вошел в помещение.

— Здесь, — выдохнул он и показал пальцем в дальний конец.

Комната, очевидно, использовалась для собраний или, возможно, светских встреч. По всему полу было разбросаны порядка двух десятков больших подушек, так, чтобы гости могли на них с комфортом разместиться — в традиционной арабской манере, скрестив ноги по-турецки. С скромные белые стены были в изобилии украшены коврами и гобеленами, явно старинными и имеющими немалую ценность. Но не эта роскошь привлекла внимание Забари, а один-единственный шкафчик с застекленным верхом.

Взломщики поспешили к витрине и заглянули под стекло. Внутри обнаружилась пластмассовая подставка, а за ней табличка с цветной фотографией, на которой был изображен небольшой продолговатый предмет серого цвета и надписью на арабском.

— И никакой дощечки, — прошептал Хаммад.

Забари снова вытащил из кармана снимок и, переводя луч фонарика со своего изображения на то, что лежало под стеклом, стал внимательно их сравнивать.

— Действительно, нет. Но я все же заберу эту табличку с собой, — сообщил Забари и добавил: — Здесь есть сигнализация?

Хаммад тщательно осмотрел со всех сторон застекленную витрину и помотал головой.

— Никаких других проводов, кроме идущего в розетку от лампочки, я не вижу. — Он ткнул пальцем в расположенную у задней стенки короткую флуоресцентную лампу. Потом внимательно изучил защелку, на которую запиралась стеклянная крышка, и сказал:

— И здесь тоже чисто.

— Отлично, — пробормотал Забари, наклонился, открыл защелку и приподнял крышку. Жестом попросил Хаммада помочь, а сам засунул руку внутрь витрины.

— Постой, — взволнованно зашептал Хаммад. Он не отрывал глаз от задней стенки ящика, которую теперь, при открытой крышке, было хорошо видно. — Кажется, там установлен инфракрасный датчик.

Но было слишком поздно. Внезапно, практически одновременно, вспыхнули огни на улице и в самом доме; противно завывала сирена.

— Давай к задней двери, — хватая табличку и засовывая ее в карман, скомандовал Забари. — Быстро!

Они стремительно промчались по коридору, распахнули дверь и, не снижая скорости, ринулись к стоящей у стены лестнице. Первым к ней поспел Забари, Хаммад дышал ему прямо в затылок.

Едва оказавшись на верхушке стены, Забари обеими руками ухватился за грубую каменную кладку и перекинул туловище на противоположную сторону. Еще мгновение — и он отпустил руки. Перед самым приземлением он согнул ноги в коленях, чтобы смягчить силу удара о землю, но все же не устоял, упал на бок, перекатился и тут же вскочил, целый и невредимый.

По ту сторону стены грянули выстрелы.

Добравшись почти до самого верха шатающейся под его тяжестью лестницы, Хаммад обернулся и посмотрел вниз. К стене бежали трое мужчин — двое от парадного входа, еще один от задней части дома, — и все палили из пистолетов.

У него не было ни единого шанса. Черная одежда, которая хорошо укрывала Хаммада в темноте, теперь превратила его в отличную мишень на фоне идеально белой стены. Ждать долго не пришлось. Хаммад покачнулся на ступеньке и закричал от боли, когда рухнул на землю.

Тем временем Забари мчался что было сил к спасительной машине. За спиной раздавались выстрелы — это один из преследователей забрался по лестнице на стену и оттуда вел огонь вслед грабителю.

26

— Опять неправильный ответ, — прорычал высокий мужчина с парализованным неподвижным лицом. Он шагнул вперед и нанес с левой болезненный удар. Руки и ноги сидевшего перед ним окровавленного человека были крепко привязаны к стулу с вертикальной спинкой, разбитая голова опущена на грудь. От удара он лишь безвольно покачнулся.

Амер Хаммад знал, что умирает. Единственное, в чем он не был уверен: то ли высокий потеряет наконец терпение и сделает ему в голове аккуратную дырочку, то ли он отдаст концы еще раньше от потери крови.

Когда трое охранников приволокли его, раненного, в дом, первым делом они позвали хозяина. Потом крепко стянули ему запястья и небрежно перевязали кровоточащую рану в левом бедре, где пуля разорвала мышцы и глубоко проникла в плоть. Кровотечение ослабло, но не прекратилось полностью, и на полу рядом со стулом медленно образовывалась лужица крови.

Допрос проходил в небольшом квадратном строении, приткнувшемся на краю участка. Темные пятна на крошащемся бетонном полу безмолвно свидетельствовали о том, что это здание не в первый раз использовалось для подобных целей.

— Я спрошу еще раз, — бросил высокий. — Кто был с тобой и что вы искали?

Хаммад только покачал головой, но ничего не ответил.

Довольно долгое время высокий просто смотрел на пленника, затем поднял с пола деревяшку. При ближайшем рассмотрении оказалось, что один конец ее остро заточен. Хаммад наблюдал за своим мучителем сквозь полуприкрытые распухшие и окровавленные веки полными ужаса глазами.

Высокий очень аккуратно приставил заостренный конец кола к насквозь пропитавшейся кровью повязке на бедре Хаммада и улыбнулся. При этом правая, парализованная, часть лица осталась практически неподвижной.

— Ты, друг мой, видно, считаешь, что я причинил тебе уже достаточно боли, но, видишь ли, на самом деле я только начал. И к тому времени, как я с тобой закончу, ты будешь молить Аллаха о смерти.

Произнося эту речь, высокий, не торопясь, но все сильнее и сильнее надавливал на кол, крутил его в разные стороны; наконец проколол бинты и начал погружать заостренный конец в свежую рану.

Потоком хлынула кровь. Хаммад взвыл от непереносимой боли, терпеть которую уже не оставалось никаких сил.

— Стойте, стойте! — жалобно вскрикнул он. — Прошу вас, прекратите. Я расскажу все, о чем просите.

— Не сомневаюсь, — бросил высокий и сильнее надавил на кол.

Волна чудовищной боли захлестнула Хаммада, он откинул голову назад, а в следующее мгновение безвольно уронил ее на грудь и потерял сознание.

— Смените повязку, — приказал высокий, — а потом снова приведем его в чувство.

Десять минут спустя Хаммад пришел в себя от ведра ледяной воды и пары пощечин. Мужчина с парализованным лицом уселся на стул прямо перед пленником и больно уколол его своим пыточным инструментом в живот.

— Итак, — произнес он, — начинай с самого начала и не вздумай о чем-нибудь умолчать.

27

— В этом отеле есть Wi-Fi? — поинтересовалась Анджела и протянула Бронсону пустую кружку, чтобы он налил еще кофе.

Они сидели за небольшим столом в номере Бронсона в отеле на окраине Рабата и завтракали. Бронсон по-прежнему опасался, что за ним могут следить, поэтому решил, что так будет безопаснее, нежели спускаться в обеденный зал. На Анджеле все еще была надета ночная сорочка, поверх которой она небрежно набросила большой белый халат. В таком виде она появилась из своего номера. Бронсон в полной мере оценил этот жест — он говорил о том, что Анджела спокойно ощущает себя в его обществе, — однако был расстроен тем, что спать по ее настоянию им пришлось все же в разных комнатах.

Бронсон вздохнул.

— Хочешь что-то поискать?

— Да. Если я правильно понимаю текст с дощечки, должны быть и другие, подобные ей, то есть она является частью комплекта. И логичнее всего будет начать поиск с музеев. Видишь ли, существует особая внутренняя музейная сеть, которой можно воспользоваться для наших целей. С помощью этой сети люди, имеющие определенный доступ — а я, как ты понимаешь, его имею, — легко могут ознакомиться как с экспонатами, выставленными на обозрение, так и с

хранящимися в запасниках. В большинстве музеев по всему миру. Это идеальное подспорье для исследователей: вместо того чтобы мотаться по музеям, ты спокойно сидишь и изучаешь интересующие тебя предметы за компьютером.

Бронсон освободил место на столе для ноутбука, включил его и подождал пару минут, пока компьютер подключится к беспроводной сети отеля.

— И как работает эта штука? — Он повернул ноутбук экраном к Анджеле и смотрел, как она вводит свой логин и пароль для подключения к музейной сети.

— Ну, это весьма просто. Сперва нужно заполнить несколько полей, чтобы задать примерное направление поиска.

Одновременно с разъяснениями Анджела ставила в нужных местах галочки и заполняла текстовые поля поисковой формы. Покончив с этим, она развернула ноутбук, чтобы Бронсону тоже все было видно.

— Нам еще очень немного известно о дощечке, поэтому пришлось применить достаточно широкие параметры поиска. Что касается возраста, я определила его в рамках от начала первого столетия до нашей эры и до конца второго века нашей — ни много ни мало три сотни лет. По мнению Бэверстока — из того, что он сумел перевести, — дощечка, вероятно, относится к первому веку нашей эры. Но он не был уверен. И касательно географической привязки также все неотчетливо, но я указала Ближний Восток.

— А что с описанием самого предмета?

— О, здесь я ввела более точные данные, ведь мы довольно хорошо представляем, что, собственно, ищем. Вот тут, — и Анджела показала на два поля в самом низу экрана, — я указала, из какого материала сделана наша дощечка, а также то, что на ней имеется надпись на арамейском.

— Ага, и теперь ты начинаешь поиск?

— Совершенно верно. — Анджела навела курсор на кнопку с надписью «Поиск» и кликнула по тачпаду.

Скорость у Интернета в отеле была, похоже, весьма приличная, потому что уже через несколько секунд на экране отобразились первые результаты поиска.

— М-да, их здесь, кажется, сотни, — пробормотал Бронсон.

— Я бы сказала, тысячи, — откликнулась Андже-ла. — Я же тебе говорила, что глиняные дощечки бы-ли тогда очень распространены. Нужно сузить направ-ление поиска, иначе мы утонем в море информации.

Она быстро пролистала список найденных совпа-дений.

— Большинство дощечек относится к раннему пе-риоду. Следовательно, если я сужу временной интер-вал, это автоматом исключит многие из найденных результатов. А если среди оставшихся мы не найдем того, что ищем, я всегда могу снова расширить грани-цы поиска.

Анджела сократила хронологический интервал до первых двух столетий нашей эры, однако все равно количество найденных предметов исчислялось не-сколькими сотнями. Это по-прежнему было слишком много.

— Так, — пробормотала Анджела, — глиняные дощечки встречались самых разных форм и размеров. Бывали и квадратные, и продолговатые, и круглые. Попадались даже экземпляры цилиндрические или в форме конуса, с надписью, идущей по боковой по-верхности. Я ограничила параметры поиска плоски-ми дощечками, но нам бы очень помогли хотя бы приблизительные размеры той, что оказалась у Мар-гарет О'Коннор.

Бронсон протянул ей записанный Кирсти ком-пакт-диск. Анджела быстро прокрутила марокканские фотографии, пока не добралась до самой первой с изо-бражением глиняной дощечки. Очевидно, Маргарет О'Коннор поставила дощечку на комод в номере, а по-том сделала несколько снимков с разных ракурсов. На большинстве кадров дощечка вышла совсем не в фоку-

се — вероятно, из-за того, что фотоаппарат автоматически фокусировался на каком-то другом объекте. На трех снимках в кадр частично попал телефон, включая и несколько кнопок для набора номера.

— Это подойдет, — обрадовалась Анджела. — По ним можно будет грубо определить размеры.

Она внимательно изучила самый качественный снимок и записала пару цифр.

— Думаю, она имеет шесть дюймов в длину и четыре в ширину, — наконец сказала она и забила эти данные в соответствующее окошко поисковой системы.

Теперь, когда параметры были значительно сужены, поиск дал всего двадцать три результата, и Бронсон с Анджелой вдвоем наклонились ближе к экрану, чтобы изучить все по очереди.

Первая дюжина фотографий значительно отличалась от той, на которой была запечатлена реликвия, найденная Маргарет О'Коннор. Но вот с пятнадцатой попытки на экране появилась удивительно похожая дощечка.

— А она очень похожа, — заметила Анджела.

— А надпись? — нетерпеливо спросил Бронсон.

Анджела внимательно изучила изображение и сохранила его на жесткий диск ноутбука.

— Возможно, это арамейский, — сказала она. — Сейчас посмотрю описание.

Она кликнула на соответствующую кнопку, и изображение таблички на экране сменило примерно полстраницы текста.

Едва взглянув на него, Анджела подвинула ноутбук так, чтобы Бронсону было удобнее читать, и откинулась на стуле.

— Это по-французски, — заявила она. — Крис, прошу.

— О'кей. Дощечка находится в музее во Франции, так что ничего удивительного здесь нет. Если быть точным, то в Париже. Была куплена у торговца антиквариатом в Иерусалиме в числе разномастных

предметов старины около двадцати лет назад. Надпись на ней действительно на арамейском. Дощечку отнесли к редким диковинам, поскольку текст представляет собой, по-видимому, набор случайных слов. Так что, Анджела, ты оказалась права: есть еще одна такая дощечка.

— Там не говорится, в каких целях, по их мнению, использовалась дощечка?

— Да, — кивнул Бронсон. — Судя по тому, что здесь написано, ее, вероятно, использовали для обучения арамейскому письму, либо это чье-то домашнее задание. Очень похоже на то, что предположил и Бэверсток, верно? Так или иначе, по мнению сотрудников музея, дощечка подверглась воздействию огня — то ли потому, что случайно оказалась среди других дощечек, которые обожгли преднамеренно, то ли из-за того, что в помещении, где она хранилась, произошел пожар.

— Да, в этом есть смысл. Глиняные дощечки обычно предназначались для многократного использования. Как только потребность в надписи пропадала, ее легко можно было удалить с поверхности при помощи лезвия ножа или любого острого предмета. Как правило, обжигали только те дощечки, которые содержали действительно важную информацию: финансовые отчеты, сведения об имуществе и все такое. А обожженную глиняную дощечку практически невозможно уничтожить — ну, только если разбить ее молотком, например.

— Есть тут кое-что еще. — Бронсон посмотрел в самый конец статьи, навел курсор и нажал на ссылку. — Вот это — оригинальная надпись на арамейском, — сказал он, когда на экране появились две колонки текста, — а рядом — ее перевод на французский. Нам нужно сделать себе копию.

— Безусловно, — согласилась Анджела и быстро сохранила веб-страницу на жесткий диск ноутбука. — А о чем говорится во французском переводе? Как по мне, так там куча повторяющихся слов.

— Так и есть. Некоторые слова повторяются, и общее впечатление такое, что писали их практически наобум. Это наверняка дощечка из той же серии. Как думаешь, есть смысл поехать в музей и взглянуть на нее?

— Подожди-ка, — сказала Анджела и вернулась на страницу с описанием дощечки. — Давай посмотрим, выставлена ли она вообще в экспозиции. Что здесь говорится?

Бронсон прочитал текст.

— Здесь сказано: «Хранится в запаснике. Доступ может быть открыт наделенным соответствующими полномочиями исследователям по специальному разрешению. Заявку направлять в письменном виде, срок рассмотрения — не менее двух недель». Ну, дальше здесь говорится, кому нужно писать, если хочешь посмотреть на дощечку, и какие рекомендации необходимо иметь. — Он тяжело вздохнул. — Стало быть, вот так. Что-то мне кажется, нам не скоро светит оказаться в Париже.

28

Джалал Талабани сразу же узнал спокойный, неторопливый голос, раздавшийся в трубке мобильного телефона.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил он, убедившись предварительно в том, что в зоне слышимости нет никого из его коллег по полицейскому участку Рабата.

— Двое моих людей вчера вечером проследили за этим английским полицейским, Бронсоном, до аэропорта Касабланки. Он встречал там женщину, прибывшую рейсом из Лондона. Мы предположили, что она его жена, но потом мой приятель навел справки и выяснил, что ее зовут Анджела Льюис. Однако она живет вместе с Бронсоном в новом отеле, в который он перебрался. Разузнай, кто она такая, а потом свяжись со мной.

Последовала пауза. Талабани молча ждал продолжения. Он знал, что собеседник не любит, когда его торопят.

— У тебя есть три часа, — услышал наконец Талабани, а потом в трубке раздались гудки.

Бронсон чувствовал, что на сегодня хватит. За последние полтора часа они с Анджелой просмотрели множество переводов надписей, рисунков и фотографий глиняных дощечек из музеев по всему миру. Некоторые изображения были яркими и четкими, другие — настолько размытыми и смазанными, что от них почти не было никакого проку. От кажущегося бесконечным объема информации начали уставать глаза, и Бронсону очень хотелось бросить все к чертовой матери.

— Господи, выпить бы чего-нибудь, — пробормотал он, откидываясь на спинку стула, и до хруста в суставах потянулся. — Честно, Анджела, не представляю, как ты это выдержишь? Неужели тебе еще не надоело?

Анджела глянула на него и усмехнулась:

— Вот точно так же я провожу каждый день. Мне вовсе не надоело. Наоборот, я очарована. И в особенности этой дощечкой.

— Что? — переспросил Бронсон и через силу снова воззрился на экран ноутбука.

На нем была выведена фотография глиняной дощечки, которая казалась абсолютна идентичной подобранной Маргарет О'Коннор на *суде*. Однако в сопутствующей надписи про эту дощечку говорилось, что она была украдена вместе с большим числом других древностей из запасников Каирского музея. И с тех пор никаких ее следов обнаружить не удалось. Фотография была сделана сразу же после того, как музей приобрел дощечку — обычная процедура для вновь поступающих предметов. Однако никаких попыток перевести имевшуюся на реликвии надпись —

опять же сделанную на арамейском — ни тогда, ни после не предпринималось.

— Интересно, не эту ли самую дощечку Маргарет О'Коннор обнаружила на *сукке*, — пробормотал Бронсон, потер глаза руками и выпрямился. — Если она в самом деле была украдена, тогда вполне понятно, почему ее владелец, кто бы он ни был, так стремился заполнить дощечку назад.

— Погоди-ка, — прервала его размышления Андже́ла. Она выбрала один из снимков с диска, который записала для Бронсона Кирсти Филипс, и разместила его на экране рядом с фотографией похищенного из музея экспоната.

— Это другая дощечка, — заявил Бронсон. — Я, как ты сама догадываешься, не понимаю по-ара́мейски, но даже для меня очевидно, что верхние строчки на двух дощечках имеют различную длину.

Андже́ла согласно кивнула:

— Верно. И я сейчас заметила еще одну интересную деталь. Я думаю, что всего таких дощечек четыре штуки.

— И как ты пришла к такому выводу?

— Смотри. — И Андже́ла показала на правый снимок. — Видишь эту короткую диагональную линию в самом углу?

Бронсон молча кивнул головой:

— А теперь посмотри на вторую фотографию. И на этой дощечке в углу имеется подобная линия. — Несколькими щелчками по тачпаду она вернула на экран изображение дощечки из парижского музея. — И на этой тоже, вот здесь.

Андже́ла оторвала взгляд от ноутбука и с выражением триумфа на лице посмотрела на Бронсона.

— Я по-прежнему ни черта не соображаю, что все это может означать, но, пожалуй, теперь я могу сказать тебе, как были сделаны эти дощечки. Так вот, некто начертил небольшой диагональный крест в центре прямоугольного куска глины. Затем его разре-

зали на четыре части и каждую из них обожгли. Таким образом, мы с тобой увидели уже три из четырех четвертинок. Соответственно, линия в углу каждой дощечки является составной частью того первоначального креста.

— А раз так, — воскликнул Бронсон, — мы сможем расположить дощечки в нужном порядке, чтобы получился крест, и тогда прочитать надпись целиком

На то, чтобы раздобыть сведения об Анджеле Льюис, у Талабани ушло меньше времени, чем он предполагал. Начал он с того, что позвонил в отель, где проживали англичане, и пообщался с администратором. Тот сообщил полицейскому, что лично стоял за стойкой и когда Бронсон бронировал комнату, и когда Анджела Льюис заполняла необходимые бумаги по прибытии накануне вечером.

— Это его бывшая жена, — объяснил администратор, — и работает она, кажется, в Лондоне, в музее.

— В котором? — спросил Талабани.

— Не знаю. Просто, как раз когда она регистрировалась, она разговаривала с мистером Бронсоном о своей работе и упомянула музей. А это важно?

— Нет-нет, на самом деле ничего важного. Спасибо вам за помощь, — быстро проговорил Талабани и повесил трубку.

Он повернулся к компьютеру, открыл поисковую систему «Гугл» и нашел на сайте путеводителя по Великобритании «Britain Express» список музеев Лондона. Одно только количество музеев в британской столице удивило Талабани и привело в некоторое уныние, однако он распечатал весь список и начал методичный поиск с самого начала. Исключив небольшие и узкоспециализированные музеи, он стал по очереди звонить во все остальные прямо по списку и спрашивать Анджелу Льюис.

С седьмой попытки он попал на коммутатор Британского музея. Не прошло и двух минут, как Талабани

уже знал не только то, что Анджела Льюис является сотрудницей музея, но и в каком отделе она работает, а также, что в данный момент она находится в отпуске.

А еще через пять минут эта же информация стала известна и человеку со спокойным, неторопливым голосом.

29

Через час с небольшим после того, как Тони Бэверсток появился на работе, в его кабинете раздался телефонный звонок. Звонивший торопился известить музейных работников о найденной им керамике со следами, как он считал, старинной надписи.

Подобные звонки часто раздавались в музее, и почти в ста процентах случаев «сенсационная находка» оказывалась на деле пустышкой. Бэверсток сразу же вспомнил пожилую леди из Кента, которая не поленилась притащить в музей для изучения мнимую реликвию. «Реликвия» представляла собой несимпатичные на вид остатки маленькой фарфоровой чашки, которые почтенная дама откопала в своем саду. На сохранившейся части можно было прочесть обрывки надписи: «1066» и «тва при Гастин», сделанной подобием готического шрифта.

Старушка была искренне убеждена, что нашла предмет, представляющий невероятную ценность для всего государства, — реликвию, имеющую чуть ли не тысячелетний возраст и являющуюся живым напоминанием об одном из наиболее значительных событий в бурной истории Англии. Когда же Бэверсток заявил, что все это ерунда, яйца выеденного не стоящая, дама категорически отказалась ему верить. И только лишь когда он перевернул разбитую чашку, счистил с доннышка грязь и показал старушке другую, уже полную надпись, только тогда удалось убедить ее, что она заблуждалась. Надпись эта, совсем маленькими буквами, гласила: «Можно мыть в посудомоечной машине».

— Это не ко мне, — коротко ответил Бэверсток, когда девушка на коммутаторе объяснила ему, что, судя по всему, обнаружил звонивший. — Обратитесь к Анджеле Льюис.

— Я так и сделала, — раздраженно ответила телефонистка, — но она уехала в отпуск.

Еще через пять минут ему удалось наконец убедить абонента, проживающего в Саффолке, что лучше всего будет отдать находку для изучения в местный музей в Бери-Сент-Эдмундсе. Пусть кто-нибудь другой без толку теряет время, так рассудил Бэверсток. Закончив один разговор, он тут же перезвонил непосредственному руководителю Анджелы Льюис.

— Роджер, это Тони. Я тут разыскиваю Анджелу, но ее, похоже, нет на работе. Не подскажешь, где она?

— Подскажу, — усталым тоном ответил Роджер Халливелл. — Она взяла отпуск. Причем сообщила об этом буквально накануне. Она позвонила мне вчера вечером. Насколько я понял, у нее какие-то семейные проблемы.

— Когда она вернется?

— Она не сказала, и я, право, нахожусь в затруднении. Я чем-то могу тебе помочь?

Поблагодарив его, Бэверсток повесил трубку. Ситуация принимала интересный оборот. Очень интересный.

30

— Значит, первоначально существовало четыре дощечки, и все вместе они образовывали еще одну дощечку, больших размеров?

— Совершенно верно, — ответила Анджела. — И мы обнаружили три из них. Однако четкая фотография есть лишь одной — я хочу сказать, достаточно четкая, чтобы прочитать надпись. Еще одна трудность заключается в том, что мы не нашли изображе-

ния четвертой дощечки, а это означает, что мы имеем только три четверти целой надписи.

— А с теми тремя, которые мы разыскали, — по ним можно что-нибудь понять?

— Немногое, — пожала плечами Анджела. — Прежде чем мы приступим к работе, нужно будет купить или, может быть, скачать арамейско-английский словарь. Но самое главное, что изображения этих двух дощечек, — и она указала на экран, — годятся лишь для того, чтобы перевести пару случайных слов. Фотографии в большинстве своем размытые, нечеткие, а для того чтобы корректно перевести текст на арамейском, необходимо иметь хорошо читаемый оригинал. Дело в том, что некоторые буквы очень похожи друг на друга.

— Но попытаться все же стоит. Тем более что у нас ведь есть целиком перевод надписи с «парижской» дощечки.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Анджела. — Если я смогу найти подходящий словарь. Ну-ка поглядим, что предложит нам Интернет.

Она открыла домашнюю страницу «Гугл», набрала в окошке «арамейский словарь» и нажала кнопку поиска.

В нетерпении Бронсон и Анджела склонились над экраном ноутбука.

— Больше ста тысяч результатов, — тихо проговорил Бронсон. — Где-то среди этого моря должен быть нужный нам словарь.

— А он и есть, — сказала Анджела. — Собственно, самая первая ссылка. — Она дважды кликнула по ссылке и стала изучать открывшуюся страницу. — На этом сайте доступен перевод отдельных слов как с арамейского, так и на арамейский. Здесь даже можно загрузить нужный шрифт, который понадобится для набора оригинального текста. Арамейский алфавит, как и арабский, классифицируется по мнемотехническому признаку, в нем одни согласные звуки. Он содержит

только двадцать две буквы, и по написанию они очень похожи на древнееврейские. Соответственно, чтобы словарь мог распознать слова, нам потребуется особый шрифт, вот этот — он называется Эстрангело.

Анджела загрузила и установила на ноутбук нужный шрифт, потом создала новый документ в текстовом процессоре, выбрала шрифт Эстрангело и внимательно напечатала слово с глиняной дощечки, подобранной Маргарет О'Коннор на *сукке*.

— Это одно из тех слов, которые Тони не смог перевести, — пояснила Анджела. — Сказал, что видно его не очень отчетливо.

Убедившись, что воспроизвела слово как можно более точно, Анджела скопировала его, вставила в окошечко онлайн-переводчика и нажала кнопку «Поиск».

— Н-да, не самое оптимистичное начало, — пробормотала она, глядя на экран. Под окошечком поиска отобразилась надпись «слово не найдено». — Похоже, по крайней мере, насчет этого слова Тони оказался прав.

— Но, может быть, ты неверно написала какую-нибудь букву? — предположил Бронсон. — Изображение на этой фотографии уж больно размытое. Может, попробуешь с другим?

— Ладно. Вот это слово Тони перевел как «дощечки», и я его уже проверяла. Посмотрим теперь, что нам скажет словарь.

Анджела напечатала слово на арамейском . Потом скопировала его и снова нажала кнопку поиска. Почти мгновенно появился английский перевод: «дощечки».

— Ага, работает, — обрадовалась Анджела. — Попробуем вот это.

Она тщательно набрала очередной набор символов — — и загнала в переводчик. Тот подтвердил уже известное значение: «локтей».

— Ну что ж, процесс пошел. — Анджела победоносно посмотрела на Бронсона и улыбнулась. — А теперь приступим к табличке из Каира.

31

— Вы достали ее? — нетерпеливо спросил Александер Декстер, едва Иззат Забари, одетый на сей раз не в свою обычную джеллабу, а в европейского покроя костюм, сел напротив. Они встретились ранним вечером в холле недорогого отеля недалеко от центра Касабланки. Декстер утром прилетел из Лондона в Рабат и в ответ на настоятельные просьбы Забари о встрече приехал в Касабланку.

День выдался невыносимо жаркий, и вечер также не принес ожидаемой прохлады. Декстер с запозданием подумал, что надо было бы взять с собой еще более легкую одежду, нежели надетые сейчас на нем рубашка и слаксы.

Перед тем как ответить, Забари окинул внимательным взглядом сидящих в холле немногочисленных постояльцев и гостей отеля. Затем посмотрел на Декстера.

— Нет, мой друг, не достал.

Конечно, новость о том, что марокканец не смог добиться цели, огорчила Декстера, но что-то в голосе Забари и в его поведении заставило его еще и ощутить беспокойство.

— Есть ведь какое-то «но»? — спросил он.

Забари кивнул:

— Да, есть, как ты выразился, «но». И очень большое «но». Цена, которую пришлось заплатить за попытку добыть эту вещь, оказалась намного выше, чем я думал.

— И насколько? — поинтересовался Декстер. Похоже было, что чертов марокканец, несмотря на проваленное задание, пытается набить себе цену.

— Вероятно, даже для тебя это будет слишком много. Когда мы пытались убежать оттуда, моего приятеля подстрелили, а потом схватили. Я не сомневаюсь, что он уже мертв, но вот смерть его наверняка не была ни быстрой, ни безболезненной.

— Господи, — пробормотал Декстер. Он, конечно, знал, что мир людей, занимающихся кражей и контрабандой предметов старины, весьма жесток, но подобного даже он предположить не мог. — Все, что от вас требовалось, — это украсть чертову глиняную дощечку! Что вы там, на хрен, умудрились натворить?

Когда Забари заговорил, голос его был холоден, как лед.

— Видишь ли, Декстер, основная проблема, с которой мы столкнулись, в том, что этот человек, кому принадлежала дощечка, хоть и выдает себя за бизнесмена, на самом деле самый натуральный гангстер. Его дом просто опутан всевозможной сигнализацией. Ее-то мы обезвредили, но этот гад установил инфракрасный датчик в витрину, и мы его обнаружили, только когда я уже залез внутрь. Вся сигнализация, конечно, к тому времени была отключена. Мне удалось перебраться через стену и дать деру, а вот товарищу моему не повезло. Его звали, если тебе это интересно, Амер Хаммад. Я знал его, работал с ним больше десяти лет. И я называл его своим другом.

— Но ведь ты не достал дощечку? Тебе хорошо известно, что я не плачу за промахи.

— Декстер, ты меня не слушаешь! Я тебе сказал: мне не удалось ее достать просто потому, что ее там не было. Есть и другие... затруднения. Это не говоря о гибели Хаммада.

— В чем еще дело? — вздохнул Декстер.

— Этот человек, владелец дощечки, имеет большие связи в марокканской полиции. Говорят, за его счет кормится чертова туча местных копов.

— И?

— И, вероятно, ему не составит большого труда вычислить личность моего друга.

— Что сделают с его телом?

— Скорее всего, его запихнут в багажник джипа, отвезут на несколько миль в пустыню и попросту выкинут там. О нем позаботятся шакалы и стервятники. В общем, неважно, что именно он сделает, главное, что труп Хаммада — тю-тю — исчезнет. Меня же волнует другое: если этот тип прознает, что вместе с Хаммадом был я, у меня будут чертовски серьезные неприятности.

— И поэтому мы встречаемся здесь, в Касабланке, а не в Рабате?

— Именно так. Мне нужно убраться из страны. Причем быстро и как минимум на год. А для этого нужны деньги. Много денег.

— Да-да, я все понимаю, и мне очень жаль. Но... я тебе говорил, что не плачу за провалы.

Декстер пошевелился, намереваясь встать и уйти, но Забари жестом задержал его.

— Кое-что мы все же достали, — проговорил он. — Табличку с фотографией.

— И это все?

— Да, все, но на ней хорошая фотография дощечки, а также история ее происхождения. Твоему клиенту нужна сама дощечка или довольно будет копии надписи с нее?

Декстер оценивающе посмотрел на марокканца.

— Что ты хочешь сказать?

— То и хочу. Разные ведь вещи говорят. Вот, например, слышал я, что сама по себе глиняная дощечка ничего не стоит, а вот надпись на ней цены не имеет. Это что-то вроде карты с указанием места, где спрятаны сокровища, ну или часть такой карты. Так вот, если этот твой клиент желает просто заполучить кусок обожженной глины для своей коллекции антиквариата, тогда, думаю, нам больше говорить не о чем. Но если же на самом деле его интересует изобра-

жение надписи — намного лучшего качества, чем то, что ты мне послал, — тогда я очень надеюсь, что у него достаточно бабла. Потому что, скажу тебе, ему придется здорово раскошелиться, чтобы заполучить эту надпись.

Декстер тяжело вздохнул.

— Ну хорошо, давай перейдем к делу. Сколько ты хочешь?

Забари вытащил из кармана листок бумаги и протянул собеседнику.

Декстер, не веря своим глазам, вытаращился на накорябанные на бумаге цифры.

— Десять тысяч? Десять тысяч фунтов? — едва сдерживаясь, переспросил он. Забари кивнул. — Ты, конечно же, шутишь. Шутишь. Десять кусков за какое-то изображение глиняной дощечки? Мой клиент на это не пойдет.

— Тогда ни ты, ни твой клиент никогда не увидите этой таблички. Тебе решать, Декстер. Это мое первое и последнее предложение. Никакой торговли не будет. Если не согласен, я тотчас уйду отсюда, и мы больше не встретимся. У меня есть друзья, и они мне помогут.

В течение нескольких секунд мужчины буравили друг друга взглядами. Наконец Декстер принял решение.

— Подожди меня здесь. Я позвоню клиенту и узнаю, что он думает об этом предложении. Я всего на несколько минут.

— Поторопись, Декстер. У меня нет времени.

Декстер вышел из отеля, прошагал пару десятков метров и вытащил мобильный телефон. Набрав номер и дождавшись ответа, он передал Чарли Хокстону рассказ Забари и в конце назвал требуемую марокканцем сумму. Точнее говоря, он сказал, что Забари хочет получить за табличку пятнадцать тысяч фунтов стерлингов — нельзя же было забывать про свои коммиссионные.

Сообщив Хокстону цену, Декстер немедленно убрал телефон подальше от уха, и, как оказалось, незря. Раздавшийся из трубки поток отборнейшей громкогласной брани вполне мог бы его оглушить. Когда шквал ругательств ослабел, Декстер осторожно поднес телефон к уху.

— Значит, мне сказать, что никакой сделки не будет?

— Погоди, Декстер, я этого не говорил. Он намерен торговаться?

— Мне он сказал, что не будет, и я ему верю. После того, что произошло, он находится по уши в дерьме. Практически единственный для него шанс выбраться отсюда невредимым — продать это изображение дощечки. И он хочет получить ответ немедленно. Я сейчас возвращаюсь в отель, и мне нужно будет или дать согласие, или он встает и уходит. Выбор у нас небольшой.

— Ворье проклятое, — продолжал бушевать Хокстон. — Он ведь прекрасно понимает, что требует охренительно нереальных денег?

— Еще как понимает. Еще он заявил, что надпись на дощечке, похоже, является частью карты, на которой указано, где искать сокровища.

Хокстон помолчал несколько секунд, а потом сказал:

— Хорошо. Скажи ему, что его условия принимаются. Я уже перевел деньги на условленный счет в Рабате, и завтра ты сможешь снять с него пятнадцать кусков.

Слегка подивившись над неожиданным ответом Хокстона, Декстер сунул телефон обратно в карман и вернулся в холл отеля.

— На восемь не согласишься? — спросил он Забари. Почему бы не попробовать немного поторговаться? Марокканец замотал головой и встал.

— О'кей, о'кей, — поспешил успокоить его Декстер. — Ты получишь за табличку десять. Деньги бу-

дут в Рабате завтра же. Думаю, ты хочешь получить наличными? В дирхамах?

— Конечно, в дирхамах! Или ты думаешь, что я совсем идиот? Позвони мне по этому номеру завтра после девяти утра. — Он написал на бумажке номер мобильного телефона и протянул Декстеру. — Когда получишь деньги. Тогда мы с тобой встретимся и произведем обмен.

С этими словами Забари поднялся и удалился из отеля.

32

На следующее утро в половине девятого Декстер вошел в здание Банка «Аль-Магриб», расположенное на авеню Мохаммеда V в Рабате. Через пятнадцать минут, совершив необходимые операции, он уже выходил обратно. Пять тысяч фунтов из переведенных Чарли Хокстоном в Марокко денег, в свою очередь, были перечислены на анонимный номерной счет Декстера в скромном маленьком банке в Лихтенштейне. Там они будут находиться в целости и сохранности и в то же время привлекут минимальное внимание к личности владельца счета.

До того безупречно сидевший твидовый костюм Декстера теперь был обезображен двумя бугорками. Лежавшие во внутренних карманах две пухлые пачки бумажных дирхамов — каждая была эквивалентна пяти тысячам фунтов стерлингов — причиняли Декстеру большое неудобство, и он мечтал как можно быстрее встретиться с Забари, передать ему деньги и вернуться домой в Петуорт, в тихий, безопасный антикварный магазин. Ему никогда не нравилось Марокко, а еще меньше ему нравились марокканцы.

Быстрой походкой он шел по авеню Мохаммеда V, пока не нашел довольно чистое на вид кафе, сел за свободный столик и заказал мятный чай. Традиционный арабский кофе, по мнению Декстера, был черес-

чур крепким и горьким. Сделав заказ, он посмотрел на наручные часы: без десяти девять.

Ровно в девять Декстер достал мобильный телефон и набрал номер, который дал ему Забари.

Марокканец ответил почти сразу же.

— Декстер?

— Он самый. То, что ты просил, у меня.

— Ты в Рабате?

— Ага.

— Иди к авеню Хассана II и двигайся по ней на восток в направлении эстуария¹. Когда дойдешь почти до конца, как раз перед тем как она завернет на юго-восток, сворачивай направо на улицу Себта. Пойдешь по ней и сядешь за столик в первом же кафе по правую руку. Только выбери место на улице так, чтобы я мог тебя видеть. Понятно?

— Да. — Декстер некоторое время изучал карту Рабата. Авеню Хассана II, как оказалось, пересекала авеню Мохаммеда V, и до назначенного Забари места встречи расстояние было всего около мили. — Я буду через двадцать минут, — сообщил он марокканцу.

Примерно в полумиле от того места, где сидел Декстер, Иззат Забари захлопнул крышку мобильного телефона и удовлетворенно покивал головой. Он, безусловно, ни на йоту не доверял англичанину, но смог застать его врасплох, и обоим было это известно. Определенно, клиент Декстера страстно жаждал заполучить любую вещь, имеющую отношение к глиняной дощечке, и Забари был почти на сто процентов уверен, что он не попытается схитрить. Однако если Декстер все же не пожелает платить и попробует силой завладеть табличкой, что ж, тогда для честного завершения сделки придется прибегнуть к наиболее весомому аргументу: самозарядному пистолету «вальтер ППК».

¹ Имеется в виду эстуарий реки Бу-Регрег, на которой стоит Рабат.

Забари, сидевший все это время в холле отеля, встал и огляделся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он вышел из здания и вынужден был прищуриться от внезапно хлынувшего в глаза потока солнечного света. На улице Абд-эль-Мумен также все было спокойно, так что Забари вытащил из кармана куртки солнцезащитные очки, надел их и зашагал к месту randevu.

Как только он тронулся с места, из-за столика в кафе, расположенного ярдах в пятидесяти от отеля, встали двое мужчин, одетые в джинсы и футболки, и, не прекращая беседу, направились следом за Забаром. Один из них прижимал к уху маленькую коробочку мобильного телефона.

В это же самое время черный «Мерседес» прокладывал себе путь из южных районов Рабата в сторону улицы Абд-эль-Мумен. Сидевший на заднем сиденье высокий мужчина с парализованным лицом громко ругался, заставляя шофера ехать как можно быстрее. В одной руке он держал телефон и слушал донесения от двух своих людей. Уже совсем скоро он сможет вернуть то, что принадлежит ему по праву.

Движение по авеню Хассана II, которая одновременно являлась государственной трассой № 1 и делила Рабат практически пополам в направлении с востока на запад, вовсе не было таким затрудненным, как предполагал Декстер. Кроме того, ему удалось поймать такси практически сразу же, едва он вышел из кафе. В результате до места встречи Декстер добрался менее чем за десять минут.

Он не был уверен: то ли Забари намеренно выбрал именно это кафе, то ли просто назвал наугад достаточно оживленную улицу и предположил, что где-нибудь поблизости обязательно сыщется заведение общепита. В любом случае, когда Декстер расплатился

с таксистом и свернул на улицу Себта, он сразу же увидел всего ярдах в двадцати впереди белый навес и кучу столиков и стульев. Подойдя к кафе, он оглянулся по сторонам, но Забари в пределах видимости не обнаружил. Тогда он сел за один из столиков, заказал опять же мятный чай и приготовился ждать.

Через пять минут перед Декстером внезапно возник Иззат Забари. Он выдвинул стул и уселся напротив англичанина. Выглядел Забари встревоженным и, казалось, опасался слежки. Перед тем как начать разговор, он внимательно осмотрелся, но в этот утренний час в кафе сидело всего несколько посетителей, и несколько человек шли мимо по улице. Двое молодых людей, шедшие следом за Забари, проследовали мимо кафе, ни разу не оглянувшись, — они были всецело поглощены беседой.

— Принес деньги? — спросил Забари после того, как официант поставил перед ним чашку мутного черного кофе и удалился.

Декстер кивнул и, в свою очередь, спросил:

— А ты принес табличку?

Забари ответил кивком головы.

Тогда Декстер расстегнул куртку, из внутренних карманов вытащил два толстых конверта, перетянутых резинками, и придвинул их по столу к Забари.

— Как мы и договаривались, здесь десять тысяч в пересчете на дирхамы.

Марокканец, в точности копируя движения Декстера, извлек из куртки конверт и положил на стол. Затем оба одновременно протянули руки и схватили принесенные друг другу предметы мены. Забари открыл один конверт, другой, провел кончиком большого пальца по краешкам хрустящих банкнот, перебирая их, словно карты в колоде. Потом быстрым движением спрятал оба конверта в карманах куртки. Декстер раскрыл коричневый конверт и выудил оттуда карточку. Несколько мгновений он сидел, молча уставившись на нее.

— Черт побери! — выговорил он наконец. — Но это совсем не то, чего я ожидал. Изображение намного мельче, чем я надеялся, да и надпись не такая уж и четкая. — Он бросил карточку на стол. — Меня это не устраивает. Сделка недействительна. Отдавай мои деньги.

Но Забари хмуро покачал головой.

— Нет, Декстер. Здесь у меня в кармане «вальтер», и он считает, что сделка остается в силе. — Он чуть вытащил рукоятку пистолета, так чтобы Декстер его увидел. — Подумай как следует. Мне уже действительно нечего терять.

Забари встал, швырнул на стол несколько дирхамов и вышел на улицу.

Там, где узкая боковая улочка соединяет улицы Рю-де-Бюре и Рю-де-Севта, последняя делает небольшой изгиб. Почти в то же самое мгновение, когда до изгиба добрался Забари, рядом с ним появился и давешний черный «Мерседес».

С визгом покрышек мощный автомобиль затормозил и остановился, так что передняя часть его оказалась на тротуаре и полностью перегородила Забари путь вперед. А сзади к нему приближались еще двое.

Забари увидел, как прямо перед ним возникло черное рыло «Мерседеса», и в ту же секунду узнал его владельца. И вот тогда-то он понял, что влип. Влип очень серьезно. Он крутанулся на месте, собираясь дать деру, но прямо перед ним вдруг появились двое мужчин, те самые, что буквально несколько минут назад прошли, увлеченные беседой, мимо кафе. И они не скрывали своего намерения преградить ему путь, куда бы он ни побежал. А за спиной уже раздался ясно различимый звук открываемых дверей автомобиля.

Забари выхватил из кармана «вальтер» и, почти не целясь, выстрелил в своих преследователей. Те вынуждены были пригнуться. Но у обоих мужчин так-

же имелось оружие, и Забари ничего не оставалось, как броситься бежать через дорогу, лавируя между машинами.

Он удачно увернулся от движущегося с невысокой скоростью грузовика и рванул что было сил к противоположному тротуару. И почти добежал... но вдруг в спину ему будто ударили молотом. Эхо близкого выстрела громом отразилось от стен окрестных домов. Забари рухнул на землю, ноги его враз онемели. Пистолет он выронил, и тот со звоном приземлился вне пределов досягаемости.

Едва ли не прогулочным шагом высокий человек из «Мерседеса» и один из его подручных пересекли проезжую часть и подошли к раненому Забари. По обеим сторонам улицы, привлеченные разыгрывающимся действием, стали собираться зеваки. Однако никто не демонстрировал желания оказаться самому вовлеченным в разборки.

— Ты у меня кое-что украл. Где эта вещь? — спросил высокий, в то время как его сообщник поднимал оброненный «вальтер».

Забари, скрючившись, лежал наполовину на тротуаре, наполовину на проезжей части и едва мог пошевелиться; вокруг тела образовалась уже приличная лужа крови. Он посмотрел на нависающего над ним владельца «Мерседеса». Странное дело — Забари почти не ощущал боли, тело с каждым мгновением утрачивало чувствительность.

— У меня ее нет, — прохрипел он еле слышно.

Высокий махнул рукой, и его подручный бесцеремонно обыскал лежащего человека. Таблички он не нашел, зато вытащил из карманов куртки два набитых банкнотами конверта и передал их боссу.

— Ты что, продал табличку? — грозно спросил он, глядя на Забари.

— Да, — прошептал тот, и тело его вдруг изогнулось в агонии.

— А неплохую ты провернул сделку, Забари. Такая куча денег за маленькую карточку, — негромко произнес высокий. — Ты ведь меня знаешь. Или, по крайней мере, тебе должна быть известна моя репутация. Когда вы вломились в мой дом с намерением похитить принадлежащую мне дощечку, ты не мог не подумать о том, что тебя ждет. Но ты все же пошел на это. Почему?

— Просто работа, — прохрипел Забари. В раненой спине нарастало жжение. Он кашлянул, и кровавые брызги оросили его грудь. — Я получил заказ от британского коллекционера.

— А у этого коллекционера есть имя? — спросил заинтересованный бандит.

— Я имел дело с посредником. С агентом.

— А как зовут посредника?

Забари ничего не отвечал, и тогда высокий наклонился, так чтобы смотреть прямо в глаза жертве.

— Назови его имя. Тогда мы, возможно, оставим тебя в покое, и, может быть, ты будешь жить.

Забари, словно зачарованный, и в то же время будучи скован ужасом, смотрел на затянутый молочно-белой пленкой невидящий и неморгающий правый глаз высокого.

— Декстер. Все зовут его просто Декстер.

— И где мне его найти?

— Он здесь, в Рабате. Мы с ним только что расстались. Я продал ему табличку.

— Отлично. — Высокий выпрямился. — Мы разыщем его. А теперь, Ахмед, кончай с ним.

— Я же рассказал вам все, что знал, — в ужасе забормотал Забари. — И вы сказали, что оставите мне жизнь.

— Я солгал, — бросил высокий, и левая половина его лица исказилась в пародии на усмешку. Он кивнул подручному.

Эхо от второго выстрела было не менее громким, чем от первого. Из развороченной головы Забари по-

лилась кровь и смешалась с уже начавшей сворачиваться алой жидкостью, растекшейся лужей по мостовой и тротуару.

33

Александр Декстер во взятом напрокат «Ситрое-не» гнал на юг, в Касабланку, превышая все возможные ограничения скорости, принятые в Марокко. Тем не менее он и сам поразился, как быстро преодолел шестьдесят с гаком миль до международного аэропорта Касабланки.

Покидая улицу Себта, Декстер принял мгновенное и, надо отметить, очень простое решение.

Он видел, как убили Забари. Его выследили и настигли в центре марокканской столицы, среди бела дня, несмотря на все ухищрения, которые он предпринимал, чтобы остаться в живых. Но еще больше ужаснула Декстера та холодная безжалостность, с которой высокий человек с бельмом на правом глазу расправился с неудачливым грабителем. Декстер знал, что не сможет забыть парализованное лицо этого человека. А самое главное: теперь высокий, несомненно, станет охотиться за ним.

Паспорт, бумажник и ключи от «Ситроена» лежали в кармане, в номере отеля осталась лишь кое-какая одежда да туалетные принадлежности. Всем этим можно было безболезненно пожертвовать. У человека, убившего Забари, явно имелись очень серьезные возможности, и Декстер справедливо рассудил: даже если он сию же минуту отправится в отель, очень велика вероятность, что его там уже будет поджидать пара дюжих молодчиков.

Поэтому он сказал таксисту, что передумал, и попросил высадить его на углу, немного не доезжая до здания отеля. Выйдя из машины, он направился напрямиком к припаркованному у тротуара «Ситроену», сел за руль и помчался в сторону Касабланки.

В Марокко Декстер прилетел рейсом «Эйр Франс» из лондонского аэропорта Хитроу. Обратный билет лежал в кармане куртки, но воспользоваться им он не собирался. Это будет, подумал он, слишком очевидно и слишком опасно. Декстер нисколько не сомневался, что в эту самую минуту люди высокого с изувеченным лицом уже несутся в направлении Сале, столичного аэропорта, расположенного примерно в пяти милях к северу от города. Решение отправиться в Касабланку он принял в надежде немного оторваться от преследователей, а если повезет, то и сбить их со следа.

Добравшись до аэропорта имени Мохаммеда V, Декстер не стал тратить время на необходимые формальности, связанные с возвращением взятой напрокат машины. Он просто припарковал ее на свободном месте, запер двери и бросил ключи под капот. Когда (если) он вернется в Англию, то непременно позвонит в местное отделение фирмы «Герц» и сообщит, где оставлен «Ситроен». Сейчас же у него были куда более серьезные заботы.

Декстер вошел в зал для вылетающих и принялся изучать расписание. Все рейсы «Ройял Эйр Марок», вне зависимости от места их назначения, он отверг с ходу. Разумнее было воспользоваться услугами зарубежных авиакомпаний. Сверившись с часами, он обнаружил, что вполне успевает на совместный рейс «Эйр Франс» и KLM до Парижа. Бегущий человек в аэропорту (или, если уж на то пошло, в любом другом месте) всегда привлекает внимание, поэтому Декстер деловой походкой направился к столу авиакомпании «Эйр Франс» и заплатил наличными за билет до Парижа и обратно. Использовать кредитку, по которой его могли бы легко вычислить, Декстер не хотел.

Он достаточно знал о борьбе с терроризмом и прекрасно понимал, что человек, покупающий билет на самолет за наличные, сам по себе вызывает интерес. А уж если ты берешь за наличные билет в один конец, то ожидай, что на тебя обратят пристальное вни-

мание и, скорее всего, задержат, чтобы задать ряд вопросов. Именно этого Декстер и стремился из всех сил избежать. Так что приобретение обратного билета было насущной необходимостью.

Посадку на самолет должны были вот-вот объявить, но Декстер все же потратил несколько минут и, забежав в магазинчик, купил дешевую дорожную сумку. В другом магазине он приобрел кое-какую одежду, в третьем — набор с туалетными принадлежностями. Потом к этим покупкам присовокупил еще пару книжек. Конечно, все это было ему не нужно, но Декстер отлично понимал, что, как и любой другой пассажир, должен иметь багаж. Ни в коем случае нельзя было выделяться из толпы и привлекать к себе по какому бы то ни было поводу ненужное внимание. Он надеялся, что выглядит теперь как заурядный бизнесмен, летящий на пару дней в Париж на совещание или деловую встречу, а не как человек, которого по пятам преследует банда наемных убийц.

Марокканские таможенники попросили Декстера открыть сумку и проверили ее содержимое, как просили практически всех пассажиров, но это была всего лишь минутная задержка. Через полчаса после прибытия в аэропорт Декстер уже стоял в очереди среди других пассажиров парижского рейса в ожидании, когда будет объявлена посадка на аэробус «А-319». А еще через двадцать минут он смог наконец расслабиться в кресле самолета со стаканом самого крепкого из напитков, какие могли предложить на борту «Эйр Франс». Самолет взял курс на север, на Париж. Ни в аэропорту, ни в самолете Декстер не заметил ничего подозрительного: похоже было, что убийца Забари и его люди действительно не смогли взять его след.

В Париже, перед тем как пересесть на рейс до Лондона, Декстер улучил время, чтобы наскоро перекусить. Он почти ничего не ел с самого утра и с некоторым удивлением обнаружил, что, как только оказался хотя бы на время в безопасности, то ощутил

зверский аппетит. Ранним вечером он уже был дома, в Петуорте. Перед ним на столе лежала небольшая продолговатая карточка, а возле локтя стоял большой стакан виски.

Декстер решил, что не будет сразу звонить Чарли Хокстону, а выждет часик-другой. Прежде необходимо сделать несколько фотографий доставшейся такой ценой карточки, а затем попытаться выяснить, почему его клиент так жаждал завладеть глиняной дощечкой.

34

Приближалась ночь, а колдующие над ноутбуком в номере отеля Бронсон и Анджела, казалось, зашли в тупик.

Глиняная дощечка из парижского музея довольно легко раскрыла свои тайны. Всего за несколько минут Бронсон перевел французские слова на английский и записал их на листе бумаги. Но вот каирская дощечка оказалась крепким орешком. Исследователям удалось найти в архивах музея всего лишь одну фотографию, да и та была очень бледной и нечеткой.

В течение нескольких часов они пытались сопоставить значки с надписи на каирской дощечке с буквами шрифта Эстрангело, но работа эта была скучной и утомительной, а особого прогресса добиться не удалось.

— Я думаю, — глядя на картинку на экране, произнесла Анджела, — что этот снимок был сделан с одной только целью: иметь возможность предварительно идентифицировать предмет. Вероятно, всякий поступающий в музей артефакт фотографируют, просто для того чтобы он остался в базе данных. А уж для исследовательских целей, для перевода надписей, я полагаю, делаются отдельные снимки на фотоаппарате с большим разрешением и при гораздо лучшем освещении.

— Но ты можешь хоть что-нибудь здесь понять? — спросил Бронсон.

— Да, но, пожалуй, только половину слов в трех верхних строках. Все остальное настолько размытое, нечеткое, что извлечь оттуда практически нечего.

Больше часа Анджела и Бронсон корпели над изображением дощечки, пытались максимально точно перенести на бумагу незнакомые закорючки неведомого арамейского текста. Когда работа была завершена, Анджела загрузила результаты в онлайн-переводчик.

— Ну и что же мы имеем? — Она отодвинулась наконец от ноутбука, откинулась на спинку стула и правила затекшие члены.

— А не принести ли мне чего-нибудь выпить? — предложил Бронсон. — Конечно, я имею в виду алкоголь.

— Я бы с удовольствием выпила джинна с тоником. Желательно в большом стакане, и не жалея льда.

Бронсон вышел из номера и через несколько минут вернулся с подносом и двумя высокими стаканами, в которых весело позвякивали кубики льда. Напитки он поставил на низкий туалетный столик и вернулся на свое место на краешке кровати.

— Спасибо, ты настоящий друг, — поблагодарила Анджела, взяла стакан и сделала большой глоток. — Так оно лучше. Ну-с, что у нас получается?

— Я выписал все слова, какие удалось перевести, и набросал схематичные рисунки каждой дощечки, — ответил Бронсон. — Если какие-то слова мы не разобрали, я оставлял пустое место. Так нам будет легче ориентироваться в тексте.

Он положил на стол перед Анджелой лист формата А4, и они вдвоем склонились над ним. На бумаге Бронсон нарисовал три прямоугольника приблизительно одинакового размера и в каждом записал английский перевод арамейских слов в точно таком порядке, как они были размещены на глиняных дощечках. Результат получился отнюдь не обнадеживающим.

— Первой, — пояснил Бронсон и указал на один из рисунков, — идет дощечка из Каира. Она находит-

ся сверху и слева, если мы принимаем твою гипотезу о четырех дощечках и кресте посередине.

Как они и предполагали, пустых мест было значительно больше, чем переведенных слов:

*мы месте были
внутреннюю
..... храма свиток нашей*

.....

.....

.....

— Но поскольку, — продолжил Бронсон и передал Анджеке второй листок, — в арамейском языке принята запись справа налево, слова должны следовать вот в таком порядке.

На новом листе он записал те же слова, но только справа налево, также оставляя место для еще не переведенных слов, кроме трех последних строчек, которые пока что целиком не поддавались расшифровке:

*были месте мы
..... внутреннюю
нашей свиток храма*

— М-да, от этого ни черта не стало легче, — пробурчала Анджека и снова вернулась к изучению первого листа.

— Это дощечка О'Конноров, — пояснил Бронсон.

— Бэверсток смог перевести из этой надписи всего восемь слов, — напоявила Анджека. — Что касается второй строчки здесь, она хоть и переведена целиком, лично я все равно не улавливаю ни малейшего смысла.

.....

и четыре дощечки Ир-Цадок против исполнить

.....

.....

.....

локтей свитков

— Аналогично, — сказал Бронсон. — Даже если мы расположим слова в правильном порядке.

.....

исполнить против Ир-Цадок дощечки четыре и

.....

.....

.....

свитков локтей

Наконец последний прямоугольник, в который был помещен текст с дощечки из парижского музея, выглядел так:

*чтобы в конца поселением свиток бен
нашу камня Секаха забрали нашу
вера шириной Иерусалиме серебра месте и
сохранить алтаре мы пещере завершено
слава великому резервуаре мы теперь
захватчиков и из что последний*

— А вот та же самая надпись, но уже в прочтении слева направо.

*бен свиток поселением конца в чтобы
нашу забрали Секаха камня нашу
и месте серебра Иерусалиме шириной вера
завершено пещере мы алтаре сохранить
теперь мы резервуаре великому слава
последний что из и захватчиков*

— Знаешь, я должен согласиться с Бэверстоком. Это действительно самая натуральная тарабарщина, — признался Бронсон. — Ты хоть что-нибудь здесь понимаешь?

В ответ Андже́ла только тяжело вздохнула.

— Ничегошеньки. Однако какой бы шифровой системой ни пользовался автор этих надписей, она должна быть относительно простая. Я хочу сказать, что в то время просто не существовало чересчур мудреных шифров. Похоже, мы чего-то не замечаем, чего-то вполне очевидного. Единственное, в чем можно быть уверенным: Бэверсток оказался прав насчет Кумрана.

Она показала на два нижних прямоугольника.

— Он сказал, что это слово, *Ир-Цадок*, может иметь отношение к Кумрану. На арамейском полное наименование этого места звучало как *Ир-Цадок Секаха*. Как видишь, вторая часть названия присутствует вот здесь, на парижской дощечке. Однако, — она вздохнула, — даже это не имеет особого смысла.

— Почему?

— Именно потому, что на арамейском следует читать текст справа налево, а не наоборот. Слово же *Ир-Цадок* находится на дощечке слева, а *Секаха* — справа. Следовательно, если я верно предположила, что в центре куска глины, из которого позже вырезали дощечки, был начертан крест, тогда нам нужно читать сперва надпись на правой дощечке, а потом на левой. В таком случае у нас получается *Секаха Ир-Цадок*. А это совершенная бессмыслица.

— Да, я понял, — протянул Бронсон и, откинувшись на спинку стула, с наслаждением потянулся. — Слушай, похоже, мы проторчали в четырех стенах весь божий день, безуспешно пытаясь хоть что-то понять. Предлагаю спуститься вниз и перекусить. Думаю, после еды мозги наши прояснятся, и, возможно, нас даже посетит вдохновение.

35

— Говорю тебе, Чарли, мне чертовски повезло, что я выбрался из Марокко целым и невредимым. Я совершенно уверен — если бы этот ублюдок догадался, что я стоял в толпе зевак, он бы прикончил меня на месте.

— И это произошло прямо на улице? — Чарли Хокстон в первый раз слушал рассказ Декстера о том, чему тот стал свидетелем в Рабате. Хокстон встретился со своим агентом в шумном пабе неподалеку от Петуорта, и Декстер как раз только что передал ему купленную у Забари карточку. — Среди бела дня? У всех на виду? — продолжал допытываться Хокстон.

Декстер кивнул.

— Да, это случилось сегодня утром, в начале десятого, и вокруг было полным-полно людей. Но ему было на это совершенно наплевать. Один из его «шестерок» выстрелил Забари в голову, а потом они спокойно сели в машину и уехали. А я взял ноги в руки и помчался в аэропорт. Даже не заскочил в гостиницу, чтобы забрать шмотки.

Хокстон покивал головой и снова перевел взгляд на небольшую карточку, которую он все еще вертел в руках.

— И все, что его интересовало, — это заполучить назад эту вещицу, — словно разговаривая сам с собой, протянул Хокстон. — Это хорошо. Чертовски хорошо.

— Что значит «хорошо»? — не понял Декстер.

— Это значит, что раз убийца твоего Забари так жаждет вернуть дощечку, стало быть, он знает, что она подлинная. Но где же она, черт возьми?

Но Декстеру было плевать на дощечку.

— Чарли, этот тип охрененно опасен. И ему известно мое имя. Может быть, он уже в Англии — ищет меня, а заодно и тебя.

— Я тоже не певчий из хора. Не забывай этого, Декстер.

Декстер посмотрел на собеседника и увидел отчетливо выпирающую слева под одеждой Хокстона наплечную кобру.

— И что-то я не очень впечатлен этой чертовой карточкой, — бросил Хокстон. — Это изображение ненамного лучше тех, что у нас уже есть. И эта фигня совершенно точно не стоит пятнадцати кусков. Ты что, не мог разорвать сделку, когда увидел это барахло?

— Я пытался, — начал оправдываться Декстер, — но он стал угрожать мне пушкой.

Хокстон недовольно хрюкнул.

— Так, и о чем же, дьявол его задери, рассказывает этот текст? Это копия арамейской надписи?

— Нет-нет, — закачал головой Декстер, — это просто описание, откуда взялась дощечка. Тут написано по-арабски, но я сделал приблизительный перевод.

Хокстон бросил карточку на стол и, взяв у Декстера сложенный лист бумаги, развернул и принялся читать текст на английском.

— Насколько перевод точный? — спросил он.

— Ну, я не могу ручаться — все же мой арабский оставляет желать лучшего. Но, думаю, это достаточно близко к оригиналу.

Хокстон молча уставился в текст.

— Не очень-то это нам поможет, а? — проронил он. — Похоже на описание экспоната в музее.

Декстер согласно кивнул.

— По словам Забари, дощечка была выставлена на обозрение в витрине в одной из гостиных того дома. И в этой же витрине находилась карточка.

Хокстон прочитал вслух первые строчки.

«Старинная глиняная дощечка, обнаруженная на территории Израиля в развалинах Пиратона (греческий Фаратон), на месте которого сейчас находится арабская деревушка Фарата. Надпись на дощечке сделана на арамейском языке, но текст крайне непонятен и значение его до сих пор неясно. Возможно, это только часть надписи».

— Ну и где находился этот Пиратон или Фаратон?

— Я навел справки. Это был небольшой город в местности, которая тогда называлась Самария, недалеко от горы Герицим, примерно в двадцати милях к северу от Иерусалима. Он никогда не играл значительной роли, а сейчас от первоначального поселения практически ничего не сохранилось.

— И как случилось, что дощечка оказалась там?

— А мы не знаем этого наверняка, — ответил Декстер. — Возможно, то, что написано на карточке, просто версия, предназначенная для публики. В конце концов, согласись, было бы странно открыто заяв-

лять, что она украдена из музея. Не забывай, что *твоя* глиняная дощечка некогда была собственностью музея в Каире, но я готов биться об заклад: ты не общаешь такие подробности, когда демонстрируешь эту безделушку своим гостям.

— Не думай, что ты самый умный.

Декстер кивнул на лист бумаги, который Хокстон продолжал держать в руке.

— У тебя уже есть одна дощечка, а теперь появилось несколько нечетких снимков другой. Что ты будешь делать дальше?

— *Я* — ничего, — заявил Хокстон. — Но *мы* должны будем приложить все усилия, чтобы найти пропавшую реликвию.

— Но, Чарли, у тебя только одна дощечка, а мы уже выяснили, что всего их должно быть четыре. Как, черт возьми, ты рассчитываешь найти что-то, если не хватает большей части текста?

— По моему поручению Бэверсток просматривает базы данных всех музеев, к которым может получить доступ. Он ищет другие дощечки — неважно, как давно и где они были обнаружены. Я думаю, если ему удастся раздобыть приличное изображение еще одной дощечки, этого (ну и плюс частичный перевод текста с той, что всплыла в Рабате) будет достаточно, чтобы разгадать секрет надписи. Сможет он или нет, но мы в любом случае отправимся на Ближний Восток. Лучшего изображения этой дощечки, чем на твоей карточке, я еще не видел, так что Бэверстоку должно быть под силу расшифровать, по крайней мере, половину текста. Возможно, другого такого шанса нам не подвернется.

— Но ты же не хочешь, чтобы я тоже поехал?

— Конечно, хочу. Ты, Декстер, едешь, потому что мне понадобятся твои связи, Бэверсток — потому как нам пригодятся его познания в языке. Если, конечно, ты не добавил к прочим своим достоинствам знание имперского арамейского.

Декстер сперва нахмурился, но через пару секунд лицо его просветлело. Он сообразил, что в сложившихся обстоятельствах будет вовсе не худо свалить на недельку-другую из Англии. Если тот высокий послал своих людей, чтобы выследить его, они, вероятно, станут искать в Марокко и Великобритании, но даже и не подумают об Израиле. Или куда там еще собрался Хокстон?

Декстер горестно вздохнул и откинулся на спинку стула. В любом случае похоже было, что выбора у него все равно нет.

— Нет, Чарли, я как не читал по-арамейски, так и не читаю. Так когда мы отправляемся?

36

— Знаешь, — сказал Бронсон, когда они с Анджелой не спеша брели по улице к своему отелю и наслаждались прохладным вечерним воздухом, — мы как-то упустили из виду одно интересное обстоятельство, а именно: с какой вообще целью были изготовлены эти дощечки? То есть что конкретно спрятали люди, их сделавшие? Что представляет собой их сокровище?

Когда они отобедали, Анджела начала настаивать, что ей, прежде чем возвращаться в номер, категорически необходимо прогуляться, размять ноги. Бронсону она заявила, что, если он все еще опасается преследовавших его давеча вооруженных бандитов, она спокойно может пойти подышать воздухом и одна — в конце концов, никто ведь и знать не знает, что она находится в Марокко. Бронсону эта идея не пришлась по душе, однако он согласился на прогулку. Просто он знал: если с Анджелой что-нибудь случится, он себе этого никогда не простит.

— Сокровище это или что другое, но оно, должно быть, представляло для них большую ценность, раз они прибегли к таким ухищрениям. На глиняных до-

щечках они зашифровали некое послание, а потом, по-видимому, спрятали их в разных местах — то есть найти сокровище можно только в том случае, если собрать вместе все четыре дощечки. И в том, что нам уже удалось раскопать, содержатся ключи к разгадке тайны. Мне кажется, что некоторые из слов, которые нам удалось разобрать, имеют исключительно важный смысл.

— Ну-ка, ну-ка, я попробую угадать. Это слова «свиток», «дощечки», «храма», «серебра» и «Иерусалиме». Верно?

Анджела кивнула:

— Абсолютно. Любой древний свиток представляет огромный интерес для историков и археологов; ну а если он был спрятан еще два тысячелетия назад, сей факт наводит на мысль, что уже в то время ему придавали особенное значение. А если предположить, что в надписи идет речь о «свитке из серебра», это предполагает очень интересный вариант... — Анджела вынуждена была замолчать на полуслове, поскольку Бронсон крепко сжал ее руку, и они резко остановились.

— В чем дело? — недовольно спросила Анджела.

— Не нравится мне... — начал Бронсон и посмотрел сначала вперед, потом в ту сторону, откуда они шли.

Ярдах в двадцати впереди у края тротуара притормозил белый фургон. Мотор тихо урчал на холостом ходу. Позади, пока приблизительно в пятидесяти ярдах, но с каждой секундой приближаясь, медленно двигался, держась возле самого тротуара, черный седан «Мерседес». И наконец, впереди «Мерседеса» (на много впереди) к Бронсону и Анджеле быстрыми шагами направлялись несколько человек в развевающихся джеллабах.

Все это, конечно, могло оказаться простым совпадением, цепочкой не связанных между собой и совершенно безобидных событий, но для натренированного

глаза Бронсона происходящее было очень похоже на организованную засаду. Всего лишь секунда понадобилась ему на то, чтобы прикинуть варианты, а затем он начал действовать.

— Беги! — шепнул он Анджеле. — Беги. Уноси отсюда ноги. — И сделал движение рукой в сторону боковой улочки. — Вон туда, и не жалей сил.

Анджела оглянулась и только сейчас увидела приближающихся людей. Не раздумывая, она кинулась удирать.

Бронсон повернулся на сто восемьдесят градусов, лицом к неизвестным, но при этом продолжал двигаться спиной вперед в прежнем направлении, чтобы контролировать ситуацию и дать Анджеле возможность скрыться. Он посмотрел через плечо: Анджела уже добралась до угла и бросилась бежать по боковой улочке. Только он повернулся, чтобы припустить следом, как в ту же секунду мужчины в джеллабах бросились за ним и уже через несколько мгновений настигли Бронсона.

Вот кто-то попытался его остановить и схватил за плечо. Бронсон хотел на бегу развернуться, чтобы встретиться с нападающими лицом к лицу, но тут же его дважды сильно ударили сзади по голове. Он потерял равновесие и полетел вперед, безвольной куклой приземлившись на усеянный выбоинами тротуар.

Последнее, что он услышал, перед тем как сознание покинуло его, был далекий крик Анджелы: «Крис!»

ЧАСТЬ 2

Англия

37

После того как Филиппсы вернулись в Англию и закончили распаковывать чемоданы, Кирсти почти сразу же отправилась в родительский дом. Пока Маргарет и Ральф проводили отпуск в Марокко, Кирсти совершала такие поездки через день: удостовериться, что замки целы, полить цветы, забрать почту, проверить сообщения на автоответчике и вообще проследить, чтобы в доме все было в полном порядке.

В это утро она припарковала свой «Фольксваген Гольф» на подъездной дорожке у стоящего на тихой улице на западной окраине города небольшого особняка, достала связку ключей и открыла переднюю дверь. Как обычно, на коврике при входе лежала стопка конвертов — в основном, судя по всему, реклама и прочая ерунда. Тем не менее она собрала их и отнесла на кухню, где положила в большую кучу, скопившуюся с момента отъезда родителей. Кирсти вдруг поняла, что никогда они уже не переступят порог этого дома, и на глазах у нее выступили слезы. Однако она сумела сдержаться и не позволить грустным мыслям одолеть ее, после чего отправилась в привычный обход по дому, проверяя все комнаты, одну за другой. Напоследок она прошла в гостиную и проверила автоответчик, но ни одного сообщения на нем не оказалось.

Она открыла дверь в прихожую и внезапно столкнулась лицом к лицу с незнакомым человеком.

Он был высокого роста, худощавый, но крепкого телосложения, с очень загорелым лицом. В правой руке мужчина держал длинный черный предмет, по виду напоминающий ломик. Увидев Кирсти, он удивился не меньше, чем она, обнаружив вдруг в доме родителей постороннего человека.

Непрошенный гость первым пришел в себя. Почти без замаха, но страшным по силе ударом он обрушил лом из закаленной стали на голову Кирсти. С противным хрустом сломалась скула и треснул с левой стороны череп. Удар был явно рассчитан на то, чтобы убить девушку. Падая, она еще успела ощутить чудовищную боль, лицо сразу онемело, но уже через мгновение она потеряла сознание и, словно куль, рухнула на ковер, заливая его кровью из ужасной раны. Левая сторона лица представляла собой сплошное кровавое месиво. Но умерла она не от этой раны.

Куда серьезнее оказались внутренние повреждения. Мельчайшие осколки раздробленной кости распороли с десятков кровеносных сосудов в мозге Кирсти. Несколько острых обломков глубоко вонзились непосредственно в мозг, причинив ему повреждения, несовместимые с жизнью. Кирсти еще дышала, но фактически она была уже мертва.

Убийца еще долго стоял и смотрел на нее, потом опомнился, переступил через неподвижное тело и пошел в направлении входной двери. Перед тем как проникнуть в дом через черный ход, он внимательно прислушался, но не различил в доме никаких звуков. «Фольксваген» же на подъездной дорожке, как он предположил, принадлежал покойным О'Коннорам. Теперь он понял, что допустил ошибку.

В прихожей он огляделся по сторонам, но не увидел никакой почты и вернулся на кухню. Придется проверить все комнаты, чтобы найти нужный конверт.

С одной стороны кухонного стола высилась аккуратная стопка корреспонденции. Он начал в ней рыться, но интересующего его письма не обнаружил. Может быть, босс ошибся в своих предположениях?

С минуту убийца стоял в нерешительности и размышлял, что же теперь делать. Как все нелепо вышло с этой молодой женщиной — кстати, кто она такая? Соседка, или, возможно, уборщица из агентства по найму. Он уже начал раскаиваться, что погорячился и нанес ей смертельный удар. И что же теперь делать с трупом? Вытащить из дома и где-то закопать? Немного поразмыслив, он отказался от этой идеи. Он не очень хорошо знал окрестности, и слишком велик был риск, что не в меру любопытный сосед заметит, как он вытаскивает тело на улицу, или того хуже — его остановит полицейский и обнаружит в багажнике труп.

Он открыл дверь, оглянулся по сторонам и зашагал прочь.

38

По мере того как Бронсон медленно приходил в себя, все сильнее становилась пульсирующая боль в области затылка. Он инстинктивно поднес руку к голове. Точнее будет сказать, попытался поднести, поскольку рука отказывалась повиноваться. С недоумением он обнаружил, что точно так же не может пошевелить и другой рукой. Равно как и ногами. В запястьях и лодыжках Бронсон ощущал пронзительную боль; кроме того, ныла левая сторона груди. Он открыл глаза, но ничего не увидел. Вокруг была сплошная темнота. Некоторое время он ничего не предпринимал, только пытался сообразить, что же с ним приключилось, и постепенно память начала возвращаться.

— Вот дерьмо! — пробормотал Бронсон.

— Крис? Ну слава богу! — прилетел из темноты слева знакомый голос.

— Анджела? Черт возьми, где мы? Ты в порядке?

— Не знаю. То есть не знаю, где мы находимся. А со мной все в порядке, если не считать того, что меня привязали к этому треклятому стулу.

— Почему я ничего не вижу?

— Нас заперли в подвале, а перед тем как уйти, эти ублюдки выключили свет.

— А что вообще произошло? Я только помню сильный удар по голове, а потом — провал.

— Я, как ты и велел, побежала по улочке, но оглянулась посмотреть, что там происходит, и в этот самый момент один из этих людей схватил тебя, а другой замахнулся чем-то вроде дубинки. Ты рухнул как подкошенный, и я было подумала, что ты мертв. Ну, и я побежала назад...

— Анджела, тебе надо было убегать и не останавливаться. Ты бы все равно ничего не смогла сделать.

— Да я понимаю, — тяжело вздохнула Анджела. — Вообще, это из-за меня мы здесь оказались. За чем только я поперлась на улицу и еще тебя с собой прихватила? Вот, и когда я увидела, что ты ранен, я думала только о том, чтобы тебе помочь.

— Спасибо, конечно, за такую заботу, но лучше бы ты убежала и позвала на помощь полицию. А что же было дальше?

— Все произошло очень быстро. Меня схватили двое и засунули мне в рот кляп — я орала так, точно меня убивают. Потом меня швырнули в кузов белого фургона — того, что остановился на дороге в нескольких ярдах перед нами, — и связали руки и ноги каким-то пластиковым шнуром, что ли...

— Наверное, это кабельные стяжки, — прервал ее Бронсон. — Их практически невозможно разорвать.

— Потом трое других подняли тебя, подтащили к фургону и тоже кинули внутрь.

Это, пожалуй, объясняло боль в груди.

— Они все тоже залезли в фургон, и, когда он тронулся с места, тебя связали таким же манером, что и меня. Ехали мы примерно пятнадцать-двадцать минут,

потом машина остановилась и дала задний ход. Когда открылись задние дверцы, я смогла только рассмотреть побеленную стену дома, а потом меня вытащили, пронесли через двери и дальше вниз по лестнице в этот проклятый подвал. Здесь стояли два стула с прямыми спинками. Меня привязали к одному из них, а в это время двое других мужчин спустили в подвал тебя и привязали ко второму. Потом они выключили свет и свалили на хрен. И вот с тех пор я сижу здесь в темноте. А прошло уже несколько часов. — Анджела замолчала, а потом прибавила: — Крис, мне так жаль.

Услышав, как дрожит ее голос, Бронсон несколько не удивился. Анджела всегда была сильной женщиной — кому-кому, а уж ему это было хорошо известно, — но он догадывался, насколько травмировали ее события минувшего вечера, тем более если во всем произошедшем она винила себя.

— Ты несколько не виновата, — как можно мягче произнес Бронсон.

— Да нет же, виновата. И знаешь, что меня больше всего угнетает в этой истории?

— Что же?

— За все время — когда нас схватили на улице, пока везли в машине, привязывали к стульям в этом чертовом подвале, — никто из них — никто! — не проронил ни единого слова. Не было никаких команд, они не задали ни единого вопроса, вообще не произнесли ни звука. Все они четко понимали, что делают. Крис, меня это очень беспокоит. Совсем не похоже, что нас случайно похитила на улице банда каких-то головорезов. Кто бы ни стоял за нашим похищением, у него была на то причина, и, кроме того, все было очень тщательно спланировано и проведено.

От этой мысли Бронсону тоже стало не по себе, но он постарался скрыть беспокойство.

— Ну, я считаю, нам не стоит пытаться разузнать, что им нужно, верно? Мы должны найти способ выбраться отсюда.

Но сделать это было совсем непросто. Как ни напрыгался Бронсон, пытаясь ослабить стягивающие запястья и лодыжки кабельные стяжки, они почти не поддавались его усилиям. Был бы у него какой-никакой нож, тогда освободиться не составило бы труда, а так оставалось лишь запастись терпением.

Тем не менее Бронсон изо всех сил пытался справиться с путами, и только когда почувствовал, что из открывшихся на запястьях порезов заструилась кровь, он прекратил попытки и смирился со своим положением. А положение было тяжелое: он надежно связан и освободиться без посторонней помощи не может.

Прошло несколько часов, прежде чем в подвале наконец вспыхнули зажженные лампы. Бронсон вынужден был крепко зажмурить глаза, чтобы не ослепнуть от внезапно хлынувшего потока света, но через некоторое время осторожно их приоткрыл и украдкой огляделся по сторонам.

Примерно в десяти футах от него на деревянном стуле с высокой прямой спинкой сидела Андже́ла. Лодыжки и запястья ее были надежно примотаны к стулу пластиковыми кабельными стяжками. Одежда находилась в беспорядке, но смотрела бывшая супруга вызывающе.

Подвал представлял собой маленький более или менее прямоугольной формы бетонный бункер с некогда белыми, а теперь грязно-серыми стенами и таким же потолком. Пол был выложен каменной плиткой. Если не считать двух стульев, к которым привязали пленников, подвал был пуст. Прямо напротив них ведущая наверх короткая лестница упиралась в массивную деревянную дверь.

Бронсон повернулся к Анджели и увидел, что она, не отрывая глаз, смотрит на дверь. С негромким скрипом та приоткрылась, и в образовавшуюся щель стал виден побеленный коридор первого этажа. Оттуда слышалось негромкое бормотание, а следом раздались приближающиеся шаги.

Через несколько секунд дверь отворилась шире, в подвал спустились двое смуглолицых мужчин в джеллабах и остановились перед Бронсоном.

Он посмотрел на вошедших, фиксируя в памяти их лица. Один был ничем не примечателен: смуглый, с черными волосами, карими глазами, самыми обычными чертами лица, но вот второй... Лицо второго Бронсон вряд ли забыл бы до конца своих дней: на целую голову выше сообщника, правая щека слегка обвисает, так что широкий рот искривился набок и принял форму, близкую к букве S; правый глаз был незрячий и выделялся уродливым молочно-белым пятном на фоне темного лица. Но во всем его облике ощущалась уверенность в себе, скрытая сила, и Бронсон инстинктивно догадался, что этот человек наверняка является главарем похитителей.

— Вы Кристофер Бронсон, — тихо и неторопливо произнес высокий.

Это прозвучало как утверждение, а не вопрос, и тем не менее Бронсон кивнул.

Высокий повернулся вполоборота и посмотрел на Анджелу.

— А вы Анджела Льюис, в прошлом — миссис Бронсон. — По-английски он говорил весьма бегло, хотя и с сильным акцентом.

— Крис, эти люди — твои друзья? — напряженным голосом спросила Анджела.

— Вовсе нет, — резко ответил Бронсон.

Он ни на секунду не отводил глаз от стоящего перед ним человека, в то время как мозг его напряженно работал. Откуда этот урод знает так много о них с Анджелой? Бронсон был абсолютно уверен, что никогда раньше не встречался с высоким. Допустим, узнать, как зовут его, Бронсона, не представляло особого труда. Это можно было выяснить, например, в гостинице или просмотрев списки авиапассажиров; и даже имя и фамилию Анджелы можно было разве-

дать из тех же источников. Но вот откуда ему стало известно, что они были в прошлом мужем и женой?

— Вам известно, как нас зовут, — сказал Бронсон, — но кто, черт возьми, вы такой и что вам от нас нужно?

Высокий ничего не ответил, а только кивнул общнику. Тот прошел в угол подвала, принес оттуда складной стул, поставил недалеко от лестницы и подождал, когда босс усядется.

— Пришло время поговорить, — сказал высокий. — Я думаю, у одного из вас находится принадлежащая мне вещь.

Бронсон отрицательно покачал головой:

— Я так не считаю. А о чем вы вообще говорите?

Несколько секунд высокий внимательно рассматривал Бронсона единственным глазом.

— Наша беседа должна заключаться в том, что я задаю вопросы, а вы даете на них устраивающие меня ответы.

Он повернулся и снова кивнул подручному, который по-прежнему стоял около босса.

Тот неторопливо выступил вперед, остановился прямо перед Бронсоном и внезапно со всей силы погрузил кулак в живот англичанина.

Бронсон согнулся на стуле вдвое и повис на сдерживающих его путах, с трудом сдерживая рвоту.

— Ах ты, ублюдок, — закричала Андже́ла. — А ну, не трогай его!

— Ахмед, — негромко бросил главарь.

Ахмед обошел корчащегося от боли Бронсона, приблизился к Андже́ле и влепил ей хлесткую пощечину.

Шокированная таким обращением девушка пошатнулась, стул на мгновение покачнулся на двух ножках и рухнул назад.

Ахмед шагнул вперед, взял стул за спинку и поставил обратно в вертикальное положение. Не удостоив Андже́лу и взглядом, он вернулся и снова занял место рядом с боссом.

— А теперь давайте начнем сначала. Я полагаю, что вы завладели одной вещью, которая принадлежит мне, — как ни в чем не бывало продолжил высокий тихим, неторопливым голосом. Потом посмотрел на Бронсона. — Начнем, пожалуй, с вас. — Он взмахом руки приказал Ахмеду встать рядом со связанным пленником. — У меня украли маленькую глиняную дощечку. Она у вас?

Бронсон помотал головой, а потом, тяжело дыша, прохрипел:

— Вы говорите о той дощечке, которую Маргарет О'Коннор подобрала на *суке*?

Высокий кивнул.

— Мы знать не знаем, куда она подевалась, — ответил Бронсон. — Неужели ваши бандиты не нашли ее, когда столкнули с шоссе машину О'Конноров?

— Прекрасно, Бронсон, — одобрительно кивнул главарь. — Во всяком случае, вам удалось об этом догадаться. Но нет — в машине дощечки мы не обнаружили. Полиции тоже не удалось ничего найти на месте аварии.

— Откуда вам это известно?

— У меня есть связи повсюду.

— А какого же дьявола вы предположили, что дощечка может быть у нас?

— Потому что вы общались с их дочерью и зятем. Мне кажется очевидным, что, если О'Конноры не выбросили дощечку (а я ни за что не поверю всерьез, чтобы они так поступили), единственные люди, у кого она могла оказаться, — их дочь и ее муж.

— Но каким образом? — просто спросил Бронсон. — Как О'Конноры могли бы передать им дощечку?

И снова высокий кивнул Ахмеду. Тот шагнул вперед и ударил Бронсона кулаком по лицу.

— Что-то, Бронсон, вы туго соображаете. Вы не забыли, что это я задаю вопросы? Что ж, давайте попробуем еще раз. Дощечка находится у их дочери?

Бронсон выплюнул перед собой на выцветшую плитку полный рот крови.

— Нет, — невнятно проговорил он, — у нее нет дощечки. И у мужа также. Вы ищите не в том месте.

Некоторое время высокий молчал и только оценивающе разглядывал своих пленников.

— Интересно, почему же я вам не верю? — пробормотал он. — Ну, пожалуй, пришло время расспросить вашу бывшую жену.

— Она не имеет к этому никакого отношения, — громко и настойчиво заявил Бронсон. — Она никогда даже не встречалась с дочерью О'Конноров.

— Да я знаю. Не думаю, что *ей* известно что-нибудь и о самой дощечке. Но вот к *вам*, возможно, вернется память, если мы попробуем деликатно попросить мисс Льюис. Ахмеду очень нравятся такие забавы, — прибавил он.

— Не трогайте ее! — воскликнул Бронсон.

Ахмед сунул руку в складки джеллабы, вытащил оттуда выкидной нож и, нажав кнопку, выщелкнул лезвие. Из другого кармана он извлек небольшой серый камешек. Потом небрежно прислонился к стене подвала и начал, методично водя камешком взад-вперед по лезвию, затачивать нож. Каждое движение сопровождалось зловецим пипящим звуком. Через пару минут он проверил остроту лезвия большим пальцем и кивнул, оставшись удовлетворенным результатом.

— Убей ее, — приказал высокий, и Ахмед направился к привязанной Анджеде. — Только не торопись. Порежь ее на мелкие кусочки, но начни с малого. Первым делом займись щеками и лбом.

Анджеда не издала ни звука, но Бронсон видел, что в глазах ее застыл неприкрытый ужас. Однако она прилагала максимум усилий, чтобы похитители не заметили, как ей на самом деле страшно.

— Понимаете, Бронсон, — доверительно, едва ли не по-дружески начал главарь, — я всегда полагал, что моя глиняная дощечка является лишь частью це-

лого. Возможно, и вы тоже пришли к подобному заключению? У меня даже есть теория. Я предполагаю, что дощечки — собранные все вместе, я имею в виду, — указывают на местонахождение Серебряного Свитка и, возможно, даже Завета Моисеева. Хотя насчет последнего я испытываю определенные сомнения. И та и другая реликвии бесценны и стоят того, чтобы за них побороться. Стоят даже того, чтобы пойти на убийство. Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему я так хочу вернуть свою дощечку.

Бронсон отчаянно пытался хоть немного ослабить кабельные стяжки, которыми был намертво примотан к стулу, и, хотя понимал всю бесплодность своих действий, все же был твердо настроен во что бы то ни стало выбраться из подвала.

— Но у меня нет этой долбаной дощечки. Вы хоть немножко слушали меня? У МЕНЯ НЕТ ЭТОЙ ДОЛБАНОЙ ДОЩЕЧКИ! И ни я, ни она понятия не имеем, где она может быть.

— Посмотрим, — бросил высокий и немного повернул стул, так чтобы смотреть Анджеке в лицо и наблюдать за работой своего приспешника.

— Не делайте этого, — взмолился Бронсон. — Прошу вас, не делайте этого.

— О, это не займет много времени, — успокоил его высокий. — И чем скорее мы начнем, тем быстрее для нее все закончится.

Ахмед стоял рядом с Анджелой и нежно поглаживал ее щеку. На лице бандита блуждала слабая улыбка.

Глаза девушки расширились от ужаса, она судорожно глотала ртом воздух и тщетно пыталась освободиться от удерживающих ее на стуле пут.

— Постой, — скомандовал высокий, когда Ахмед уже начал подносить нож к лицу Анджелы. — Заткни ей сначала рот, не к чему тут шуметь.

Ахмед согласно кивнул и спрятал лезвие. Потом достал из кармана рулон толстой черной изолянт,

оторвал от него кусок дюймов восемь в длину, обошел Анджелу сзади и прилепил ленту поверх ее рта.

— Смотри, чтобы она не закрыла нос. Мы ведь не хотим, чтобы мисс Льюис умерла от удушья.

Ахмед убедился, что лента сидит прочно, снова встал сбоку от Анджелы и раскрыл нож.

— Пожалуйста, прошу вас, прекратите, — снова стал умолять Бронсон.

— Уже слишком поздно. — Высокий посмотрел на Ахмеда и кивнул. — Приступай.

39

— Есть новости? — спросил Эли Нахман, входя в комнату правительственного здания в Иерусалиме. По пятам за ним следовал Йосеф Бен Халеви.

— Да, — ответил Леви Барак и жестом пригласил ученых занять места за столом. — Мы получили информацию от одного из наших агентов в Марокко и теперь знаем несколько больше об этой реликвии. Но нам по-прежнему неизвестно, где она сейчас находится. Наиболее вероятно, что английская пара отправила ее по почте на собственный домашний адрес.

— А вы можете кого-нибудь послать туда и проверить? — задал вопрос Нахман.

Барак покачал головой:

— В этом нет необходимости. Наши люди в Лондоне уже начали наводить справки.

— И?

— И выяснилось, что не мы одни ищем эту дощечку. Нахман взглянул на Бен Халеви.

— Кто? — спросил он.

— В Великобритании для нас представляли интерес два адреса, — не отвечая прямо на вопрос Нахмана, начал Барак. — Во-первых, конечно же, дом самих О'Конноров, и во-вторых, дом, в котором проживают их дочь и зять. Оба находятся в городе под названием Кентерберри в графстве Кент на юго-востоке Англии.

Мы установили наблюдение и за тем, и за другим. И вот вчера агенты, следившие за жилищем О'Конноров, заметили, как к дому подъехала машина, из нее вышла дочь покойной четы и зашла внутрь. Минут через десять у двери черного хода они засекли неизвестного мужчину. Тот пробрался к дому не со стороны улицы, а с противоположной стороны, через пустырь, поэтому агенты и увидели его в самый последний момент. Но они успели сделать несколько фотоснимков.

Барак передал ученым по паре фотографий, сделанных, судя по всему, с помощью мощного телеконвертера¹. На них был запечатлен стоящий возле дома смуглый черноволосый мужчина.

— Когда его заметили, — продолжил рассказ Барак, — он как раз взламывал ломиком дверь. Он явно не догадывался, что в доме кто-то есть. Через несколько минут мужчина вышел из дома и бросился бежать тем же путем, каким и явился, — через сад и лежащий за ним пустырь.

Прошло еще некоторое время, и в дом через парадную дверь вошла соседка. Вероятно, она увидела на подъездной дорожке машину дочери О'Конноров и решила зайти поздороваться. Буквально через несколько секунд с громкими криками она вылетела обратно. Вскоре к дому прибыли полицейские машины и карета «Скорой помощи». В общем, сейчас нам известно, что Кирсти Филипс, дочь Ральфа и Маргарет О'Конноров, была убита, вероятнее всего, тем самым взломщиком.

— Кто он? — спросил Нахман.

— Этого мы не знаем, — признал Барак. — Мы отправили запросы во все разведслужбы, с которыми поддерживаем дружеские отношения, с целью разо-

¹ Телеконвертер — оптическая система, устанавливаемая между корпусом фотоаппарата и съемочным объективом для увеличения его фокусного расстояния.

быть любую информацию об этом человеке. Однако я не очень рассчитываю, что его фотография обнаружится в их базах данных. Мы полагаем, что он является членом одной из марокканских банд.

— И он забрал дощечку?

— Мы так не считаем. Дело в том, что наши наблюдатели до сих пор следят за домом, и они видели, как тот же человек снова ошивается неподалеку. К дому, впрочем, он не приближался, поскольку там было много полицейских. Конечно, если бы он забрал дощечку, его бы там давно уже и след простыл.

— Тогда где же она? — резко спросил Бен Халеви.

Барак пожал плечами.

— Мы не знаем. Возможно, еще идет где-то по почте, а может быть, сейчас ее изучают британские полицейские. В последнем случае мы сегодня должны получить известие от нашего человека в лондонской полиции.

— А если она не у них?

— Едва только этот человек, — и Барак кивнул на лежащие на столе фотографии, — после того как отсюда уберется полиция, появится возле дома, я тут же даю нашим людям приказ схватить его и допросить.

На лицо Нахмана легла тень отвращения.

— Но мы об этом не договаривались.

Барак сочувственно покачал головой.

— Извини, Эли, но дело зашло уже слишком далеко. Фактически я оказал тебе любезность, рассказав все, что мне известно. С недавних пор я получаю приказы непосредственно от руководства «МОССАДа». Теперь найти эту дощечку — моя первостепенная задача. Все прочие соображения отходят на второй план. Мне дали карт-бланш на любые действия. В частности, это означает, что если кто-либо попытается помешать нам завладеть реликвией, я могу с ним не церемониться.

Нахман уже не скрывал своего ужаса.

— Боже, — пробормотал он, — неужели это действительно необходимо?

Барак мрачно кивнул и взглянул на ученых.

— Если вы не ошибаетесь в оценке тех фотографий, что у нас есть, найдя эти четыре дощечки, мы получим в свои руки мощное оружие, которое поможет нашему народу занять наконец подобающее положение. И, чтобы заполучить реликвию, мы готовы пойти на все.

40

Ахмед грубо схватил Анджелу за волосы, откинул ее голову назад и прижал к спинке стула. Тупой стороной лезвия выкидного ножа он провел сначала по одной щеке, потом по другой. Мерзавец наслаждался беспомощностью жертвы. Кончик холодной стали оставлял на слегка загоревшей коже белую полосу, которая, впрочем, почти моментально исчезала.

— С какой бы стороны мне начать? — склонившись к уху Анджелы, прошептал Ахмед. — Лицо твое, так что тебе и выбирать.

Глаза Анджелы стали размером с пол-лица, из носа на закрывающую рот ленту потекла тонкая струйка. Девушка едва не задыхалась от страха. Что касается Бронсона, он еще никогда не видел выражения такого ужаса ни на чьем лице, но сам был абсолютно бессилен что-либо сделать.

— Я расскажу вам все, что знаю, — в отчаянии прохрипел он.

— Тогда скажите мне, где находится дощечка. — Голос высокого, пока он произносил эту фразу, становился все громче, и последнее слово он практически выкрикнул.

— Я не знаю, — с горечью сказал Бронсон. — И не буду знать, что бы вы ни делали со мной или с Анджелой.

— Значит, она умрет, — просто сказал высокий, — и вы умрете вместе с ней. Давай, Ахмед.

И в этот самый миг у них над головами внезапно раздался шум. Высокий скорчил раздраженную гримасу, встал со стула и повернулся к двери. Ахмед замер; нож его застыл у левой щеки Анджелы.

Бронсон уставился на дверь. Снова раздался шум, потом громкие голоса и грохот ботинок по бетонному полу. Высокий выкрикнул что-то по-арабски, и в голосе его послышалось неприкрытое раздражение.

— Подожди меня здесь, — приказал он Ахмеду, поднялся по ступенькам и скрылся из виду.

В течение нескольких минут сверху доносился шум и громкие крики. Кричали то ли в страхе, то ли в ярости. Следом раздалась серия глухих ударов, и наконец вновь воцарилась тишина. Через несколько секунд Бронсон увидел, как по бетонным ступенькам в подвал спускается одетый в джеллабу человек. Сердце кольнуло щупальце смертельного ужаса. Возвращался высокий главарь, и на этот раз уже ничто не отсрочит их скорого и болезненного конца.

Но когда человек наконец спустился, у Бронсона глаза полезли на лоб от изумления. Незвестный держал прямо перед собой большой кусок картона, так что он полностью закрывал лицо и почти всю верхнюю половину туловища.

Бронсон быстро взглянул на Ахмеда, но тот казался не менее озадаченным.

— Якуб, ты? — нервно спросил бандит.

То, что произошло дальше, оказалось совершенно неожиданным для всех присутствующих.

— Нет, — ответил вновь пришедший и бросил лист картона на пол.

Бронсон моментально узнал знакомые черты Джалала Талабани. С мрачной решимостью полицейский поднял пистолет в поисках цели.

Ахмед грязно выругался и занес нож, чтобы распороть Анджеле лицо, и в то же самое мгновение Талабани нажал на спусковой крючок. Полуавтоматический пистолет полицейского был оснащен глушителем.

лем, поэтому выстрел прозвучал не громче чем хлопок в ладоши. Скользнул на место затвор, на пол покатила блестящая латунная гильза, и Талабани выстрелил снова. А потом еще раз.

В противоположном конце подвала Ахмед вырвал нож и схватился за грудь. Последним выстрелом его отшвырнуло к стене, а на пол брызнул целый фонтан крови.

Талабани бросился к упавшему бандиту и пощупал пульс, потом выпрямился и спрятал пистолет в кобуру, скрытую в складках джеллабы. Снова наклонился, подобрал нож Ахмеда и подошел к Бронсону.

— Господи, Джалал. Как же я рад вас видеть, — выдохнул он.

— Вам очень повезло, дружище, — заметил марокканец, занятый тем, что перерезал стягивающие руки и ноги Бронсона путы. С только что заточенным ножом работа шла споро, и совсем скоро Бронсон смог встать со стула.

— Спасибо, — поблагодарил он коллегу, взял нож и быстро разрезал кабельные стяжки, которыми связали Анджелу, а потом осторожно отлепил изоленту.

— Слава богу, слава богу, — всхлипывая, запричитала она и прильнула к Бронсону. Девушка словно пыталась найти у него спасение от только что пережитого ужаса.

Не выпуская Анджелу из объятий, Бронсон обернулся к Джалалу:

— Но как, черт побери, вам удалось сюда попасть? И где остальные ваши люди?

— Случайный прохожий заметил, как эти люди вас похитили, ухитрился даже запомнить номер машины и сообщил в полицию, — объяснил Талабани. — Было немедленно разослано сообщение во все участки, и специальные команды всю ночь искали белый фургон. Я как раз проезжал мимо этого дома (он находится на окраине Рабата) и вдруг увидел возле него разыскиваемую машину. Конечно, я вызвал под-

могу, но решил все же попробовать сам проникнуть внутрь. Наверху оказалась всего пара человек, и мне не составило труда справиться с ними, а потом и с этим одноглазым, когда он поднялся, чтобы посмотреть, что там за шум. Кстати, зовут его Якуб, и нам он хорошо известен. Ну а остальное вы видели сами.

Бронсон помотал головой.

— Хвала господу, что вы оказались здесь, — сказал он. — Этот мерзавец, которого вы только что пристрелили, едва не начал резать Анджелу на куски.

От этих слов тело Анджелы сотрясла крупная дрожь.

— Давайте убираться отсюда, — еле выговорила она, и слезы хлынули у нее из глаз.

— Да, мой друг, уходите, — согласился Джалал. — Сюда с минуты на минуту нагрянет целая орда полицейских, а вам, я уверен, совсем не хотелось бы оказаться замешанными в этой истории. Не хотите взять мою машину? — Он вынул из кармана связку ключей. — Возвращайтесь в отель. А ваши показания я могу записать как-нибудь в другой раз.

— Джалал, а у вас не будет из-за этого неприятностей?

— Не волнуйтесь, я все разрулю. Поезжайте.

— Давай, Анджела, — позвал Бронсон. — Надо уходить. А вам, Джалал, огромное спасибо. Я теперь ваш должник.

Они быстро поднялись по ступенькам и, крепко держа друг друга за руки, пошли по коридору первого этажа к распахнутой настежь входной двери. Анджела вся содрогнулась, когда увидела распростертые на полу два неподвижных тела. Джеллабы лежащих были покрыты темно-красными пятнами. Быстро, но осторожно, чтобы — не дай бог! — не коснуться мертвецов, Анджела переступила через тела. Когда они проходили мимо открытой двери комнаты, Бронсон заглянул внутрь и увидел на полу еще одну непод-

вижную человеческую фигуру. Да, Талабани явно отличался большой аккуратностью.

На улице уже занимался рассвет. Анджела остановилась и несколько раз жадно глотнула свежего воздуха. Потом она вдруг согнулась, и ее вырвало прямо на пыльную землю.

— Господи, ну и кошмар, — пробормотала она. Вытащила из кармана упаковку бумажных носовых платков и утерла рот. — Сколько нам добираться до аэропорта?

Через две минуты «Рено» Талабани с Бронсоном за рулем отъезжал прочь от побеленного дома в направлении центра марокканской столицы. Анджела сидела на пассажирском сиденье. Ужас от перенесенного испытания был еще настолько силен, что она вся тряслась.

В дверях дома стоял Джалал Талабани и смотрел вслед уезжающей машине. Когда она скрылась из виду, полицейский вернулся внутрь. Он проследовал через прихожую, перешагнул через два неподвижных тела и зашел в открытую дверь одной из комнат.

Прислонившись к дальней стене, на паре больших подушек лежал на спине человек. На груди его джеллабы расплзлось огромное темно-красное пятно.

— Они уехали, — сообщил Талабани и затем спросил: — Вы ведь именно так и планировали?

Высокий мужчина с застывшим, словно маска, лицом зашевелился, сел на подушках и комфортно прислонился спиной к стене. Потом он посмотрел на Талабани и удовлетворенно кивнул.

— Все произошло именно так, как я и хотел. Надеюсь, те двое не доставили тебе особых хлопот?

Талабани отрицательно покачал головой.

— Когда я вошел, они, конечно, вытащили свои пушки, но оказались чертовски медлительны. Зачем вам понадобилось, чтобы я их убивал? — спросил он высокого. — И Ахмеда тоже.

Якуб поднялся на ноги.

— Потому что Бронсон должен был поверить, что все происходило взаправду. Он и Льюис должны были поверить, что им чудом удалось спастись и что я мертв. Только в этом случае они могли бы почувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы отправиться по следу в поисках реликвии. А люди — все они — это просто расходный материал.

— И что теперь?

— Мои ребята уже готовы. Они будут внимательно следить за Бронсоном и Льюис. И когда они найдут то, что я ищу, я заберу у них эту вещь. А потом убью.

41

Бронсон расплатился в отеле за оба номера, погрузил вещи во взятый напрокат автомобиль, и вот они уже направились на юг от Рабата, в направлении международного аэропорта Касабланки. Только они выбрались из предместий столицы, как в кармане у Бронсона запищал мобильник.

— Хочешь, чтобы я ответила? — спросила Анджела, когда Бронсон полез за телефоном. В отеле он заставил бывшую жену выпить стаканчик бренди, и теперь сам был поражен тому, как быстро она, похоже, оправилась от перенесенного ужаса.

— Нет, спасибо. Это, вероятно, по работе.

Как только появилась возможность припарковать-ся на обочине шоссе, Бронсон остановил машину и ответил на звонок.

— Крис, никак не могу с тобой связаться, — раздался в трубке голос старшего инспектора Бёрда. — Вылетай назад первым же рейсом. Дело здесь принимает весьма серьезный оборот.

— В Англии? — уточнил Бронсон. — И что там произошло?

— Кирсти Филипс обнаружили мертвой — убитой, если быть точным, — в доме ее родителей в Кентербери.

— Какой ужас! А что ее муж?

— Он совсем раздавлен горем. Расследованием убийства занимается специальная бригада, но мне нужно, чтобы ты был здесь и контактировал с ними — на случай, если существует какая-то связь между ее смертью и тем, что случилось в Марокко с ее родителями. Как быстро ты сможешь прилететь?

Бронсон кинул взгляд на часы.

— Вообще-то я сейчас как раз еду в аэропорт, но думаю, что попаду в Лондон только лишь поздним вечером. Так мне завтра наутро явиться в участок к вам на доклад или же сразу отправляться на место преступления?

— Можешь ехать прямо туда и познакомиться с инспектором, которому поручено расследование, его зовут Дэйв Роббинс. Вероятно, следователи и судебные дознаватели будут еще на месте. Эсэмэску с адресом я тебе сейчас отправлю. А во второй половине дня заезжай ко мне. — Бёрд немного помолчал и продолжил: — Крис, у тебя какой-то напряженный голос. Все в порядке?

— Ночка выдалась действительно беспокойная. Расскажу, когда встретимся.

Бронсон закрыл телефон и повернулся к Анджеле.

— Звонил мой босс, — пояснил он с мрачным лицом. — Новости печальные. Убита Кирсти Филипс.

— О господи. Это наверняка связано с той глиняной дощечкой, да?

Бронсон завел двигатель и вывел машину на дорогу.

— Да. И нам с тобой хорошо известно: люди, которые хотят ее заполучить, не остановятся ни перед чем. — Он помолчал. — И что ты планируешь делать? Я не думаю, что теперь, когда этот высокий, которого Талабани назвал Якубом, мертв, тебе угрожает какая-либо опасность. Но если тебе боязно находиться в своей квартире, ты можешь переехать ко мне.

Довольно долго Андже́ла изучала Бронсона взглядом, потом вздохнула и, откинув прядь волос с глаз, просто сказала:

— Спасибо, Крис. Я бы с удовольствием, но, видишь ли, я еще не довела дело до конца. Когда этот его бандит уже готовился начать нарезать мое лицо на кусочки, Якуб сказал тебе одну вещь, которую я просто не могла пропустить мимо ушей. Он предполагает, что надпись на дощечках может указать на местонахождение Серебряного Свитка и Завета Моисеева.

— Ты это запомнила?

— Крис, поверь, я могу вспомнить каждую секунду, которую провела в этом проклятом подвале, и все, что там говорилось.

— Знаешь, я никогда не слышал о Серебряном Свитке, — признался Бронсон. — И что это еще за Завет Моисеев?

— Тогда слушай. В 1952 году археологи, проводившие раскопки в Кумране, обнаружили весьма необычный свиток, сделанный из меди. Но действительно удивительным в этом свитке было то, что, в отличие от почти всех остальных свитков Мертвого моря, содержащих тексты на религиозные темы, Медный Свиток представлял собой просто перечень захороненных сокровищ. Вот только разобраться, где же именно они находятся, не удалось — слишком неопределенным было описание. Но в одном месте в тексте сохранилось упоминание о втором свитке, который был также где-то спрятан и в котором имелись более точные указания, где искать сокровища. Этот документ, который так пока и не обнаружен, и получил название Серебряный Свиток.

— А Завет Моисеев?

— Слово «мозаика» с маленькой буквы «м» имеет несколько разных значений, но все они так или иначе связаны с наличием множества цветов или частей и тому подобное, — объяснила Андже́ла. — Но когда это же слово пишется с заглавной буквы, оно имеет

одно-единственное значение — «Моисеев», то есть связанный с Моисеем¹.

— Ты говоришь про того самого Моисея с его десятью заповедями?

— Совершенно верно. Пророк Моисей — автор Топры и предводитель еврейского народа. Тот самый Моисей.

— Так, а что с Заветом? — продолжил расспросы Бронсон. — Не хочешь ли ты сказать, что речь идет о десяти заповедях?

Анджела медленно кивнула.

— Именно они и подразумеваются, когда речь идет о Завете Моисея. То есть ты можешь забыть о Ковчеге Завета. Это был просто деревянный ящик, обшитый листовым золотом и предназначенный для выноса Завета, так сказать, в свет. Ковчег, должно быть, уже несколько веков назад сгнил, и от него ничего не осталось. Но сейчас речь может идти о ключе к местонахождению Скрижалей Завета, для хранения которых и изготовили Ковчег.

— Анджела, ну ты же не можешь говорить серьезно. Разве существуют правдоподобные свидетельства, что Моисей вообще существовал?

— Крис, мы это уже проходили, — и слабая улыбка тронула губы Анджелы, — и ты должен быть знаком с моей точкой зрения. Как и в случае с Иисусом Христом, нет никаких материальных доказательств того, что Моисей был реальным человеком. Однако, в отличие от Иисуса, он неоднократно упоминается в древних источниках и уже поэтому заслуживает куда большего доверия. О нем рассказывается в трудах многих греческих и римских историков, а также в Торе и даже в Коране.

Впрочем, в нашем случае не столь уж и существенно, есть ли документальное подтверждение тому,

¹ Игра слов. В английском языке слова «мозаика» и «Моисеев», «связанный с Моисеем» произносятся одинаково, а в написании отличаются начальной буквой, соответственно mosaic и Mosaic.

что Моисей был историческим персонажем. Если этот высокий, Якуб, прав, то люди, две тысячи лет назад спрятавшие бесценные реликвии и изготовившие дощечки, *верили*, что эти предметы некогда принадлежали Моисею. То есть это значит: не так важно, чем они были в действительности, важно, что они уже в те времена считались древними. А находка любой каменной дощечки, возраст которой превышает две тысячи лет, уже сама по себе будет величайшим событием для археологов.

— И ты, стало быть, собираешься искать эти реликвии?

— Да, Крис. Я просто не могу упустить такой шанс. Такая удача выпадает один раз в жизни.

Бронсон невольно залюбовался ею — еще недавно бледное лицо теперь раскраснелось от охватившего Анджелу возбуждения, прекрасные карие глаза блестели в предвкушении открытий.

— Даже несмотря на то, что тебе пришлось сегодня пережить? Тебя ведь едва не убили в том подвале.

— Эй, мне не нужно лишний раз об этом напоминать. Но Якуб мертв, и что бы там ни затевали сейчас члены его банды, вряд ли их первоочередной задачей будет найти нас и попытаться отобрать пресловутую глиняную дощечку. В любом случае через пару часов мы уже покинем эту «гостеприимную» страну, а я не думаю, что Серебряный Свиток или Завет Моисеев находятся в Марокко. Упоминание о Кумране достаточно прозрачно. Шестое чувство мне подсказывает: то, что спрятали те, кто сделал надпись на дощечках, находится в Иудее или где-то в тех краях. Дощечка, которую нашли О'Конноры, должна подсказать нам точное местонахождение.

Бронсон кивнул в знак согласия.

— Но если ты хочешь продолжить поиски, боюсь, тебе придется обойтись собственными силами. Мне нужно возвращаться в Мейдстон и писать рапорт; кроме того, есть вероятность, что я еще погрязну в

расследовании дела об убийстве Кирсти Филипс. Я сильно сомневаюсь, что смогу убедить «Дикки» Бёрда во внезапно возникшей необходимости отправиться в Израиль. Ты уверена, что эта история стоит того, чтобы заниматься ею столь серьезно?

Анджела взглянула на него и просто сказала:

— Конечно.

Она открыла сумочку, достала несколько сложенных листов бумаги и стала их просматривать.

— Арамейский текст? — поинтересовался Бронсон.

— Он самый. Я все никак не могу понять, как же была зашифрована надпись целиком. Я-то была абсолютно уверена, что всего должно быть четыре дощечки, но вот расположение двух этих слов — *Ир-Цадок* и *Секаха* — разрушает на хрен всю мою теорию.

Бронсон на секунду отвлекся от дороги, чтобы взглянуть на разложенные на коленях Анджелы листки.

— Скажи-ка мне еще раз: как, по твоему мнению, были изготовлены эти дощечки? — попросил он.

— Крис, мы же уже об этом говорили.

— Сделай мне одолжение: расскажи еще раз.

Анджела терпеливо повторила свою гипотезу, согласно которой короткие косые линии, которые она обнаружила на снимках всех дощечек, означали, что первоначально существовал один кусок глины. Затем его разрезали на четыре части, а предварительно в центре был начертан крест, так чтобы косые линии на каждой дощечке отмечали ее местоположение в общей картине.

— Значит, у нас есть четыре дощечки с надписью на арамейском, а, как мы знаем, слова в этом языке всегда читаются справа налево. Но на двух нижних дощечках слова *Ир-Цадок* и *Секаха* расположены так, что мы должны читать их наоборот, слева направо, чтобы надпись имела смысл, так?

— Совершенно верно, — ответила Анджела. — Поэтому предположение мое, скорее всего, ошибочно. Только если читать надпись на всех дощечках по порядку, строку за строкой, справа налево, она будет иметь смысл. Но в таком случае для чего эти косые линии? Не понимаю.

В течение пары минут Бронсон молча взирал на развертывающуюся перед машиной полосу гудрона, а мозг его напряженно работал, рассматривая поочередно различные варианты и отвергая их. Но вот он заулыбался, улыбка становилась все шире, и наконец он громко рассмеялся.

— Что ты ржешь? — раздраженно спросила Анджела.

— Да это же очевидно! Просто как дважды два, — воскликнул Бронсон. — Существует элементарный способ разместить дощечки, как ты и предположила, в виде прямоугольника, и в то же время так, что два эти слова будут читаться в правильном порядке. Собственно, — прибавил он, — это настолько просто, что я даже не понимаю, как ты сама не додумалась.

Анджела уставилась на листы бумаги и помотала головой, потом подняла глаза на Бронсона:

— Ну ладно, умник, просвети невежду.

42

Анджела аккуратно разложила перед собой на столе листы бумаги и стала внимательно изучать написанное на них. Они с Бронсоном расположились в зале для вылетающих в аэропорту имени Мохаммеда V и дожидались, когда объявят посадку на рейс до Лондона.

— Пожалуй, твое решение загадки дощечек верное. Я записала все слова, какие нам удалось расшифровать, но уже в том порядке, который ты предложил, и получившийся текст, кажется, стал более осмысленным. Как бы хотелось иметь лучшее изображение дощечки из Каирского музея и той, что нашли

О'Конноры! Если бы мы смогли прочитать еще несколько слов с двух этих дощечек, это бы нам очень здорово помогло.

Анджела снова посмотрела на разложенные перед ней бумаги. Идея, предложенная Бронсоном, была настолько простой, что она тоже удивилась, как же не додумалась до этого сама.

Первый посыл заключался в том, что в арамейском языке принято читать текст справа налево. Второй — и в этом они более или менее пришли к единому мнению, — что изначально было четыре дощечки, которые образовывали прямоугольник. Почему бы, предложил Бронсон, не начать читать надпись с последнего (то есть крайнего справа) слова первой строки правой верхней дощечки — которой у них, конечно, не было, — а потом прочитать слово, расположенное таким же образом на левой верхней дощечке. Дальше надо перейти к левой нижней, правой нижней и вновь вернуться к правой верхней и продолжать в том же духе, двигаясь против часовой стрелки. При таком способе прочтения, по крайней мере, слова *Ир-Цадок* и *Секаха* располагались в правильном порядке.

Но текст в целом по-прежнему представлялся набором бессвязных слов и обрывков отдельных коротких фраз. Наконец Бронсон и Анджела попробовали вслед за первым читать следующим не слово на *этой же* строчке, а расположенное под первым, то есть строчкой *ниже*. Тогда, и только тогда, оригинальная надпись начала обретать некоторый смысл.

И вот что теперь у них получилось:

..... были бен исполнить нашу

и завершено и теперь

..... последний свиток забрали

..... мы пещере месте

свитков что поселением Ир-Цадок

Секаха

свиток серебра мы резервуаре

..... месте конца дощечки из храма
Иерусалиме

..... великому мы в
алтаре четыре камня шириной
локтей и чтобы внутреннюю слава
..... вера сохранить нашу
..... против захватчиков нашей

— Ты не пробовала заполнить пробелы?

— Пробовала, — кивнула Анджела. — И это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Ты можешь, сам того не замечая, дополнить текст таким образом, что он примет тот вид, какой хочешь ты. Да, я попыталась, и некоторые из отсутствующих слов, кажется, подобрать довольно легко. Как, например, в конце последней строчки. Слова «против захватчиков» четко выделяются по смыслу из всего текста, посему я предполагаю, что здесь мы можем иметь дело с окончанием политического заявления, что-то вроде «борьба против захватчиков *бла-бла* нашей земли». Тогда это будет означать, что авторы надписи оказывали сопротивление, скорее всего, римлянам. Именно римляне владели всей территорией Иудеи на протяжении первого столетия нашей эры.

С остальным текстом все сложнее, хотя есть еще пара мест, о которых можно говорить довольно уверенно. Эти дощечки определенно имеют отношение к Кумрану: слова *Ир-Цадок Секаха* недвусмысленно на это указывают. И дальше в том же предложении (или, возможно, в начале следующего), смотри: эти три слова, я почти уверена, означают «свиток из серебра», то есть Серебряный Свиток. Ты не представляешь, как я волнуюсь! Но вся трудность заключается в том, что мы не знаем, где искать. Кроме как в Кумране, конечно. Если автор этой надписи действительно владел Свитком и потом спрятал его где-то, предположительно, в резервуаре (я на это надеюсь), то откуда начинать поиски? А в те времена в Израиле было, конечно, множество колодцев и резервуаров.

В каждом поселении или рядом с ним — от самого маленького, состоящего из пары домов, и до больших деревень и городов — должен был быть источник воды. Я понятия не имею, сколько резервуаров существовало в Иудее первого столетия нашей эры, но предполагаю, что их были тысячи, а то и десятки тысяч.

Анджела снова посмотрела на перевод арамейского текста, буквально впилась взглядом в те немногие слова, что удалось разобрать. Если бы только удалось расшифровать еще хотя бы два-три слова, стало бы ясно, откуда приступать к поискам.

И, словно вторя ее собственным мыслям, прозвучал вопрос Бронсона:

— Ну, предположим, что тебя отпустят в Израиль. Где, по-твоему, нужно начинать искать?

Анджела вздохнула и потерла уставшие глаза.

— Понятия не имею. Но то, что нам удалось расшифровать, это первый реальный ключ к разгадке тайны реликвии, о существовании которой говорят вот уже пятьдесят лет. Половина археологов, занимающихся этой тематикой (из тех, с кем я беседовала), так или иначе уделяла время поиску Серебряного Свитка. Другая же половина с ходу отмахивается разговоры о Свитке как миф. Глиняная дощечка О'Конноров почти наверняка того же возраста, что и Свиток, и упоминание в ней о реликвии, по-моему, является очень серьезным свидетельством, чтобы можно было его игнорировать. И есть кое-что еще.

— Что же?

— Я не очень-то много знаю об истории Израиля и еврейского народа, так что мне понадобится помощь специалиста, человека, который говорит на иврите, который хорошо знаком со страной и ее историей.

— У тебя есть кто-то на примете?

Анджела с улыбкой кивнула:

— О, да. Я точно знаю, к кому обратиться. И он живет как раз в Израиле, в Иерусалиме, если точнее, то есть прямо в интересующем нас районе.

Бронсон чувствовал себя точно выжатый лимон. Ему казалось, что накануне он весь день провел в кресле самолета. Сырое серое небо над головой навязчиво напоминало о том, что он вернулся в Великобританию, — разительный контраст тем нескольким солнечным и жарким дням, которые Бронсон провел в Марокко. Он загнал присланный Бёрдом в эсэмэске адрес в навигатор ничем не примечательной машины, не выдающей его принадлежности к полиции, и отправился в Кентербери.

На подъездной дорожке возле дома, в котором произошло убийство, стояли два полицейских фургона; еще две машины были припаркованы на обочине. Входная дверь была слегка приоткрыта, так что Бронсон поднырнул под огораживающую место преступления ленту и проник в прихожую.

— Вы ведь Кристофер Бронсон? — поприветствовал его плотный краснолицый мужчина в несколько неопрятном сером костюме.

Бронсон кивнул и продемонстрировал удостоверение.

— Ага, а я Дэйв Роббинс. Давайте пройдем в столовую, чтобы не мешать следователям, — они сейчас как раз заканчивают в гостиной, и тогда мы сможем пойти посмотреть. Ну-с, — сказал он, когда они с Бронсоном уселись за обеденным столом, — насколько я понял из разговора с «Дикки» Бёрдом, вы контактировали с жертвой?

— Я пару раз встречался с ней и ее мужем в Марокко, — объяснил Бронсон и рассказал Роббинсу о трагедии, которая произошла с родителями Кирсти Филипс.

— Вы считаете, что между их смертью и ее убийством существует связь?

Прежде чем дать ответ, Бронсон на несколько секунд задумался. Сам он нисколько не сомневался, что

все три смерти связаны и так или иначе имеют отношение к исчезнувшей глиняной дощечке, обнаруженной на *суке*. Вот только поможет ли эта информация Роббину найти убийцу Кирсти?

— Не знаю, — ответил он наконец. — Если связи нет, это должно быть какое-то совершенно невероятное совпадение, но только я не представляю, в чем именно заключается эта связь. А что произошло здесь? Как она умерла?

Скупое, в нескольких фразах, Роббинс описал, что обнаружила полиция по прибытии на место преступления.

Слушая рассказ полицейского, Бронсон мысленно вернулся на несколько дней назад, когда он впервые встретился с Кирсти в отеле в Рабате. Он припомнил, как она тогда выглядела: жизнерадостная от природы, она, конечно, не могла не переживать ужасную трагедию, унесшую жизни родителей, но все же была полна жизни и оптимизма. Рассудком Бронсон понимал, о чем говорил ему Роббинс, но вот сердцем не мог поверить в то, что здесь произошло.

— Кто поднял тревогу? — спросил он.

— Одна из соседок решила, что стоит зайти и принести Кирсти соболезнования по поводу гибели родителей. Она вошла в дом через черный ход и обнаружила лежащее на полу тело. Тогда она выскочила на улицу и с дикими воплями помчалась к своему дому, чтобы набрать три девятки¹. Мы уже опросили всех соседей, но никто не видел, как приехала Кирсти, и только два человека обратили внимание на бегущую, словно спринтер на дистанции, соседку, хотя вопила она не хуже банши.

— Понял, — произнес Бронсон. — Я не нахожу здесь связи с произошедшим в Марокко. Я бы выдвинул такую версию, что Кирсти, должно быть, спугну-

¹ 999 — в Великобритании единый телефонный номер тревожных служб (пожарная охрана, полиция, «Скорая помощь»).

ла грабителя, одного из этих мерзавцев, которые узнают, кто недавно умер, и потом очищают их дома. И он считал, что в доме никого нет, и вдруг натывается на женщину. Вероятно, он чисто рефлекторно отмахнулся своей фомкой, или что там у него было, да не рассчитал силу удара. В общем, если хотите знать мое мнение, очень похоже, что вы имеете дело с совершенно обособленным преступлением.

Роббинс кивнул:

— Да, похоже на то. И есть в этой истории еще одно темное место, которое мы, вероятно, не сумеем разъяснить. Мы не нашли здесь никаких улик, которые можно было бы представить в суде, если не считать нескольких отпечатков пальцев. Они могут принадлежать взломщику, а могут — и нет. Нам картина преступления видится следующим образом: убийца взломал дверь, проник в дом, увидел Кирсти Филипс, ударил ее по голове и тем же путем вышел наружу. Возможно, где-то есть и другие вещественные доказательства, но если и так, мы их пока не обнаружили. Нет никаких признаков того, что преступник что-то украл; все вещи вроде бы на своих местах. В общем, ни улики, ни свидетелей, ни подозреваемых, и мотивы тоже отсутствуют. Получается полная ерундистика.

— Угу, — согласился Бронсон. — Самая ужасная картина для любого копа. Слушайте, вряд ли я еще чем-то смогу вам помочь, так что я, пожалуй, откланяюсь.

— Хорошо, Крис, спасибо вам за помощь. — Роббинс поднялся и попросил: — Когда будете уходить, оставьте, пожалуйста, входную дверь открытой.

Двое полицейских пожали друг другу руки и, покинув столовую, разошлись в разные стороны: Роббинс пошел направо в глубь дома, где все еще работали следователи, а Бронсон — налево. Оказавшись в прихожей, он взглянул на лежащий возле самой входной двери коврик и увидел на нем кучу конвертов. Очевидно, пока он беседовал с Роббинсом в столо-

вой, приходил почтальон и логично рассудил: раз дверь открыта, положу-ка я почту прямо у входа, вместо того чтобы опускать в почтовый ящик.

— Здесь почта пришла, — крикнул Бронсон и машинально нагнулся, чтобы подобрать конверты.

И сразу же заметил пакет, слегка торчащий из-под белого конверта с очередной рекламой. Пакет был значительно объемистее всей прочей почты, кроме того, на нем отчетливо выделялись марокканские марки.

Внезапно Бронсон совершенно отчетливо понял, что должно находиться в маленьком свертке и какую цель, вероятнее всего, преследовал забравшийся в дом «грабитель». Теперь стало очевидно, что он на пару дней «поспешил».

Конечно, это было прямое нарушение, это было самое настоящее сокрытие улик, и Бронсон отдавал себе отчет в том, что этого будет вполне достаточно, чтобы вышвырнуть его из полиции. Но тем не менее он это сделал. Пока инспектор Роббинс шел на его зов из дальней части дома, Бронсон быстро нагнулся над ковриком и, протянув левую руку, схватил пакет и сунул в карман куртки. Правой рукой он собрал остальную корреспонденцию, выпрямился и посмотрел через плечо.

Роббинс приближался стремительной походкой, протягивая руку. Бронсон отдал ему почту и повернулся к выходу.

— Обычная чепуха, — просматривая конверты, пробормотал Роббинс. — Сплошная дурацкая реклама, насколько я могу судить. Ладно, Крис, еще увидимся.

Бронсон сел за руль автомобиля и внезапно обнаружил, что, несмотря на холодный уличный воздух, на лбу у него выступил пот. Несколько секунд он размышлял, не должен ли поступить как честный человек и вернуть пакет на место, оставить у дверей или положить на ковер. Подумав, он пришел к выводу,

что ни присутствие, ни отсутствие глиняной дощечки возрастом в две тысячи лет на месте преступления в Кентербери никоим образом не повлияет на способность инспектора Роббинса раскрыть это дело. Кроме того, Бронсон понимал, что Анджела испытает настоящий восторг от возможности заполучить бесценную реликвию.

Бронсон вдруг почувствовал, как в крови забурлил адреналин, повернул ключ в замке зажигания и побыстрее поехал прочь.

44

— У меня тут есть для тебя кое-что, — сообщил Бронсон, проходя в гостиную своего маленького домика в Танбридж-Уэллс.

— Что? — поинтересовалась Анджела, когда он протянул ей небольшую посылку.

Она повертела в руках пакет, посмотрела на покрывающие его с одной стороны незнакомые марки.

— Марокко, — пробормотала Анджела себе под нос и вскрыла конверт. Заглянув внутрь, она вытряхнула оттуда небольших размеров предмет, завернутый в пупырчатый пластик, и осторожно извлекла на свет божий.

— Бог мой! Крис, ты нашел ее! — воскликнула Анджела дрожащим от возбуждения голосом. — Это та самая пропавшая дощечка.

— Чертовски надеюсь, что это именно так, — отозвался Бронсон. Потом он сел напротив бывшей жены и с любопытством принялся разглядывать реликвию. По правде сказать, он ожидал большего. А так — перед ним лежал маленький, грязный серо-коричневый кусок обожженной глины, одну сторону которого покрывали значки и закорючки, представлявшие для Бронсона сплошной тарабарщиной.

Прежде чем взять дощечку, Анджела извлекла из сумочки пару резиновых перчаток и натянула на ру-

ки. Затем она подняла находку и принялась ее тщательно, едва ли не с благоговением, изучать. Глаза девушки сверкали от возбуждения.

— Ты был прав, — заметила она, взглянув на адрес на конверте. — О'Конноры действительно отправили дощечку самим себе.

— Угу, и я только что стащил ее с места преступления.

— Слушай, я, честное слово, так рада, что ты это сделал. Конечно, если у тебя не будет из-за этого неприятностей.

— Все должно быть нормально. — Бронсон пожал плечами. — Никто не видел, как я ее взял, а единственные люди, которые знают, что дощечка вновь objavилась, вероятно, полагают, что она до сих пор находится в Марокко. Для всего остального мира — и я готов поспорить на свою будущую пенсию — она просто исчезла. Пока никому не известно *наверняка*, что дощечка у нас, думаю, нам не угрожает опасность. И также ничто не должно угрожать моей скромной пенсии.

Анджела расстелила на кофейном столике полотенце и бережно положила на него артефакт.

— Выглядит не особенно впечатляюще, — заметил Бронсон.

— Согласна. Но ценность в нашем случае имеет не реликвия как таковая, а значение надписи на ней. — Затянутыми в перчатки кончиками пальцев Анджела легонько провела по вырезанным на обожженной поверхности значкам, а потом посмотрела на Бронсона. — Не забывай, сколько уже людей погибло из-за нее: хозяин палатки на *суке*, Ральф и Маргарет О'Конноры, вероятно, и их дочь Кирсти, и даже Якуб со своими бандитами. Причина, по которой все они расстались с жизнью, каким-то образом связана вот с этим неприятзательным на вид куском обожженной глины возрастом две тысячи лет.

Бронсон кивнул в знак согласия.

— Да, если смотреть под таким углом, все кажется немного иначе. И что же дальше?

Анджела снова взглянула на дощечку.

— Крис, для меня это возможность совершить огромный рывок в карьере. Если Якуб был прав, эта надпись может указать нам путь к тайнику, где хранятся Серебряный Свиток и Завет Моисеев. Если существует пусть даже минимальный шанс отыскать ту или другую реликвию, я намерена идти по следу, куда бы он меня в итоге ни привел.

— И что ты конкретно собираешься предпринять? Предложить музею снарядить экспедицию?

— Ни в коем случае, — решительно заявила Анджела. — Не забывай, я ведь рядовой сотрудник. Если я явлюсь к Роджеру Халливеллу и расскажу о находке, он совершенно точно придет в восторг и даже поздравит меня с открытием, в этом я не сомневаюсь. Потом он вежливо отодвинет меня в сторонку, и через пару недель экспедиция Халливелла — Бэверстока прибудет в Израиль и отправится по следам утраченных реликвий. Если мне все же удастся попасть в экспедицию — что ж, думаю, они позволят мне изучать всю, какую найдут, керамику.

— А я-то считал, — нарочито насмешливо произнес Бронсон, — что вы в научных кругах все братья и сестры по оружию и совместно стремитесь распространять повсюду знания и лучше узнавать и понимать историю человечества.

— Не верь этому. Как только появляется едва уловимый запах большого открытия, каждый становится в этой драке сам за себя, стремится присвоить себе единоличную славу первооткрывателя. Вся эта так называемая братская поддержка разом улетучивается, и начинается обычная грызня, пускай и среди интеллигентных людей. Поверь мне: я с таким уже сталкивалась. Я просто скажу Роджеру, что немедленно беру отпуск и отправляюсь в Израиль изучать арамейские тексты. Не более того.

Анджела махнула рукой в сторону лежащей перед ней на столике дощечки и сказала:

— Теперь, когда у нас есть эта дощечка, это означает, что мы можем прочесть больше половины оригинального текста, а следовательно, у нас появляется хороший шанс разобраться в значении надписи в целом. У меня осталась неотгулянной почти неделя отпуска, и я не вижу причины, почему бы не провести это время в Израиле. Ты как считаешь?

— Полагаю, ты права. Но ты уверена, что начинать поиски нужно именно с Израиля?

— Да. Из-за упоминания о Кумране. Ну а потом — кто знает...

— Хорошо, — потрянул головой Бронсон. — Я поеду с тобой.

— Ты не можешь, Крис. У тебя в самом разгаре расследование дела об убийстве.

— Вот и нет. Рапорт о событиях в Марокко я подготовил, а к расследованию убийства Кирсти Филипс я не имею никакого отношения. Кроме того, мне причитается по меньшей мере десятидневный отпуск. Наверное, «Дикки» Бёрду это не понравится, но это уже его проблемы. — Бронсон склонился над столом и взял руку Анджелы в свою. — Послушай, я не желаю, чтобы ты ехала в Израиль одна. Я хочу быть рядом, чтобы позаботиться о тебе.

Анджела крепко сжала его руку.

— Ты уверен? Крис, это было бы чудесно. Мне совсем не улыбается тащиться туда одной. И из нас получится отличная команда, правда?

— Точно, — произнес с улыбкой Бронсон и довольно подумал: «Мы уже отличная команда, и не просто парочка энтузиастов в поисках древних реликвий. Но торопить события не стоит...»

— Хорошо, — энергично сказала Анджела. — Залезу в Интернет и попробую найти подходящий рейс до Тель-Авива, а потом поработаю еще с дощечкой. Я уверена, что, имея этот текст в сочетании с теми

кусками, что мы перевели с других дощечек, мы сможем разобраться, в каком направлении двигаться. В нашем распоряжении, вероятно, находится больше информации об утраченных реликвиях, чем у кого-либо еще, а это значит — все остальные могут отправляться в ад.

— Надеюсь, ты выражаешься фигурально, — заметил Бронсон.

45

Тони Бэверсток посмотрел на очередной высветившийся на экране компьютера список глиняных дощечек и подумал, уже не в первый раз, а есть ли вообще смысл продолжать поиски. Он изучил изображения уже, должно быть, нескольких сотен дощечек, но ни одна из них (до сего момента, по крайней мере) не имела даже отдаленного сходства с той, которую он искал.

Дело усложнялось еще и тем обстоятельством, что в запасниках и хранилищах музеев по всему миру насчитывалось порядка полумиллиона глиняных дощечек, надписи на которых никогда даже не пытались расшифровать. Вся информация об этом гигантском массиве артефактов, как правило, сводилась к одной-двум фотографиям неважного качества да очень краткому описанию происхождения каждого предмета: где был найден, ориентировочный возраст и тому подобное.

Однако для того чтобы продолжать упорные поиски, у Бэверстока имелись две причины. Во-первых, накануне ему позвонил Чарли Хокстон и велел заняться розысками — а это само по себе уже являлось достаточно серьезным стимулом. Во второй половине того же дня дала о себе знать и другая причина, и результат его работы внезапно приобрел действительно ключевое значение. А случилось это, когда Бэверсток столкнулся в коридоре музея с Роджером Халливел-

лом. Начальник отдела выглядел еще более раздраженным, чем обычно.

— Что такое, Роджер? — остановил его Бэверсток.

— Да все Андже́ла, черт бы ее побрал. Опять отправилась искать ветра в поле, — нервно бросил Халливелл. — Только я узнаю, что она последние пару дней, оказывается, провела в Марокко, как она прибегает ко мне и берет очередной отпуск — на этот раз собралась в Израиль изучать арамейские тексты. Господи, это же совсем не ее поле деятельности! Нет чтобы заниматься тем, в чем она лучше разбирается.

Бэверсток ничего не ответил коллеге, но вдруг отчетливо осознал, что, судя по всему, Анджели каким-то образом удалось либо раздобыть утерянную дощечку, либо, по крайней мере, заполучить приличную фотографию надписи с нее. В любом случае этого было достаточно, чтобы он с удвоенным рвением вернулся к поискам.

Но, несмотря на изнурительный труд, добиться хоть какого-то успеха Бэверсток смог только на следующее утро. Обнаруженная фотография дощечки была весьма низкого качества, и битых двадцать минут он изучал надпись на арамейском, пока наконец не обнаружил, что наткнулся на глиняную дощечку, которая уже принадлежала Чарли Хокстону и которую Декстер «раздобыл» в Каирском музее.

Фыркнув от отвращения, Бэверсток закрыл окно с фотографией и продолжил изыскания. Прошло два часа. За это время он вынужден был пять раз изменить параметры поиска — просто чтобы уменьшить количество артефактов, которые предстояло просмотреть, — и вот перед ним появилось изображение дощечки из Парижа. Бэверсток вывел на цветной принтер в своем кабинете все доступные в базе данных снимки и потратил несколько минут на то, чтобы внимательно изучить каждый при помощи лупы. После этого он наконец вышел из музейной сети.

Заперев дверь кабинета, Бэверсток сообщил помощнику, что вынужден срочно уехать на несколько дней, и покинул здание музея. По Грейт-Рассел-стрит он дошел до телефонной будки, которой уже пользовался прежде, и набрал номер Хокстона.

— Я двенадцать часов без передыху искал в базах данных эти чертовы дощечки.

— И нашли что-нибудь? — спросил Хокстон.

— Целых полчаса я тупо изучал *вашу* дощечку — ту, что переводил для вас, — пока не сообразил, что к чему. Снимки все же отвратительного качества. Но в конце концов мне улыбнулась удача. В запасниках парижского музея хранится глиняная дощечка, которая, несомненно, является одной из четырех. Если судить по черточке в углу, она должна находиться в правой нижней части прямоугольника.

— Вы можете перевести надпись по фотографиям? — нетерпеливо поинтересовался Хокстон.

— В этом нет необходимости, — ответил Бэверсток. — Французы оказались столь любезны, что уже перевели текст с арамейского. Конечно, перевод сделан на французский, но особых трудностей с ним возникнуть не должно. Просто мне потребуется некоторое время, чтобы достаточно точно перевести надпись на английский.

— Хорошо. Надеюсь, вы собрались?

— Да, конечно. Я бы ни за что в жизни не пропустил эту поездку. Ничего не поменялось? Мы улетаем сегодня?

— Да. Встретимся уже в Хитроу, как и договаривались. Захватите все снимки дощечки из парижского музея, а также французский и ваш английский перевод арамейской надписи. Эту поездку вы запомните на всю жизнь.

ЧАСТЬ 3

Израиль

46

Долетели они без происшествий, но вот на то, чтобы попасть непосредственно на израильскую землю, у Бронсона с Анджелой ушло несколько часов, причем уже *после* того, как они покинули борт самолета. Помехой на пути стал маленький синий штемпель, представленный в их паспортах. В левой его части сверху вниз шла надпись по-французски: «*sortie*»¹, посередине была указана дата, верхнюю же и правую часть синего квадрата украшала затейливая арабская вязь: отметка о выбытии из Марокко.

Израильские власти с особым подозрением относятся к прибывающим в их страну (неважно, каким путем) гражданам, если те незадолго до этого побывали в одной из арабских стран. Пусть даже она находится так далеко, как Марокко. Едва только чиновник иммиграционной службы увидел те самые синие штампы, он тут же нажал скрытую под стойкой кнопку, и уже через пару минут Бронсона и Анджелу проводили в отдельную комнату для подробной беседы, а багаж их подвергся доскональному осмотру.

Бронсон предполагал, какой их, скорее всего, будет ждать прием, поэтому они приняли необходимые меры предосторожности, в частности, с ноутбука Анджелы были удалены все фотографии с изображения-

¹ Выехал (фр.).

ми глиняных дощечек, а также переводы арамейского текста — на случай, если израильтянам вздумается проверить содержимое жесткого диска. Всю эту информацию Анджела переписала на две флешки большого объема; одна из них находилась в кармане джинсов Бронсона, вторая была спрятана в косметичке самой Анджелы. Перед тем как отправиться в поездку, они вдвоем посетили банк, в котором Анджела арендовала сейф для хранения документов на квартиру и других ценных вещей. В него же она поместила и глиняную дощечку — путешествовать с таким ценным артефактом было бы опасно.

Допрос был основательным, длился без перерыва несколько часов, и те, кто его проводил, явно хорошо знали свое дело. Что они делали в Марокко? Сколько времени там провели? Бывали ли раньше в этой стране? Если бывали, то с какой целью? Вопросы все время повторялись, хотя израильтяне то и дело формулировали их иначе, пытаясь отыскать в ответах малейшие расхождения и неточности. Бронсон, который имел богатый опыт участия в допросах, но только по другую сторону стола, был поражен тем, с каким пристрастием их расспрашивали. Он очень надеялся, что его удостоверение личности офицера полиции и удостоверение сотрудника Британского музея Анджелы помогут подтвердить их честные намерения.

Только ближе к концу допроса, когда чиновники, очевидно, удовлетворились их ответами по поводу того, что они делали в Марокко, последовал вопрос: а какова, собственно, цель их приезда в Израиль? В самолете Бронсон с Анджелой подробно обсуждали эту тему и пришли к заключению, что единственно верным ответом будет: отпуск. Любой другой вариант только вызовет дополнительные трудности и наверняка послужит поводом для новых вопросов.

Уже наступил вечер, когда неулыбчивые израильтяне наконец отпустили Анджелу и Бронсона.

— Знаешь, я совсем не против такого тщательного досмотра, какой здесь проводят, — заметила Андже-ла. — По крайней мере, когда летишь рейсом «Эль Аль»¹, можешь чувствовать себя вполне спокойно.

— Но мы же летели «Бритиш Эйруэйз», — уточ-нил Бронсон.

— Знаю. Но я хотела сказать, что, если ты летишь из израильского аэропорта, шансы, что какой-нибудь псих протащит на борт самолета оружие или бомбу, практически равны нулю. Вот ты знаешь, что весь ба-гаж, перед тем как погрузить в самолет, помещают в изолированную взрывозащищенную камеру, а в ней искусственно понижают давление, имитируя условия при полете на больших высотах? Это для того, чтобы проверить, не спрятана ли в чем-то чемодане бомба, реагирующая на изменение атмосферного давления. И это помимо обычного просвечивания рентгеновски-ми лучами и специально натасканных на взрывчатку собак.

— Нет, — признался Бронсон, — никогда не слы-шал. И это успокаивает, особенно если сравнивать с поспешным и поверхностным досмотром в Хитроу. Безопасность там такая, что курам на смех.

Анджела вопросительно взглянула на него.

— Знаешь, Крис, хорошо, что ты не рассказал мне об этом до того, как мы сели в самолет.

Международный аэропорт Бен-Гурион расположен рядом с городком Лод, примерно в десяти милях юго-восточнее Тель-Авива, так что поездка на поезде в столицу заняла всего несколько минут. Железнодорожная линия была проложена параллельно ведущей в Тель-Авив автомобильной магистрали, а на одном участке шла посредине между двумя полосами шоссе. Путешественники прибыли на станцию Ха-Шалом, расположенную на краю промышленной зоны, и,

¹ «Эль Аль» — крупнейшая авиакомпания Израиля.

выйдя из поезда, оказались совсем рядом с нависающей громадой Азриэли-центра¹.

Большинство отелей в Тель-Авиве — и это неудивительно — расположено вдоль побережья Средиземного моря, и цены в них достаточно высоки, поэтому Бронсон забронировал два номера в более скромной гостинице, что приткнулась на небольшой улочке возле площади Цины Дизенгоф, рядом с турагентством.

В аэропорту они взяли такси и без приключений добрались до отеля. Зарегистрировавшись и получив ключи, Бронсон и Анджела оставили вещи и уже через несколько минут оказались на бульваре Лахат, который идет вдоль пляжа Фришман. Там они отыскали ресторанчик и вкусно, но недорого поужинали. Пока они отдавали должное трапезе, Бронсон на мгновение подумал, что неплохо было бы оказаться в одном номере с Анджелой, но быстро отогнал прочь подобные мысли. Достаточно было и того, что они вместе прилетели в Израиль навстречу неведомым приключениям, а дальше — время покажет.

Самолет британской авиакомпании ВМІ приземлился в Тель-Авиве точно по расписанию поздним вечером того же дня. Двое из троих мужчин, подданных Великобритании, летевших вместе, без особенных задержек прошли таможенный и иммиграционный контроль, а вот последнему из их компании пришлось задержаться. Александра Декстера отвели в сторону и около часа подробно и с тщанием допрашивали. Впрочем, Декстер знал, что его ожидает такая процедура из-за марокканской визы в паспорте, и поэтому не сильно волновался.

¹ Азриэли-центр — комплекс из трех небоскребов в центре Тель-Авива. Кроме трех башен, в комплекс входит большой торговый центр у их основания. Комплекс назван по имени инициатора проекта, канадского предпринимателя израильского происхождения Давида Азриэли.

Наконец его отпустили, и Декстер поспешил присоединиться к Хокстону и Бэверстоку, которые уже дожидались товарища в заранее арендованном «Фиате Пунто», и вскоре они уже мчались по шоссе в центр Тель-Авива, где располагался выбранный ими отель.

Два с лишним часа спустя после посадки рейса ВМІ в аэропорту Бен-Гурион приземлился самолет из Парижа. На его борту среди прочих пассажиров находились четверо мужчин ярко выраженной арабской внешности. Их французские паспорта, однако, в которых не стояло «криминальных» марокканских виз, не вызвали никакого подозрения. Правда, багаж все же подвергся очень тщательному досмотру израильских таможенников.

Эти путешественники забронировали себе номера в отеле на окраине Тель-Авива. В аэропорту они сели во взятый напрокат «Пежо», и едва только выехали на шоссе, как сидевший на пассажирском сиденье мужчина достал мобильный телефон с сим-картой «рау-as-you-go», купленный буквально перед посадкой на самолет в Париже, и позвонил по местному номеру. Закончив недолгий разговор, он откинулся на спинку сиденья и с безразличным видом уставился в окно.

— Все в порядке? — поинтересовался сидевший за рулем.

— Да, — коротко бросил высокий мужчина, известный всем просто как Якуб. — Мне точно известно, где они.

47

Номера Бронсона и Анджели располагались по соседству и выходили окнами не в сторону побережья, а на восток, с видом на район Хакирия, поэтому и проснулись они на следующее утро рано, когда взошедшее солнце заглянуло в комнаты. Не было еще и восьми часов, когда они пришли в кафе на завтрак.

— Ну, и с чего же мы начнем? — спросил Бронсон, когда они перешли от еды к кофе.

— Мне нужно будет позвонить Йосефу и узнать, сможем ли мы сегодня с ним встретиться.

— Это кто?

— Йосеф Бен Халеви. Он сотрудник Музея Израиля в Иерусалиме¹. Несколько лет назад участвовал в одном проекте в Британском музее. Тогда-то я с ним и познакомилась.

— И чем именно он сможет нам помочь?

— Все очень просто: он специалист по еврейской истории, а я в этом вопросе не разбираюсь. Конечно, мне известно кое-что об этих местах, о том же Кумране. Но я недостаточно знакома с историей Израиля, чтобы верно истолковать все, о чем говорится в надписи на дощечке. Нам нужен хороший специалист в этих делах, и Йосеф — единственный такой человек здесь, кого я знаю.

Бронсон с сомнением покачал головой.

— Ну ладно, — произнес он после некоторого раздумья, — но ведь ты же на самом деле не знаешь этого человека, поэтому не показывай ему ни фотографии дощечки, ни переводы. Я считаю, что нам следует держать все это в тайне, по крайней мере какое-то время.

— Я так и планировала, — отозвалась Анджела. — Позвоню ему прямо сейчас. — Она встала из-за стола и направилась к стойке администратора.

Вернувшись через несколько минут, она сообщила:

— Он занят весь день, но вечером согласился подъехать сюда и встретиться с нами. А до тех пор нам нужно будет попытаться перевести надпись на дощечке, но неплохо для дела было бы также посетить Кумран. Это единственный географический

¹ Музей Израиля (открыт в 1965 году) является одним из самых важных культурных институтов Израиля. В нем хранится около 500 000 археологических и антропологических экспонатов, экспозиций иудаики и этнографии, израильского и международного искусства, в том числе и Свитки Мертвого моря.

пункт, который совершенно четко упоминается в общей, большой надписи, и я не вижу причин, почему бы не начать поиски оттуда. Не думаю, что мы найдем там много интересного, но хотя бы окунемся с головой в атмосферу этой страны — нам предстоит здесь плотно поработать.

— Туда трудно попасть?

— Навряд ли. Это, как и Масада, широко известный археологический памятник, и я буду очень удивлена, если туда не существует регулярных экскурсионных туров.

— Кстати, буквально в ста ярдах от нас находится туристическое агентство, — сообщил Бронсон. — Вчера вечером, когда мы шли к пляжу, мы проходили мимо. Предлагаю заскочить туда и узнать, можно ли купить билеты в экскурсионную группу.

Оказалось, что туров в Кумран нет. Точнее говоря, они были, но только в определенные дни недели. Ближайший, на который имелись в наличии билеты, ожидался лишь через три дня.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить Анджелу Бронсон, когда они покинули агентство. — Возьмем напрокат машину. Мы все равно должны, пока находимся здесь, иметь свободу передвижения. Хочешь отправиться немедленно?

Анджела помотала головой:

— Нет, я бы предпочла сперва поработать над текстом надписи. Поедем во второй половине дня.

— Не хотелось бы, чтобы ты сочла меня параноиком, — произнес Бронсон, — да и, честно говоря, не представляю, как бы нас смогли выследить, но все же я по-прежнему считаю: нам лучшешний раз не светиться на людях. Посему я бы предпочел, чтобы мы не работали в холле отеля или в других публичных местах.

Анджела взяла Бронсона под руку:

— Согласна. Особенно после всего, через что нам пришлось пройти. У меня комната чуть больше твоей. Предлагаю поработать там.

Оказавшись в номере, Андже́ла достала из сумки с ноутбуком большой том в мягкой обложке.

— Довольно неплохой арамейский словарь — я нашла его в одном из специализированных книжных магазинов неподалеку от музея. Думаю, с его помощью и с онлайн-словарем мы добьемся успеха.

— Я как-то могу тебе помочь?

— Да. Пока я буду вводить слова в словарь на ноуте, ты можешь искать их в бумажном словаре. Таким образом мы проверим друг друга и убедимся, что движемся в верном направлении. Работать придется медленно и кропотливо, потому что это не просто незнакомый язык. Это еще и набор отдельных букв. Некоторые из них очень похожи друг на друга, и мы должны быть абсолютно уверены, что правильно распознаем символы на фотографиях. Давай я покажу тебе, что имею в виду.

Она увеличила картинку на дисплее и поочередно продемонстрировала пять значков, которые, на взгляд Бронсона, казались практически идентичными. Затем Андже́ла тщательно перерисовала их один за другим на листе бумаги.

Выглядело это так: 1 1 1 1 1.

— Первая буква называется *далет*, и она соответствует нашей букве Д. Далее идет *каф*, или К; третья буква — *нун*, или Н; четвертая — *реш*, то есть Р, и наконец последняя — *вав*, или «В». Я более или менее знакома с буквами арамейского алфавита, но переводы — не моя стезя, поэтому для меня — а для тебя и давно — эти символы кажутся едва ли не одинаковыми. А ты сам понимаешь: достаточно поменять в слове одну или несколько букв, и значение его кардинальным образом изменится. И не нужно забывать, что мы должны учитывать индивидуальные особенности стиля письма человека, который создавал эту надпись. В общем, получается, что работенка нам предстоит не из легких.

Анджела оказалась права. Только на то, чтобы перевести первую строчку надписи, у них ушло больше часа. В итоге, методом проб и ошибок, они разработали методику работы, которая, кажется, приносила плоды. Они брали слово и независимо друг от друга определяли, какие буквы его составляют. Записав таким образом каждый свой вариант, они затем их сравнивали. Если в отношении какой-то буквы возникали разночтения, Бронсон и Анджела снова внимательно ее изучали. Для этого Анджела максимально увеличивала картинку на экране ноутбука — фотоаппарат на восемь мегапикселей, которым она снимала дощечку, позволял это сделать, — так что они могли рассматривать символы в мельчайших деталях. Только после того как они приходили к совместному убеждению, что верно определили все буквы в слове, наступал черед обратиться к словарям.

Но даже при таком тщательном подходе к делу исследователям, как они ни бились, не удалось перевести два первых слова в первой строчке. Точнее будет сказать, второе слово после многочисленных подстановок и внимательного изучения поочередно каждого символа удалось интерпретировать как «медный». Однако первое слово, какие бы комбинации различных букв они ни пытались испробовать, не удалось найти ни в бумажном словаре, ни в различных вариантах онлайн-словарей.

— Ну ладно, — сказала наконец Анджела, даже не пытаясь скрыть разочарования, — вернемся к этому слову позже. А пока давай перейдем ко второй строчке.

48

Хассан остановил взятый напрокат автомобиль на парковке — которая фактически представляла собой просто ровную пыльную площадку — на окраине Рамаллаха, небольшого поселения, расположенного к северу от Иерусалима, в центральной части Западного

берега реки Иордан¹. Едва только он заглушил двигатель, как на территорию парковки заехали еще две машины и остановились неподалеку. Хассан и Якуб открыли двери и выбрались на улицу, и в ту же секунду из подъехавших автомобилей появились четверо мужчин — все одетые в джинсы и футболки — и направились в их сторону.

— *Ассалам алейкум*, — официально поприветствовал их Якуб. — Мир вам.

— Мир и тебе, — отвечивал мужчина, который, несомненно, был главным в четверке. — У вас есть деньги?

Якуб обернулся к Хассану. Тот медленно сунул руку в наружный карман своей легкой курточки, вытащил толстую пачку банкнот и шагнул вперед. Якуб вскинул руку в предостерегающем жесте, останавливая товарища.

— А у вас есть товар? — ответил он вопросом на вопрос. — Давайте-ка посмотрим.

Старший кивнул и, повернувшись к машине, пригласил Якуба последовать за ним. Они подошли к багажнику, который уже открывал один из сообщников главаря. Все трое заглянули внутрь, и глазам их предстали два черных кожаных чемоданчика, изрядно вытертые и поцарапанные. Спутник главаря быстро осмотрелся по сторонам, склонился над багажником, открыл замочки и поднял крышки. В каждом чемоданчике оказалось с полдюжины полуавтоматических пистолетов различных типов с двумя-тремя дополнительными магазинами каждый. Все оружие явно было не новым, его покрывали многочисленные царапины и вмятины, однако в остальном оно казалось вполне пригодным — за ним явно тщательно следили, чистили и регулярно смазывали.

¹ Рамаллах имеет статус города и в настоящее время является столицей Палестинской Автономии. Здесь располагалась резиденция Ясира Арафата, и здесь же он похоронен.

Якуб наклонился и вытащил на пробу несколько пистолетов.

— Мы берем два «75 CZ»¹ и два «браунинга». И плюс по два магазина к каждому. У вас достаточно патронов?

— Разумеется. Сколько вам коробок?

— Четырех хватит, — решил Якуб.

Торговец оружием открыл еще один чемоданчик, меньшего размера, достал из него три коробки девятимиллиметровых патронов «парабеллум» и протянул Хассану, который взамен передал пачку денег.

— Спасибо, друг, — поблагодарил Якуб. — С тобой приятно иметь дело.

— Насчет оружия, — пропуская лезть мимо ушей, произнес главарь торговцев. Он проверил деньги и захлопнул крышку багажника. — Когда закончите свои дела, позвоните мне. Если оружие будет в порядке, мы купим его за полцены.

— Только за половину?

— Это наша обычная ставка. Можете, если хотите, оставить его себе. В общем, как меня найти, вы знаете.

49

Чем дольше работали Анджела и Бронсон над переводом, тем, казалось, легче шли дела. Несмотря на то что над первой строчкой они бились больше часа, на то, чтобы перевести надпись целиком, у них ушло чуть меньше трех часов. Как заявила Анджела, это был отнюдь не плохой результат, пусть даже в итоге остались три слова, которые упорно не желали поддаваться расшифровке.

Исследователи поздравили друг друга, выпив по рюмочке из имевшегося в номере мини-бара, а потом приступили к самой трудной части работы: попытке

¹ «CZ-75» — пистолет, разработанный в 1975 году в Чехословакии. Имеет широкое распространение во всем мире.

доискаться смысла старинного текста. Как и в предыдущие разы, Бронсон выписал на бумагу переведенные слова в том порядке, в каком они располагались на дощечке. И вот что у него получилось:

*земли полость из медный
и четыре дощечки Ир-Цадок против исполнить
в локоть в тогда задачу
нам стороны было
наш в круга наступление продолжить и
локтей укрыли с в свитков*

Ниже он записал тот же текст, но уже расставив слова в обратном порядке, то есть так, как принято их читать на английском:

*..... медный из полость земли
исполнить против Ир-Цадок дощечки четыре и
задачу тогда в локоть в
было стороны нам
и продолжить наступления круга в наш
свитков в с укрыли локтей*

Бронсон прочитал то, что получилось, после чего быстро пробежал глазами другие разложенные на столе листы.

— А теперь, — сказал он, — я вставлю переведенные нами слова в общий текст. Тогда, я надеюсь, мы сможем наконец разглядеть лес за деревьями.

Через несколько минут он протянул Анджеке листок с окончательной версией, по крайней мере окончательной на данный момент:

*..... были бен исполнить нашу задачу
и было завершено и теперь
наш последний медный свиток тогда
забрали*

*..... мы в пещере в месте
свитков что с поселением Ир-Цадок
Сеаха*

*свиток из серебра..... мы в резервуаре
..... месте наступления конца дощечки из
храма в Иерусалиме*

..... великому мы укрыли в круга
алтаре четыре камня стороны шири-
ной

локтей и локоть чтобы внутреннюю по-
лость слава

..... и вера нам сохранить продолжить
нашу

..... против захватчиков нашей земли

— Пожалуй, я могу заполнить еще две лакуны. —
И Анджела указала на пропущенные места. — Я ду-
маю, что этот кусок текста следует читать так: «ря-
дом с поселением, известным как *Ир-Цадок Секаха*».
Эх, если бы только у нас было немного больше...

Внезапно она замолчала и вытаращилась на лист с
переводом. Бронсон внимательно посмотрел на быв-
шую жену.

— В чем дело?

— Строчки, расположенные выше, — туманно по-
яснила Анджела. — Скажи, Крис, исходя из общего
стиля изложения, каким ты представляешь себе че-
ловека, записавшего этот текст?

— Что-то я тебя не понимаю.

— Я хочу спросить: по твоему мнению, он был
жрецом, воином или кем?

Бронсон еще раз прочитал перевод, задумался и
произнес:

— Здесь, в общем, особо не за что зацепиться, кро-
ме разве что самого конца. Там, мне кажется, он объ-
ясняет необходимость сражаться с захватчиками. Так
что, если хочешь знать мое мнение, я бы сказал, что
он был воином, возможно, участником иудейского со-
противления, или что там у них было в то время.

— Именно. А теперь обрати внимание на этот от-
рывок, начинающийся словами «медный свиток» и
до слова «пещере». Вспомни, что в начале первого
тысячелетия у евреев не было армии как таковой.
У них не было организованных армейских подразде-
лений, как у тех же римлян. Существовало что-то

вроде многочисленных группировок воинов, которые, когда им было это выгодно, объединялись для совместных действий против завоевателей. Все остальное время они сражались между собой, если только не были заняты тем, что совершали набеги на поселения с целью украсть пищу, деньги и оружие.

— Вроде как герильясы? — уточнил Бронсон.

— Совершенно верно. Сделав такое предположение, попробуем извлечь немного больше смысла из данного отрывка. Если подставить слова «который мы» перед «тогда забрали», эта фраза вполне сойдет за описание налета. Они разграбили поселение и среди прочего добра захватили медный свиток.

— И?

— И очень похоже, что они догадались — это был не простой медный свиток. Судя по дальнейшему тексту, они спрятали его в пещере; и, вероятно, это была пещера в Кумране, поскольку буквально через несколько слов мы встречаем упоминание о месте, «известном как *Ир-Цадок Секаха*». — Анджела замолчала и посмотрела на Бронсона. — Что тебе известно о Кумране?

— Ну, немного. Я знаю, что там обнаружили Свитки Мертвого моря. Кажется, они были созданы сектой ессеев, которые потом спрятали их в ближайших пещерах.

Анджела кивнула:

— Это одна точка зрения, но она почти наверняка ошибочна. В Кумране действительно существовала община ессеев, а Свитки Мертвого моря были найдены в одиннадцати пещерах, расположенных сразу к западу от поселения. Свитки содержат многочисленные копии книг Ветхого Завета, так называемой Еврейской Библии, кроме только Книги Есфири. Порядка восьмидесяти процентов текстов написано на пергаменте, остальные — за одним-единственным исключением — на папирусе. Таковы факты. Все остальное — это уже различные интерпретации.

Одна из связанных со свитками трудностей заключается в том, что археолог, который первым начал проводить раскопки в Кумране в 1949 году (это был доминиканский монах отец Ролан де Во из Библейской Школы в Иерусалиме), предположил, что свитки были созданы и спрятаны в пещерах именно членами кумранской общины. На основе этой гипотезы он построил все свои дальнейшие заключения о том, что представляла собой данная община. Это примерно то же самое, как если, скажем, через тысячу лет кто-то раскопает развалины Бодлианской библиотеки¹, обнаружит одни лишь хранившиеся в ней тексты времен Древнего Рима и на этом основании сделает вывод, что жители Оксфорда говорили на латыни и были страстными поклонниками гладиаторских игр.

— В Оксфорде многие люди *действительно* говорят на латыни, — парировал Бронсон, — и я не удивлюсь, если некоторые из них увлекаются также и гладиаторами.

В ответ Анджела улыбнулась и сказала:

— Хорошо-хорошо, но ты ведь понимаешь, к чему я клоню? Смысл в том, что отец де Во сделал допущение, которое гласило: раз свитки были спрятаны рядом с поселением кумранской общины, значит, их должны были написать члены этой самой общины. Но никакого реального подтверждения его гипотезе обнаружено не было. И возникает вопрос: если авторами свитков действительно были ессеи из Кумрана, то почему они решили спрятать их в непосредственной близости от места своего проживания? Кто же

¹ Бодлианская библиотека — библиотека Оксфордского университета, которая оспаривает у Ватиканской право называться старейшей в Европе, а у Британской — титул самого крупного книжного собрания Великобритании. С 1610 (официально — с 1662) года наделена правом на получение обязательного экземпляра всех изданий, выпускаемых в стране. Названа в честь сэра Томаса Бодли (1545—1613), известного собирателя старинных манускриптов, состоявшего на дипломатической службе королевы Елизаветы.

так скрывает ценные вещи? Это просто не имеет смысла. Но как только такое ложное предположение укоренилось в сознании де Во, он стал через его призму рассматривать все сделанные впоследствии находки и открытия.

Он пришел к заключению, что жители Кумрана были членами иудейской секты ессеев, одной из самых религиозных в те времена. Приступив же к изучению непосредственно самого поселения, он заявил, что обнаружил скрипторий — место, где монахи или специальные писцы писали (или же переписывали) манускрипты. Причем основывался он исключительно на том, что обнаружил при раскопках скамью, две чернильницы и небольшое количество письменных принадлежностей.

Однако существует масса других возможных объяснений: так, например, это могла быть классная комната для занятий, а может, помещение служило для военных либо торговых целей. Кроме того, в так называемом скриптории не было найдено ни малейшего фрагмента хоть одного свитка. Согласись, это по меньшей мере странно. Если помещение использовалось исключительно для тех целей, как предположил де Во, в нем должно было сохраниться полно инструментов и материалов, которые использовали писцы. В самом крайнем случае логично было бы ожидать обнаружить там куски чистого папируса или остатки свитков.

Чтобы придать больший вес своей гипотезе, что ессеи были очень религиозными людьми, де Во отождествил несколько найденных на памятнике резервуаров с ритуальными иудейскими купальнями для омовения — их называют *миквами*. Если бы он посмотрел на поселение в Кумране непредвзятым взглядом, не зная ничего о свитках, он, вероятно, предположил бы, что резервуары просто использовались для сбора и хранения воды, и это был бы наиболее логичный и очевидный вывод. Кроме того, де Во просто

проигнорировал массу других показательных находок, обнаруженных при раскопках памятника. Не забывай, что археологи мастерски умеют это делать: игнорировать неудобные факты. У них в этом деле чертовски большой опыт.

— Хм, а я думал, что археология — это наука, — заметил Бронсон. — Научный метод исследования, тщательное изучение находок, радиоуглеродный метод и все такое прочее.

— Мечтатель! Археологи не хуже других известны за умение подтасовывать результаты исследований и пренебрежение к фактам, которые не укладываются в их теорию. Но вернемся к нашим баранам. Если де Во прав в своих предположениях, тогда выходит, будто кумранские ессеи жили в нищете и убожестве; но в то же время другие исследователи памятника обнаружили деньги, стеклянную и керамическую посуду, инструменты и украшения из металла и множество иных ценных для науки предметов. Эти факты вроде бы говорят о противоположном, то есть что обитатели Кумрана вели вполне мирскую жизнь, и к тому же жизнь безбедную.

— Но если Кумран не был религиозным центром, то чем он был?

— Больше похоже на правду представление о Кумране как о богатой усадьбе. Это был основной или, может быть, второй дом важной по местным меркам семьи; место остановки паломников на пути в Иерусалим; гончарная мастерская; может, даже крепость или укрепленный торговый центр.

Следующим шагом, который предпринял де Во, стала попытка закрыть доступ к свиткам (и не позволить даже посмотреть их фотографии) всем, за исключением небольшого числа избранных и близких к нему исследователей. По крайней мере, это справедливо в отношении свитков из пещеры номер 4 — в ней было обнаружено около сорока процентов всех находок памятника.

— Но ведь какие-то подробности они опубликовали?

— Да, но только наименее значительные. Тексты, найденные в пещере номер 1, были предъявлены миру в период с 1950 по 1956 год. В 1963 году в одном томе были опубликованы материалы из еще восьми пещер, а еще два года спустя стал доступен текст так называемого Свитка псалмов, обнаруженного в 11-й пещере. И, конечно, едва эти тексты появились, тут же ученые перевели их на различные языки.

Но вот материалы из пещеры номер 4 впервые были опубликованы только в 1968 году, да и то в ничтожном количестве. К этому времени де Во, похоже, окончательно утвердился во мнении, что не стоит допускать к свиткам других ученых. Он издал совершенно секретное распоряжение, согласно которому со свитками могли работать только члены его первоначальной команды или же рекомендованные ими люди. Умер де Во в 1971 году, но с его смертью ничего не изменилось. Ученые по-прежнему не имели доступа к материалам из 4-й пещеры и даже не могли посмотреть фотографии свитков. Так продолжалось до 1991 года (без малого столетия со времени открытия), когда практически случайно в библиотеке Сан-Марино в Калифорнии были обнаружены снимки всех находок из 4-й пещеры. Вскоре эти фотографии были опубликованы.

— Но если авторами свитков были не ессеи, или кто там жил в Кумране, тогда кто же? — спросил заинтересованный Бронсон.

— Этого никто не знает. Наиболее вероятное объяснение, что они были созданы членами некой радикальной религиозной секты из Иерусалима, которые, спасаясь от римских войск во время очередного периода политической нестабильности, спрятали свитки в кумранских пещерах.

— А что все-таки в них содержится?

— Большинство свитков представляют собой переписанные копии известных текстов, в основном из

Ветхого Завета, причем намного более ранние, чем те, что были доступны для изучения прежде. К примеру, среди свитков имеется тридцать с лишним копий Второзакония. Много там также и светских текстов — большинство из них прежде не были известны, — которые пролили новый свет на ту форму иудаизма, которая была в ходу в так называемый период Второго Храма. Этот период длился с 516 года до нашей эры — в тот год было завершено восстановление Иерусалимского Храма, после того как в 586 году был разрушен первоначальный Храм Соломона, — и до 70 года уже нашей эры, когда римляне разграбили Иерусалим, разрушили Храм и тем самым окончательно подавили длившееся четыре года Великое еврейское восстание.

И теперь переходим к Медному Свитку, — продолжила рассказ Анджела. — Он совершенно не похож ни на какой другой обнаруженный в Кумране артефакт. В 1952 году экспедиция, спонсируемая министерством по делам старины Иордании, проводила работы в пещере номер 3 и обнаружила в ней уникальный предмет, получивший обозначение 3Q15. Оно означает всего лишь, что это был пятнадцатый предмет из 3-й пещеры Кумрана. Находка представляла собой тонкий лист из практически чистой меди примерно семи футов в длину; очевидно, он раскололся на две части, когда его сворачивал в трубку неведомый создатель. Пролежав два тысячелетия в пещере, медный лист подвергся сильному окислению, стал чрезвычайно хрупким и ломким. Сразу стало ясно, что развернуть его будет очень непросто. Медный Свиток не похож ни на какую другую известную находку — из Кумрана ли или откуда бы то ни было — во-первых, размерами (никогда прежде не находили таких больших текстов, записанных на металле), а во-вторых, своим содержанием.

Но прежде археологи столкнулись с серьезной проблемой: как развернуть свиток? Почти пять лет

они провели в раздумьях над артефактом, пока наконец не пришли к решению. И вот тут они совершили ошибку. Свиток отправили в Манчестерский технологический университет, где его распилили вдоль на две части при помощи чрезвычайно тонкой дисковой пилы. В результате свиток полностью раскрылся, и исследователи получили в свое распоряжение для изучения несколько изогнутых кусков медного листа. К сожалению, ученые из Манчестера (да и почти все остальные исследователи) упустили из виду две важные детали, связанные с Медным Свитком.

Когда его развернули, обнаружилось, что пространство между свернутыми листами меди заполнено каким-то плотно утрамбованным веществом, очень напоминающим обожженную глину. Ученые предположили, что это не более чем скопившаяся за две тысячи лет пыль и прочий мусор, но они ошибались. Ведь никто из них не удосужился проверить, в каких вообще условиях хранился свиток в пещере. Если бы они это сделали, то обнаружили бы, что земля в кумранских пещерах представляет собой мельчайшую пыль, буквально порошок, и в ней не содержится кремний, благодаря которому она могла бы превратиться в твердую субстанцию. Даже если ее смочить водой, она, когда высохнет, просто превратится обратно в пыль. Тот, кто изготовил Медный Свиток, перед тем как его свернуть, намеренно покрыл одну сторону листа слоем глины, а потом обжег в печи, чтобы глина затвердела и превратилась практически в керамику.

— Но зачем? Чтобы защитить медь, из которой был сделан свиток?

— Знаешь, как ни странно, скорее всего, все было с точностью до наоборот. Сейчас большинство исследователей считают, что создатели Медного Свитка предполагали: металл станет корродировать, и в этом случае текст свитка должен был остаться отпечатанным на обожженной глине. Эту важную деталь ученые из Манчестера также проглядели.

Текст написан в основном на так называемом мишнаитском иврите¹, хотя в нем присутствует некоторое количество греческих букв — причем до сих пор неизвестно, с какой целью они включены в текст. Собственно, греческих букв насчитывается четырнадцать штук, и первые семь образуют слово, точнее, имя Эхнатон. Этот фараон правил Египтом около 1350 года до нашей эры, и наибольшую известность он приобрел за то, что основал, пожалуй, первую в мировой истории монотеистическую религию. Однако Медный Свиток был изготовлен самое раннее через тысячу лет после правления Эхнатона, и почему вдруг он упоминается в тексте — это до сих пор тайна, покрытая мраком.

— Но почему создатели свитка пошли на такие ухищрения?

— Вероятно, из-за его содержания. Похоже, будто они хотели быть уверенными, что написанное ими сохранится сколь возможно долго; намного дольше, чем, скажем, если бы они писали на папирусе. Ну а причина, почему они поставили такую цель, проста: практически весь текст свитка является перечнем сокровищ, возможно, хранившихся еще в Первом Иерусалимском Храме. И если верить приведенным в свитке цифрам, общая их стоимость по нынешним ценам превысит два миллиарда фунтов.

50

— Так что, получается, что Медный Свиток — это действительно карта, указывающая путь к сокровищам? — спросил Бронсон.

¹ Термином «мишнаитский иврит» принято обозначать язык, которым написана Мишна — наиболее древняя часть Талмуда и современные ей источники. Мишна в ее нынешнем, каноническом виде была составлена и отредактирована в начале III в. н.э.

— Нет, на самом деле это не карта. Это перечень из шестидесяти четырех мест, и в шестидесяти трех из них, как предполагают, спрятаны несметные драгоценности: буквально тонны золота и серебра. Шестидесят четвертая позиция в списке указывает на местонахождение второго документа, в котором, видимо, содержатся дополнительные сведения о сокровище и о том, где оно спрятано. По мнению некоторых ученых, этим документом может быть свиток, получивший название Серебряный.

Единственная загвоздка заключается в том, что никто не знает толком, а существует ли вообще Серебряный Свиток, и если существует, то где его искать. Относительно его местонахождения в Медном Свитке просто говорится, что поясняющий документ следует искать «в примыкающей с северной стороны шахте, в смотрящем на север углублении, у самого входа». Едва ли это можно назвать точным указанием.

— А какова дальнейшая судьба Медного Свитка?

— Когда отец де Во ознакомился с его содержанием, он немедленно понял: Медный Свиток категорически не стыкуется со всеми доводами и гипотезами, которые отстаивал он сам и его приспешники. Ведущие аскетический образ жизни кумранские сектанты вряд ли могли быть обладателями двадцати шести тонн золота и шестидесяти пяти тонн серебра (если, конечно, ученые верно интерпретировали содержащиеся в свитке данные). И тогда де Во делает то, что делает большинство ученых разных мастей, когда они вдруг сталкиваются с неопровержимыми фактами, идущими вразрез с тщательно выпестованной и лелеемой ими теорией. Он во всеуслышание заявляет, что Медный Свиток — подделка, фальшивка или же чья-то шутка.

Эти его заявления не выдерживают никакой критики. Предположим, что свиток — подделка. Тогда резонно будет задать вопрос: зачем его создатели прибегли к таким ухищрениям? Ведь изготовить подобный свиток — далеко не простая работа. Мы, конеч-

но, чертовски мало знаем о людях, населявших Иудею в те далекие времена, но, по крайней мере, пока никто не высказывал гипотезу, что они были большими любителями розыгрышей. Но даже если они и захотели пошутить, с чего бы им так заморачиваться, чтобы сделать свиток, а потом спрятать в удаленной пещере, где его могли бы не найти и через несколько сотен, а то и тысяч лет? Не забывай, что Свитки Мертвого моря обнаружили по чистой случайности.

Но самое убедительно свидетельство подлинности Медного Свитка — то, что он является именно тем, чем является, то есть сухим канцелярским перечнем. Каждый предмет описан, указано его местонахождение, но безо всякого приукрашивания. Это как будто опись товаров и не более того, и тем самым он производит впечатление подлинного.

— А эти исследователи в Манчестере просто разрезали свиток на две части? — спросил Бронсон.

— Совершенно верно. Они не приняли во внимание, что глина как минимум столь же важна, сколь и сам свиток, и первым делом удалили «грязь». Не знаю, как именно они это делали, но в любом случае одновременно они умудрились повредить и медный лист, то есть «убили двух зайцев одним выстрелом». Наверное, им стоило бы оставить в покое глину и осторожно, кусок за куском, удалять металл. Но вместо этого они намазали наружную поверхность свитка очень сильным клеем и распилили лист вдоль чрезвычайно тонкой дисковой пилой. В результате из свитка получилось две дюжины изогнутых кусков меди, они попали в руки специалистов, и те смогли начать перевод текста. Но, конечно, при разрезании медного листа часть текста была уничтожена.

— Но хоть что-то из перечисленных предметов нашли? Я хочу сказать, что это придало бы вес тексту свитка, верно? Это было бы железное доказательство, что он подлинный.

В ответ Анджела только вздохнула.

— Если бы это было так просто. В начале первого тысячелетия указанные в свитке определения, вероятно, что-то значили, но сегодня они не имеют практически никакого смысла. Например, в перечне говорится: «в пещере, что возле фонтана, принадлежащего Дому Хаккоза. Копать на шесть локтей; шесть золотых слитков». Все это очень хорошо, если ты знаешь, кто такой был этот Хаккоз и где находился «принадлежащий его Дому фонтан». Но сейчас, по прошествии двух тысяч лет, шансы найти сокровище на основании таких туманных указаний, можно сказать, равны нулю. Кстати, что касается Хаккоза и его семьи (или Дома), то как раз о нем нам кое-что известно, чего не скажешь о большинстве упомянутых в Медном Свитке имен. Дело в том, что имя это встречается в исторических хрониках. Эти Хаккозы были хранителями сокровищ Второго Иерусалимского Храма, но, честно говоря, эта информация мало чем способна помочь — мы не знаем, где они жили, и, более того, в Медном Свитке может идти речь о совсем других Хаккозах.

Бронсон поднялся, с хрустом распрямил ноющую от напряжения спину и направил стопы к мини-бару еще за одной порцией.

— Но вот чего я не могу понять: какое это имеет отношение к Серебряному Свитку и каменным дощечкам Моисея?

Анджела с благодарностью взяла протянутый стакан.

— Посмотри, о чем говорится дальше в нашей надписи. Свиток из серебра упоминается в том контексте, что его спрятали в резервуаре; еще дальше автор сообщает, что где-то они укрыли и некие дощечки. Но то были не просто какие-то старинные дощечки. Я думаю, текст надо читать как «дощечки из нашего Храма в Иерусалиме», а это уже действительно что-то! Кроме того, это означает, что покойный Якуб вполне мог быть прав — по крайней мере, существует вероятность, что эти дощечки могли быть Заветом Моисея.

Таким образом, этот арамейский текст, часть которого находилась на глиняной дощечке, найденной в Рабате Маргарет О'Коннор, рассказывает о том, как были спрятаны три различные реликвии: Медный Свиток, второй свиток, сделанный из серебра, и, наконец, эти дощечки Моисея. И... кажется, я знаю, почему их спрятали и когда. Я поняла это буквально только что, и все из-за значения одного-единственного слова.

— Какого слова? — наклонившись вперед, спросил заинтригованный Бронсон.

— Вот этого, — показала Анджела.

— «Бен»?

— Да. Недалеко отсюда находилась известная крепость Масада. Она пала в 73 году нашей эры после длительной осады римскими войсками. Укрывавшиеся в ней повстанцы были известны под именем сикариев, а их предводителя звали Элеазар бен Яир. *Бен*, — повторила Анджела. — Ни в одном из словарей, которыми мы с тобой пользовались, нет списка имен собственных — вот почему мы никак не могли перевести с их помощью это слово. — Она ткнула пальцем в ряд образующих его арамейских букв на экране ноутбука. — Я предполагаю, что этот текст может являться подлинным описанием того, как группа сикариев, которой удалось бежать из крепости Масада перед самым ее падением, спрятала Медный Свиток в одной из кумранских пещер. Эта гипотеза также вполне удовлетворительно объясняет, почему Медный Свиток так разительно отличается от прочих Свитков Мертвого моря — он просто, как говорится, из совсем другой оперы.

Ты только вдумайся, Крис, — произнесла Анджела, и ее карие глаза засверкали от возбуждения. — Медный Свиток абсолютно не похож на прочие свитки из пещер Кумрана. В нем приведена опись спрятанных сокровищ; почти все остальные содержат материалы на религиозную тематику, в большинстве своем это фактически библейские тексты. Одна-един-

ственная деталь, которая их роднит, — язык надписей, древнееврейский. Но даже этот факт вызывает некоторое недоумение. Текст Медного Свитка написан на мишнаитском иврите. Этот язык использовался для передачи на письме устных традиций пересказа Торы, Пятикнижия Моисеева. — Анджела откинулась на спинку стула и на несколько секунд задумалась. — Единственное разумное объяснение заключается в том, что Медный Свиток был принесен из совершенно другого места.

Бронсон кивнул. Логические построения Анджелы были, как обычно, безукоризненны.

— Я тебя внимательно слушал, но все же скажи: есть, по крайней мере, вероятность, что и другие реликвии — «свиток из серебра» и «дощечки из храма» — также были спрятаны где-то в Кумране?

Анджела отрицательно покачала головой:

— Не думаю. Если бы все предметы были схоронены в одном месте, тогда текст, мне кажется, должен был бы выглядеть как-то так: «...и в Кумране мы спрятали два свитка и дощечки». На деле же, как мы видим, сперва рассказывается о том, как спрятали первый свиток, а потом уже идет рассказ об укрытии других предметов. То есть очевидно, что они спрятали одну реликвию, а потом отправились в другое место, чтобы схоронить остальные.

Она посмотрела на Бронсона. Во взгляде Анджелы читалось неукротимое желание разгадать тайну.

— И нам с тобой предстоит узнать, где этот тайник.

51

— Есть, — пробормотал себе под нос Тони Бэверсток и еще раз пробежал глазами лежащий перед ним текст.

Все трое собрались в номере Бэверстока в тель-авивском отеле. Сразу же по прибытии в Изра-

иль ученый засел за перевод арамейского текста, скопированного с глиняных дощечек.

— Вам удалось расколоть этот орешек? — Чарли Хокстон поставил купленную днем бутылку местного пива «Танцующий верблюд», пересек комнату и подошел к столу, за которым работал Бэверсток.

— Сначала я подумал было, что, возможно, недостает не одной, а трех дощечек. Но если бы было так, то эти линии в углах не имели бы никакого смысла. Тогда я попробовал собрать из дощечек прямоугольник и снова взглянул на надпись. Решение оказалось просто элементарным. Первым нужно читать крайнее справа слово в верхней строчке первой дощечки. Той самой, которой у нас, конечно, нет.

Бэверсток показал на разбросанные по столу листы бумаги. На трех листах формата А4 он записал английский перевод поддавшихся расшифровке арамейских надписей. Четвертый лист — он находился в прямоугольнике вверху и справа — остался чистым, если не считать короткой черточки в левом нижнем углу, которая корреспондировалась с такими же черточками на трех других листах.

— Затем, — продолжил объяснения Бэверсток, — мы читаем крайние справа слова на всех остальных дощечках, двигаясь, разумеется, против часовой стрелки. Таким образом, получается «были Элеазаром бен», и тогда первое, недостающее, слово будет, вероятно, «отобраны» или «назначены», или что-то похожее. Следующее слово — оно опять-таки находится на дощечке, которой у нас нет, — почти наверняка «Яиrom». Элеазар бен Яир — так звали предводителя сикариев, оборонявших крепость Масада. Но это слово находится не на первой строчке надписи, а на второй. То есть теперь необходимо взять крайнее справа слово из строчки *ниже* и повторить процедуру для всех дощечек. Шифр очень простой, но хитрый.

— Хорошо. Кажется, я понял, — нетерпеливо буркнул Хокстон. — Хитрая, в общем, штука. Но все,

что я хочу знать: о чем говорится на этих проклятых дощечках?

— Я это уже знаю, — проронил Бэверсток и достал еще один лист бумаги.

Хокстон схватил его и внимательно прочитал, что написал печатными буквами специалист по древним языкам.

— Тони, это очень впечатляет. — Хокстон поцеловал языком. — А теперь расскажите, что все это означает. Что мы, собственно говоря, ищем?

— Мне кажется, это должно быть очевидно, — довольно резко ответил Бэверсток. — В сделанном мной переводе совершенно четко упоминается «медный свиток» и «свиток из серебра».

— Но ведь Медный Свиток уже найден. Если, конечно, мы не допустим, что было *два* медных свитка, — подал голос Декстер.

— В этом-то все и дело, — фыркнул Бэверсток. — Посмотрите внимательно на текст, и вы увидите, что находка в Кумране Медного Свитка как раз и служит подтверждением тому, что написано на этих дощечках. Свиток обнаружили в 1952 году в 3-й пещере, и именно туда поместили его создатели глиняных дощечек. Взгляните на текст.

Бэверсток взял карандаш и подчеркнул несколько строчек.

— Давайте я попробую подставить недостающие слова, как я это вижу, — сказал он и начал быстро заполнять пропуски. — Итак. Теперь эта фраза будет звучать следующим образом: «Медный свиток, который мы тогда забрали из Эйн-Геди, мы затем спрятали в пещере Хаммад, расположенной в месте хранения *каких-то* свитков...». Одно слово здесь пропущено, поскольку оно приходится на четвертую дощечку. Дальше текст продолжается: «...что находится рядом с поселением, известным как *Ир-Цадок Секаха*». Более точного и недвусмысленного описания того, как был спрятан Медный Свиток, вы не сыщете.

Я не знаю, что за слово пропущено здесь, перед словом «свитков», но, вероятно, оно каким-то образом их характеризует. Возможно, это указание на материал или возраст тех, других свитков; а возможно, на географическую принадлежность, скажем, иерихонские или иерусалимские. Жаль, что мы этого не знаем, — задумчиво произнес Бэверсток. — Расшифруй мы это слово, и загадка, кто же именно является автором Свитков Мертвого моря, была бы решена раз и навсегда. Но что интересно — в надписи прямо указано, что Медный Свиток забрали из Эйн-Геди.

— Это где?

— Эйн-Геди в то время являлся крупным поселением, построенным вокруг оазиса недалеко от западного берега Мертвого моря. Кстати, довольно близко от Кумрана. И этот факт служит еще одним подтверждением того, что глиняные дощечки изготовили члены группировки сикариев. Практически единственный достойный упоминания налет на Эйн-Геди, судя по тому, что я раскопал в Интернете, случился в 72 или 73 году нашей эры, и совершили его грабители-сикарии из Масады. Это хорошо стыкуется с самыми первыми словами надписи, поскольку в те годы лидером сикариев был именно Элеазар бен Яир. Во время нападения было убито около семисот жителей Эйн-Геди, а налетчики скрылись, прихватив с собой все, что только могли унести. Очень похоже, что в числе украденного был Медный Свиток и другой свиток, Серебряный.

Пока Бэверсток излагал свою гипотезу, Хокстон и Декстер внимательно изучали текст надписи с дощечек.

— А что это за «дощечки из какого-то храма»? — прервал ученого Хокстон. — Они тоже из Эйн-Геди? И что они собой представляют?

Бэверсток покачал головой.

— В нашем тексте не говорится о том, что сикарии украли и их тоже. Вполне возможно, они уже тогда

принадлежали им. А фраза целиком, вероятно, звучит следующим образом: «дощечки из священного храма в Иерусалиме». Быть может, они просто служили для украшения или, скажем, на них были вырезаны тексты молитв или что-то еще. Но чем бы они ни являлись, для нас они не представляют интереса. Нам нужен Серебряный Свиток.

— И, конечно, самый главный вопрос, — снова говорил Хокстон, — где нам начинать искать? В этой надписи говорится, что Медный Свиток спрятали в Кумране. Значит ли это, что и Серебряный Свиток был спрятан там же?

— Нет, — уверенно ответил Бэверсток. — Два свитка упоминаются в тексте совершенно независимо. Медный Свиток оставили в пещере в Кумране, а Серебряный был спрятан в другом месте, в каком-то резервуаре. Я пока что не уверен, что имел в виду автор текста под словами «место *чего-то* конца». Возможно, речь идет о конце света. Мне, например, сразу приходит в голову: «место наступления конца света» или как-то так, но я должен еще серьезно поработать над этим вопросом, и тогда смогу раскрыть вам и эту тайну. Ну а пока я буду заниматься расшифровкой текста, вы бы разобрались со снаряжением, которое нам понадобится. Вполне возможно, нам придется очень и очень торопиться.

52

Бронсон и Анджела ехали на юго-восток — в сторону Иерусалима и расположенного за ним Мертвого моря.

Бронсон вряд ли смог бы сказать, что именно он ожидал здесь увидеть, но все же был удивлен тем, насколько плодородными и изобильными казались земли, которые мелькали за окном машины, по крайней мере, на участке вдоль берега Средиземного моря. Вероятно, Бронсон предполагал, что в Израиле будет

преобладать бесплодная и пустынная местность. На самом же деле единственный в стране район, который по праву можно называть пустыней, вытянулся треугольником с основанием в самом широком месте Израиля и сужающимся к югу, к заливу Акаба. Этот треугольник, условными вершинами которого считаются город Рафах на средиземноморском побережье, южная оконечность Мертвого моря и курортный город Эйлат на Красном море, включает в себя пустыню Негев, знойную и практически незаселенную местность.

— Если верить тому, что здесь обозначено, — сообщила Анджела, удобно устроившаяся на пассажирском сиденье с расстеленной на коленях картой, — минут через десять мы должны будем добраться до границы Западного берега¹.

— У нас там не возникнет трудностей?

— Не должно быть, нет. Нужно только внимательно следить за блокпостами и КПП — нам обязательно встретится по пути несколько штук.

В Иерусалиме им пришлось постоять в пробках, что едва ли было удивительно: на относительно небольшой площади, которую занимал город, приходилось ютиться почти миллиону жителей. Сразу же за границей города шоссе свернуло на северо-восток и привело путешественников почти к южной окраине Иерихона, старейшего укрепленного города в мире, после чего снова сменило направление — на этот раз на восток, к границе с Иорданией. Когда впереди показалась северная оконечность Мертвого моря, Анджела велела Бронсону повернуть направо, и теперь они ехали строго на юг через территорию кибуца Калия, вдоль западного побережья Мертвого моря, которое является самым низким участком суши на земном шаре. Совсем скоро они должны были оказаться в Кумране.

¹ Имеется в виду Западный берег реки Иордан, правовой статус которого до сих пор не определен.

Движение на дороге, даже после того как они выбрались из хаотического скопления машин, наводнивших улицы Иерусалима, было по-прежнему довольно плотным: несколько автомобилей двигалось впереди, несколько позади машины, в которой ехали Бронсон и Анджела. Чего не заметил Бронсон, так это того, что от самого Тель-Авива за ними следует белый «Пежо» с двумя пассажирами. Он ни разу не приблизился меньше чем на семь десятков метров, но и не отдалялся на значительное расстояние.

На территории Западного берега реки Иордан пейзаж за окном изменился: плодородные в основном земли, раскинувшиеся к западу от Иерусалима, уступили здесь место более суровому и негостеприимному ландшафту. Когда же Бронсон и Анджела подъезжали к Кумрану, ландшафт снова претерпел изменения: по обеим сторонам шоссе выросли цепочки скалистых холмов, которые перемежались глубокими оврагами.

Сам Кумран частично располагался на склоне холма, на плато примерно в миле к западу от побережья Мертвого моря. Из него открывался захватывающий вид на раскинувшуюся внизу безжизненную пустыню. Памятник старины был частично окружен бежево-коричневыми холмами, на склонах которых отчетливо выделялись различными оттенками геологические слои. Некоторые склоны были испещрены, точно оспинами, темными, в большинстве своем неровными овалами. Удивительно непривлекательные здесь места, подумалось Бронсону.

— Пещеры? — спросил он спутницу, когда они выбрались на плато, и показал на запад.

— Знаменитые пещеры, — уточнила Анджела. — Всего их здесь что-то около двухсот восьмидесяти. Большинство расположено на расстоянии от сотни ярдов до мили от самого поселения. Примерно в шестидесяти пещерах были найдены старинные артефакты, но основная масса Свитков Мертвого моря хранилась всего в одиннадцати. Ближайшая пещера, — продолжила она, — находится всего в каких-то пятидесяти

ярдах от края плато. Вероятно, близость пещер — одна из причин, почему отец де Во предположил, что авторами найденных свитков были именно обитатели Кумрана. Он просто не мог поверить, чтобы ессеи (или кем бы ни были местные жители) не знали об этих пещерах и о том, что в них скрыто. В одной из пещер были обнаружены остатки каких-то конструкций, очень похожих на полки, и некоторые исследователи сразу же выдвинули теорию, что обитатели Кумрана могли использовать пещеры в качестве библиотеки. Но, повторяюсь еще раз, во всей этой гипотезе о ессеях из Кумрана множество слабых мест и белых пятен. — Анджела сняла шляпу и вытерла лоб носовым платком, который уже весь пропитался влагой.

Солнце палило безжалостно. Когда они, оставив машину внизу, поднялись в гору, пот лил с обоих ручьев. Какое счастье, думал Бронсон, что они остановились у магазинчика рядом с отелем в Тель-Авиве и купили широкополые шляпы и несколько бутылок воды. В противном случае им угрожала реальная опасность сильного обезвоживания.

— Если пещеры так близко, было бы странно, если бы местные жители не знали, что в них находится, — заметил Бронсон.

— Согласна. Но все же это не означает автоматически, что именно они изготовили свитки. В лучшем случае, я думаю, они могли считать себя кем-то вроде их стражей.

Бронсон посмотрел вниз, на раскинувшийся под ногами унылый пустынный ландшафт. Однообразный пейзаж пустыни нарушали лишь редкие зеленые пятна — это отчаянно цеплялись за жизнь растущие небольшими группами деревья какой-то особенной породы. Чуть дальше блестящей голубой полоской сверкало Мертвое море, скрывая за внешними яркими красками безжизненные соленые воды.

— Ад на земле, — пробормотал Бронсон и утер пот со лба. — Как вообще кому-то могло прийти в голову поселиться здесь?

Анджела улыбнулась:

— В начале первого тысячелетия эти земли были чрезвычайно изобильными и очень даже процветали. Видишь там внизу деревья? — Она указала на уже замеченные ранее Бронсоном пятна зелени посреди безжизненной пустыни. — Это все, что осталось от некогда огромных плантаций финиковых пальм. Согласно историческим свидетельствам, в библейские времена вся территория от берегов Мертвого моря вплоть до Иерихона и даже дальше была засажена пальмами этого вида. Иерихон даже называли «городом фиников», а выращенные в этих краях плоды ценились крайне высоко и как ценный питательный продукт, и из-за приписываемых им лекарственных свойств. Собственно, это дерево даже было принято в качестве национального символа Иудеи. Это очень хорошо видно на монетах Иудея Капта¹, которые римляне отчеканили после падения Иерусалима и покорения всей страны. На них на обратной стороне изображена, как часть композиции в целом, финиковая пальма. Но Иудея могла похвастать не только финиками. В здешних местах произрастал еще бальзам — возможно, лучший во всей стране.

— Бальзам. А что он, собственно, собой представляет? — спросил Бронсон.

— О, он может быть самого разного вида: от цветка до дерева. Но в Иудее бальзамом называли большой кустарник. Из него добывали смолу с приятным сладковатым запахом, которая в Древнем мире использовалась для множества целей: от лекарственных до парфюмерных. Кроме того, в здешних местах на-

¹ Монета Иудея Капта (Иудея Покоренная) (A Judea Capta coin), отчеканенная в Риме в 71 г. н.э., является одной из серии монет, выпущенных в честь победы римского императора Веспасиана над Иудеей. На аверсе изображен профиль Веспасиана, окруженный латинской надписью IMP[erator] CAESAR VESPASIANUS AUG[USTUS]. На реверсе — побежденная Иудея в виде женщины со связанными за спиной руками, сидящей около пальмы, под которой идет надпись IUDAEA.

ходились крупные запасы природного битума. Одно из названий Мертвого моря в древности было *Lacus Asphaltites*, то есть Битумное, или Асфальтовое, озеро. Согласись, довольно странное название для водоема, но в данном случае причина его возникновения проста: из воды Мертвого моря можно было извлечь большие куски битума или, иначе говоря, асфальта.

— Постой, ты имеешь в виду битум и асфальт, который применяют для покрытия дорог? Такое черное вязкое, клеящее вещество? Господи, для чего же оно было нужно две тысячи лет назад?

— Ну, это было жизненно необходимое вещество для нации мореходов — им смолили днища судов, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Но что касается битума, добывавшегося из Мертвого моря, его основными покупателями были египтяне, а они использовали его для самых разных целей.

— А именно?

— Одной из важных операций в процессе бальзамирования, — объяснила Анджела, — было заполнение черепа расплавленным битумом и ароматическими смолами. Если принять во внимание, что около 300 года до нашей эры население Египта приближалось к семи миллионам, можно представить, сколько требовалось битума для бальзамирования, так что товар это был очень выгодный. Уж поверь мне на слово, это был очень важный район Иудеи.

Бронсон снова окинул взглядом кажущийся инопланетным окружающий ландшафт. В рассказ Анджелы верилось с трудом. На его обывательский взгляд, Кумран представлял собой не более чем беспорядочную грудку камней, лишь некоторые из которых, похоже, образовывали стены поселения. Он подумал о богатой на события истории этих мест, об ужасных лишениях, которые должны были испытывать ессеи, пытавшиеся бороться с нестерпимой жарой, нехваткой свежей воды и вынужденные каждодневно выживать в этом одном из самых, на взгляд

Бронсона, враждебных человеку уголков земного шара. Несмотря на ослепительно сверкающее в небе солнце, Кумран и вся окружающая местность казались Бронсону зловещими, возможно, даже опасными, но объяснить причину этого ощущения он бы не смог. И, хотя температура стояла как в печке, его пробрала легкая дрожь.

— Пожалуй, я созрел для того, чтобы покинуть сии места и вернуться к удобствам цивилизации, — сообщил он Анджеле.

Она нахмурилась и взяла Бронсона за руку.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Мне тоже это место чертовски не нравится. Но мне бы еще хотелось хоть одним глазком — раз уж мы приехали сюда — осмотреть парочку пещер. Если ты, конечно, не возражаешь.

— Это действительно необходимо?

— Послушай, Крис, можешь, если хочешь, вернуться в машину, включить кондиционер и посидеть в прохладе, но лично я остаюсь. Я читала о пещерах и Свитках Мертвого моря, много работала с находками из этих мест, но вот самой оказаться среди руин древнего иудейского поселения мне удалось впервые. Мы уже проделали такой долгий путь, и теперь я мечтаю заглянуть в одну-другую пещеру, просто чтобы посмотреть, на что они похожи. Я ненадолго, обещаю тебе.

Бронсон тяжело вздохнул.

— А я уже и забыл, какой непреклонной ты можешь быть, — произнес он, улыбаясь. — Я иду с тобой. Приятно будет убратъся с этого солнца, пусть даже на несколько минут и в пещеру.

53

Якуб поднес к уху мобильник и выслушал быстрый доклад Хассана, который тайком следил за Бронсоном и Анджелой, отправившимися на место древне-

го поселения. Хотя он был и привычен к высоким температурам в Марокко, все же здесь жара начинала казаться совершенно невыносимой, несмотря даже на то, что Якуб надел самые легкие штаны и рубашку, какие только сумел найти. Предпочтительнее, конечно, была бы джеллаба и куфия, но такая одежда вышла бы в нем араба, а Якуб, находясь в Израиле, хотел этого всячески избежать, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

— Они ведут себя совершенно как обычные туристы, — докладывал Хассан. — Походили вокруг руин, а сейчас, похоже, собираются отчаливать.

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина, затем подручный Якуба вновь заговорил:

— Нет, они не собираются возвращаться к машине. Кажется, они направляются наверх, к пещерам.

— Отлично, — бросил Якуб. — На моей дощечке было упоминание о Кумране, и, вполне вероятно, они считают, что артефакты спрятаны где-то здесь. Отправляйся за ними следом, постарайся подобраться как можно ближе, чтобы подслушать их разговор. Если они войдут внутрь пещеры, иди за ними, если только она не окажется реально маленькой. Изобрази простого туриста. Лица твоего они не знают, так что опасности никакой.

— А если они найдут реликвии?

— Это же ясно, — холодно произнес Якуб. — Ты их убьешь, а потом позвонишь мне.

— Она не особенно глубокая, — заметил Бронсон. Они остановились, сделав несколько осторожных шагов, в самом начале одной из пещер возле кумранского плато. — Больше похоже на расщелину в скале, чем на пещеру.

Проход внутрь был около трех футов в ширину и примерно пять в высоту. Сама же пещера уходила в глубь скалы всего лишь на полтора десятка футов и оказалась совершенно пуста.

— Верно, — согласилась Анджела, — но здесь есть и другие пещеры, которые намного больше, чем эта. Давай заглянем еще в одну, а потом уже пойдем к машине.

— Лады, — кивнул Бронсон и развернулся к выходу.

Когда они выбрались наружу, он осмотрелся по сторонам и указал рукой на значительно бóльших размеров овальное отверстие в скале, расположенное примерно ярдах в восьмидесяти выше по склону.

— Может, проверим эту? — спросил он.

Анджела оценивающе посмотрела на вход в пещеру и кивнула. На этой невыносимо гнетущей жаре они оба старались говорить по возможности меньше.

Они стали аккуратно и не торопясь подниматься по склону. Бронсон оглянулся. Вслед за ними на некотором расстоянии двигался мужчина — очевидно, он тоже направлялся в одну из пещер. Надо отметить, что за время, проведенное среди древних руин, Бронсон и Анджела встретили и в самом Кумране, и в окружающих холмах множество людей. В поднимающемся в гору одиноком туристе не было ничего необычного, что выделяло бы его из общей массы бродящего кругом народа, однако что-то в нем вызвало у Бронсона беспокойство.

Когда они выбрались из первой, маленькой пещеры, мужчина двигался прямо в их сторону или, возможно, в направлении пещеры; теперь же он, похоже, передумал и зашагал к той самой пещере, которую наметили для посещения Бронсон и Анджела. Либо же он хотел помешать им. Так или иначе, Бронсон решил приглядывать за неизвестным.

Анджела первой достигла входа в пещеру и, не задерживаясь, шагнула внутрь. Бронсон помедлил несколько секунд, бросил последний взгляд на склон холма и последовал за ней. Мужчина находился на расстоянии пятидесяти футов и двигался в их сторону

легким, упругим шагом; во всем его облике и поведении не было ничего подозрительного.

Бронсон жестами показал Анджеле, чтобы она не шумела, а сам тихонько вернулся к входу и, стараясь держаться в тени, выглянул наружу. Незвестный остановился футах в тридцати от пещеры, и Бронсон успел заметить, как он прячет в карман рубашки мобильный телефон.

— Вот дерьмо, — тихонько выругался Бронсон, увидев, что мужчина вытащил из-за пояса полуавтоматический пистолет, выщелкнул магазин, проверил его и, поставив на место, взвел курок. — К нам сюда идет какой-то тип, и у него пистолет.

— Полицейский? — с надеждой спросила Анджела.

— Черта с два, — буркнул Бронсон. — Полицейские с таким оружием не ходят.

Он быстро осмотрел внутренности пещеры. По обе стороны от входа толщу скалы прорезали короткие боковые проходы, частично заваленные обвалившимися камнями. Конечно, укывшись в них, они могут оказаться в смертельной ловушке, но только в том случае, если неизвестный с пистолетом догадается, что там кто-то есть.

— Быстро беги в тот проход, — Бронсон указал направо, — и прячься за камнями.

— А где будешь ты?

— Я пройду дальше в пещеру. Пошумлю там немножко, чтобы попробовать привлечь его внимание. Как только он пройдет мимо тебя, вылезай отсюда и возвращайся к машине.

— Крис, нет. — В ее голосе прозвучал неприкрытый страх. — Я тебя здесь не оставляю.

— Прощу тебя, Анджела, делай, как я говорю. Мне будет спокойнее, зная, что ты находишься в безопасности подальше отсюда. Я присоединюсь к тебе как можно быстрее.

Бронсон повернулся и почти бегом направился в глубь темной и затхлой пещеры. У него не было

оружия, но зато имелся при себе фонарь, который он сообразил купить на случай, если все же придется лезть в пещеры. Он включил его и похвалил себя за сообразительность. Позади он услышал быстрые, легкие шаги Анджелы и, оглянувшись, успел увидеть, как она исчезает в боковом туннеле.

И в это самое мгновение овальное пятно света — вход в пещеру — частично заслонила человеческая фигура.

54

Бронсон продвинулся еще дальше в темноту.

Пещера, похоже, простиралась в глубь склона холма футов на тридцать-сорок. Как только он начал удаляться от входа, стены стали резко сужаться. Каменный пол был неровный, весь в каких-то ямах, тут и там попадались валяющиеся камни, а также песчаные участки. Стены пещеры все потрескались; казалось, они вот-вот могут и вовсе обрушиться. Часто по пути встречались короткие, всего в несколько футов длиной, боковые ответвления, заканчивающиеся тупиками. И было жарко. Очень жарко. Неподвижный воздух от разлитого в нем жара казался тягучим.

Бронсон посмотрел назад. Незвестный, похоже, остановился у самого входа в пещеру и сейчас, видимо, ждал, когда глаза после ослепительного солнца привыкнут к темноте. Но вот он повернулся и сделал несколько шагов в направлении бокового коридора, того самого, в котором схоронилась Анджела. Бронсон быстро поддал ногой несколько небольших камушков, так что они с шумом покатались по каменному полу, и снова включил фонарь.

— Как интересно! — воскликнул он нарочито громким голосом и направил луч света в глубь пещеры. — Давай-ка мы посмотрим, что это такое.

Неизвестный явно заинтересовался, когда услышал голос Бронсона, а также увидел свет фонаря. Он

остановился, потом повернулся и бесшумно прошел несколько шагов в глубь пещеры.

Бронсон увидел, как мужчина достает пистолет — он безошибочно это определил, увидев злоеющее продолжение руки у тени на стене. Хорошо было то, что неизвестный ушел от того места, где пряталась Анджела, но с другой стороны — теперь он двигался прямо на Бронсона. Последний четко понимал, что, углубляясь в пещеру, становится ограничен в свободе действий и маневра из-за неуклонно сужающихся стен, однако сделал еще пару шагов навстречу непроглядной и готовой поглотить человека тьме.

Он направил луч фонаря к дальней стене пещеры, пытаясь отыскать какие-нибудь свежие идеи и одновременно место, где можно было бы укрыться, или же способ отвлечь преследователя. Потенциальных укрытий, впрочем, здесь было немного, и ни одно из них не привлекло Бронсона.

— Знаешь, это, наверное, оно и есть, — громко произнес он, продолжая делать вид, что Анджела находится рядом. — Встань здесь и держи фонарь ровно.

Бронсон аккуратно положил фонарик. Свет его падал на сложенную у одной из стен грудку камней, которая очень напоминала рукотворную пирамиду.

Затем он прошел перед фонарем, прикрыв рукой глаза, чтобы не ослепнуть от яркого света и не потерять способности ориентироваться в темноте. Огромная тень заскользила по задней стене пещеры, и он изо всех сил пожелал, чтобы непрошенный гость купился на уловку и поверил, будто Бронсон ищет что-то в темноте на пределе видимости света фонаря.

Однако на самом деле Крис поступил совершенно иначе. Едва оказавшись за пределами освещенной зоны, он пригнулся и повернулся назад, к выходу из пещеры. Вжался в каменную стену и следил за приближающимся вооруженным незнакомцем, который теперь находился от него футах в пятнадцати-двадцати.

Внимание его, казалось, было полностью сосредоточено на луче света, который все так же выхватывал из темноты кучу камней в форме пирамиды. Двигался он очень медленно и осторожно, держась середины прохода, и явно прилагал все усилия, чтобы не издавать ни малейшего шума.

Бронсону крайне необходимо было, чтобы мужчина не озирался по сторонам и по-прежнему смотрел только вперед, в дальний конец пещеры. Он подобрал парочку небольших голышей и аккуратно бросил их через плечо — трюк столь же древний, сколь и эффективный. Камни глухо ударились о пол где-то рядом с неподвижно лежащим фонарем.

Мужчина продолжал медленно приближаться, и вот Бронсон уже смог отчетливо разглядеть, что в правой руке он держит пистолет и готов в любой момент открыть огонь.

Но в этот момент с противоположной стороны, от входа, послышался скрежет и стук падающих камней — это Анджела выбиралась из своего укрытия, чтобы вернуться к машине.

Неизвестный резко развернулся, поднял пистолет и потянул спусковой крючок.

В замкнутом пространстве звук выстрела прогремел подобно грому, но у Бронсона ни секунды лишней не было, чтобы проверить, не попал ли бандит в Анджелу — он уже сорвался с места в атаку.

Крис начал движение в тот же самый миг, когда раздался выстрел. Оттолкнувшись от стены, вихрем пролетел разделявшее их расстояние и врезал противнику плечом в живот. От неожиданности нападения и жуткой боли бандит едва не задохнулся и, хватая ртом воздух, рухнул оземь. Пистолет вылетел у него из руки и со звоном ударился где-то в темноте о каменный пол.

Не давая противнику опомниться, Бронсон кинулся на него. Когда они, сцепившись, покатились по усеянному камнями разных размеров полу, Крис ос-

вободил правую руку и погрузил кулак в солнечное сплетение, вышибая из легких бандита последние остатки воздуха, а следом нанес жестокий удар коленом в пах. Вероятно, это была не лучшая идея, поскольку он задел коленной чашечкой о камень, и правую ногу пронзила острая боль.

Мужчина напрягся, руки его начали беспорядочно шарить между ног Бронсона, и тот понял, что по крайней мере на несколько секунд вывел врага из строя.

Бронсон с трудом поднялся и посмотрел на скорчившегося у его ног стонущего от боли человека. Пистолет. Он должен подобрать оружие, должен завладеть преимуществом. Крис это хорошо понимал, но он нигде не видел чертова пистолета. Тогда он метнулся в глубь пещеры, схватил фонарь и уже не так быстро вернулся к по-прежнему извивающемуся на полу бандиту. Посветил вокруг — не заблестит ли оружие металлом. Ничего. Но вот что-то тускло сверкнуло, и заинтересованный Бронсон подошел поближе.

Это действительно оказался пистолет, вот только упал он между двумя большими камнями в практически вертикальную щель, чуть более широкую, чем само оружие, и Бронсон, как ни пытался, не смог даже дотянуться до него кончиками пальцев. Чтобы вытащить его, потребуется либо сдвинуть один из булыжников (а для этого у него может не хватить силенок), либо отыскать что-нибудь вроде палки и использовать ее в качестве рычага. А времени ни на то, ни на другое у Бронсона не было. Бандит оказался живучим, и вот он уже встал на колени.

Когда же он поднялся на ноги, Бронсон нанес удар кулаком в челюсть, но промазал, поскольку противник успел отклониться. Мгновение спустя он услышал зловещий щелчок и увидел, как в темноте сверкнула сталь — бандит раскрыл нож. Бронсон резво отскочил назад, когда тот попытался пырнуть его

ножом в живот, и, в свою очередь, замахнулся единственным оружием, которое у него было, — фонарем.

Утром в магазине был большой выбор самых разных фонарей, однако Бронсон всегда считал, что надо, если есть такая возможность, покупать качественные товары. В итоге он выбрал мощный алюминиевый фонарь, работающий от трех больших батареек, и теперь был рад, что не пожалел на покупку лишних денег.

Импровизированное оружие с глухим стуком соприкоснулось с виском бандита, и тот беззвучно рухнул лицом вниз на каменный пол пещеры. Удивительно, но фонарь продолжал работать, хотя Бронсон нащупал на одном его конце внушительных размеров вмятину.

Он несколько секунд разглядывал неподвижное тело, потом наклонился и, взявшись за плечо лежащего, перевернул его на спину. Осветил на мгновение лицо бандита и медленно кивнул.

— Интересно, почему меня это не удивляет? — пробормотал он себе под нос.

Бронсон еще раз попытался извлечь пистолет из щели между камнями, но все было безуспешно, и он, плюнув, зашагал к выходу из пещеры.

Анджела, как выяснилось, не пошла к машине, а дожидалась ярдах в двадцати, притаившись за скальным выступом. В правой руке она сжимала камень размером с мяч для игры в крикет.

— Слава богу, — вздохнула она и поднялась на встречу Бронсону. — Ты в порядке?

Он несильно сжал плечо Анджелы, а другой рукой нежно провел по щеке, на которой красовалась полоска грязи.

— Все хорошо. А тебя не зацепило выстрелом?

Анджела замотала головой:

— Я думала, он в тебя стреляет. Что там у вас произошло?

Бронсон ухмыльнулся:

— Мы немного не сошлись во взглядах, но, к счастью, мне удалось приготовить ему сюрприз.

— Он... мертв?

— Нет, просто прилег отдохнуть. Мне очень повезло, что у меня был с собой фонарь.

Анджела наконец разжала руку, камень выпал и покатился вниз по склону.

— И что ты собиралась с ним делать, радость моя? — глядя вслед камню, спросил Бронсон.

— Понятия не имею. Но я не собиралась просто так оставлять тебя там.

— Спасибо, — сказал Бронсон и вдруг почувствовал себя безмерно счастливым. — А теперь идем. То, что мне пришлось столкнуться только с одним бандитом, вовсе не значит, что поблизости не может оказаться и других. Нам нужно поспешить.

55

— Ну что, мы продолжаем поиски? — спросил Бронсон, когда они выбрались на ведущее в Тель-Авив шоссе.

Едва ли не бегом они спустились по склону холма на автостоянку, и теперь Бронсон гнал машину с максимальной скоростью, какую позволяли развить местные дороги. Приходилось допускать, что за ними следили от самого тель-авивского отеля до Кумрана, потому Бронсон планировал как можно быстрее вернуться в город и поискать другую гостиницу.

— Продолжаем, — живо ответила Анджела. — Если на то пошло, я теперь еще сильнее хочу отыскать Серебряный Свиток и Завет Моисеев, раз, похоже, не мы одни за ними охотимся. Я ведь права?

Бронсон молча кивнул, не отрывая взгляд от дороги.

— Но вот чего я не понимаю, — продолжила Анджела, — так это, кто еще, помимо нас, ищет эти реликвии?

— Не знаю. Но когда там, в пещере, я увидел лицо человека, который за нами следил, я понял, что оно

мне знакомо. У меня хорошая память на лица, и я уверен: он был в числе людей, которые попали на фотографии Маргарет О'Коннор с *сука* в Рабате. А это значит, что он из марокканской банды. Я думаю, ему приказали проследить за нами и попытаться отобрать глиняную дощечку, ту, что, по мнению Якуба, должна быть у нас.

— Тебе нужно было его убить. И забрать оружие.

Бронсон отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, убивать его было нельзя. Могли бы возникнуть серьезные проблемы. А так я ему всего лишь пробил башку, и, вероятнее всего, он не станет обращаться в полицию. Такой вариант меня абсолютно устраивает. Вот пистолет его я бы забрал, но он, зараза, провалился в щель между камнями, и я не смог его вытащить. — Он помолчал и взглянул на Анджелу. — Если мы решим продолжить поиски, это может оказаться весьма опасно для нас обоих. Ты к этому готова?

— Да, — твердо ответила Анджела. — Мы должны найти Свиток.

Ранним вечером Бронсон и Анджела обедали в номере Анджелы в маленьком отеле, куда они поспешно перебрались после возвращения из Кумрана. Бронсон выбрал гостиницу подальше от центра Тель-Авива. Он надеялся, что здесь их будет сложнее выследить, и, кроме того, здесь ему самому несколько легче будет обнаружить слежку. После того как они покончили с обедом, оставалось еще больше часа до назначенной встречи с Йосефом Бен Халеви, и Бронсон с Анджелой решили использовать это время, чтобы еще раз поработать с переведенным текстом.

Анджела подключила ноутбук к Интернету, зашла на найденную ранее страничку с арамейско-английским словарем и начала вводить в окно перевода все слова из надписи, какие им удалось разобрать, — в том числе и с дощечки, хранящейся в парижском

музее, — чтобы проверить, не допустили ли они где ошибку. Параллельно Бронсон перепроверял те же самые слова в бумажном словаре.

Примерно через полчаса она откинулась на спинку стула и сказала:

— Возможных изменений, кажется, совсем немного, и, насколько я могу судить, ни одно из них не принципиально. Так, в первой строчке мы перевели слово как «поселение», но оно также может означать «деревня» или «группа жилых строений», что то же самое. Потом, во второй строчке слово «забрали» можно перевести и как «взяли» или «унесли». В четвертой строке онлайн-переводчик предлагает читать не «пещера», а «полость», и наконец, в пятой предпочтительнее будет вариант «колодец» вместо «резервуар». Как ты видишь, все это почти те же самые слова, синонимы с близким значением — вопрос исключительно в толковании.

Бронсон достал из мини-бара две маленькие бутылочки с джином, разлил по стаканам, добавил тоника и протянул одну порцию Анджеle.

— А со словами, которые тебе пока перевести не удалось, ничего не вышло? — спросил он.

— Кое-что получилось. Например, я готова биться об заклад, что вот это слово читается как «Элеазар». Это часть полного имени Элеазар бен Яир. И я наконец расшифровала еще одно непонятное прежде слово.

Анджела показала на слово «Геди». Его она вписала на остававшееся прежде незаполненным место на четвертой строке перевода надписи с дощечки О'Конноров.

— И как это у тебя получилось?

— Поскольку я не смогла найти это слово ни в одном словаре, — объяснила Анджела, — я подумала, а не может ли оно быть именем собственным, так же как Элеазар. И я начала искать среди арамейских имен, фамилий и географических названий и в итоге нашла.

— Джедай? — по-своему прочитал слово Бронсон, вспомнив известную космическую сагу Джорджа Лукаса.

— Что-то вроде. Правда, мне неизвестно ни одно место с таким названием поблизости от Кумрана, которое могло бы иметь отношение к нашей истории. Надеюсь, что Йосеф сможет предложить какую-нибудь версию.

— А слово, которое идет следом? С ним что-то вышло?

Анджела медленно кивнула.

— Да. Оно переводится как «Моше». Это арамейский вариант имени Моисей. Теперь у нас получается следующее: «дощечки из нашего Храма в Иерусалиме Моисею великому». Если немного пофантазировать, то можно, заполнив пропуски, получить такую первоначальную фразу: «дощечки из нашего Храма в Иерусалиме и принадлежавшие Моисею, великому вождю» или, возможно, «великому пророку». Что-то в таком роде.

Немного помолчав, Анджела пристально посмотрела на Бронсона и добавила:

— И теперь совершенно очевидно, что Якуб был прав: «дощечки из храма» почти наверняка являются Заветом Моисеевым, каменными скрижалями, которые Моисей получил от Бога на горе Синай. Это тот самый изначальный Завет, который Бог заключил с людьми.

Бронсон недоверчиво помотал головой.

— Ты же не можешь говорить серьезно.

— Не могу, — признала Анджела. — Но вот автор надписи, безусловно, в это верил.

— Десять заповедей.

— Нет. Хотя все думают, что заповедей было десять, на самом деле это не так. Все зависит от того, какую главу Библии ты читаешь. Пожалуй, лучше всего они перечислены в 20-й главе Исхода и 5-й главе Второзакония. И в обоих случаях сообщается, что

Моисей спустился с горы Синай с четырнадцатью заповедями.

— «Четырнадцать заповедей» звучит уже не так интересно. Как ты считаешь? — спросил Бронсон.

— Да, действительно, — с улыбкой согласилась Анджела. — Но если внимательно прочитать всю Книгу Исхода, можно обнаружить более *шестисот* заповедей, включая и такие перлы, как «Ворожеи не оставляй в живых» или «Пришельца не притесняй и не угнетай его».

— А в какое время жил Моисей, если допустить, что он реально существовавший исторический персонаж?

— Ну, как обычно в таких случаях, ответ зависит от того, какими источниками пользоваться. Согласно Талмуду, Моисей родился около 1400 года до нашей эры у еврейки по имени Йохевед. Когда правивший в то время в Египте фараон приказал убивать всех новорожденных еврейских младенцев мужского пола, мать положила ребенка в корзину из тростника и пустила плыть по Нилу. Из реки его выловили члены семьи фараона, сжалились над младенцем и усыновили его. Так гласит всем нам знакомая история. Причем она практически в точности повторяет историю царя Саргона, правившего Аккадом в двадцать четвертом столетии до нашей эры. Только плыл младенец Саргон по Евфрату.

Вообще, жизнь Моисея окружает множество легенд и мифов, известных в разных интерпретациях, но для большинства христиан и иудеев он является тем самым человеком, который освободил сынов Израилевых из египетского плена и привел их в Землю обетованную, то есть в нынешний Израиль. Что весьма интересно, это то, как часто встречается упоминание о Моисее в ключевых книгах различных мировых религий. Скажем, в иудаизме он появляется в огромном числе апокрифических историй, равно как в Мишне и Талмуде. В христианской Библии Моисей

встречается и в Ветхом, и в Новом Завете. Множество раз он упоминается и в Коране. Мормоны включили Книгу Моисея (предполагается, что она была написана самим древним пророком) в число своих священных писаний. Или вот менее серьезный пример. Основатель сайентологии Рон Хаббард утверждал, что Моисею принадлежал пистолет-дезинтегратор, который помог изгнать вторгшихся в Египет пришельцев.

Бронсон озадаченно помотал головой:

— Я чего-то не понимаю. Так, по-твоему, Моисей существовал или нет? И если его на самом деле не было, то как тогда может существовать его Завет?

— Никто толком не знает, жил ли в самом деле Моисей как человек из плоти и крови, — ответила Анджела. — Однако оспорить исторический факт существования Завета будет довольно трудно, просто потому, что существует слишком много относящихся к тому времени упоминаний о Ковчеге — позолоченном ларце, в котором хранился Завет. Для евреев Ковчег имел особое значение, они носили в нем что-то, имеющее огромную важность для их религии.

Анджела глянула на часы и встала.

— Нам пора идти на встречу с Йосефом. — Она помолчала и добавила: — Послушай, Крис, мы не говорим ни слова о глиняных табличках и тем более о Завете Моисея. Вообще, давай говорить в основном буду я.

56

Отель, в который они переехали, располагался в районе Намаль Тель-Авив, в северной части города рядом с портом, в лабиринте улочек с односторонним движением. В то же время совсем недалеко проходила Роках-авеню, по которой, как надеялся Бронсон, они в случае острой необходимости смогут быстро убраться из города. С Йосефом Бен Халеви Анджела договорилась о встрече в баре рядом с улицей Жаботин-

ского¹, неподалеку от Парка Независимости и пляжа «Хилтон».

Стоял довольно прохладный вечер. Идти до места встречи было недалеко, но Бронсон решил отправиться кружным путем — просто чтобы успокоиться и убедиться, что за ними никто не следит. Так что, вместо того чтобы идти прямо по улице Хайярк или Бен Иегуда, Бронсон и Анджела двинулись по пешеходной улице Хавакук мимо пляжа «Шератон», а потом срезали путь прямо через отель «Хилтон».

Вечерний Тель-Авив гудел. Элегантно одетые парочки прогуливались по берегу темно-синего Средиземного моря, а вдаль солнце закатывалось за горизонт, образуя на темнеющем небе сложную палитру красок: красный, синий и желтый цвета смешались в хаотическом беспорядке. Но стоило Бронсону и Анджеле углубиться в путаницу узеньких улочек к востоку от Парка Независимости, большинство из которых были названы в честь крупных городов, таких как Базель, Франкфурт, Прага, как окружающая картина изменилась. Отели уступили место выкрашенным в белый цвет невысоким, четырех- и пятиэтажным многоквартирным домам; стены их были увешаны кондиционерами, на первых этажах расположились многочисленные бары и магазинчики с затейливыми непонятными вывесками на иврите. Каждый свободный квадратный метр проезжей части был заставлен машинами; те водители, которые припозднились, вынуждены были с грустными лицами прокладывать дорогу своим автомобилям через нескончаемую толпу пешеходов в поисках незанятого места для парковки.

— Нам сюда. — Бронсон взял Анджелу под руку, и они перешли на противоположную сторону улицы к

¹ Владимир (Зеев) Жаботинский — поэт и писатель, фельетонист и журналист, один из вождей еврейского народа XX века, руководителей сионистского движения. Родился в Одессе. Улица, носящая имя Жаботинского, есть во всех городах Израиля.

бару. За всю дорогу никто не проявил ни малейшего интереса к их скромным персонам.

Бронсон почему-то был уверен, что Йосеф Бен Халеви окажется почтенным седовласым профессором, сутулящимся при ходьбе и, вероятно, давно разменявшим седьмой десяток. Однако, когда они с Анджелой вошли в небольшой тихий и уютный бар, на встречу им поднялся человек, не имеющий ничего общего с нарисованным в воображении Бронсона портретом. Бен Халеви оказалось около тридцати, он был высок, строен и красив, с копной роскошных курчавых черных волос; всем своим обликом он напоминал типичного байронического героя.

— Анджела. — Он радостно улыбнулся и обнажил безупречные белые зубы, которые прямо сверкали на фоне загорелого лица.

Бронсон моментально его возненавидел.

— Привет, Йосеф, — воскликнула Анджела, подставляя поочередно обе щеки для поцелуя. — Это Крис Бронсон, мой бывший муж. Крис, познакомься, это Йосеф Бен Халеви.

Они сели за столик, и Бен Халеви повернулся к Анджеле.

— Ты так загадочно выражалась по телефону, — сказал он. — Что ты все же делаешь в Израиле и как я могу тебе помочь?

— Все довольно сложно... — начала Анджела.

— А кто говорил, что будет легко? — прервал ее израильтянин и подарил еще одну ослепительную улыбку.

— Мы здесь на отдыхе, но меня попросили заодно провести изыскания касательно некоторых аспектов еврейской истории первого века нашей эры. Все дело в старинных надписях, которые обнаружили в Лондоне.

— Стало быть, отпуск, совмещенный с работой, так? — посмотрев на Бронсона, предположил Бен Халеви.

— Совершенно верно. Меня интересуют события, которые происходили в окрестностях Кумрана ближе к концу первого века нашей эры.

Йосеф Бен Халеви понимающе кивнул:

— Ессеи и сикарии. Я угадал? Ну и в придачу к ним, вероятно, римские легионы, а также императоры Нерон, Веспасиан и Тит.

Бронсон вынужден был про себя признать, что израильтянин хорошо разбирается в интересующем их предмете. Также он мысленно похвалил Анджелу, что она выбрала для встречи такое спокойное местечко. В баре сидели всего несколько человек, так что они могли свободно беседовать за своим угловым столиком, не опасаясь, что кто-нибудь подслушает их разговор.

Анджела кивнула:

— И кое-что поставило меня в тупик. Вот, например, слово «Геди». Похоже, это имя собственное или же часть такового. Тебе оно ничего не говорит?

— Говорит. Многое, как ты понимаешь, зависит от контекста, но наиболее очевидный вариант, что это часть названия Эйн-Геди. Если так, то ниточка, возможно, ведет к сикариям. А где ты наткнулась на это слово?

— Ну, оно встретилось в обнаруженной нами надписи, — спокойно объяснила Анджела.

— Значит, Эйн-Геди. Это очень плодородный оазис, лежащий к западу от Мертвого моря, которое в древности называли Асфальтовым озером. Он находится недалеко и от Кумрана, и от Масады.

— Всего лишь оазис? — спросил Бронсон. — Как-то не впечатляет.

— Это не только оазис, — объяснил Бен Халеви. — Название множество раз упоминается в Библии, в особенности в Паралипоменоне, Книге пророка Иезекииля и Книге пророка Исайи. Возможно, что мы встречаемся с ним и в Песни Соломона: в ней в одной строфе есть слово «Энгадди», и наиболее вероят-

но, что оно означает Эйн-Геди. И царь Давид якобы спрятался там от преследования Саула. В общем, на протяжении весьма длительного периода еврейской истории это было действительно важное место.

— А сикарии?

— Я как раз подходил к этому вопросу. Согласно рассказу Иосифа, — надеюсь, вы слышали о нем¹ — в то время как римляне продолжали безуспешно осаждать Масаду, большой по численности отряд сикариев сумел выбраться из крепости и предпринял набег на еврейское поселение в Эйн-Геди. В ходе его было убито более семи сотен человек. Нужно не забывать, что в тот исторический период стычки между евреями были самым обычным делом.

Об обитателях Эйн-Геди того времени известно немного. Но наверняка можно сказать, что поселение было весьма процветающим, коль скоро оно могло прокормить такое количество народу. Предположительно, сикарии совершили вылазку в поисках оружия, пищи или тому подобного, что помогло бы им продолжать сдерживать окружившие крепость римские легионы. Однако, — закончил рассказ Бен Халеви, — это все равно не принесло им особой пользы, поскольку цитадель пала вскоре после этих событий, а все сикарии погибли.

— Спасибо, Йосеф, это очень интересно, — сказала Анджела, взяв себе на заметку его рассказ. Потом резко сменила тему. — Нас также интересует подоплека истории о Завете Моисеевом. Ты бы не мог просветить Криса еще и в этом вопросе?

— Завет Моисеев? — повторил Бен Халеви и пристально уставился на Анжелу. Слишком пристально, по мнению Бронсона. — Хорошо. Итак, согласно вашей Библии (конечно, я говорю о Ветхом Завете), одним из самых почитаемых священных предметов,

¹ Имеется в виду известный иудейский историк Иосиф Флавий (ок. 37—ок. 100), автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

которым обладали евреи, был Ковчег Завета. На протяжении долгих лет он попеременно хранился в различных потайных местах на территории Иудеи, в том числе в Шилохе и Шехеме. Когда царь Давид захватил Иерусалим, он решил построить в городе сооружение для постоянного хранения этой реликвии. Наиболее подходящим местом ему показалась Храмовая гора в старой части города.

Соломон, второй сын Давида, унаследовал трон отца в 961 году до нашей эры. Он продолжил дело, начатое Давидом, и в 957 году завершил строительство храма. Для Ковчега Завета в храме было отведено специальное помещение, которое называлось *двир*, или Святая Святых. Однако храм служил не только «домом» для Ковчега, в него также приходили помолиться простые люди. Как гласит легенда, хотя само здание храма имело весьма скромные размеры, двор его был достаточно обширным, чтобы вместить большое число верующих. По всей видимости, первоначально храм был построен из кедра и изнутри богато украшен золотом. Он получил известность под названием Храма Соломона, а позднее — как Первый Храм. Он просуществовал 370 лет, пока захвативший Иерусалим царь халдейский Навуходоносор не сровнял город с землей и не разрушил храм до основания. Где-то в то время Ковчег Завета исчезает из всех исторических упоминаний.

— А из чего был сделан Ковчег? — спросил Бронсон. — Надо полагать, из золота?

Бен Халеви покачал головой:

— Большинство источников действительно описывает его как золотой, но мы полагаем, что на самом деле он был сделан из акациевого дерева, а уже потом обшит листами золота. Судя по всему, Ковчег был богато украшен, имел отделанную крышку и кольца по бокам. В эти кольца продевались шесты, и таким образом Ковчег можно было переносить. Если данное описание соответствует действительности, тогда очень велика веро-

ятность, что дерево давно сгнило, и Ковчег как таковой к настоящему времени уже перестал существовать. Так что, возможно, никто его и не похищал.

Так или иначе, — продолжил Бен Халеви, — примерно полвека спустя начались работы по возведению так называемого Второго Храма. По всей видимости, по архитектуре он напоминал Храм Соломона, но был более скромных размеров. В 70 году нашей эры он также был разрушен — на этот раз римлянами. Как вам должно быть известно, с тех пор на Горе не было больше еврейского храма, и это является трагедией для многих евреев.

Бен Халеви жестом подозвал официанта, тот принес бутылку красного вина и наполнил опустевшие бокалы собеседников.

— Потому что у вас нет места, куда можно было бы прийти помолиться? — предположил Бронсон.

— Нет, дело не только в этом, — объяснил ученый, — хотя, безусловно, это тоже важный момент. Но чтобы в полной мере понять, почему отсутствие храма имеет такое значение, необходимо углубиться в ваш Новый Завет, если точнее, то в Откровение Иоанна Богослова. Смее надеяться, вы знакомы с этой книгой? — спросил он, и вновь тень улыбки скользнула по его губам.

Бронсон отрицательно покачал головой.

— Ай-ай-ай, стыдно, — с безразличием в голосе молвил Бен Халеви. — Но я вам объясню. Предположительно, эта книга Нового Завета была написана человеком, известным как Иоанн из Патмоса. Возможно, это тот же человек, что и апостол Иоанн, поскольку считается, что последний в конце первого столетия нашей эры был сослан на остров Патмос в Эгейском море. Пожалуй, это самая трудная для понимания книга в вашей Библии: она вся пронизана апокалиптическими настроениями, повествует о Втором пришествии и Конце света, поэтому ранние ее версии известны под названием «Апокалипсис Иоанна». Так

вот, дело все в том, что никому доподлинно не известно, действительно ли автором Откровения являлся апостол Иоанн, или то был совершенно другой человек. Точно так же никто не может сказать наверняка, был ли человек, написавший эту книгу, настоящим визионером, провидцем, который тщательно описывал все свои видения и картины, посланные ему самим Господом, или же то был просто безобидный сумасшедший, который повредился рассудком, прожив много лет в одиночестве на раскаленной скале посреди моря, где единственными его соседями были козы.

Беда в том, что многие люди принимают написанное в Откровении за непреложную истину и верят буквально каждому слову. Как и следовало ожидать, большинство этих фанатично верующих живет в Америке, то есть очень далеко от, так сказать, театра действий. Однако и здесь, в Израиле, довольно много таких, кто разделяет эту веру. И одна из основных идей, которые эти люди почерпнули из Откровения, заключается в том, что грядет Второе пришествие, день Апокалипсиса, когда Иисус вернется на землю, но на сей раз уже не как мессия, но как воин, и Его явление возвестит начало последней битвы между Добром и Злом. После этой битвы, в которой, естественно, одержат победу силы Добра, на земле воцарится всеобщий мир и начнется царствование Иисуса, которое продлится тысячу лет.

— А вы сами-то в это верите? — спросил, не скрывая своего скептического отношения, Бронсон.

— Я еврей, — ответил Бен Халеви. — Я просто напоминаю вам, о чем толкует *ваша* Библия. То, во что верю я, к делу не относится.

— И все-таки вы не ответили, — продолжал настаивать Бронсон.

— Ну, если вы спрашиваете, то нет, но очень многие верят, что это имеет огромное значение. Вы будете удивлены, если узнаете, сколько людей считают,

что конец света наступит практически в точности, как его предсказывает Откровение Иоанна Богослова.

— И все это имеет отношение к Третьему Храму? — предположила Анджела.

— Совершенно верно. Согласно одному из многочисленных толкований Откровения (причем далеко не все с ним согласны), Иисус вернется на землю только тогда, когда евреям будет принадлежать вся Святая земля. Ближе всего к этому мы были в 1967 году, когда наши солдаты захватили Иерусалим и впервые за почти две тысячи лет мы обрели контроль над Западной Стеной¹ и собственно Храмовой горой. Но практически сразу же Моше Даян вернул контроль над Горой мусульманам.

— Но зачем же он это сделал?

— Даян в то время был министром обороны, так что это было действительно его решение, и вполне возможно, это было *правильное* решение. На Храмовой горе уже были построены Купол Скалы и мечеть Аль-Акса — одни из самых почитаемых святынь в мире ислама. Если бы Израиль сохранил контроль над Горой, возникло бы мощное движение, выступающее за то, чтобы снести мусульманские постройки и возвести на их месте Третий Храм. И если бы такое произошло, мы бы почти наверняка оказались в состоянии войны со всем мусульманским миром, а выиграть эту войну нам, возможно, оказалось бы не под силу. В результате же решения Даяна воцарилось хрупкое подобие мира — и надежда, что когда-нибудь мир наступит окончательно.

Бен Халеви тяжело вздохнул, и Бронсон понял: он думает обо всех кровавых беспорядках последних лет, о непрекращающихся боях между палестинцами и израильтянами.

¹ Западная Стена (в европейской традиции Стена Плача) — часть (длиной 485 м) уцелевшей после разрушения Второго Храма подпорной стены вокруг Храмовой горы. Является объектом поклонения среди евреев.

Анджела слегка наклонилась к своему израильскому коллеге и посмотрела на него.

— Йосеф, еще один, последний вопрос. Что ты думаешь о Медном Свитке? По твоему мнению, это действительно список реально существовавших сокровищ или же просто чей-то розыгрыш?

Бен Халеви чуть заметно улыбнулся:

— На этот вопрос ответить довольно легко. Я думаю, большинство исследователей убеждены, что Медный Свиток представляет собой подлинный список реальных сокровищ. Высказывалось также предположение, что он создавался с целью сохранить сведения о потайных местах лишь на непродолжительной срок; то есть предметы эти должны были быть обнаружены буквально через несколько месяцев, максимум лет, после того как их спрятали. Но если принять такое объяснение, возникает вопрос: почему авторы текста не написали его на обычном папирусе? Зачем они затратили столько усилий и столько времени на изготовление документа, который явно предназначался, чтобы существовать целую вечность, если намеревались записать текст, актуальный всего лишь в течение нескольких лет?

Теперь, если Медный Свиток — подлинный список с указанием мест захоронения сокровищ, тогда выходит, что упоминаемый в нем другой документ, так называемый Серебряный Свиток, тоже реально существовал. И в этом случае аргументация в пользу того, что, дескать, захоронение предназначалось на короткий срок, не выдерживает никакой критики. Зачем было создавать Медный Свиток и еще один, возможно серебряный, свиток, чтобы записать на них такую недолговечную информацию? До сих пор никто не привел убедительных доводов, объясняющих это противоречие.

Единственное правдоподобное предположение, которое я слышал, заключается в том, что для расшиф-

ровки заложенного в них смысла два свитка необходимо читать совместно. Другими словами, Серебряный Свиток должен, несомненно, указывать в целом на район, в котором было спрятано нечто, а затем более подробная информация на Медном Свитке уже приведет непосредственно к месту. При таком раскладе было бы разумно спрятать два свитка порознь, и, как мы знаем, именно так и поступили их авторы — нигде в Кумране не обнаружено никаких следов Серебряного Свитка.

Бронсон и Анджела обменялись быстрыми взглядами. Бен Халеви фактически подтвердил те выводы, к которым они сами пришли на основе изучения надписи на глиняных дощечках.

— В некоторой степени, — закончил рассказ израильский ученый, — данная гипотеза подтверждается тем обстоятельством, что Медный Свиток фактически не был спрятан. Его просто оставили в пещере вместе со множеством других свитков. И в его тексте упоминается о Серебряном Свитке, который где-то хорошо запрятан. Но был ли вообще Серебряный Свиток? Не могу утверждать наверняка, но мы знаем, что Медный Свиток реально существует, и, в общем-то, научный мир склонен считать, что надпись на нем подлинная. Все это заставляет меня думать, что вполне может существовать и другой документ, второй свиток, где-то надежно спрятанный. К несчастью, мы даже приблизительно не представляем, где.

Бен Халеви посмотрел на часы, встал из-за стола и попрощался, пожав руку Бронсону и поцеловав Анджелу.

— Уже поздно, а мне завтра работать, — сообщил он и потом прибавил: — У меня создалось такое впечатление, что вы чего-то недоговариваете. Похоже, вы напали на след какого-то интересного, возможно даже, знаменательного открытия. Пожалуйста, держите со мной связь, и если вам что-нибудь понадобится, я приложу все усилия, чтобы помочь.

— Где они? — сдерживаясь, тихо спросил высокий человек с парализованным лицом.

— Они выписались из отеля.

— Мне это уже известно, Мусаб, — по-прежнему спокойным голосом произнес Якуб. — Я тебя спрашивал о другом. Где они сейчас?

Мусаб — один из троих бандитов, которых Якуб выбрал себе в качестве подручных для израильской миссии, — вынужден был отвернуться, будучи не в силах выдержать пронизывающий насквозь взгляд босса.

— Не знаю, Якуб, — признался он. — Я никак не думал, что они съедут из отеля, ведь они забронировали номера на неделю.

— И что ты предпринимаешь?

— Я поручил одному из наших людей проверить все отели в Тель-Авиве. Мы найдем их, Якуб. Я обещаю.

Некоторое время высокий молчал, не отрывая пристального перекошенного взгляда от своего подручного.

— Не сомневаюсь, что найдете, — произнес он наконец. — Меня беспокоит только один вопрос: когда? Сейчас мы не знаем, где они, следовательно, не можем знать, что они делают. Короче, можно считать, что мы их потеряли.

— Якуб, как только я что-то узнаю, немедленно тебе сообщу.

— А если они перебрались в Иерусалим? Или в Хайфу? Или в какое-то другое место в Израиле? Или вообще покинули страну и мотаются сейчас по Ближнему Востоку? Что тогда?

Смуглая кожа на лице Мусаба побледнела. Очевидно было, что подобного развития событий он не предполагал.

— Мусаб, я хочу, чтобы их нашли, причем хочу, чтобы это было сделано немедленно. А потом мы их

схватим — возможно, им уже удалось отыскать артефакты. Но даже если и не удалось, пора им рассказать все, что они знают. Тебе понятно?

Мусаб энергично затряс головой.

— Я прямо сейчас поручу своему человеку начать поиски в других местах.

Якуб тем временем повернулся ко второму подручному, стоящему возле двери номера.

— Пойди найди машину, — приказал он. — Проедемся по городу — возможно, нам удастся их обнаружить. Большинство отелей расположено в западной части, возле морского побережья.

— Хочешь, чтобы я тоже поехал? — спросил Хассан. Он лежал на кровати и прижимал набитый льдом пакет к здоровенной шишке на голове в том месте, куда пришелся удар тяжелым фонарем Бронсона.

— Нет, — бросил Якуб, — лежи где лежишь. — Он снова посмотрел на Мусаба. — Когда выследишь их, позвони мне на мобильник.

— Я разыщу их не позднее чем через час, обещаю.

— Ну, я надеюсь. Учти: от твоего успеха теперь зависит твоя жизнь. Но я буду великодушен и дам тебе не час, а полтора.

Когда Мусаб потянулся за телефоном, руки его тряслись.

58

— Мы можем извлечь из беседы какую-то пользу? — поинтересовался Бронсон.

Они вышли из бара, в котором встречались с Йосефом Бен Халеви, и теперь не торопясь возвращались по улочкам Тель-Авива в свой отель. Вечер стоял теплый, и город гудел; десятки людей сновали по тротуарам, двигаясь каждый по своим делам, или же стояли кучками возле значных мест и беседовали. Бронсон с мимолетным сожалением подумал, как было бы здорово оказаться в Израиле в настоящем отпуске и без-

заботно брести в отель под руку с Анджелой после романтического ужина. В реальности же он вынужден был постоянно поглядывать по сторонам: не преследуют ли их подозрительные личности, а все мысли и его, и Анджелы были заняты тем, откуда начать поиски двух почти что мифических реликвий, которые, как считалось, были утрачены для человечества на протяжении более чем двух тысячелетий.

— Безусловно. Теперь вся история начинает приобретать смысл, — сказала Анджела. — Видимо, когда сикарии совершили налет на Эйн-Геди, они нашли там не только провизию и оружие, но и что-то еще, о чем, собственно, и сообщает нам надпись. Не исключено, что в Эйн-Геди они захватили *все* бесценные реликвии, о которых говорится в текстах на глиняных дощечках. Есть относящиеся как раз к тому времени исторические свидетельства, согласно которым некие ценности вывезли из Иерусалима, чтобы укрыть их на время непрекращающейся войны с Римской империей. Как нам сказал Йосеф, Эйн-Геди в те годы являлся важным (возможно, даже наиболее важным) еврейским поселением вблизи Иерусалима, потому вполне возможно, что именно его выбрали в качестве места для укрытия сокровищ. Но вот вернуться в Храм (или откуда там они были доставлены) они не успели, и виной тому стали сикарии, разграбившие оазис и унесшие с собой все, что только смогли. И, согласно расшифрованной нами надписи с глиняных дощечек, в числе украденного совершенно однозначно были Медный и Серебряный Свиток, а также дощечки из храма в Иерусалиме.

— Стало быть, мы на правильном пути?

— Совершенно верно. И теперь нам остается только определиться, откуда начинать поиски.

Минуту-другую они продолжали путь молча. Анджела была погружена в раздумья, а Бронсон продолжал пристально осматриваться по сторонам в поисках возможной слежки — или и того хуже. Однако, сколь-

ко он ни напрягал зрение, все люди вокруг казались самыми обычными и не представляющими ни малейшей угрозы, так что Бронсон стал постепенно успокаиваться. Вероятно, сработала их хитрость с внезапным переездом в другой отель и тем самым им удалось сбить людей Якуба — а он был уверен, что узнал бандита, напавшего на них в Кумране, — со следа.

Но ощущение спокойствия длилось недолго: ровно до того момента, когда они вышли на Нордау-авеню, широкий бульвар, идущий в восточном направлении от северной окраины Парка Независимости.

Бронсон и Анджела вышли на среднюю часть улицы, обсаженную деревьями, и им пришлось остановиться на краю проезжей части, чтобы пропустить большой поток машин. Последним среди них оказалсядвигающийся с небольшой скоростью белый «Пежо». В неярком свете уличных фонарей внутри машины можно было едва различить фигуры водителя и пассажира на переднем сиденье.

Когда «Пежо» поравнялся с ними, Бронсон окинул безразличным взглядом водителя, смуглолицего, черноволосого мужчину, которого он точно никогда прежде не видел. Мгновением позже пассажир, что-то оживленно говоривший в трубку мобильного телефона, наклонился вперед, и Бронсон смог более или менее отчетливо разглядеть его лицо. В ту же секунду мужчина в «Пежо» повернул голову и пристально посмотрел на Бронсона; на кратчайший миг глаза их встретились, а потом машина начала удаляться.

— Господи, — отшатнувшись, с трудом вымолвил Бронсон и схватил Анджелу за руку. — Там был этот чертов Якуб!

— Боже мой, нет, — простонала Анджела. — Но он же мертв. Как такое возможно?

Они развернулись и бросились бежать, и в то же мгновение Бронсон услышал за спиной пронзительный визг покрышек — «Пежо» резко затормозил. Затем последовал взрыв криков и ругани на арабском, и

вот уже по тротуару застучали, приближаясь к ним, ботинки преследователей.

— погоди! — крикнула Анджела, когда они добежали до южной стороны Нордау-авеню.

— Что такое? — Бронсон быстро посмотрел на нее, потом оглянулся назад, откуда они прибежали. Преследователь — а Бронсон видел только одного человека и был уверен: это не Якуб — находился максимум в пятидесяти футах от них.

Анджела схватила бывшего супруга за руку, скинула с одной ноги туфлю на высоком каблуке, потом нагнулась и сорвала вторую.

В эту самую минуту прозвучал выстрел и пуля звучно впечаталась в стену дома всего в нескольких дюймах над их головами и, срикошетив, улетела в темноту. Эхо выстрела отразилось от окружающих бетонных стен, вливаясь в общую вечернюю какофонию звуков.

— Господи, — прошептал Бронсон.

— Бежим, — швыряя туфлю на тротуар, закричала Анджела.

А в сотне ярдов позади Якуб обежал машину и прыгнул на водительское сиденье. Захлопнув дверцу, он рывком включил первую передачу, надавил на газ и вырулил на дорогу. На первом перекрестке он повернул руль влево, и «Пежо», словно чертик из коробочки, вылетел на улицу прямо перед капотом движущегося автомобиля. Водитель последнего выразил свое негодование долгим раздраженным гудком в клаксон. Якуб не обратил на это ни малейшего внимания; он гнал машину по улице Дизенгоф и во все глаза выискивал следующий левый поворот, чтобы отрезать путь Бронсону и его бывшей жене.

Мусаб оказался верен своему слову. Его человек быстро обнаружил, в какой отель перебрались англичане, так что не прошло и часа, как Мусаб позвонил боссу и передал полученную информацию. Жизнь по-

рой подкидывает самые причудливые сценарии: Якуб как раз возвращался в отель и разговаривал по телефону с подручным, а когда случайно поднял голову, обнаружил, что та самая парочка, которую он так страстно желал найти, стоит на тротуаре буквально в нескольких метрах перед машиной.

Якуб не был знаком с этим районом, но он рассудил, что если три раза повернуть налево, то в итоге непременно окажется на пути убегающих. На первую улицу (улица Базель) свернуть не удалось — перед ней висел «кирпич» и вереница машин пыталась из нее выехать, — но дальше была широкая улица Жаботинского. Якуб выехал на нее и чуть сбавил скорость, потом снова повернул налево и углубился в лабиринт узких улочек, выходящих позади основных городских магистралей.

Он верил, что находится на верном пути.

Сразу же вслед за выстрелом окрестности огласились тревожными криками и воплями, и, когда Бронсон с Анджелой бросились бежать по улице Зангвилл, все пришло в движение: люди тоже бросились врассыпную, что-то истошно вопя на бегу. Смятение и паника мгновенно распространились по толпе, и Бронсон подумал, что это, возможно, сыграет им с Анджелой на руку. Одно дело преследовать двух бегущих, пусть и по оживленной улице, человек, и совсем другое — пытаться их догнать, когда все и каждый кругом что-то орут и куда-то мчатся.

Движение по улице Зангвилл было односторонним, и сейчас навстречу бегущим ехали три машины, которые начали быстро притормаживать, поскольку обезумевшие от страха люди стали выскакивать на проезжую часть, пытаясь понять, откуда раздался выстрел.

— Давай сюда, — махнув рукой, крикнул Бронсон.

Они обогнули капот передней машины, которая к этому моменту уже полностью остановилась, и выбежали на тротуар на противоположной, левой стороне

Зангвилл. Привлеченная раздающимся снаружи шумом, прямо перед ними на улицу высыпала из бара небольшая группа гуляк. Не сбавляя скорости, Бронсон врезался в толпу, повалив одного из не соображающих, что к чему, выпивох на землю, но даже не остановился — лишь оглянулся на мгновение убедиться, что Анджела не отстает, и продолжил бег.

Преследующий их тип был вооружен пистолетом и уже продемонстрировал, что готов без раздумий пустить его в ход. Поэтому, сказал себе Бронсон, единственная их надежда на спасение заключается в том, чтобы бежать и бежать вперед. Конечно, план этот был так себе, но в данную минуту ничего лучшего Бронсон все равно придумать не мог. И еще он очень беспокоился за Анджелу. Пока что она не отставала, но стоит ей наступить босой ногой на случайный острый камешек или битое стекло — и пиши пропало. Нужно придумать, как оторваться от бандита из окружения Якуба либо попытаться его обезоружить.

Хорошо было уже то, что преследователь в них больше не стрелял. Вероятно, все-таки играл свою роль тот факт, что они находились на людной улице в толпе прохожих. Возможно, марокканец не хотел рисковать и попасть в ни в чем не повинного человека. А скорее всего, он просто спрятал пистолет, чтобы никто ничего не заподозрил. Поблизости вполне могут оказаться израильские полицейские или солдаты, а они без особого сожаления пристрелят человека, бегущего по людной улице с оружием наперевес.

Бронсон оглянулся, выискивая преследователя, но в мечущейся толпе разглядеть его не смог. Что же, теперь у них могли появиться неплохие шансы, по крайней мере, на некоторое время они получили передышку.

— Сюда, — тяжело дыша, прохрипел Бронсон. Он схватил Анджелу за руку и затащил в кафе.

Когда они, запыхавшись, ввалились в заведение, на них сразу уставились две дюжины глаз сидевших за столиками молодых израильтян.

Анджела, упершись руками в бедра, наклонилась вперед и, жадно глотая воздух, пыталась восстановить дыхание. Бронсон, едва они оказались внутри, обернулся к широкому окну и стал внимательно осматривать улицу в поисках вооруженного преследователя. За окном царил настоящий хаос, люди беспорядочно метались взад-вперед, и на несколько мгновений Бронсон подумал, что бандит, вероятно, потерял их след.

Но нет... Вот он — всего лишь футы в тридцати и направляется прямоиком к дверям кафе. Он увидел Бронсона, и по лицу его скользнула тонкая улыбка.

Бронсон повернулся к Анджеле, схватил за руку и побежал, буквально волоча ее за собой, в глубь кафе. Там по правую руку располагался арочный проход, рядом с которым к стене была привинчена эмалированная табличка с двумя словами: одно, несомненно, на иврите, второе, судя по всему, на арабском. Ни одного, ни другого слова Бронсон прочитать не мог, зато чуть ниже висела еще одна табличка, значительно меньших размеров, с изображением двух фигурок: одной в костюме, второй в платье — общепринятое обозначение для уборной.

— Давай туда, — скомандовал Бронсон, — и запри дверь.

Но Анджела помотала головой и, задыхаясь, выговорила:

— Нет, я пойду с тобой.

— Не спорь. Без тебя я смогу бежать быстрее. Я выберусь через черный ход. Как только здесь все успокоится, выходи и возвращайся в «Хилтон». Встретимся там.

Он подтолкнул Анджелу, так что она буквально влетела в проход к туалетам, а сам рванул к двери черного хода и ногой вышиб замок. Дверь распахнулась и закачалась туда-сюда на противно скрипящих петлях. Бронсон выскочил из кафе и оказался в маленьком дворике на задах здания. С трех сторон дворик окружали грязные каменные стены, возле кото-

рых стояли деревянные ящики с пустыми бутылками. Справа призывно манила к себе полуоткрытая дверь, за которой просматривался узенький переулок. Перед тем как броситься бежать, Бронсон обернулся и посмотрел, что происходит в кафе.

Входная дверь широко распахнулась, и в заведение вошел черноволосый мужчина. Правую руку он уже засунул под куртку.

Бронсон инстинктивно пригнулся и кинулся вправо. В следующую секунду стекло в двери черного хода дождем брызг вылетело наружу. Звук бьющегося стекла было совершенно не слышно за гулко разнесшимся в тесном дворике эхом пистолетного выстрела. Кафе наполнили громкие вопли ужаса. Бронсон рискнул кинуть назад быстрый взгляд — ему необходимо было убедиться, что преследователь направляется именно к нему, — а потом бросился бежать. Во что бы то ни стало он должен увести разошедшегося бандита от Анджелы.

Бронсон проскочил через дверь в боковой стене и осмотрелся по сторонам. Выбора у него не было. Переулок оказался тупичком; он проходил по задкам здания и упирался в кирпичную стену высотой в десяток футов. Бронсон побежал направо, назад, на улицу. Марокканский бандит выскочил из кафе и снова выстрелил. На этот раз пуля попала в стену, причем в такой опасной близости от головы Бронсона, что его всего обсыпало каменной крошкой.

По улице по-прежнему сновали толпы народа, но Бронсон понимал, что не может рисковать и пытаться затеряться среди прохожих. Он не сомневался, что подручный Якуба просто его пристрелит, а заодно может пострадать и оказавшийся на пути бандита невиновный человек.

Бронсон упорно прокладывал себе путь сквозь людскую толпу, ныряя то влево, то вправо, потом наконец вырвался на свободное пространство и припустил по улице.

Якуб отчетливо слышал, как с совсем небольшим промежутком прозвучали два выстрела. Он как раз повернул налево на улицу Базель и направился обратно к побережью и вдруг увидел, как из примыкающей справа улицы на дорогу впереди выбегают мужчины и женщины и начинают в панике отчаянно метаться в разные стороны, едва не кидаясь под колеса автомобилей в поисках спасения.

Вдали Якуб услышал резкие звуки завывающих сирен. Кто-то — вероятно, один из сотrudников многочисленных кафе и ресторанов — позвонил в полицию, и марокканец понимал, что у него есть в запасе всего несколько минут, а потом весь район будет кишеть полицейскими.

Пожалуй, ему повезло, подумал Якуб. Бронсон с женщиной должны будут появиться именно здесь. Его подручный выступит в роли загонщика, заставляющего жертву бежать прямо в руки охотника. Теперь остается только сидеть и ждать, когда появится добыча. Своему человеку Якуб дал указания, что Бронсона можно будет убрать, но вот эту Льюис он хотел заполучить живой. Он был уверен, что сможет убедить ее рассказать все, что ему хотелось узнать. Жестокая кривая ухмылка появилась на его лице, когда Якуб представил себе эту радужную перспективу, но тут же исчезла. Для начала женщину нужно найти и схватить.

Он, как и водители машин перед ним, притормозил, а затем и вовсе остановил «Пежо» на краю проезжей части. Однако из машины Якуб выходить не стал. Он хорошо знал, насколько характерным и запоминающимся лицом обладает, поэтому показаться возможно будет, только если ничего другого не останется.

Почти машинально, не переставая внимательно разглядывать пробегающих мимо людей, Якуб опустил стекло на водительской двери, потом сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил пистолет. Так же машинально передернул затвор, досылая патрон из

магазина в патронник. Потом щелкнул расположенным слева на стволе предохранителем и расслабился, держа пистолет в правой руке чуть ниже уровня окна. Теперь ему оставалось только сидеть, смотреть и ждать.

Бронсон добежал до конца улицы, выскочил на Т-образный перекресток и повернул направо в направлении Хайярк, идущей параллельно береговой линии. По-прежнему вокруг в панике метались в разные стороны прохожие, но он не мог рисковать и замедлять бег. Бронсон понятия не имел, как далеко от него находится преследователь, и не осмеливался оглянуться, опасаясь, что может оступиться и упасть или врезаться во что-нибудь или в кого-нибудь.

Он обогнул группу молодых людей, которые стояли и во все глаза смотрели за тем, что происходит на улице, добрался до противоположного тротуара и припустил еще быстрее.

Якуб внезапно увидел, как из примыкающей справа улицы, словно чертик из коробочки, выскочил Бронсон и помчался прочь от него. Он поднял пистолет, но тут же опустил, поняв, что цель слишком далеко, чтобы можно было рискнуть и выстрелить.

Якуб стал ждать, что вот сейчас следом за Бронсоном из той же улочки появится и Льюис, но шли секунды, а ее все не было. Вместо нее в поле зрения появился подручный Якуба — в правой руке он сжимал пистолет, — и главарь догадался, что, судя по всему, произошло. Льюис каким-то образом удалось ускользнуть от преследователя. А ведь им нужна была именно эта стерва, а не Бронсон.

Якуб высунулся из машины и помахал рукой, нажав одновременно несколько раз на клаксон и помигав передними фарами. Его подручный повернул голову, увидел машину и, пряча на бегу пистолет, тотчас же кинулся к своему вожаку. Вот он подбежал к

«Пежо» и, шумно и тяжело дыша, склонился над опущенным стеклом.

— Где девчонка? — спросил Якуб.

— Я гнал за ней. Она была с Бронсоном.

— Нет, не была, идиот! Я только что видел Бронсона, и он совершенно точно был один. Возвращайся назад тем же путем. Она наверняка прячется где-то на той улице.

— Кафе. Последний раз, когда я видел их вдвоем, это когда они с Бронсоном забегали в кафе.

— Точно. Давай туда бегом и найди ее, — приказал Якуб.

— А как же Бронсон?

— Забудь про него. Просто отыщи мне девчонку.

А в каких-то семидесяти ярдах впереди между двух припаркованных у тротуара машин сидел согнувшись в три погибели Бронсон и осторожно выглядывал назад, в ту сторону, откуда прибежал. Только теперь он осмелился оглянуться и в первый раз за все время безумного бега не обнаружил никаких признаков погони. По улице шли люди, но преследователя из банды Якуба нигде не было видно.

Он совершенно точно выскочил вслед за Бронсоном из кафе, но дальше, возможно, потерял его в толпе. Впрочем, существовало и другое объяснение, более тревожное. Его, Бронсона, определенно хотели убить, но Анджелу они пытались взять живой. Должно быть, бандит увидел, что Бронсон теперь бежит один, и решил вернуться, чтобы отыскать ее.

Несколько секунд Бронсон просто сидел, не в силах принять решение. Да, он сказал Анджеле убираться из кафе и возвращаться в отель. Но что, если она вдруг не смогла этого сделать? Что, если в этот самый момент Якуб со своим подручным вытаскивают ее, кричащую от страха, из кафе и запихивают в машину?

Никаких сомнений по поводу того, как поступить, у Бронсона не осталось.

Он в последний раз окинул улицу взглядом, выпрямился и бросился бежать так быстро, как только мог, в обратном направлении к улице Зангвилл и кафе, в котором он оставил Анджелу.

Якуб в это время смотрел в другую сторону — он провожал взглядом подручного, кинувшегося назад искать девчонку, — и потому не видел, как по противоположной стороне улицы промчался Бронсон.

Вой сирен теперь раздавался намного громче, и, глянув в зеркало заднего вида, Якуб увидел, как на дорогу выворачивает сверкающая синими мигалками полицейская машина и устремляется вперед по улице Базель. Он дождался, пока полицейские проедут мимо и свернут за угол, затем отпустил сцепление и медленно доехал до конца улицы, где повернул налево, убираясь подальше от заварившейся каши.

Приблизившись к кафе, Бронсон перешел на быстрый шаг. С момента, когда стихло эхо последнего выстрела, прошло уже несколько минут, и толпа постепенно успокоилась — непосредственная опасность, исходившая от невесты откуда взявшегося вооруженного человека, казалось, прошла. Бронсон вовсе не хотел привлекать нежелательного внимания — а оно было бы неизбежно, продолжай он бежать, — хотя каждая клеточка его тела словно кричала: «Поспеши!»

С визгом покрышек неподалеку затормозили, перегородив дорогу, две полицейские машины. Из них с оружием в руках высыпали полицейские в синей форме — и тут же были окружены отчаянно жестикулирующими людьми. Бронсон, не обращая внимания на царящую кругом суматоху, спокойно прошел мимо и остановился в нескольких ярдах от кафе.

В заведении, казалось, почти никого не осталось, лишь пара человек застыла у дверей и с любопытст-

вом выглядывала наружу. В следующее мгновение Бронсон внезапно увидел выходящего из переулка давешнего преследователя. Тот был один. В ту же самую секунду и подручный Якуба заметил Бронсона, а всего в нескольких ярдах позади него — вооруженных полицейских.

Несколько долгих секунд двое мужчин буравили друг друга взглядами. Вдруг в толпе раздался крик, кто-то, размахивая руками, указывал на марокканца. Бронсон увидел, как тот достает оружие, и вот уже черное дуло качнулось в его сторону.

Толпа на улице при виде вооруженного человека снова бросилась врассыпную. Бронсон развернулся, пробежал несколько метров и нырнул за припаркованный у тротуара автомобиль, хотя и понимал, что тонкая сталь послужит ненадежной защитой против очереди из полуавтоматического пистолета. Он кинулся наземь и распластался на гудроне, словно пытался слиться с ним в одно целое.

Марокканец выстрелил, пуля в медной оболочке, пробив заднее стекло и заднюю дверь машины, ударилась о мостовую менее чем в футах от головы Бронсона и с визгом исчезла в темноте.

Не успел еще затихнуть звук первого выстрела, как бандит выстрелил во второй раз, теперь поверх голов людей, все еще толпящихся вокруг полицейских машин. Все как по команде пригнулись и кинулись искать убежище, не составили исключения и вооруженные стражи порядка. К тому времени, когда они пришли в себя, возмутитель спокойствия находился уже в пятидесяти ярдах и улепетывал со всех ног.

Стрелять в убегающего бандита полицейские не могли, поскольку на улице было слишком много людей, кроме того, он уже находился практически вне зоны поражения пистолетной пули. Как назло, полицейские машины были развернуты в противоположном направлении, а пустившимся в погоню трем слугам закона мешали бежать пуленепробиваемые

жилеты и тяжелые пояса, напичканные всяческой амуницией. Похоже было, что преступнику удастся скрыться.

Однако не успел он добежать до конца улицы, как из-за поворота вывернула еще одна машина с мигалками и резко затормозила у него на пути. Бронсон увидел, как марокканец поднял пистолет и, не замедляя бег, выстрелил по машине. Но уже в следующее мгновение из нее выскочили двое полицейских с пистолетами наготове и открыли по преступнику ураганный огонь. Бандит сначала споткнулся, а потом рухнул лицом вниз на твердое гудронное покрытие и затих.

Нацелив на неподвижно лежащего человека стволы, полицейские осторожно приблизились к нему. Один из них ногой отбросил какой-то предмет, лежавший рядом с телом (по-видимому, пистолет), потом упер дуло своего оружия в спину бандита, в то время как его напарник застегивал на запястьях наручники. Покончив с этим, они отошли от тела и спрятали пушки. Бронсон догадался, что марокканец либо убит, либо тяжело ранен.

Со своего наблюдательного пункта в восточном конце улицы Базель, в сотне ярдов от места событий Якуб, сидя на водительском сиденье «Пежо», бесстрастно наблюдал, как разворачивается финальный акт драмы. В тот миг, когда его подручный выстрелил в израильских полицейских, Якуб понял, что ему конец. Этому придурку надо было просто пробежать мимо полицейской машины и убрать подальше пушку, а так он допустил глупейшую промашку и в итоге заплатил за нее собственной жизнью.

И теперь не приходилось сомневаться, что Бронсон с женщиной опять переберутся в другой отель, а Мусабу с его людьми придется снова разыскивать их по всему Тель-Авиву. Впрочем, с легкой усмешкой подумал Якуб, у него это вроде бы весьма неплохо получается.

Бронсону не было дела до Якуба и его приспешника. Он сейчас беспокоился исключительно об Андже-

Он решительными шагами вошел в кафе. Двое стоявших у входа израильтян посмотрели на него, но даже не попытались остановить. Вероятно, выражение его лица подсказало им, что это будет не самая лучшая идея. Бронсон прошел в туалет и стал открывать все двери подряд. Внутри никого не оказалось, но на полу в одной из женских кабинок обнаружилось кровавое пятно.

Бронсон повернулся и вышел из кафе на улицу. Удалось ли Анджеле бежать? Может быть, в эту самую минуту она уже ждет его в «Хилтоне»? Или же марокканский бандит нашел ее, вытащил из кафе через черный ход, убил, а тело бросил где-то на заднем дворе? С этой ужасающей мыслью Бронсон прошел в ближайший переулок и направился во двор.

В падающем из окон кафе ярком свете валяющиеся на земле осколки разбитого стекла сверкали подобно драгоценным камням. В остальном же маленький внутренний дворик выглядел точно так же, как и десятком минут раньше. Бронсон испустил вздох облегчения. Он видел, как бандит выходил из переулка, а значит, если тела Анджелы не оказалось ни в кафе, ни во дворе, она должна быть жива. Вот только где она?

Он выбежал обратно на улицу и еще раз осмотрелся по сторонам. Нужно было возвращаться в отель — и побыстрее.

Но не успел Бронсон сделать и дюжины шагов, как услышал, как Анджела зовет его по имени:

— Крис!

Он обернулся и увидел бывшую супругу. Одежда ее была в беспорядке, лицо перемазано грязью, смешавшейся со слезами и потом, ноги босы. Тем не менее Бронсон подумал, что никогда еще не встречал более прекрасной женщины.

— О господи, Анджела! — Он шагнул вперед и притянул ее к себе. — Ты невредима.

— Есть такое дело, — пробормотала она и уткнула лицо в плечо Бронсона. Несколько мгновений, пока-

завшихся обоим вечностью, они стояли, сжимая друг друга в объятиях, и не было им никакого дела до снующих вокруг прохожих.

— А как же «Хилтон»? — тихо спросил Бронсон, когда Анджеला чуть отстранилась от него.

— У меня не вышло туда добраться. Должно быть, где-то наступила на битое стекло. Нога болит просто адски.

Теперь стало ясно, откуда взялась кровь на полу кабинки.

— Идти сможешь? — спросил Бронсон.

— Если только недалеко и небыстро.

Бронсон огляделся. На улице было полным-полно людей, полицейских машин стало уже четыре, а сотрудников полиции с оружием в руках он насчитал по меньшей мере с дюжину. Уж здесь и сейчас Анджеला наверняка будет в полной безопасности.

— Пойдем сюда, — решил Бронсон и махнул рукой в сторону еще работающего кафе с несколькими свободными столиками внутри.

Анджеला обхватила его за плечи и, прихрамывая, заковыляла к входу. Бронсон открыл дверь и усадил Анджелу за первый же незанятый столик. Подошедшему официанту он заказал бренди.

— Оставайся здесь, — сказал он и поднялся на ноги, — а я пойду поищу машину.

— Хорошо. Я просто мечтаю быстрее забраться в постель.

Но Бронсон отрицательно покачал головой.

— Извини, но сегодня тебе не придется поспать, по крайней мере в Тель-Авиве. Нам нужно как можно скорее убираться отсюда. То, что Якуб и его «шестерка» оказались здесь, — вовсе не случайность. Им каким-то образом удалось выяснить, в какой отель мы перебрались. Я сейчас сгоняю туда и быстренько заберу вещи. — Он встал. — Оставайся здесь и никуда не уходи. Я быстро — одна нога здесь, другая там, — а потом мы уедем из города.

— Крис, но как все-таки Якуб может быть жив? — спросила Андже́ла. Она возвращалась к этой теме уже не в первый раз за казавшуюся бесконечно долгой и крайне неуютную ночь. — Ты точно уверен, что это был он?

Они сидели в машине на парковке возле дневного ресторана на окраине Иерусалима и ждали открытия, чтобы позавтракать.

После того как Бронсон, оставив Анжелу в кафе, подъехал к отелю «Хилтон», он, насколько это было возможно, внимательно осмотрел окрестности, но не заметил ничего подозрительного и быстро прошел внутрь. Собрав свой и Анджели скромный багаж, он расплатился с несколько озадаченным его стремительными действиями ночным портье, сунув ему несколько банкнот, и уехал прочь. Никаких признаков слежки он так и не обнаружил. Собственно, с тех пор они практически все время находились в пути. Оказалось, что найти пару свободных номеров, если являешься в отель в Израиле после полуночи, весьма и весьма проблематично. В конце концов Бронсон оставил бесплодные попытки и решил ехать в Иерусалим. И вот теперь они расположились на парковке у ресторана, чтобы скоротать время до начала нового дня. Место казалось ничуть не хуже и не лучше любого другого.

Как только они остановились, Бронсон очень аккуратно промыл рваную рану на левой ступне Анджели. Порез оказался не слишком глубоким, но явно болезненным. Бронсон наложил ватный тампон и закрепил его лейкопластырем — медикаменты он купил в круглосуточно работающей аптеке в Тель-Авиве. Андже́ла натянула пару кроссовок и попробовала сделать несколько шагов. Хотя выглядели кроссовки, мягко говоря, не очень изящно, но теперь Андже́ла могла, по крайней мере, снова ходить. Бегать же в ближайшее время ей не придется. Она на это надеялась.

Бронсон вздохнул:

— Видишь ли, Якуб не из тех людей, чье лицо можно легко позабыть. И — я не говорил тебе этого раньше, но лично мне кажется очень странной та легкость, с которой Джалал Талабани спас нас тогда в Рабате. Понимаешь, одному человеку — пусть даже ему на руку сыграл элемент неожиданности — довольно трудно справиться с тремя вооруженными бандитами, особенно если он схватился с ними в доме, в котором никогда прежде не бывал. Я думаю, что у него был помощник, и единственное разумное объяснение заключается в том, что помог ему не кто иной, как сам Якуб.

— Но ведь Талабани на самом деле убил этих людей? — все еще не веря, спросила Андже́ла.

— В этом нет никаких сомнений. Я лично проверил тело Ахмеда.

Андже́ла содрогнулась.

— Получается, Якуб готов был пожертвовать по меньшей мере тремя своими людьми: Ахмедом и теми двумя, которых мы видели в самом доме? Но ради чего?

— Чтобы убедить нас, что он — Якуб, я имею в виду, — мертв; чтобы мы почувствовали облегчение и беззаботно направились в приготовленную им ловушку. Слово «безжалостный» вряд ли в полной мере характеризует его поступок. Он хотел, чтобы мы — или скорее *ты* — настолько сосредоточились на поисках Серебряного Свитка и Моисеева Завета, что позабыли бы обо всем на свете, помчались в Израиль и привели его напрямик к реликвиям. И, надо признать, план его оказался весьма неплох: ведь ты действительно использовала все свои возможности, помощь знакомых, чтобы вплотную приблизиться к разгадке. Все, что оставалось сделать Якубу, это просто следовать по твоим пятам — чем он и занимался.

— Но этот человек, он пытался тебя убить.

— Знаю, — кивнул Бронсон. — Я могу только предположить, что Якуб, вероятно, потерял терпе-

ние. Он хотел меня убить, чтобы затем похитить тебя. А дальше он попытался бы заставить тебя рассказать, где искать артефакты.

В свете раннего утра лицо Анджели казалось бледным, как у покойника.

— Боже мой... Крис, я так рада, что ты сейчас здесь со мной. Этот Якуб просто приводит меня в ужас. Ему даже не пришлось бы меня пытать — достаточно один раз взглянуть на его лицо, и я сразу же рассказала бы ему все-все.

Бронсон отвернулся от проходящей за парковкой дороги. Все то время, что они здесь находились, он постоянно следил за проезжающими автомобилями — чтобы в любой момент быть готовым ударить по газам. Теперь же взгляд его остановился на Анджеле.

— Послушай, — сказал он, — если ты вдруг захочешь прямо сейчас оставить эту затею, то никаких проблем. Через несколько часов мы уже можем сидеть в самолете, направляющемся из Бен-Гуриона в Великобританию, можем никогда больше не возвращаться в Израиль и выкинуть из головы все эти утраченные реликвии. Выбор за тобой. Я соглашусь с любым твоим решением.

Некоторое время Анджела ничего не отвечала, а просто сидела, чуть опустив голову, и нервно сжимала лежащие на коленях руки — с нее можно было бы писать Мадонну. Наконец она качнула головой и повернулась к Бронсону.

— Нет, — твердо заявила Анджела. — Я знаю, что если сейчас отступлюсь, то потом всю жизнь буду об этом сожалеть. Это величайший шанс в моей карьере — да что там говорить, в карьере любого археолога, — и я просто не могу вот так взять и все бросить. Нам только нужно быть уверенными, что мы на шаг опережаем Якуба и банду его головорезов с пушками. А это, Крис, как раз твоя работа, — прибавила она с легкой усмешкой.

— Ну, тогда все в порядке, — облегченно произнес Бронсон и тоже улыбнулся. — Значит, если ты настрое-

на так решительно, давай определимся, куда ехать дальше. Конечно, только после того, как это заведение откроется и мы сможем в себя что-нибудь закинуть.

Пока он говорил, внезапно замигала и зажглась в полную силу вывеска над рестораном, а внутри задвигались тени.

— Наконец-то, — пробурчал Бронсон. — Давай уже поедем.

Час спустя они, сытые и довольные, возвращались к машине.

— Есть какие-нибудь мысли? — садясь за руль, поинтересовался Бронсон. Анджела прихватила с собой в ресторан несколько листков с записями и внимательно изучала их во время завтрака, не проронив при этом почти ни слова.

— Возможно. Подожди еще пару минут.

Бронсон резко потряхнул головой, словно только что принял решение, и наклонился к Анджеле.

— Можно задать тебе вопрос? Достаточно личный.

— Ну... да, — осторожно протянула она. — Спрашивай.

— Йосеф Бен Халеви. Ты ведь работала с ним?

— Да. Думаю, лет пять назад. А что такое?

— Значит, на самом деле ты не особенно хорошо его знаешь?

Анджела задумчиво пожала плечами:

— На самом деле — не очень. Просто работали вместе.

— Понятно. Просто... не знаю, как это сказать... в общем, мне он не особо понравился. Есть в нем такое, будто он скрывает что-то. И не понравилось мне, как он подступался с разных сторон, пытаюсь разузнать, что же мы на самом деле ищем.

Анджела покачала головой:

— Он же специализируется на древних языках и истории Израиля. Вопросы, которые мы задавали, не могли не пробудить в нем любопытство. Вероятно, он

почувствовал, что мы идем по многообещающему следу, и хотел бы тоже поучаствовать в наших поисках. Я уверена, все дело только в этом. — Она улыбнулась и прибавила: — Но ты же не ревнуешь?

— Нет-нет, ни в коем случае, — решительно ответил Бронсон. — Просто не хотелось бы больше привлекать его к нашему расследованию. Я ему действительно не доверяю.

Анджела снова улыбнулась и подумала, насколько это мгновенно возникшее недоверие Бронсона к Бен Халеви вызвано несомненной физической привлекательностью израильского ученого и насколько является проявлением никогда не дремлющего инстинкта полицейского. Не то чтобы Анджела подозревала, что Йосеф ведет какую-то двойную игру, — просто она вдруг поняла: наверное, лучше будет не делиться с ним лишней информацией теперь, когда они — она на это надеялась — подошли совсем близко к цели поисков.

— Так вот, — сказала она и обратилась к своим записям, — я попыталась поставить себя на место сикариев, представить, как бы действовала я сама, окажись в 73 году нашей эры. Им необходимо было спрятать три крайне важные для всего еврейского народа реликвии. Одну они оставили в пещере в Кумране. На первый взгляд это не самое подходящее место, чтобы что-то укрыть, но, как мы знаем, Медный Свиток пролежал там, никем не обнаруженный, две тысячи лет. С двумя оставшимися реликвиями — Серебряным Свитком и Заветом Моисеевым — они направились куда-то дальше. Куда же? Надо заметить, что даже тогда Иерусалим был самым значительным городом во всей Иудее, потому не будет большой ошибкой предположить, что сикарии могли спрятать два артефакта в этом городе.

— Но в таком случае, — возразил Бронсон, — их бы уже давно обнаружили. Почти все это время, все два тысячелетия, Иерусалим постоянно кто-то захватывал, потом снова терял. Как такой заметный пред-

мет, как Серебряный Свиток, смог бы пролежать столько времени найденным?

— Первое известное поселение на месте современного Иерусалима, — объяснила Анджела, — возникло примерно за 3500 лет до Рождества Христова, но я, собственно, не имела в виду, что реликвии спрятали в городе. Более вероятно, что они были спрятаны под ним. Весь Иерусалим, включая Храмовую гору, напоминает настоящие соты. Под землей всюду прорыты туннели. В 2007 году археологи, искавшие древнюю дорогу из Иерусалима, наняли для раскопок бригаду рабочих, и те обнаружили небольшую дренажную канаву, которая привела к неизвестному ранее большому туннелю. Он уходил от Храмовой горы, судя по всему, аж до реки Кидрон, а возможно, и еще дальше — к Силоамскому бассейну на южной окраине Иерусалима. Этот туннель мог использоваться жителями, для того чтобы выбраться из города во время римской осады 70 года; и также этим путем могли быть вынесены некоторые сокровища из иерусалимского Храма. Река Кидрон, или, как ее называют, Вади-Кидрон¹, идет на восток от города к Мертвому морю, но на полпути разделяется на два рукава — один в итоге впадает в Мертвое море, а второй держит курс прямо на Хирбет Кумран.

— Опять Кумран, — пробормотал Бронсон.

— Он самый. Согласно одной из гипотез, когда римляне осадили Иерусалим, пользующиеся особым доверием иудейские священники и воины собрали вместе все свитки, хранившиеся во Втором Храме, и по тому самому туннелю бежали в Кумран, где и спрятали все в пещерах рядом с поселением. Впоследствии реликвии получили известность как Свитки

¹ Строго говоря, название Вади-Кидрон относится к долине, которая к югу от Иерусалима соединяется с западной долиной Гинномской и в виде пустынного глубокого ущелья спускается к Мертвому морю. По этой долине и течет поток, или ручей, Кидрон (Кедрон).

Мертвого моря. Вполне убедительное предположение — ничем не хуже любого другого.

— Да, но нас-то интересуют несколько другие реликвии. Где они могут быть, как ты думаешь?

— Есть у меня мыслишка. Очевидно, что люди, спрятавшие Серебряный Свиток, не могли догадываться, какие бурные события развернутся вокруг Храмовой горы спустя тысячелетия. Однако весьма вероятно, что они выбрали в качестве надежного места для укрытия артефактов одну из существовавших тогда систем туннелей под скалой или рядом с ней. Учитывая сегодняшнюю политическую обстановку в Иерусалиме, у нас нет никакой возможности получить доступ в туннели, пролегающие под Храмовой горой. Более того, даже самые честные и добросовестные израильские археологи также лишены этой возможности.

Но надпись на глиняных дощечках совершенно четко указывает на вполне определенное место под землей — на резервуар. Если я не ошибаюсь, по последним подсчетам, в пещерах и подземных полостях под Храмовой горой выявлено что-то около сорока пяти различных резервуаров, так что гипотеза наша вполне правдоподобна. Я думаю, что сикарии, которые прятали реликвии, преднамеренно выбрали место под горой, которую сегодня представители трех крупнейших мировых религий — христианства, иудаизма и ислама — считают самым священным местом в Иерусалиме, а возможно, и во всем мире.

— Но какой именно резервуар? — спросил Бронсон. — Если, как ты говоришь, их больше сорока, а нам в туннели не попасть, то получается, что мы приплыли? Даже если бы нам удалось точно выяснить, в каком резервуаре находятся реликвии, все равно мы не смогли бы их достать.

— Не совсем так, — произнесла Анджела, и на губах ее заиграла улыбка. — Я внимательно изучила наш перевод текста и обнаружила один интересный

факт. В надписи говорится не «резервуар», а «Резервуар» — с большой буквы. Это значит, что речь идет о каком-то особенном резервуаре, местонахождение которого всем было бы хорошо известно. А в начале первого тысячелетия возле Храмовой горы существовало одно место, про которое все точно знали — это резервуар. И автор надписи определенно тоже про него знал.

— И что же это за место?

— Туннель Езекии, — ответила Анджела. — Надеюсь, ты любишь водичку?

60

— Они появились. — Молодая женщина, сидевшая в холле одного из отелей Тель-Авива, опустила газету и, слегка наклонив голову, приблизила губы к прикрепленному к лацкану куртки миниатюрному микрофону. — Вот уже выходят из отеля, все трое. Иду за ними.

Отель находился под пристальным наблюдением агентов «МОССАДа» с того самого момента, когда Хокстон, Декстер и Бэверсток прилетели в Тель-Авив из Лондона.

— Понял. Внимание: всем группам перейти в состояние боевой готовности. Как поняли?

Один за другим члены групп наблюдения подтвердили, что приказ получили и находятся на связи.

Леви Барак, сидевший на пассажирском сиденье припаркованного ярдах в семидесяти от входа в отель седана, внимательно рассматривал здание отеля в компактный бинокль. Вот в дверях появились трое мужчин и двинулись в противоположном от наблюдателя направлении. Через несколько секунд из отеля вышла невысокого роста темноволосая женщина с зажатой под мышкой газетой и зашагала следом за мужчинами, сохраняя дистанцию около пятидесяти ярдов.

— Отлично. Ты знаешь, что делать, — сказал в микрофон Барак. — Держи меня в курсе, — добавил он и вышел из машины.

Англичане, похоже, не замечали, что за ними ведется слежка, и спокойно направлялись к небольшой автостоянке — собственного гаража или парковки у отеля не имелось.

Барак некоторое время стоял на тротуаре и наблюдал за тем, как его специалисты по ведению наружного наблюдения неторопливо занимают свои позиции на самой парковке и у всех выездов с нее.

Через полминуты с территории парковки на дорогу вырулил белый автомобиль. Несколько секунд спустя в хвост ему аккуратно пристроились и не спеша двинулись следом мощный мотоцикл и неприметный седан. Как только вся вереница скрылась из виду, Барак решительно зашагал к входу в отель.

Меньше чем через пять минут в холл отеля вошел человек в форме техника. В руке он нес объемистый чемоданчик. Барак кивнул ему и подошел к стойке, где его уже поджидал, держа наготове универсальный ключ, управляющий. Все трое затем сели в лифт, и управляющий нажал на кнопку третьего этажа.

Первое, что бросилось в глаза Бараку, когда они вошли в номер Тони Бэверстока, был стоящий на столе возле окна ноутбук. Он поманил рукой «техника». Тот подошел и включил компьютер, но еще до того как начала загружаться операционная система, на экране появилось окошечко с запросом пароля. «Техник» что-то раздраженно пробормотал. Он понимал, что угадать пароль невозможно. Кроме того, компьютер мог быть снабжен устройством, регистрирующим попытки ввода неверного пароля. Посему лучшим решением было просто выключить ноутбук, что «техник» и сделал. Существовал и более легкий способ узнать, что им было нужно.

Из кармана чемоданчика он достал компакт-диск и вставил его в CD-привод ноутбука. На диске была записана хитрая программа, которая запустит компьютер независимо от того, какой софт имеется на жестком диске, а также в обход запроса пароля. «Техник» уселся за стол, снова включил ноутбук и уставился на экран. После того как система загрузилась, открылся доступ ко всем хранящимся на винчестере файлам и папкам. «Техник» подключил к одному из USB-портов внешний жесткий диск с большим объемом памяти и переписал на него все файлы, какие смог найти на ноутбуке, а также электронные письма и список веб-сайтов, посещенных пользователем за последнее время. Пока шел процесс копирования, «техник» быстро просмотрел папки, в которых наиболее вероятно было обнаружить какую-либо информацию, в частности изображения глиняной дощечки. Главным образом его заинтересовали папки «Мои документы» и «Мои рисунки», но обнаружить что-нибудь ценное или хоть какую-то информацию о дощечках он не смог.

— Нашел что-нибудь? — спросил Барак. В руках он держал несколько листов бумаги.

— Ничего конкретного, — пожал плечами, ответил «техник», потом отсоединил внешний винчестер и убрал его в чемоданчик. Он знал, что, если на компьютере имелась интересующая их информация, специалисты в Глилите обязательно ее найдут.

«Техник» закрыл чемоданчик и вышел из номера — его работа была закончена. Барак кивком головы попрощался с коллегой и обежал комнату взглядом. Нельзя сказать, чтобы его поиски оказались особенно продуктивными, тем не менее в небольшом чемодане в платяном шкафу он обнаружил наполовину пустую коробку из-под девятимиллиметровых патронов «парабеллум». Эти трое англичан беспокоили его все больше и больше. Также Барак нашел несколько листов, на которых неразборчивым почер-

ком был записан какой-то текст. Из бесед с Эли Нахманом и Йосефом Бен Халеви он знал, что текст этот, возможно, является частью надписи на глиняной дощечке — той, которую они с таким усердием искали.

На одном из листков взгляд Барака привлекли два слова, которые, казалось, стояли особняком от остального текста: «Туннель Езекии». Прочитав их, он немедленно связался по телефону со старшим группы наблюдения за англичанами. Надо было принять во внимание эту неожиданную подсказку.

Сегодня утром Бараку позвонил Бен Халеви и передал содержание своей состоявшейся накануне вечером беседы с двумя другими англичанами — Кристофером Бронсоном и Анджелой Льюис, — вовлеченными в историю с древними иудейскими святынями. Дела, похоже, складывались таким образом, что либо одна, либо другая группа искателей древностей может в самом ближайшем будущем вплотную подойти к обнаружению бесценных реликвий. Агентам «МОССАДа» оставалось только спокойно сидеть и следить за развитием событий, чтобы в последний момент появиться и взять ситуацию под свой контроль. Пока вроде бы все шло так, как и предполагал Барак.

Он достал из кармана портативный сканер и отсканировал интересовавшие его страницы, после чего положил листки обратно на стол точно так же, как они и лежали. Окинул напоследок комнату взглядом, кивнул управляющему и вышел в коридор.

61

— Это он? — обмахивая лицо шляпой, спросил Бронсон. Они с Анджелой прошлись по магазинам и теперь оба были одеты в футболки и шорты и обуты в пляжные шлепанцы фирмы «Crocs». Кроме того, в руках Бронсон держал водонепроницаемую сумку, в которой лежали фонарики и запасные батарейки.

Они стояли почти у самого дна имеющей форму буквы V Кидронской долины и смотрели вдаль, в направлении палестинской деревни Сильван. Внизу и справа внимание Бронсона привлекла каменная лестница, которая круто спускалась к сложенной из каменных блоков арке, за которой начиналась сплошная чернота.

— Да, это его начало, — подтвердила Анджела. — Здесь находится проход к источнику Гихон. Туннель является настоящим шедевром инженерного искусства, особенно если принять во внимание, что возраст его насчитывает почти три тысячи лет. Иерусалим расположен на холме, благодаря чему его защитникам было довольно легко оборонять город. Но им приходилось сталкиваться с одной серьезной проблемой: основным источником водоснабжения находился здесь, в Кидронской долине (он сейчас перед нами), на некотором расстоянии от городских стен. Таким образом, осада — а это был самый распространенный способ взятия большинства неприятельских укреплений — всегда заканчивалась сдачей города по той простой причине, что запасы воды в нем рано или поздно неизбежно подходили к концу.

В середине девятнадцатого века американский ученый по имени Эдвард Робинсон открыл туннель, который впоследствии стал известен как Туннель Езекии. Он назван так в честь правителя Иудеи, который и построил его около 700 года до нашей эры. Еще его называют Силоамским туннелем, поскольку он идет от источника Гихон к Силоамскому бассейну. Очевидно, что туннель должен был играть роль акведука, водопровода для доставки воды в город. Он имеет более или менее форму буквы «S», в длину примерно треть мили и на всем протяжении имеет уклон примерно один градус, чтобы вода гарантированно текла в нужном направлении.

Строительство туннеля должно было быть очень серьезным предприятием, если принять во внимание,

какими инструментами, насколько нам известно, пользовались в то время местные жители. Современные теории гласят, что на самом деле туннель был на большей своей части образован естественной пещерой, стены которой строители просто слегка расширили. Возле одного из выходов¹ была обнаружена надпись, гласящая, что строительство вели две группы рабочих, и они пробивались с противоположных сторон навстречу друг другу. Воды источника Гихон теперь были направлены внутрь городских стен. В общем-то, это больше легенда, но примерно то же самое утверждается в Библии.

Но в 1867 году офицер британской армии Чарльз Уоррен, проводивший исследования Туннеля Езекии, наткнулся на другое, значительно более древнее сооружение. Впоследствии оно получило название «Шахта Уоррена». Оно состоит из системы туннелей, которые начинались внутри городских стен и заканчивались вертикальной шахтой прямо над Туннелем Езекии возле источника Гихон. Таким образом, горожане могли набирать воду в туннеле, не выходя за пределы городских стен. Определить точное время постройки этого сооружения оказалось непросто, но, в общем-то, большинство сходится во мнении, что оно относится к десятому веку до нашей эры.

— Ого, — воскликнул Бронсон. — Три тысячи лет — это очень приличный возраст. И я так полагаю, ты будешь настаивать, чтобы мы там тщательно все обследовали. — Он без особого энтузиазма посмотрел на разверзнутый зев прохода к источнику. — Ну, давай приступим. Говоришь, там будет сыро?

— Именно поэтому мы так с тобой и оделись. Это тебе не просто сырой туннель. Это на самом деле акведук. В лучшем случае нам придется пробираться

¹ Со стороны Силоамского бассейна.

вброд, а если будет по-настоящему глубоко — возможно, что надо будет и плыть.

— Потрясающе, — пробормотал Бронсон и зашагал к ступеням.

Они спустились по каменной лестнице, прошли под аркой и остановились на несколько секунд, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте.

— Похоже, здесь глубоко, — заметил Бронсон, всматриваясь в воду, которая в окружающем сумраке казалась почти черной. — И вода холодная, — прибавил он.

Затем он расстегнул молнию на сумке и вытащил два фонарика. Убедился, что оба светят достаточно ярко, протянул один Анджеле и снова закрыл сумку, в которой также лежали запасные батарейки.

— Надеюсь, что продавец в магазине не ошибся и эти фонари действительно водонепроницаемые, — сказал Бронсон.

— Пока будет работать хотя бы один, с нами все будет в порядке. Там нет никаких боковых ответвлений, так что нужно только идти и идти вперед, пока не доберемся до противоположного конца.

— Напомни, пожалуйста, что, по-моему, мы можем здесь найти.

— Хорошо, — согласилась Анджела. — Когда сикарии искали место, где спрятать Серебряный Свиток, этот туннель существовал уже без малого восемь сотен лет. Как мне кажется, упоминание в надписи на дощечках о резервуаре может означать, что свиток спрятан именно здесь. Соответственно, мы будем искать трещины в скале, в которые могли что-то засунуть, или искусственные углубления, выдолбленные сикариями. Если захоронка находится где-то в туннеле, я надеюсь, что археологи могли ее пропустить, — ведь все поголовно исследователи считают, что это просто акведук и ничего более. Насколько я знаю, никто и никогда не пытался всерьез искать здесь арте-

факты по той простой причине, что никто, находясь в здравом рассудке, не станет ничего прятать в колодце или водном резервуаре.

— Только нам-то известно, что такие люди нашлись.

— Совершенно верно. — Анджела немного поколебалась и добавила: — Поскольку это была моя идея, может,пустишь меня вперед?

Бронсон сразу же вспомнил, что Анджела никогда не любила темноту и замкнутые пространства, и, мягко дотронувшись до ее плеча, сказал:

— Нет, я пойду вперед. — Включил фонарик и вошел в темную воду.

— Не ударься головой, — предупредила Анджела. Она следовала вплотную за Бронсоном. — Здесь в самых низких местах расстояние до верха туннеля меньше пяти футов.

Пройдя несколько шагов, они оба оказались в воде (и холодной воде!) уже по колено. В свете фонариков видны были стены и потолок из серо-бурого камня. Их поверхности усеивало множество маленьких белых пятнышек.

— Эти следы оставили кирки и прочий инструмент рабочих, которые пробивали туннель по приказу царя Езекии, — объяснила Анджела.

— Да, ты права. Это действительно было грандиозное предприятие, — заметил Бронсон, в то время как они все дальше углублялись в темноту. Голос его отразился от стен и потолка слабым эхом.

Внезапно в свете фонарика Бронсон увидел, что влево от основного туннеля отходит другой туннель, поуже. Высота его постепенно уменьшалась. Нагнувшись, Бронсон свернул в это ответвление и, подсвечивая себе фонариком, двинулся вперед. Туннель вдруг резко закончился, но вверху, над головой, в потолке оказалось отверстие. Бронсон остановился и прижался к стенке, чтобы пропустить Анджелу.

— Это что такое? — спросил он. — Похоже на какой-то вертикальный туннель или шахту.

— А это и есть шахта. Мы сейчас стоим с тобой не где-нибудь, а на дне Шахты Уоррена. Над нами находится то самое место, куда приходили набрать воды жители Иерусалима. Ведра они опускали в эту вот шахту.

Бронсон и Анджела осветили вертикальные каменные стены, и у Криса в предвкушении открытия сердце сильнее заколотилось в груди. Однако ничего похожего на укромный тайник им обнаружить не удалось.

— Я бы, честно говоря, очень удивилась, если бы мы здесь что-нибудь нашли, — охладила его пыл Анджела. — Этот участок хорошо изучен, так же как и шахта, причем с обеих сторон. Если свиток спрятан в туннеле, то в более укромном месте.

Они выбрались из бокового прохода и продолжили путь по основному туннелю. Высота его и ширина, а также уровень воды значительно варьировались на разных участках. Было очень темно и очень холодно, так что и Бронсон, и Анджела дрожали всем телом; их одежда промокла насквозь. Крис с сожалением подумал, что вместо легоньких футболок и шорт следовало бы надеть гидрокостюмы и высокие болотные сапоги. Они шли и шли вперед; температура воздуха продолжала падать, а уровень воды все повышался. Бронсона уже просто колотило от холода, а в голову начала закрадываться мыслишка: сколько еще они смогут вытерпеть?

62

— Ты уверен, что это именно то место? — спросил Декстер, освещая лучом фонарика стены туннеля.

Все трое стояли почти по пояс в воде, шорты и нижняя часть рубах промокли насквозь. Поиски пока что успехом не увенчались.

— Еще раз повторяю: я не знаю, — сердито пробурчал Бэверсток. — Но это представляется мне наи-

более вероятным вариантом. В тексте на дощечках упоминается резервуар, а Туннель Езекии был для жителей Иерусалима самым важным водным источником. Отсюда логично было предположить, что искать наверняка нужно где-то здесь. Кроме того, туннель проходит недалеко от Храмовой горы, и это местоположение соответствует упоминанию о «конце света».

— Проблема в том, что это просто туннель, выдолбленный в скале, — заметил Декстер. — Здесь практически нигде нет подходящего места, чтобы что-то спрятать. Я, по крайней мере, таких не вижу.

— Ну, если мы будем здесь стоять и препираться, мы точно ничего не найдем, — проворчал Бэверсток. — Давайте двигаться и не забывать смотреть по сторонам. Это все, чего я хочу.

* * *

Минут через двадцать пять ходьбы фонари Бронсона и Анджелы выхватили впереди из темноты резкое понижение потолка туннеля; торчащее посередине скальное образование по форме было точно азиатская пагода: оно изящно загибалось книзу, а края простирались вверх. Туннель в этом месте заметно расширился.

— Это место встречи, — объяснила Анджела. — Здесь в 701 году до нашей эры встретились две группы строителей.

— Просто поразительно, — искренне восхитился Бронсон, — особенно если представить, с какой легкостью они могли разминуться. Посмотри для сравнения, какие высокие технологии пришлось задействовать при прокладке туннеля под Ла-Маншем, чтобы две бригады проходчиков наверняка встретились в определенной точке в определенное время.

Они двинулись дальше, но через пару минут Бронсон снова остановился.

— Здесь еще один очень короткий боковой туннель, — сообщил он, — всего несколько футов в длину.

— Здесь их два, — поправила его Анджела. — Такое впечатление, что их начали пробивать рабочие, когда пытались выйти к источнику, но затем, должно быть, сообразили, что двигаются не в том направлении и оставили их так, как есть.

Они тщательно обследовали каждый дюйм ложного туннеля, как над, так и под водой, потом перебрались во второй аппендикс и там повторили процедуру.

— И стены, и потолок здесь довольно неровные, но места, куда можно было бы спрятать даже коробок спичек, не говоря уже о свитке длиной в два фута, я что-то не обнаружил, — заметил Бронсон. — А я так полагаю, что предмет наших поисков будет приблизительно таких размеров?

— Возможно, даже больше, — рассеянно произнесла Анджела, и Бронсону показалось, что она немного расстроена. — Я по-прежнему считаю, что это самое подходящее место, но, может быть, я неправильно истолковала текст... В любом случае, раз мы уже здесь, давай продолжать искать.

Через несколько минут, когда они уже подходили к Силоамскому бассейну и потолок туннеля стал значительно выше, Бронсон заметил высоко в стене темное овальное отверстие.

— На это стоит взглянуть поближе, — заметил он и поводит фонариком вокруг, пытаясь лучше осветить отверстие. — Похоже на полость в скале.

Анджела посмотрела, куда он указывал.

— Да, возможно, ты прав, — сказала она уже более радостно.

Бронсон нашел подходящий выступ и осторожно поставил на него фонарик, так, чтобы луч света падал на отверстие.

— Думаю, здесь около десяти футов, — прикинул он. — Если ты встанешь мне на плечи, то должна будешь дотянуться.

Анджела выключила фонарик и засунула его в карман шортов.

Бронсон сцепил руки в замок и присел. Анджела поставила одну ногу, прислонилась спиной к стене и подняла вторую ногу. Потом она медленно встала на плечи Бронсону, он осторожно продвинулся чуть вперед и, расставив руки, уперся ими в стены узкого в этом месте туннеля.

— Ну как, ты можешь дотянуться? — спросил он.

— Да, как раз засовываю руку внутрь, — ответила Анджела, потом ненадолго замолчала и наконец возвестила звенящим и чуть хрипловатым от возбуждения голосом: — Здесь что-то есть!

63

— Эй, вы слышите голоса, где-то впереди? — спросил спутников Декстер.

— Слышу, но волноваться не стоит, — снисходительно бросил Бэверсток. — Здесь бывает много туристов. Они хотят пройти туннелем, думая, что тем самым приблизятся к Богу. Не отвлекайся и продолжай смотреть в оба.

— Я был бы не прочь убраться отсюда, — пробурчал Хокстон. — У меня от этого места мурашки по коже.

Бронсон почувствовал, как ноги Анджелы заскользили у него по плечам — женщина выпрямилась и сунула руку в отверстие в стене.

— Что там? — нетерпеливо спросил он.

— Не знаю. Что-то круглое и твердое. Потерпи еще немного, я попытаюсь вытащить эту штуковину.

Она протянула руки как можно дальше и с силой дернула на себя находку. Та со скрипом подалась, но

в следующее мгновение пальцы Анджелы разжались, неизвестный предмет полетел вниз, громко стукнулся о каменную стену и плюхнулся в воду.

— Вот черт!

* * *

Менее чем в двадцати ярдах позади Тони Бэверсток замер на месте и, почти не дыша, стал прислушиваться к раздающимся впереди звукам. Через несколько секунд он повернулся к Хокстону.

— Мне знаком этот голос, — прошептал он. — Это Анджела Льюис, а стало быть, мужчина, который с ней, верно, ее бывший муж. Я говорил вам об этих двоих. Значит, она идет по тому же следу, что и мы с вами. Она обнаружила те же самые подсказки, что и я, и, похоже, пришла к такому же выводу.

— Но она нашла Серебряный Свиток? — спросил Хокстон. — Это все, что меня интересует.

— Откуда я знаю? Давайте подойдем и сами посмотрим.

Не говоря ни слова, Хокстон и Декстер двинулись вперед по туннелю на звук голосов Анджелы Льюис и ее спутника. Хокстон на ходу достал из кармана небольшой полуавтоматический пистолет.

— Анджела, это был он?

— Определенно там что-то было. Подожди еще чуток, я проверю быстро, нет ли в этой дыре еще чего-нибудь. — Через несколько секунд Анджела снова подала голос: — Нет, больше ничего. И это на самом деле не отверстие, скорее небольшой уступ.

Она быстро соскочила с плеч Бронсона и мягко приземлилась на каменный пол.

— Он упал где-то там, — сказал Бронсон и осветил фонарем в воду.

— Прекрасно, — послышался из темноты незнакомый голос, и свет двух внезапно вспыхнувших фонарей ослепил Бронсона и Анджелу.

— Кто вы, черт побери, такие? — гневно спросила Анджела.

Никто не удостоил ее ответом, зато Бронсон отчетливо услышал прозвучавший в полной тишине щелчок. Этот звук ни с чем нельзя было спутать: кто-то передернул затвор, досылая патрон в ствол.

— Анджела, встань мне за спину.

— Очень благородно, — насмешливо протянул неизвестный. — Но ежели вы не уберетесь отсюда сие же мгновение, вам обоим крышка. У вас есть пять секунд.

— Мы... — начало было Анджела, но тут же умолкла, потому что Бронсон схватил ее за руку и потащил вперед по туннелю.

— Пойдем, Анджела. Мы уходим.

Хокстон стоял и выжидал, пока Бронсон и Анджела уйдут как можно дальше в направлении Силоамского бассейна. Наконец, когда шлепанье шагов практически стихло вдаль, он спрятал пистолет и вернулся к Декстеру:

— Ну что ж, по их словам, предмет упал где-то здесь. Давай ты поглядишь, что же это такое?

Хокстон осветил фонариком темную воду.

— Я? — недоуменно спросил Декстер.

— Ну, здесь же вроде больше никого нет. Я стою на стреме, так что не дрейфь — эти двое не вернуться.

Декстер шепотом выругался, но все же протянул Хокстону свой фонарик, набрал в легкие побольше воздуха и погрузился под воду. Голова его скрылась из виду, пока он шарил руками по дну туннеля. Через десяток секунд он с шумом вынырнул, прижимая к груди круглый предмет.

— Что там у тебя? — нетерпеливо спросил присоединившийся к спутникам Бэверсток.

Хокстон посветил фонариком и разочарованно сплюнул. В руках Декстер держал всего-навсего круглый булыжник около четырех дюймов в диаметре.

— Это он?

— Это все, что я смог там найти, — тяжело дыша, сказал Декстер, — но я нырну еще разок.

Он отдал булыжник Хокстону и снова ушел под воду.

— Больше ничего нет, — сообщил Декстер спустя несколько секунд. Он встал в полный рост и стал стряхивать воду с волос.

Хокстон поводил лучом фонарика по сторонам, потом поднял его вверх и наконец осветил тот самый уступ, который ранее заметил Бронсон.

— Должно быть, он свалился оттуда, — раздраженным от постигшего его разочарования голосом сообщил Хокстон. — Господи, как жалко! Я уж действительно подумал: вот оно! Небось он пролежал там последние пару миллионов лет... Ладно, пошли дальше.

Щурясь от яркого солнца, Бронсон и Анджела выбрались из темного нутра Туннеля Езекии возле Силоамского бассейна. Весь поход по древнему водоводу занял у них значительно больше часа, но вот последний участок пути они преодолели с максимально возможной скоростью — ни Бронсон, ни Анджела не представляли, что за вооруженные люди нагнали их в туннеле и чего они хотели. Поиски успехом не увенчались, и в руках у Бронсона по-прежнему была только небольшая водонепроницаемая сумка с запасными батарейками для фонариков.

Силоамский бассейн был расположен в небольшой вытянутой котловине между каменными домами старого Иерусалима. Почти напротив ведущей в туннель арки к улице поднималась огражденная стальными

перелами бетонная лестница. Около полудюжины ребятишек в коротких драных штанишках играли в воде: они брызгались, хохотали и весело перекрикивались. Их беззаботное настроение составляло резкий контраст угрюмым мыслям Бронсона.

— Да, мы попросту напрасно потеряли время, — проворчал он, когда они с Анджелой, поднявшись по ступенькам, оказались на улице. Оба промокли насквозь и все еще дрожали от холода, но жаркое дневное солнышко уже начало высушивать их хлюпающую одежду.

— Да уж, об этом приключении останутся не самые приятные воспоминания, — согласилась Анджела.

— Однако мы выбрались из туннеля целыми и невредимыми, и это главное. Ты уверена, что штука, которую ты выронила в воду, была просто камнем, а не цилиндром или чем-то похожим на свиток?

— Уверена. Она была круглая и тяжелая и на ощупь напоминала именно камень. И когда она ударилась о стену туннеля, звук был как от удара камня о камень. Черт, но кто же были эти двое в туннеле?

— Понятия не имею, знаю только, что мы в серьезной опасности. Уже второй раз за два дня нам угрожают оружием. Оба раза нам исключительно повезло, и мы смогли избежать неприятностей, но кто знает, сколько еще нам будет сопутствовать удача. Сложно сказать, кто были эти двое — по крайней мере, произношение у говорившего было слишком английским, так что вряд ли они из банды Якуба. Но наверняка можно утверждать, что они ищут то же, что и мы. Слушай, может, завяжем с этим, а? Ведь ни одна древняя реликвия не стоит того, чтобы из-за нее умирать.

— Извини, Крис, но если мы не ошибаемся в наших предположениях, за прошедшие века уже погибла куча людей, которые кто искал эту реликвию, кто пытался защитить. Я не собираюсь отступать, особен-

но теперь, когда, мне кажется, мы совсем близко подоברались к ней. Лично я пойду до самого конца, чего бы мне это ни стоило.

64

Предстоящую ночь Бронсон и Анджела решили провести в Иерусалиме. Их выбор места проживания в Тель-Авиве оказался, как показали последовавшие события, ошибочным — кто-то весьма и весьма опасный легко смог их вычислить, — и Бронсон теперь намеревался избегать оживленных мест.

Он поколесил по окрестностям и наконец остановил выбор на маленьком отеле в северо-западном пригороде Гиват Шауль. Район, в котором они оказались, располагался большей частью на склонах Иудейских холмов, а господствовало над ним гигантских размеров кладбище. Здание отеля находилось внизу узкой и крутой боковой улочки, вымощенной плиткой. Ширина проезжей части едва позволила бы проехать малолитражному автомобилю, так что Бронсон даже и не стал туда соваться. Он припарковал взятую напрокат машину за углом, пешком дошел до отеля и снял два номера на третьем этаже.

Гиват Шауль представляет собой странное смешение самых разных архитектурных стилей и являет разительный контраст сердцу древнего города. Если в центре Иерусалима можно потрогать каменные стены, которые простояли тысячелетия, то здесь большинство зданий небольшие и одноэтажные, и многие находятся в весьма плачевном состоянии, хотя и были построены меньше полувека назад. Наряду с ними можно встретить большое число совершенно невыразительных многоквартирных бетонных коробок, преимущественно малоэтажных, хотя отдельные «архитектурные шедевры» могут похвастаться двенадцатью, а то и более этажами. Попадаютсся и редкие особняки, которые напоминают случайному зрителю

о давно ушедших днях, когда искусство домостроения отличалось изысканностью и утонченностью. Довершают общую картину немногочисленные отели, кафе и рестораны.

Засилье кирпича и бетона, прямых углов и параллельных линий лишь изредка нарушалось вкраплениями небольших скверов, посаженных деревьями. В целом же Гиват Шауль имел чисто утилитарное предназначение: люди здесь жили, работали и молились. Бронсон надеялся, что среди этой всеобщей безликости и им с Анджелой проще будет затеряться, скрыться от возможных преследователей. Единственное беспокойство у него вызвало то, что администратор в отеле, несмотря на все возражения, снял копии с их паспортов, поскольку с постояльцев израильских отелей, за исключением туристов, обязательно взимают налог на добавленную стоимость. Предложение Бронсона оплатить сам счет и НДС наличными было вежливо, но решительно отклонено. Закон, объяснил администратор на ломаном английском, есть закон.

Зарегистрировавшись и бросив вещи, Бронсон и Анджела тут же вышли из отеля на улицу. За весь день у них не было во рту и маковой росинки, если не считать очень раннего завтрака, и потому сейчас оба умирали от голода, а небольшой ресторан при отеле должен был открыться только через час. Они направились к центру Гиват Шауль и вскоре нашли кафе, в котором уже подавали обед. Бронсон выбрал столик в глубине зала, так чтобы хорошо было видно входную дверь. Обед прошел быстро и почти в полной тишине.

Когда они снова вышли на улицу, дневной свет уже угасал, а на западе разгорался очередной потрясающий воображение закат.

— Какая красотища, правда? — прошептала Анджела, остановившись на несколько мгновений на потрескавшемся тротуаре, чтобы поглядеть на хаотично расположенные на закатном небе разноцветные полосы и пятна.

— Да, конечно, — просто ответил Бронсон и взял Анджелу за руку. Они стояли совсем рядом, и Бронсон в который уже раз подумал: как хорошо было бы вот так вот стоять здесь и знать, что впереди еще несколько дней безмятежного отдыха. Реальность же была далека от идиллии: они ввязались в авантюру, которая буквально с каждым часом казалась ему все опаснее и опаснее.

— Ладно, давай возвращаться в отель. У нас еще много работы.

Бронсон криво усмехнулся и, повернувшись, пошел за Анджелой. Пять секунд, чтобы насладиться закатом, а потом снова за работу — да, охота за реликвиями действительно всецело захватила ее.

В этом отеле мини-бары в номерах не были предусмотрены, поэтому, чтобы скрасить вечернее бдение, Бронсон, пока Анджела поднималась по лестнице, прихватил внизу в баре джина с тоником.

Наконец, когда они расположились в номере Анджелы, а на маленьком круглом столике перед ними были расставлены напитки, Бронсон задал очевидный вопрос:

— Итак, в Туннеле Езекии мы потерпели полную неудачу. Что будем делать дальше?

— То, что, как мне кажется, сделал бы любой грамотный полицейский офицер, — сказала Анджела и нетерпеливо взглянула через стол на Бронсона. — Мы должны еще раз обратиться к «свидетельским показаниям». Нужно перечитать арамейскую надпись и попробовать ее заново осмыслить.

Она откинулась на спинку стула.

— На мой взгляд, существуют всего три варианта. Первый и наиболее очевидный — мы искали в нужном месте, но за прошедшие две тысячи лет кто-то побывал в Туннеле Езекии, нашел Серебряный Свиток, а потом то ли продал его, то ли переплавил или бог знает что еще сделал, и в итоге его просто больше не

существует. Конечно, я надеюсь, что этого не произошло.

— Но все же такой вариант возможен? Может, мы охотимся за тем, чего больше не существует?

— Да, это возможно, но, думаю, маловероятно. Такой уникальный и сделанный из такого материала предмет почти наверняка должен был остаться в целости и сохранности до наших дней. Кто бы его ни обнаружил, он наверняка должен был догадаться, что историческая значимость надписи на металле имеет много большую ценность, чем сам металл, из которого изготовлен свиток. И если бы его все же нашли, об этом сохранилось бы упоминание в исторических хрониках.

Второй возможный вариант — реликвия до сих пор спрятана где-то в окрестностях Храмовой горы, но не в Туннеле Езекии. В этом случае у нас возникнут трудности. Известно о существовании множества туннелей под Горой, но проникнуть в них никак невозможно, потому что входы заложены кирпичом или же завалены тоннами камней. И потом — на самой Храмовой горе, на так называемой Нижней платформе, сорок с чем-то резервуаров, и некоторые из них просто огромные.

Нужно не забывать, что Храмовая гора — одна из древнейших «строительных площадок» в истории цивилизации. На протяжении столетий десятки архитекторов и строителей оставили на ней свой, так сказать, след. — Анджела помолчала, потом наклонилась и достала сумку с ноутбуком. — Пожалуй, мне проще будет показать тебе на картинке. Смотри.

Она вывела на экран план Храмовой горы и начала рассказывать, показывая при этом наиболее примечательные места.

— Гора состоит из четырех стен, которые окружают естественный холм и вместе образуют довольно большое по площади сооружение с плоской вершиной. Восточную и южную стену можно видеть и по-

ныне, стена же с северной стороны сейчас полностью погребена под более поздними зданиями и сооружениями. Северный участок Западной Стены также скрыт новостройками, а большая ее часть вообще находится под землей. На вершине Горы в дальнейшем была сооружена ровная платформа, включающая в себя и коренные породы изначального холма. На этой платформе был построен Купол Скалы — самая почитаемая мусульманами святыня в Иерусалиме. Ты наверняка обращал внимание на это величественное сооружение, увенчанное золотым куполом.

Прямо посередине здания возвышается скальный выступ, который называют Камнем Основания. Отсюда, согласно верованиям мусульман, Мухаммед начал восхождение на небо. Под Камнем Основания находится маленькая пещерка, известная как Колодец Душ. Мусульмане считают, что, когда наступит конец света, здесь соберутся души умерших в ожидании Страшного суда.

— Ага, — сказал Бронсон. — Пока все понятно.

— Хорошо, тогда продолжим, — усмехнулась Андже́ла, и Бронсону пришлось совершить героическое усилие, чтобы не наклониться и не поцеловать ее. — Это мы с тобой говорили о Верхней платформе, но есть еще и Нижняя, которая как раз занимает бо́льшую часть Храмовой горы. В одном ее конце расположена мечеть Аль-Акса — это строение с серым куполом. На восточной и северной сторонах посажены сады, а на самой северной оконечности находится исламская школа. На этой платформе также расположен фонтан Аль-Кас, который некогда снабжался водой по акведуку из так называемых прудов Соломона в Вифлееме. В наши дни он питается водой из центрального водопровода Иерусалима.

Андже́ла ткнула пальцем в точку на краю плана Храмовой горы.

— В стенах имеется несколько ворот, но, пожалуй, наиболее известные из них — Золотые ворота.

Согласно иудейской традиции, именно через них в Иерусалим однажды войдет Мессия. Правда, ему придется прихватить с собой молоток и зубило, поскольку в настоящее время ворота полностью заложены камнями. Собственно говоря, замурованы все ворота без исключения. Есть здесь двое ворот Хульды — их еще называют двойными и тройными воротами, так как в одних три арки, в других — две. Эти ворота служили основным входом (и, соответственно, выходом) на Храмовую гору из старейшей части Иерусалима, которая носила название Офель. Потом идут ворота Баркли (не имеющие, конечно, ничего общего с банком)¹ и ворота Уоррена. Они названы так в честь Чарльза Уоррена. Его имя я уже упоминала пару раз, но ты-то точно должен знать, кем он был.

— Я? Почему же?

— Слышал о Джеке-потрошителе?

— Тот самый Чарльз Уоррен? Комиссар Скотленд-Ярда? Какого черта он делал в Иерусалиме?

Анджела снова улыбнулась:

— До того как он стал комиссаром и не смог поймать самого известного в британской истории серийного убийцу, Чарльз Уоррен служил офицером — лейтенантом — в Королевском инженерном корпусе. В 1867 году ему было поручено принять участие в изучении Храмовой горы в составе экспедиции, финансируемой Фондом исследования Палестины. В ходе работ было обнаружено несколько туннелей, идущих не только под самой Горой, но и за ее пределами, включая и те, которые проходили непосредственно под старой штаб-квартирой тамплиеров. Другие туннели заканчивались разнообразными резервуарами и, по-видимому, представляли собой более не используемые по прямому назначению акведуки.

¹ Банк Баркли (англ. Barclay's Bank) — один из крупнейших банков в Великобритании.

Помимо туннелей, он занимался исследованиями внутри замурованных ворот. Так, за Золотыми воротами, воротами Уоррена и Баркли он обнаружил коридоры и лестницы, которые первоначально вели на поверхность Храмовой горы. За воротами Хульды оказались туннели, которые тянулись на некоторое расстояние под Горой, а к северу от мечети Аль-Акса из них можно было по ступенькам подняться на поверхность.

Интересный факт: к востоку от коридора, идущего от тройных ворот, находится большое сводчатое строение, которое обычно именуют Конюшнями Соломона, хотя на самом деле оно никак не связано с легендарным царем. Его возвел Ирод, когда проводил работы по расширению площади перед Храмом. Впоследствии сохранились свидетельства, что оно действительно использовалось под конюшню, вероятно, тамплиерами. Уоррен установил, что одной из функций этого строения была поддержка искусственной насыпи Храмовой горы.

Уоррен также обнаружил множество туннелей, идущих под коридором от тройных ворот, ниже основания Храмовой горы. Они вели в разных направлениях, но с какой целью, для чего они были построены, Уоррен так и не догадался. И конечно, с тех пор никого больше во внутренности Горы для проведения исследований не допускали.

— И мы не сможем проникнуть в ворота или в эти туннели?

— Увы, — ответила Андже́ла. — Был один случай, в 1910 году. Англичанин по имени Монте́гу Паркер подкупил мусульманских стражников, охранявших Храмовую гору, и под покровом ночи принялся копать в районе Шахты Уоррена. Когда его обнаружили, поднялся большой шум, дело едва не дошло до беспорядков, и Паркеру очень повезло, что ему удалось убраться оттуда живым. То вообще была достаточно запутанная история; в нее был вовлечен не-

кий финский мистик, который утверждал, что обнаружил в Еврейской Библии (если быть точным, то в Книге пророка Иезекииля) зашифрованные указания на местонахождение ни много ни мало Ковчега Завета. Сейчас, — прибавила она, — я тебе покажу.

Она набрала несколько слов в поисковике «Гугл», выбрала среди предложенных вариантов один сайт и дважды кликнула по ссылке. Открылась страничка, и Андже́ла пролистнула ее вниз.

— Вот это — Монте́гю Паркер. — И она показала на фотографию мужчины с невыразительными чертами лица. На голове у него при ближайшем рассмотрении оказалась фуражка офицера Королевских ВМС; он стоял на террасе отеля, частично закрывая собой его название.

Андже́ла протянула руку к тацпаду, но Бронсон жестом показал, чтобы она не спешила.

— Ты это прочитала? — спросил он и ткнул пальцем в размещенный под фотографией текст.

— Нет, — ответила Андже́ла и пригляделась повнимательнее. Через пару минут она отодвинулась от экрана и воскликнула: — Черт! Ну почему мне было не зайти на этот сайт, *перед тем* как мы отправились к источнику Гихон? Я раньше об этом не читала.

В тексте достаточно подробно описывалось, как экспедиция Монте́гю Паркера почти что три года провела в Туннеле Езекии; они безостановочно копали шурфы, расширяли туннель — все ради того, чтобы отыскать легендарный Ковчег Завета.

— Какая же я недотепа! — заявила Андже́ла, и лицо ее омрачила гримаса раздражения. — Надо было провести более тщательное исследование. Мало того что мы без толку потеряли время, так нас там еще чуть не убили.

— А что с другими резервуарами? — тактично сменил тему разговора Бронсон.

— Да, конечно. Большинство их очень отличается друг от друга, они бывают самого разного вида и кон-

струкции — вероятно, потому, что их создавали на протяжении веков различные группы людей. Некоторые представляют собой просто грубо вырубленные в скале углубления, в то время как к сооружению других подходили более тщательно и они подвергались значительной обработке. Парочка из них — они, как правило, известны под номерами один и пять, — возможно, выполняла некую религиозную функцию, связанную со Вторым Храмом. Такой вывод был сделан на основании их местоположения на Горе. В резервуаре номер пять, кроме того, имеется заваленный землей проем, но куда он ведет, пока выяснить не удалось. Вероятно, позади известного резервуара есть и другая — а может, и не одна — подземная полость.

— И каких размеров эти резервуары? На сколько галлонов воды, или же они действительно большие?

— Некоторые были просто огромны. Резервуар за номером восемь может вместить несколько сотен тысяч галлонов, а номер одиннадцать был рассчитан на миллион. Большинство остальных имеют размеры поскромнее, но все они строились именно как резервуары и для хранения достаточного объема воды. Не забывая, что в древние времена вопрос сохранения воды был чрезвычайно важным, и здешние резервуары предназначались для того, чтобы собрать каждую каплю пролившегося дождя.

— Но из твоего рассказа я так понял, что они не имеют четкой хронологической привязки, и потому мы не можем сказать наверняка, какие из резервуаров уже существовали в то время, когда сикарии искали место для укрытия своих реликвий. Так?

— Совершенно верно.

— Дай-ка я еще раз взгляну на наш перевод, — попросил Бронсон.

Анджела открыла сумочку и вытащила с полдюжины сложенных листочков. Бронсон быстро их просмотрел и сказал:

— Я думаю так: в тексте особенно подчеркнуто, что это Резервуар, с большой буквы, за ним идет слово, которое мы пока не расшифровали, а дальше — «месте наступления конца». Мы поняли этот отрывок следующим образом: «в Резервуаре, в месте наступления конца света». Если бы там, где сикарии спрятали реликвию, был не один резервуар, не логичнее было бы им написать что-то вроде: «резервуар на северной окраине Горы»? По моему мнению, из текста следует, что в выбранном ими месте имелся один-единственный резервуар, причем о нем должно было быть известно всем и каждому.

— Вот почему я и предположила, что речь идет о Туннеле Езекии. Он, конечно же, существовал в первом веке нашей эры и являлся крупнейшим и самым известным из всех хранилищ воды в районе Иерусалима. Но то, что мы узнали, напрочь разбивает мою теорию.

— Тогда из всего этого можно сделать только один вывод, — объявил Бронсон.

— И какой же?

— Что мы искали совсем не в том месте. Где бы сикарии ни спрятали свои сокровища, похоже, это не в Иерусалиме. — Он зевнул — сказывалась усталость, накопившаяся за этот чертовски длинный день. — Нам нужно еще раз посмотреть на полную надпись.

65

— Я была абсолютно уверена, что мы находимся на правильном пути, — горячо говорила Андже́ла. — Все, казалось, сходится один к одному. Особенно тот факт, что Туннель Езекии — наиболее очевидный выход из всех резервуаров.

В самом священном из городов мира занималось утро. Оранжево-розовое рассветное небо предвещало очередной изнуряюще жаркий день. Бронсона и Анд-

желу разбудили в такую рань многократно усиленные динамиками крики муэдзинов, созывающих правоверных на утреннюю молитву, — нестройный, незабываемый хор, разносящийся в неподвижном воздухе из многочисленных мечетей древнего города.

Они, как и накануне, сидели в номере Анджели и прихлебывали дешевый растворимый кофе с порошковыми сливками, которые придавали напитку еще более мерзкий вкус. Бронсон спал, как бревно, а вот Анджела выглядела бледной, под глазами у нее набрякли мешки. Вероятно, предположил Бронсон, она большую часть ночи бодрствовала, пытаясь разгадать значение надписи на глиняных дощечках и понять, где же может быть спрятан легендарный свиток.

Бронсон взял со стола листы, на которых был записан перевод старинного текста, и, вглядываясь в разрозненные фразы и слова, попытался найти вдохновение.

— Эта фраза насчет «места, где наступит конец света» напрямую соотносится с Колодцем Душ, той пещерой на Храмовой горе, в которой, как верят мусульмане, соберутся души умерших в ожидании конца света и Страшного суда, — начал Бронсон, потом вдруг замолчал на несколько секунд и продолжил: — Нет, подожди-ка. Ведь сикарии не были мусульманами. Собственно, ислам как религия появился лишь примерно через пятьсот лет после падения Масады, следовательно, наше предположение о месте нахождения реликвии наверняка ошибочно.

Но Анджела с ним не согласилась.

— Крис, все не так просто. Я не предполагала, что место, где был спрятан свиток, имеет какое-то отношение к Колодцу Душ. По моей версии, выражение «конец света» связано с представлениями евреев о Третьем Храме: они верят, что конец света наступит вскоре после того, как будет воздвигнут Третий Храм. Если ты помнишь, Йосеф Бен Халеви рассказывал нам об этом. Евреи, как и мусульмане, счита-

ют, что Храмовая гора, скорее всего, и есть «место наступления конца света»; место, где миру придет конец.

— Вот черт, — пробормотал удрученный Бронсон, — а я-то подумал, что нашел роковую ошибку в твоих построениях. Таким образом, если Армагеддон определенно случится здесь, в Иерусалиме, то сикарии должны были спрятать Серебряный Свиток где-то в этих краях. Пока что все, в чем мы можем быть уверены, — что в Туннеле Езекии его точно нет.

Несколько секунд Анджела с непроницаемым выражением на лице просто сидела и смотрела на Бронсона.

— Что? — недоуменно спросил он.

— Я тебе говорила когда-нибудь, что ты гений? — с сияющими глазами ответила Анджела вопросом на вопрос.

— Если и говорила, то совсем нечасто, — скромно признался Бронсон. — А что я сделал на сей раз?

— Ты только что обнаружил очевидную связь, которую я, признаюсь, совсем упустила из виду. Я так уверилась, что надо искать на Храмовой горе, что просто напрочь забыла про Армагеддон. А это уже совсем другое место.

— Хм, я думал, что Армагеддон — это событие, а не место.

— Действительно, большинство людей, говоря об Армагеддоне, полагают, что это слово означает «конец света». Но на самом деле такое место существует в реальности. Оно называется Хар-Мегиддо, то есть гора Мегиддо. Это примерно в пятидесяти милях к северу от Иерусалима. Там, как гласит Библия, состоится эсхатологическая битва, в которой в последний раз сойдутся силы добра и зла.

— То есть это буквально «место наступления конца света»?

— Да, точнее и не скажешь. Но я не очень хорошо знакома с его историей, так что нужно будет покопаться в Интернете.

— Но как из Хар-Мегиддо получился Армагеддон? — спросил заинтересованный Бронсон.

— Ну, в данном случае нельзя сказать, чтобы это был ошибочный перевод библейского текста, вроде как история про верблюда, проходящего сквозь игольное ушко.

— А это ошибочный перевод? — удивился Бронсон. — Я и не знал.

— Он самый. Ну чего ради верблюд вдруг захочет пройти через игольное ушко? Это характерный пример заимствованного из Библии выражения, которое не имеет ни капли смысла, но которое сотни лет упорно повторяют со своих кафедр проповедники, и ни одному из них не пришло в голову на минутку задуматься, а какой же смысл кроется за этими словами. Конечно, это неверный перевод.

— И что же это должно означать?

— Бóльшая часть Ветхого Завета написана на древнееврейском языке, за исключением некоторых частей Книг Ездры и Даниила, которые написаны на арамейском; Новый же Завет был написан на греческом диалекте койне. Первый перевод Библии начал человек по имени Джон Уиклиф, а завершил его труд в 1388 году Джон Перви¹. Перевод для Библии короля Иакова делали сразу более пятидесяти ученых. Они работали не только с оригинальными текстами обоих Заветов на древнееврейском и греческом, но и со всеми существовавшими на тот момент переводами.

Поскольку работу вело одновременно большое число людей, неудивительно, что они наделали ошибок.

¹ Имеется в виду первый перевод Библии на английский язык, который английский теолог, провозвестник Реформации Уиклиф (1330—1384) осуществил с Вульгаты, латинского перевода Библии.

В греческом языке есть два очень похожих слова: *camilos*, что означает «веревка, канат», и *camelos*, которое переводится как «верблюд». Человек, переведивший этот отрывок из Нового Завета, ошибочно принял греческое «i» за «e», и с тех пор по сей день церковь продолжает раз за разом повторять его ошибку. Забавно, правда?

Бронсон покачал головой:

— Да, пожалуй, что так. Но как насчет Армагеддона?

— Да. Место это называется Мегиддо, а впереди обычно добавляется либо «тель», что означает «холм», либо — чаще — «хар», то есть «гора». Таким образом, нетрудно представить, как со временем Хар-Мегиддо превратилось в Армагеддон. Мегиддо являлся одним из старейших и важнейших городов на территории современного Израиля, а на равнине возле города состоялось первое зафиксированное в исторических хрониках грандиозное сражение. Вообще, в этом месте произошло несколько десятков битв (все-го, кажется, более тридцати), в том числе три так называемые «битвы при Мегиддо»¹. Последняя случилась в 1918 году между войсками Великобритании и Османской империи. Но наиболее известна самая первая, что состоялась в пятнадцатом веке² до нашей эры между египтянами под предводительством фараона Тутмоса III и ханаанской армией, которую возглавлял царь города Кадеш, объединивший свои силы с правителем Мегиддо. Кадеш находился на территории нынешней Сирии, недалеко от современного города Химс, и, так же как и Мегиддо, являлся важ-

¹ Три наиболее значительные вошедшие в историю «битвы при Мегиддо» включают в себя, помимо двух упомянутых в тексте, также сражение в 609 г. до н.э. между Египтом и Иудеей.

² Битва между египтянами и ханаанской армией, согласно разным источникам, произошла либо действительно в XV веке до н.э. (в 1457 г.), либо в конце XVI века до н.э. (опять же, по разным данным, в 1502, 1503 или 1504 г.).

ным и хорошо укрепленным пунктом. Нам так хорошо известны подробности той битвы, поскольку повествующая о ней надпись была высечена на стенах храма Амона в египетском Карнаке.

— Значит, в Мегиддо произошла первая в истории битва, о которой сохранились документальные свидетельства, и здесь же случится последняя битва всех времен?

— Ну, если ты веришь тому, о чем сказано в Апокалипсисе, то да. Согласно Откровению Иоанна Богослова, Хар-Мегиддо, или Армагеддон, станет местом «Последней битвы», решающего противостояния сил добра и зла. Это действительно место, где настанет «конец света».

66

Декстер повернул руль направо, и «Фиат» помчался по одной из улиц пригорода Иерусалима Гиват Шауль. Улица эта проходила позади отеля, где, как сообщил доверенный человек Хокстона, недавно сняли два номера Анджела Льюис и Крис Бронсон.

На пассажирском сиденье рядом с Декстером сидел Хокстон. Он был занят тем, что аккуратно вставлял девятимиллиметровые патроны «парабеллум» в магазин автоматического пистолета «браунинг хай-пауэр». На полу перед ним, скрытый от посторонних глаз, лежал другой пистолет — старый, но еще вполне годный «вальтер Р38», уже проверенный и заряженный.

Два дня назад на окраине Тель-Авива он встретился с бывшим офицером израильской армии. Цену за оружие и патроны — а Хокстон купил три пистолета — тот, конечно, заломил просто грабительскую, воспользовавшись тем, что Хокстону больше не к кому было обратиться в этой стране с такой деликатной просьбой, но в то же время это был человек, который не станет задавать вопросов и болтать лишнего.

— Остановись где-нибудь здесь, — приказал Хокстон.

Декстер отыскал свободное местечко и припарковал машину на обогреваемой лучами раннего солнца правой стороне проезжей части.

— Отель находится прямо за углом, — сообщил Хокстон и протянул сообщнику «вальтер».

— Я не очень-то умею обращаться с оружием, — промямлил Декстер, разглядывая вороненую сталь пистолета. — Мне точно нужно его брать?

— Да, черт бы тебя побрал! Эта парочка постоянно идет на шаг впереди меня. Довольно с них! Мы хотим найти Серебряный Свиток, а чтобы наверняка добиться успеха, мы должны заполучить всю информацию, которую накопили эта чертова Льюис с бывшим мужем: фотографии, переводы — словом, все. И если нам для этого придется убить обоих — что ж, мы их убьем.

Декстер по-прежнему сидел с несчастным видом.

— Это так легко, — успокоил его Хокстон. — Просто прицеливаешься и тянешь за спусковой крючок. Первым мы прикончим Бронсона — из них двоих он более опасен. А Анджела Льюис куда охотнее станет с нами сотрудничать, если своими глазами увидит, как подыхает ее бывший муж.

Засунув оружие за пояса брюк и прикрыв его сверху куртками, Хокстон и Декстер выбрались из машины, свернули за угол и, пройдя несколько десятков метров по улице, прошли в холл отеля.

67

— И где находится Мегиддо? Полагаю, мы туда отправимся?

— Ну, разумеется. Это в северном Израиле, на Эсдраелонской равнине, или, как ее иначе называют, долина Езреель.

Анджела поколдовала над ноутбуком и вывела на экран крупномасштабную карту Израиля.

— Вот Эсдраелон, — указала она на лежащую вблизи северной границы страны местность. — Долина Езреель очертаниями напоминает лежащий на боку треугольник, вершина которого расположена на средиземноморском побережье, а основание идет параллельно реке Иордан, вот здесь. Некогда вся эта местность находилась под водой. Собственно говоря, когда-то внутренний водоем, который сейчас называется Мертвым морем, соединялся водной протокой со Средиземным морем. Около двух миллионов лет назад в результате тектонического сдвига участок суши, лежащий между Большим Африканским Разломом и Восточным Средиземноморьем, поднялся, и на месте водного потока появилась пустыня. Как только прекратился отток воды из Мертвого моря, его соленость начала стремительно увеличиваться — результат мы видим сегодня.

— А что сейчас находится в Мегиддо? Разрушенная крепость или что?

— Типа того. Отличительной чертой Мегиддо было его огромное стратегическое значение. В древние времена существовал важный торговый и военный путь, который на латыни носил название *Via Maris*, то есть «Морская дорога», а на древнееврейском — *Derekh HaYam*. Он вел из Египта по равнине вдоль Средиземного моря в Дамаск и Месопотамию. И тот, кто владел городом Мегиддо, контролировал участок пути, известный как *Nahal Iron* (слово *nahal* означает «пересохшее речное русло»), а следовательно, мог контролировать и все передвижения по Морской дороге.

Благодаря своему местоположению Мегиддо является одним из старейших среди известных населенных пунктов в этом регионе, да и на всем земном шаре, если быть точным. Первое поселение там появилось около 7000 года до нашей эры — больше девяти

тысяч лет назад. Окончательно же Мегиддо был покинут в пятом веке до нашей эры, то есть люди постоянно там жили на протяжении примерно шести с половиной тысяч лет.

— Значит, когда туда пришли сикарии — если предположить, что твоя гипотеза верна, — город уже представлял собой руины?

— Да, — кивнула Анджела. — Он был покинут уже в течение более чем пяти веков.

— И ты считаешь, что именно о Мегиддо говорится в надписи на дощечках? Я хочу сказать, теперь ты думаешь, что искать надо скорее здесь, чем в Туннеле Езекии или еще где-то на Храмовой горе?

— Да, — произнесла Анджела извиняющимся тоном. — Сейчас-то я понимаю, что нужно было предусмотреть такой вариант, и уж точно мне следовало бы внимательно просмотреть материалы по истории исследований Туннеля Езекии. И, как ты верно отметил, учитывая то, как рьяно все эти годы раскапывали Храмовую гору, предполагать, что артефакт вроде Серебряного Свитка мог пролежать две тысячи лет незамеченным, по меньшей мере наивно.

— А как насчет Мегиддо? Ведь там наверняка тоже побывали десятки и сотни археологов из разных стран, — неуверенно предположил Бронсон.

— Как ни странно — нет. Конечно, там проводились раскопки, но не так часто и не так тщательно, как можно было бы предположить, учитывая многотысячелетнюю историю этого места. Собственно говоря, до 1903 года в Мегиддо вообще не проводились никакие раскопки. Только в этом году туда была организована спонсируемая Германским Восточным Обществом экспедиция под руководством Готлиба Шумахера. Еще через двадцать лет Джон Д. Рокфеллер финансировал экспедицию Восточного института Чикагского университета, которая продолжала исследования вплоть до начала Второй мировой.

— Постой-постой. Так их раскопки длились аж шестнадцать лет, — заметил Бронсон. — За это время они должны были перерыть весь памятник вдоль и поперек.

— Да, экспедиция действительно длилась долго, но, видишь ли, Мегиддо просто огромен. Площадь, которую занимает сам холм, составляет около пятнадцати акров¹, но большинство археологических раскопок было сосредоточено на довольно небольшом участке, и производились они в основном вглубь, а не вширь. Археологи преимущественно стремились вскрыть как можно больше слоев, относящихся к разным временам и к разным существовавшим в Мегиддо культурам. Этим, в частности, занималась и экспедиция Чикагского университета.

В дальнейшем каких-то значительных событий в Мегиддо не происходило. В шестидесятые годы там недолго работал израильский археолог Игаэль Ядин. С тех пор раскопки памятника проводились каждый второй год; финансирует их Экспедиция Мегиддо, базирующаяся в университете Тель-Авива.

— Хм, судя по твоим словам, памятник вовсе исследуют, — с сомнением произнес Бронсон.

— Пожалуй, так, — не стала спорить Анджела, — но все дело в том, что если бы какая-то из этих экспедиций обнаружила Серебряный Свиток, об этом бы сразу же стало известно всему миру. И не забывай также, что никто из исследовавших Мегиддо археологов не задавался целью найти спрятанные сокровища. Они просто пытались восстановить историю этого места. У нас же с тобой другая задача: мы отправляемся в Мегиддо искать один совершенно конкретный предмет в одном совершенно конкретном месте.

— Значит, где-то на холме есть резервуар? — предположил Бронсон.

¹ То есть порядка 60 000 м².

— Вообще-то, нет, — чуть улыбнувшись, ответила Анджела, — и это есть хорошая новость. Резервуар — это место, где *хранят* воду, а колодец или источник — это где воду *берут*. Когда мы проверяли наш перевод с помощью онлайн-переводчика, он предложил для того арамейского слова, что я перевела как «резервуар», более точное значение «колодец». И в Хар-Мегиддо мы имеем как раз не резервуар, а колодец. Это еще одно подтверждение тому, что мы находимся на верном пути.

— Хорошо, — решительно сказал Бронсон. — Не станем терять времени. Пойду и соберу вещи. Маршрут можем уточнить уже по дороге — все равно двигаться надо на север. — Он глянул на часы. — Будешь готова через пять минут?

68

— Они на третьем этаже, — шепнул Хокстон и нажал кнопку вызова лифта. — В соседних номерах — 305 и 307. Много времени у нас это не займет.

Они вышли из лифта и зашагали по узкому коридору. У дверей номера 305 остановились. Хокстон нагнулся и прижался ухом к двери.

— Там внутри кто-то есть, — прошептал он, потом отступил на шаг назад и вытащил из-за пояса «браунинг». — Прикрывай другую дверь, — приказал он Декстеру, проследил, как тот прошел по коридору к соседнему номеру, и спросил: — Готов?

Декстер, на лице которого застыло несчастное выражение, тем не менее крепко сжал рукоять пистолета и кивнул. Хокстон поднял руку и энергично постучал в дверь.

— Кто там? — спросил Бронсон.

— Ремонтная бригада, — сообщил из коридора глухой, но, несомненно, мужской голос. — У вас в номере неисправна лампа, и мы должны ее починить.

Бронсон отступил от двери. Его смутили два обстоятельства. Во-первых, удивляло произношение неизвестного. Да, все работники отеля, с кем им до сих пор приходилось общаться, так или иначе говорили по-английски — одни с трудом, другие достаточно бегло, но человек, стоявший сейчас за дверью, не просто *говорил* на английском. Насколько Бронсон мог судить, он *был* англичанином. А с чего бы это англичанину работать электромонтером в захудалом отеле в Иерусалиме? Во-вторых, все лампы как в спальне, так и в ванной работали нормально.

— Я только что из душа, — соврал Бронсон. — Мне нужно что-нибудь накинуть.

Он быстро подошел к сумке, которую как раз складывал, когда появился подозрительный «монтер», и побросал в нее оставшиеся вещи. Потом пересек комнату и негромко постучал в ведущую в соседний 307-й номер дверь.

— Подождите буквально полминутки, — громко сказал Бронсон в сторону входной двери, когда Анджела впустила его к себе.

Он быстро проскользнул в полуоткрытую дверь, тихонько ее прикрыл и запер замок.

— У нас гости, — сообщил он. — Собирай вещи. Нам нужно немедленно отсюда смываться.

Не задавая лишних вопросов, Анджела быстро затолкала всю свою одежду в дорожную сумку. Бронсон закрыл ноутбук и сунул его вместе с бумагами и записями в кожаную сумку для портативного компьютера. В этот самый момент из соседнего номера слышался треск раскалывающейся древесины.

Бронсон подошел к входной двери, переложил сумку из правой руки в левую и осторожно повернул ручку. Но едва только он слегка приотворил дверь, стоявший по ту сторону человек ударил по ней ногой, так что она с силой ударилась о стену и только чудом не задела Бронсона. Он быстро выглянул в коридор и

сразу же увидел вооруженного пистолетом незнакомца.

Бронсон среагировал мгновенно. Размахнувшись сумкой, он стукнул неизвестного в лицо и сразу же нанес удар правой ногой в предплечье, так что тот, охнув, выпустил пистолет, который с грохотом покатился по полу; Бронсон же, не давая противнику опомниться, с силой погрузил правый кулак в живот обезоруженного мужчины. Незнакомец, кашляя и задыхаясь, сложился пополам, и Бронсон в полную силу ударил его коленом в лицо.

Струя крови из сломанного носа моментально окрасила ковровую дорожку в коридоре в красный цвет, а мужчина завизжал от боли.

— Беги, — махнув рукой в направлении пожарного выхода, крикнул Бронсон.

Анджела шустро припустила по коридору, а Бронсон тем временем нагнулся и попытался завладеть оброненным оружием, однако поверженный противник, в свою очередь, сам потянулся к пистолету. Бронсону пришлось пнуть ствол ногой, и тот с шумом отлетел на несколько метров в сторону, вне пределов досягаемости обоих мужчин. Бронсон повернулся и побежал следом за Анджелой. Позади он слышал громкие ругательства вперемешку с воплями и предположил, что сообщник выведенного из строя противника брошен в погоню.

Коридор впереди поворачивал направо. Бронсон резко проскочил поворот и сразу же за ним резко остановился. Дальше коридор шел только прямо, и Анджела пока преодолела от силы половину расстояния до выхода. Бронсон понял, что преследователя необходимо задержать — в противном случае, едва только он завернет за угол, они с Анджелой окажутся в положении мишеней в тире.

Крис огляделся в поисках оружия — всего, что могло бы сойти за оружие. Ничего подходящего в коридоре не оказалось, за исключением висящего рядом

на стене огнетушителя. Что ж, эта штука должна пригодиться. Бронсон бросил сумку и снял огнетушитель с кронштейна.

С импровизированным оружием в руках он прошел чуть вперед, так что оказался прямо перед поворотом, и прислушался к топоту ног преследователя, пытаясь определить, как далеко тот находится. Потом он сделал шаг вперед и, держа огнетушитель на уровне пояса, отвел руки назад и в сторону.

Летевший на Бронсона мужчина с зажатым в правой руке автоматическим пистолетом не имел никаких шансов среагировать. Удар тяжелого огнетушителя пришелся ему прямо в живот. Хватая ртом воздух, мужчина опрокинулся на спину, однако пистолет при этом не выпустил и в момент приземления на пол нажал на спусковой крючок.

В узком коридоре выстрел прозвучал подобно удару грома. Пуля пролетела в футе от головы Бронсона, срикошетила от стены и ушла в потолок. Бронсон понимал, что неизвестный очухается уже через несколько секунд, и потому, не колеблясь, швырнул в корчащегося на полу мужчину огнетушитель, а сам схватил сумку и кинулся бежать.

В конце коридора призывно манил к себе аварийный выход. Бронсон нагнал Анджелу, как раз когда она достигла дверей, и со всей силы налег на перекрывающую их горизонтальную перекладину. Та подалась, двери распахнулись, и в ту же секунду взвыла сирена. Только Бронсон успел подтолкнуть Анджелу вперед, как в коридоре прогремел еще один выстрел, и пуля глухо ударилась в стену рядом с ними.

Прямо впереди находилась небольшая бетонная площадка, от которой к проходящей внизу улице зигзагом убегала пожарная лестница. Она же продолжалась и вверх, к верхним этажам здания.

— Ты — первая. И быстро! — скомандовал Бронсон.

Он оглянулся и в дальнем конце коридора увидел мужчину, который так неудачно повстречался с огнетушителем; тот быстро двигался к аварийному выходу, левая рука была прижата к ушибленному животу, правая сжимала пистолет.

В этот момент мужчина снова выстрелил, и Бронсон понял, что дольше ждать нельзя. Он перекинул сумку в левую руку и прыгнул на четыре ступеньки сразу до первой площадки, схватился свободной рукой за поручень и легко перебросил туловище на следующий лестничный пролет.

Тем временем Андже́ла уже почти достигла самого низа.

— Беги! — крикнул Бронсон. — За угол здания!

Спустя несколько секунд он увидел, как Андже́ла, держа в руках сумку, спрыгивает с лестницы.

Наконец Бронсон также добрался до земли и только теперь взглянул вверх. Их преследователь выбрался на бетонную площадку и, перегнувшись через перила, выискивал цель. Бронсон знал, что, пока он находится под прикрытием лестницы со всеми ее площадками, попасть в него будет практически невозможно; стоит же ему ступить на землю, и он тут же окажется на мушке.

Но оставаться на месте было нельзя. Логичнее всего было отправиться следом за Андже́лой, — расстояние до угла здания не превышало двадцати футов, — но Бронсон предполагал, что неизвестный с пистолетом будет ждать от него именно такого решения, и поступил иначе. Он перемахнул через перила и, петляя из стороны в сторону, помчался к противоположному углу отеля.

Крис услышал, как наверху преследователь перемещается на другую сторону площадки, а следом один за другим прозвучали два выстрела, и пули выбили каменную крошку из тротуарных плиток прямо позади Бронсона. Но вот он достиг угла и нырнул за

него. Теперь он находился в безопасности — по крайней мере в данную минуту.

Бронсон бегом бросился к входу в отель и увидел Анджелу — она стояла возле стены и нервно оглядывалась в том направлении, откуда только что прибежала.

— Вот он я, — беря ее за руку, выпалил Бронсон. — давай быстро за мной.

Они бросились от отеля по улице к месту, где Бронсон припарковал машину. Он быстро отпер двери, кинул сумки на заднее сиденье, завел двигатель и рванул с места, ни на секунду не отрывая взгляд от зеркала заднего вида.

На соседнем сиденье Анджела чуть вздрагивала то ли от страха, то ли от перенапряжения — а скорее всего, и от того, и от другого.

— Не говори ничего, — тихонько произнесла она.

— Не буду. Ты ведь и так знаешь: я считаю, что мы играем в очень опасную игру, но я останусь с тобой, что бы нас ни ждало впереди. Итак — в Армагеддон!

— Кажется, этот ублюдок сломал мне нос, — прогундосил Декстер. Они с Хокстоном быстрым шагом шли прочь от отеля. — Я в этом уверен.

— Ты уже раз в пятый талдычишь мне об этом, — все еще тяжело дыша, огрызнулся Хокстон. — Просто заткнись и шагай.

— Куда мы идем?

— Возвращаемся в отель. Посмотрим, удалось ли Бэверстоку продвинуться в изучении надписи.

— А Бронсон и Льюис?

— На данный момент мы их упустили, но рано или поздно мои люди их вычислят — они зарегистрируются в другой гостинице либо еще как-то себя проявят. И тогда мы наконец завладеем теми сведения-

ми, что у них есть. Мы зашли слишком далеко, чтобы останавливаться на полпути.

— А что с Бронсоном? — переспросил Декстер.

— Он уже покойник, — мрачно произнес Хокстон.

69

— Мы искали не в том месте, — открывая дверь номера и выпуская внутрь Хокстона, возбужденно заявил Бэверсток. Тут он увидел Декстера. Тот стоял в коридоре в залитой кровью рубашке. — А с тобой что случилось? — спросил он.

— Кровь у него пошла носом, — небрежно бросил Хокстон. — Так ты говоришь, что Свиток находится не под Храмовой горой?

— Точно. Меня вдруг осенило, где именно должно находиться «место конца света». И это совсем не в Иерусалиме и не в его окрестностях.

Хокстон сел.

— И где же оно?

— Это Хар-Мегиддо, или Армагеддон. Это место упоминается в Откровении Иоанна Богослова — там произойдет последняя битва в истории, решающее сражение между силами добра и зла. Эта битва будет знаменовать конец того мира, который мы знаем.

— Слушайте, Бэверсток, не надо мне здесь пророчествовать. Просто скажите, где находится это чертово Мегиддо.

— Вот оно. — Бэверсток развернул подробную карту Израиля и ткнул толстым пальцем в точку юго-восточнее Хайфы. — Здесь сикарии и спрятали Серебряный Свиток. Я в этом не сомневаюсь.

— Вы точно так же не сомневались, что Свиток спрятан в Туннеле Езекии, — парировал Хокстон. — Насколько вы уверены на сей раз?

— На девяносто процентов, — ответил Бэверсток, — из-за упоминания о резервуаре или колодце. Мне следовало догадаться раньше. В Иерусалиме и

его окрестностях полным-полно всевозможных хранилищ воды. Я сперва думал, что сикарии выбрали Туннель Езекии, поскольку это был основной источник поступления в город свежей воды. Но потом я более внимательно присмотрелся к надписи и понял, что ошибался. Ведь Туннель Езекии, строго говоря, вообще не резервуар. Это акведук, который ведет в Иерусалим от источника Гихон. Резервуар же представляет собой сооружение для хранения воды, часто расположенное под землей. Если бы сикарии спрятали свою реликвию в туннеле, логично ожидать, что они использовали бы иное выражение.

— А в этом Мегиддо есть резервуар?

Бэверсток кивнул:

— На самом деле это источник. Но что здесь важно — это описание самого Хар-Мегиддо. Я совершенно уверен, что автор надписи имел в виду именно это место.

Хокстон обернулся к Декстеру:

— Пойди и умойся. Я не хочу, чтобы ты заляпал кровью все сиденья в машине. И поторопись. Как только приведешь себя в порядок, мы сваливаем отсюда. — Он снова обратился к Бэверстоку. — Бронсону и Льюис удалось сегодня от нас ускользнуть, но я готов прозакладывать последние штаны: они уже разнюхали, что Серебряный Свиток находится в Хар-Мегиддо. Нам нужно попасть туда как можно скорее.

* * *

А Бронсон и Анджела мчались по дороге на северо-запад от Иерусалима. Они обогнули стороной территорию Западного берега реки Иордан и Тель-Авив, проехали города Петах-Тиква и Раанана и наконец в Нетании выбрались на шоссе, ведущее вдоль побережья Средиземного моря по западной границе Шаронской равнины на север до самой Хайфы.

Но перед тем как отправиться непосредственно в Мегиддо, Бронсон собирался кое-что купить. Он повернул руль, и «Рено» двинулся в центр Хайфы.

— Поехали за покупками? — поинтересовалась Анджела.

— Совершенно верно. Ласты, пожалуй, покупать ни к чему — вряд ли мне придется там быстро плавать, — а вот маска наверняка понадобится и еще, возможно, веревка или трос.

Через двадцать минут они вышли из магазина и направились к машине. В руках у Бронсона был небольшой пластиковый пакет и пустой рюкзак. Покупки он кинул в багажник и повел «Рено» на юго-восток от Хайфы в направлении города Афула. Этот путь не был кратчайшим до Хар-Мегиддо, но зато избавлял от необходимости взбираться на Кармельскую гряду, которая разделяла две крупнейшие равнины на севере Израиля: Шаронскую и Эсдраелонскую. Для автомобилиста этот маршрут представлялся более легким и, возможно даже, более быстрым.

— Сейчас только середина дня, — сказал Бронсон. — Может, поедem прямо на место и, по крайней мере, произведем рекогносцировку? Если твоя гипотеза верна и мы ищем что-то вроде подземного туннеля, то нет никакой разницы, пойдem ли мы в него днем или ночью.

— Все верно, — согласилась Анджела, — но только когда мы будем ночью разгуливать с фонариками по Хар-Мегиддо, нужно быть очень осторожными. Свет на горе после закрытия привлечет внимание.

— В каком смысле — «после закрытия»? — не понял Бронсон.

— Видишь ли, Мегиддо пользуется большой популярностью среди туристов. В это время года осмотр развалин заканчивается в пять. И нам, кстати, нужно будет заплатить за вход.

Леви Барак с чувством легкого удовлетворения смотрел на записи, которые набросал, пока общался по радиосвязи с командами наблюдателей. Обе группы охотников за реликвиями, похоже, направлялись в одно и то же место в северной части страны. Бронсон и Льюис имели преимущество перед конкурентами: они уже почти добрались до окраины Хайфы, совершив перед тем короткую остановку в самом городе.

— Бронсон только что свернул на юго-восток, — сквозь треск помех раздался в динамике голос одного из агентов. — Выехал на дорогу, ведущую в Афулу. Или, возможно, направляется в Назарет.

— Продолжайте наблюдение, — приказал Барак, — и следите, чтобы они вас не заметили. Не хватало только сейчас их спугнуть. Я вскоре присоединюсь к вам.

— Вы едете сюда? — Агент был явно удивлен.

— Да. И дайте мне знать, как только они в следующий раз остановятся — пусть даже только чтобы поесть или попить.

— Вас понял.

Барак отодвинулся от микрофона и снял трубку внутренней связи.

— Это Барак. Мне нужно узнать прямой номер телефона командира «Сайерет Маткаль»¹. Когда сделаете это, организуйте не позднее чем через полчаса готовый к вылету военный вертолет, с полными баками и двумя пилотами. Если возможно, вертолет должен

¹ «Сайерет Маткаль» (полное название «Сайерет Мате Клали», или «Разведчики Генерального Штаба») — секретное спецподразделение, находящееся в непосредственном подчинении начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля. Создано в 1957 году для осуществления диверсионно-разведывательных мероприятий, боевой поддержки спецслужб, контртеррористических мероприятий и акций возмездия, проводимых как на территории Израиля, так и за его пределами.

быть оснащен инфракрасным сканером передней полусферы и камерой ночного видения. — Он посмотрел на наручные часы, потом выглянул из окна, прикидывая время и расстояния. — И никаких задержек. Игра подходит к концу.

71

Перед ними раскинулась Эсдраелонская равнина — ковер плодородных полей всех оттенков зеленого цвета, перемежающийся кое-где рошицами и просто отдельными группами деревьев. Дорога, извиваясь, уходила от Хар-Мегиддо к склонам цепочки холмов, которые протянулись в направлении далекого горизонта, и постепенно исчезала в дрожащем маре.

Следуя написанным на двух языках (иврите и английском) дорожным указателям, Бронсон повернул на перекрестке на север, на шоссе 66, ведущее в Мегиддо. Через пару минут он свернул налево и почти сразу же — еще раз налево. На парковке у подножия холма он отыскал свободное местечко, втиснул туда «Рено» и выключил двигатель.

Несколько секунд они с Анджелой просто сидели и молча взирали на возвышающийся прямо над ними отвесный склон.

— Какой большой, — нарушил тишину Бронсон.

— Я же рассказывала, что площадь города составляет около пятнадцати акров.

— Я помню. Но если ты просто говоришь «пятнадцать акров», это как-то не производит впечатления. А вот когда своими глазами видишь нечто подобное, оно, признаться, ошеломляет. Ты точно знаешь, откуда нам начинать поиски?

— Да. Здесь имеется лишь один источник воды, а вход в ведущий к нему туннель сегодня является одним из самых больших сооружений в Хар-Мегиддо. Все гарнизоны, что базировались здесь на протяже-

нии тысячелетий, сталкивались с одной и той же проблемой, точно такой же, как и в Иерусалиме: единственный надежный источник воды находился за пределами крепости. И решение в Мегиддо нашли такое же, как в Иерусалиме, то есть прорыли подземный туннель непосредственно к источнику.

— Это хорошо, — решительно заявил Бронсон, — только мы ничего не добьемся, если будем сидеть здесь в машине и точить ляды. Пойдем уже и сами посмотрим.

С одной стороны парковки прилепилось одноэтажное здание, в котором располагался музей и центр по обслуживанию туристов.

— Давай сперва заглянем туда, — поглядев на часы, предложил Бронсон. — У нас еще уйма времени до закрытия.

Экспозиция музея оказалась довольно богатой: в ней были представлены многочисленные виды разных участков Мегиддо, а также впечатляющий макет, изображающий город так, как он, предположительно, выглядел в древности. К тому моменту, когда Бронсон и Анджела вышли из музея, они имели уже весьма четкое представление о планировке Хар-Мегиддо; кроме того, Бронсон приобрел путеводитель на английском, в котором была представлена подробная карта всего древнего города.

Они прошли по тропинке, ведущей к расположенному на северном склоне входу в крепость, и начали подниматься на холм. Почти сразу же по обеим сторонам появились руины древних каменных сооружений.

— В путеводителе написано, — показывая на развалины по правую руку от тропинки, сообщил Бронсон, — что это руины ворот, датируемых пятнадцатым веком до нашей эры, а прямо за углом мы должны будем увидеть главный вход в крепость — он носил название Ворота Соломона.

Ворота находились в достаточно хорошем состоянии: сложенные из массивных камней, они, по замыслу строителей, очевидно, должны были успешно противостоять не только вражескому натиску, но и разрушительному действию времени. По одну сторону от ворот располагались три сооружения, напоминающие будки и также весьма неплохо сохранившиеся.

— В каждой из этих будок, — снова сверившись с путеводителем, сказал Анджеке Бронсон, — должна была находиться вооруженная колесница с двумя лошадьми; предположительно, для того, чтобы они в любой момент могли помчаться на равнину и навести там порядок. Я так понимаю, это было что-то вроде современных полицейских машин.

Продолжая идти по утоптанной тропинке, они свернули налево, прошли мимо конюшен царя Ахава (правда, на взгляд Бронсона, полуразрушенные низкие стены и валяющиеся на земле камни были мало похожи на те конюшни, которые ему приходилось видеть в своей жизни) и оказались на небольшой площадке, с которой открывался захватывающий вид на север: на долину Езреель и приютившийся в Галилейских горах город Назарет.

Они остановились возле большого, почти идеально круглого сооружения, к которому вела короткая, с полдюжины ступеней, лестница. Анджека взяла у Бронсона путеводитель и нашла нужное место.

— Этот круглый алтарь был восстановлен — заметить: не построен, а восстановлен — более четырех тысяч лет тому назад. Вероятно, он использовался для жертвоприношений животных. Этот храм, — она показала рукой на очередную груду обвалившихся камней, — был построен приблизительно в то же время. Он называется Восточным храмом. Когда он находился в лучшей сохранности, в нем имелись вестибюль, основной зал и Святая Святых храма в его задней части — ближайшей к тому круглому алтарю.

Анджела помолчала, а потом продолжила:

— Феноменально, правда? Я просто не могу поверить, что все здесь такое древнее. — Она сияющими глазами посмотрела на Бронсона, лицо ее светилось от возбуждения, и так она была прекрасна, что у Бронсона защемило сердце. — Ты, конечно, по-другому все это воспринимаешь. Вся твоя жизнь протекает исключительно в современном мире, я же живу стариной, дышу ею, и я не могу просто так пройти мимо настолько захватывающих вещей.

Анджела взяла Бронсона под руку, и они вдвоем направились в южную часть древнего города.

— А вот это действительно производит впечатление, — сказал Бронсон. Он подошел к металлическим перилам, ограждающим огромную яму, и заглянул в темную глубину. На глаз он определил диаметр этого углубления в сорок, а то и пятьдесят футов, и примерно такова же была глубина. Должно быть, на то, чтобы выкопать в местной каменистой почве яму таких гигантских размеров и обложить ее изнутри камнями, были затрачены не менее гигантские усилия. — Это резервуар? — спросил он Анджелу.

— Нет. Это зернохранилище Иеровоама. Датируется восьмым веком до нашей эры. В него могло войти где-то тринадцать тысяч бушелей.

— А что такое бушель?

— Единица объема сыпучих тел. Один бушель — это около восьми галлонов. Видишь двойную лестницу?

Бронсон снова посмотрел в яму и увидел, что Анджела указывает на две грубо сложенные лестницы, образующие фактически часть стены зернохранилища. Каждая имела в ширину, пожалуй, немногим более пары футов и шла по спирали от верха до самого низа. Располагались лестницы одна напротив другой.

— Надо полагать, две лестницы были сделаны для того, чтобы работники, которые переносили или собирали зерно, могли спускаться по одной, а поднимать

ся по другой и тем самым не мешать друг другу, — предположил Бронсон.

Анджела кивнула, не отрывая взгляда от гигантской ямы.

— Не хотелось бы мне самому спуститься туда. Уж больно они узкие, а лететь до низа довольно долго, — прибавил Бронсон.

— Для этого и сделано металлическое ограждение, — заметила Анджела и отошла от древнего сооружения.

Из всех сооружений, что они видели до сих пор в Хар-Мегиддо, зернохранилище находилось в наилучшей степени сохранности; окружали же его призраки былых величественных зданий, от которых теперь остались лишь жалкие стены высотой, быть может, чуть больше фута. Сквозь растрескавшиеся камни, из которых прежде были сложены полы комнат и коридоров, проросли пальмы — финиковые, как предположил Бронсон. И всюду, создавая безошибочное впечатление невероятной древности, таких бесчисленных лет, что их почти невозможно было постичь рассудком, валялись каменные блоки — светло-серые, почти белые. Почувствовав, что, несмотря на жару, Анджелу пробирает легкая дрожь, он осторожно обнял ее за плечи, и они пошли дальше.

— А здесь находятся руины, о которых прежде думали, что это остатки знаменитых конюшен царя Соломона, — сказала Анджела. — Но в последнее время их возраст был пересмотрен, и теперь считается, что конюшни, вероятно, построили во времена царя Ахава — он правил Израилем в девятом веке до нашей эры. Возможно, они находятся на месте, где прежде стоял дворец Соломона. Согласно приблизительным оценкам, конюшни могли вместить около пяти сотен лошадей и, кроме того, еще и боевые колесницы. В то время Мегиддо был известен как «Город колесниц», и колесницы тогда являлись самым действенным сред-

ством в любой мелкой стычке или же серьезной битве на равнинах — своего рода ударные войска.

Анджела огляделась по сторонам.

— Так, пойдем по этой тропинке на юго-запад. Она должна привести нас к началу туннеля, ведущего к резервуару.

— А какого возраста этот туннель? — спросил Бронсон, когда они пошли в нужном направлении.

— Поначалу предполагалось, что он мог быть построен ни много ни мало в тринадцатом веке до нашей эры, но более поздние исследования почти неопровержимо доказали, что произошло это в девятом веке. Таким образом, — Анджела произвела в уме несложные арифметические вычисления и закончила, — его возраст составляет почти три тысячи лет.

Она посмотрела на Бронсона и улыбнулась.

— А источник воды, стало быть, находился за городскими стенами?

— Точно. Это был родник в пещере, вон там, — сообщила Анджела и показала рукой вперед. — Во времена правления Соломона по его приказу в стене пещеры была прорублена шахта, для того чтобы обеспечить более удобный доступ к источнику. Однако это не решало проблемы получения воды в случае осады Мегиддо. Ахав оказался намного более честолюбивым человеком. При нем была сооружена широкая шахта, которая начиналась здесь, на вершине холма, пробиwała все нижележащие пласты и уходила дальше, прямо в коренные породы. В итоге шахта достигла глубины порядка двухсот футов, и только тогда-то и началась настоящая работа. Сквозь толщу скалы в пещеру был пробит горизонтальный туннель длиной почти в четыреста футов. Таким образом, город получил тайный и неуязвимый доступ к источнику свежей воды. И в качестве финального штриха Ахав приказал замуровать естественный вход в пещеру массивными камнями, а потом засыпать камни зем-

лей, так чтобы возможные враги даже не догадались, что здесь когда-то была пещера.

Пока Анджела все это рассказывала, они как раз подошли к краю упомянутой шахты — огромной ямы с наклонными стенами. Она была таких гигантских размеров, что зернохранилище по сравнению с ней показалось бы небольшим углублением в земле. Похоже было, что, в отличие от зернохранилища, сооружение никогда не было полностью облицовано камнями, просто потому что отсутствовала такая необходимость. Однако вплоть до ровного дна рукотворной бездны виднелись руины разнообразных вспомогательных стен и террас. В том месте, где стена шахты имела наименьший уклон, можно было заметить разрушающиеся остатки старой каменной лестницы. Глядя на нее, Бронсон подумал, каким изнурительным мероприятием должен был быть для защитников крепости подъем по крутой лестнице, да еще и с полными кувшинами воды.

Поверх низенькой каменной стены, опоясывающей большую часть периметра гигантской шахты, был вмонтирован стальной барьер. В одном месте в барьере имелся проход, ведущий к современной бетонной лестнице с перилами и расположенными на определенном расстоянии друг от друга горизонтальными площадками. Таким образом, туристы могли спокойно и безопасно спуститься на самое дно древнего сооружения.

— Для того чтобы попасть вниз, — сообщила Анджела, — необходимо преодолеть около двухсот ступенек. Радует то, что подниматься нам не придется. Выход для туристов соорудили с противоположной стороны туннеля, через каменную стену, которую построил три тысячелетия назад Ахав.

Бронсон оглянулся вокруг. День клонился к вечеру, и последние группки туристов собирались пройти четырехсотфутовым туннелем до пещеры с источником.

— Нам нужно уходить отсюда и на некоторое время где-нибудь затаиться, — сказал Бронсон. — И лучше будет также убрать машину со стоянки и спрятать поблизости. Я не желаю афишировать наше присутствие. Думаю, не погрешу против истины, если предположу, что те двое, что пытались напасть на нас утром в отеле, ищут нас и вполне могут оказаться неподалеку.

— Я стараюсь не думать об этом происшествии, — с озабоченным видом произнесла Анджела. — Давай-ка пройдем внутрь и поглядим, на что похож наш резервуар.

Туннель их приятно удивил. Бронсон ожидал увидеть что-то наподобие Туннеля Езекии: узкий, извилистый, с нависающим над головой потолком, но, возможно, сухой. Однако туннель в Хар-Мегицдо оказался прямым, как стрела, широким, высоким (в некоторых местах высота его достигала девяти-десяти футов), хорошо освещенным; пол его был выложен досками, так что туристы могли безо всяких затруднений пройти от одного конца до другого.

На всем протяжении Бронсону и Анджеле никто не встретился. В дальнем конце они спустились по ступенькам непосредственно к источнику и, остановившись на самой нижней площадке, заглянули в плещущуюся под ногами воду.

— Он, похоже, глубокий, — нарушил тишину Бронсон.

— Да, — согласилась Анджела. — Большинство колодцев такие.

— И холодный, — со вздохом прибавил Бронсон. Он понимал, что в воду придется лезть именно ему. — Вся хитрость будет состоять в том, как выбраться оттуда. Хорошо, что я сообразил купить веревку. — Он помолчал несколько секунд, осмысливая увиденное в пещере. — Ну ладно, мы посмотрели все, что было нужно. Теперь можно идти.

Вечер был в разгаре, и уже почти совсем стемнело, когда Бронсон остановил «Рено» на обочине дороги в сотне ярдов за въездом на парковку перед Хар-Мегиддо. Потом задним ходом загнал машину в кусты, где она была надежно скрыта от посторонних взглядов, и выключил двигатель.

Около четырех часов назад они покинули Мегиддо, проехали по шоссе пару миль и, найдя открытое кафе, слегка перекусили. После ужина Бронсон припарковал машину в тени группы деревьев, росших в пустынной местности возле Афулы, и попытался, сколько возможно, поспать. Он понимал, что для осуществления задуманного плана ему понадобится этой ночью мобилизовать все имеющиеся силы. Пока Бронсон отдыхал, Анджеला не теряла времени даром и еще раз внимательно просмотрела все свои записи, варианты переводов, чтобы быть абсолютно уверенной, что они не упустили ни одной детали. Проснувшись, Бронсон в последний раз проверил купленное в Хайфе снаряжение, а потом он и Анджела переоделись в темные спортивные костюмы и кроссовки.

Они возвращались в Хар-Мегиддо, и заходящее солнце светило им прямо в глаза. Вот оно начало скрываться за невысокими (максимальная их высота едва ли достигает тысячи восьмисот футов, а сама гряда протянулась примерно на тринадцать миль к юго-востоку от средиземноморского побережья в районе Хайфы) вершинами Кармельской гряды, и лежащие по обеим сторонам дороги зеленые поля Эсдраелонской равнины стали быстро окутываться тенью.

Бронсон повернулся к Анджеле.

— Ты готова?

— Готова как никогда.

Бронсон достал из багажника рюкзак, быстро проверил его содержимое, потом закинул на плечи, запер машину, и они двинулись в путь.

Главный вход в древний город в столь поздний час был, скорее всего, закрыт, но Бронсона это обстоятельство не смущало. Территорию такого огромного памятника, как Хар-Мегиццо, практически невозможно полностью блокировать для доступа нежелательных гостей, и, конечно, были такие места, где ограда является чисто символической. Кое-где склоны холма настолько крутые, что возводить на них какие-либо ограждения просто не имело смысла.

— Здесь, я думаю, — тихо сказал Бронсон и направился вверх по довольно крутому склону к тому месту, где заканчивался забор. Во время дневной рекогносцировки он заметил там небольшую брешь и решил, что они оба смогут через нее пролезть.

Когда они достигли конца ограды, Андже́ла первой перебралась на ту сторону. Бронсон передал ей рюкзак и приготовился лезть следом.

— Иди напрямик к входу в туннель, — все так же негромко сказал он, — и смотри себе под ноги. Здесь половина камней шатается, а вторая — готова рассыпаться в пыль, когда на них наступишь.

Андже́ла пошла в указанном направлении. Бронсон посмотрел, как она поднимается по длинному крутому склону, ведущему до самой вершины холма, и двинулся следом.

В этот поздний час в древнем городе не было ни души, и они быстро шли в сторону зияющего чернотой провала — входа в туннель царя Ахава. По бетонной лестнице спустились на дно шахты и остановились перед запертой на внушительный замок стальной дверью. Бронсон опустил рюкзак на землю и открыл верхний клапан. Порывшись внутри, достал складные кусачки, выдвинул ручки и обхватил металлическими губами дужку замка. Сделав глубокий вдох, он со всей силы сжал ручки, лицо его исказила гримаса, а мышцы под костюмом вздулись так, что казалось — они вот-вот лопнут. Вдруг раздался гром-

кий треск, сталь поддалась усилиям, и сломанный замок упал на землю.

— Ну, вот мы и внутри, — удовлетворенно произнес Бронсон, убрал кусачки в рюкзак и открыл дверь.

— Жутковато здесь, — прошептала Андже́ла, когда они вступили в темноту туннеля. — Я и не представляла, насколько страшнее будет в таком древнем месте ночью.

— Свет зажигать нельзя — это может вызвать тревогу. Остается полагаться на наши фонарики.

Два узких лучика света пронзили темноту. С включенными фонарями Бронсон и Андже́ла могли, по крайней мере, видеть, куда идут и что у них под ногами. Однако Андже́ла выразилась как нельзя точно: в этом месте было жутковато. Оба они буквально физически ощущали невероятную тяжесть многих тонн камня и земли над головой, а также давящую со всех сторон невообразимо древнюю историю.

Смысла искать в самом туннеле не было — в расшифрованной надписи речь совершенно четко шла о резервуаре или колодеце. Если свиток все еще здесь, найти его можно будет только непосредственно в источнике, и нигде больше.

В конце туннеля был устроен спуск, так чтобы любопытствующие могли подойти прямо к источнику. Бронсон и Андже́ла спустились по ступенькам на самую нижнюю площадку и оказались всего в паре футов от поверхности воды. Крис открыл рюкзак и на этот раз достал из него моток веревки. Один ее конец он споро обмотал вокруг металлического поручня в основании лестницы, потом — чтобы подстраховаться — привязал ее еще и к опоясывающему площадку над самой водой деревянному ограждению. Теперь он мог спуститься в воду прямо с площадки и потом на нее же выбраться. Наконец, перед тем как швырнуть свободный конец веревки в колодец, Бронсон завязал на ней несколько узлов на расстоянии примерно фута друг от друга.

— Для чего эти узлы? — спросила Андже́ла. Она подсвечивала Крису фонариком.

— Когда я буду вылезать из воды, я весь замерзну — я ведь не шутил, когда говорил, что внизу должно быть чертовски холодно, — и руки у меня немеют. По гладкой веревке они могут скользить, а так хоть будет за что уцепиться.

Бронсон быстро скинул кроссовки и носки, затем стянул рубашку, брюки и нижнее белье. Не смущаясь своей наготы (вокруг было темно), он коротко улыбнулся Андже́ле, достал из рюкзака маску и натянул на голову. Следом Бронсон вытащил черный прорезиненный фонарь, который был больше и тяжелее того, с которым он исследовал Туннель Езекии.

— Передашь мне фонарь, когда я залезу в воду? Прыгать туда как-то не хочется — кто его знает, какая там глубина; да еще запросто можно напороться на подводные камни или еще какую-нибудь дрянь.

Андже́ла неожиданно наклонилась и крепко сжала Бронсона в объятиях.

— Крис, будь осторожен, — прошептала она.

Бронсон перекинул ноги через деревянное ограждение, ухватился обеими руками за болтающуюся веревку и несколькими решительными движениями опустился в колодец.

— Господи, холодно-то как, — пробормотал он, когда ноги погрузились в воду. Держась одной рукой за веревку, другой он сдвинул на лицо маску, а потом потянулся за фонариком.

Когда тот оказался у Бронсона в руках, он первым делом посветил по сторонам, исследуя стенки резервуара. Однако те оказались совершенно ровными, без выступов и углублений. Бронсон поднял глаза на Андже́лу, послал ей ободряющую улыбку и погрузился в темную воду.

На глубине трех или четырех футов он нащупал выступающий из стены камень и крепко за него ухватился — таким образом, он мог удерживаться на этой

глубине и не выскочить, как пробка, на поверхность. В верхней части колодец был слишком узким, чтобы в нем можно было плавать, поэтому Бронсону не оставалось ничего другого, кроме как продолжать погружаться и хвататься за что только возможно, дабы удержаться на время поисков под водой.

Радовало его то обстоятельство, что водонепроницаемый фонарь пока что оправдывал свое название и исправно освещал серо-коричневые каменные стены резервуара. Однако стены эти, похоже, были совершенно ровными — ни одного мало-мальски пригодного углубления, естественного или рукотворного, в котором можно было бы что-то спрятать.

Бронсон принялся тщательно обследовать стены колодца; фонарь он держал в левой руке, а правой отталкивался, кружа таким образом вокруг своей оси. Наконец он отпустил каменный выступ и вынырнул на поверхность, чтобы набрать воздух в легкие.

— Нашел что-нибудь? — возбужденно спросила Андже́ла, когда он показался над водой.

Бронсон молча покачал головой, сделал глубокий вдох и снова нырнул. На сей раз он погрузился на большую глубину, чем в предыдущий, — футов, должно быть, на шесть, но с тем же результатом. Вернее, его отсутствием. Вокруг по-прежнему была сплошная серо-коричневая скала.

Снова вынырнув на поверхность, Бронсон поднял маску и посмотрел на Андже́лу.

— Я опустился где-то на шесть футов и ничего не обнаружил. Мне кажется, люди, которые спрятали свиток, вряд ли смогли бы нырнуть глубже. Как ты думаешь?

— Понятия не имею. Но ты исходишь из предположения, что уровень воды в колодце был в те времена таким же, как и теперь, однако наверняка нам это неизвестно. Если, скажем, уровень был тогда на десять футов ниже нынешнего и они ныряли на шесть

футов, то от сегодняшней поверхности получается шестнадцать футов.

— Хм, об этом я не подумал, — признал Бронсон. Потом кивнул, опустил маску и снова скрылся под водой.

В последующие двадцать минут он непрерывно нырял, поднимался вверх глотнуть воздуха и снова нырял, хватался за подходящую опору и искал — но тщетно — любое углубление или трещину в сплошных скальных стенах. И с каждым разом, поднимаясь на поверхность, он чувствовал, что еще больше устал и замерз.

— Надолго меня не хватит, — стуча зубами, выговорил наконец Бронсон. — Еще три-четыре погружения — и я пас.

— Крис, ты и так уже сделал больше, чем мог. Я и не думала, что придется нырять на такую глубину.

— Я тоже, — пробормотал Бронсон и поправил маску. «Если только эта штуковина действительно здесь», — подумал он и в очередной раз нырнул в колодец.

Ему удалось погрузиться футов на пять-шесть глубже, чем до того. Он привычно ухватился за очередной скальный выступ и осмотрелся. Далековерху неясно виднелся кружок света — освещенная фонариком Анджели поверхность колодца. Здесь же, на глубине, он, похоже, несколько расширился, так что даже в луче света мощного фонаря противоположная стена была еле-еле видна. Бронсон подумал, что колодец, должно быть, был сделан в форме колокола — имея довольно узкое «горлышко» сверху, он значительно раздавался в стороны на глубине (по прикидкам Бронсона, двадцати — двадцати пяти футов от современной поверхности).

Понимая, что воздуха у него хватит еще максимум секунд на двадцать, Бронсон приступил к изучению ближайшей стены и ничуть не удивился, обнаружив, что она практически ничем не отличается от

всех обследованных им до сих пор участков стен колодца. Потом он передвинулся на несколько футов в сторону. И еще на несколько. Результат был неизменным — ничего.

Легкие Бронсона запротестовали от нехватки кислорода. Он отлепился от скалы и начал медленно подниматься к поверхности. При этом он продолжал машинально осматривать стены, и внезапно луч фонаря на короткий миг выхватил из темноты что-то необычное, такое, что ему еще не доводилось видеть в этом колодце. Предмет, казалось, имел правильные очертания и не был похож на привычные уже Бронсону каменные выступы, за которые он хватался, чтобы удержаться под водой; он практически горизонтально торчал из стены.

Но в следующее мгновение загадочный предмет уже исчез из поля зрения, а Бронсон продолжал подниматься к кругу света и живительному воздуху.

— Дужки перекушены, — задумчиво пробормотал Хокстон и осветил фонариком лежащий под ногами изуродованный замок. — Они нас опередили.

Хокстон со товарищи прибыл в Хар-Мегиддо из Тель-Авива. Поездка получилась отвратительной: лежащий на заднем сиденье Декстер всю дорогу громко ныл и причитал, как же у него болит сломанный нос. Дважды после Хайфы Бэверсток неправильно прочитал названия на дорожных указателях, из-за чего они немного задержались. Впрочем, как и Бронсон, Хокстон также решил дожидаться закрытия памятника для доступа туристов, и только после этого они перебрались через ограду и проникли в Хар-Мегиддо. Сейчас они стояли возле входа в водоносный туннель.

— Отлично, — прогундосил Декстер. — Я верну Бронсону должок за то, что он сделал с моим носом.

— Если это Бронсон, — сказал Хокстон, — нужно быть очень осторожными. Мы уже знаем, насколько

он может быть опасен. Мы должны застать его врасплох. Поэтому никаких фонариков, никаких разговоров, вообще — никакого шума. Нас трое против двух, мы все вооружены, так что все должно пройти гладко. Обставим дело, будто это были два трагических несчастных случая, а может, просто сбросим тела в резервуар. Бульк — и все дела. Поняли меня?

Декстер и Бэверсток дружно кивнули.

— Мы все ознакомились с фотографиями туннеля, — обратился к подельникам Бэверсток. — По его дну проложен деревянный настил с перилами с обеих сторон, и, как только мы на него ступим, мы даже в темноте легко сможем найти дорогу. Бронсон, вероятно, будет пользоваться каким-то источником света, так что мы обнаружим их еще издалека.

Без дальнейших разговоров трое мужчин медленно вступили в подземный туннель. Когда они взошли на деревянный настил, Бэверсток шепотом велел остановиться на несколько секунд, чтобы глаза немного привыкли к царящей здесь практически полной тьме.

— Видите там свет? — прошептал он и махнул рукой вглубь туннеля. — Они уже возле источника. Теперь никаких переговоров, шагаем медленно и очень осторожно; остановимся задолго до ступенек перед колодцем.

Практически бесшумно охотники за древними реликвиями начали осторожно продвигаться к виднеющемуся в конце туннеля тусклому свечению.

Бронсон вынырнул на поверхность и ухватился за болтающуюся веревку.

— Есть что-нибудь? — спросила Анджела, больше машинально, чем действительно ожидая что-то услышать.

— Думаю, я что-то видел. Нырну еще разик, последний.

Бронсон сделал быструю серию вдохов-выдохов, чтобы прочистить легкие и освободить их от углекислого газа, потом набрал полную грудь воздуха и в который уже раз ушел под воду.

Собрав все силы, он донырнул до того места, которое исследовал в последнее погружение, — места, где колодец расширился, — и попытался отыскать замеченный тогда неизвестный предмет. Но снова каменные стены выглядели всюду одинаковыми, без малейших отличий, и в этой части колодца были точь-в-точь такие же, как и в других. Бронсон без устали пытался отыскать хоть что-нибудь; он плавал туда-сюда, дышать с каждой секундой становилось все труднее, луч света метался по каменным стенам.

Возможно, он ошибся. Возможно, это был просто обман зрения, или же он принял желаемое за действительное. Бронсон уже собирался бросить эту затею и подниматься, как вдруг луч фонаря высветил какой-то предмет в нескольких футах у него над головой. У предмета были ровные края, и он, похоже, торчал из стены. Бронсон понял, что нырнул слишком глубоко и искал не в том месте.

Он сделал несколько энергичных движений ногами и немного поднялся, ни на мгновение не отводя луча фонаря с таинственной находки. Когда он наконец оказался рядом, легкие его разрывались от недостатка воздуха, но все же Бронсон твердо намеревался узнать, что же именно он нашел.

Больше всего предмет напоминал полено, но как только Бронсон сомкнул руку на его торце, он понял, что это не дерево, а металл. Он крепче ухватился за торчащий конец, но тот не поддавался — похоже, предмет крепко засел в естественной щели в скале. Бронсон переменил хватку, взялся поудобнее и снова потянул; второй рукой он уперся в стену колодца, продолжая при этом сжимать непослушными пальцами фонарь.

На этот раз предмет наконец пошевелился. Бронсон потянул сильнее — и, подняв облако мути, трофей вдруг оказался у него в руке.

Бронсон оттолкнулся от стены и начал быстро подниматься к поверхности. Едва его голова оказалась над водой, он сразу же жадно глотнул воздуха, потом еще раз.

Надышавшись, Бронсон передал фонарь Анджеле, а сам ухватился за веревку.

— Что это? — звенящим от напряжения голосом спросила Анджела.

— Не знаю, — все еще тяжело дыша, ответил Бронсон. — Эту штуковину заклинило в трещине в стенке колодца. Кажется, она металлическая. Держи.

Анджела опустила на колени и протянула над водой руки. Приняв находку, она бережно положила ее на площадку подле своих ног. Бронсон в это время, хватаясь за предусмотрительно завязанные узелки, выбирался из колодца.

Вылезать оказалось не так трудно, как опасался Бронсон — он мог не только держаться за веревку, но и отталкиваться ногами от стенок, — и уже через несколько секунд он стоял, весь дрожа от холода, на площадке рядом с Анджелой.

Покопавшись в рюкзаке, она вытащила полотенце и протянула Бронсону — тот не переставал дрожать и энергично притопывал ногами, чтобы согреться. Наконец он обтерся насухо и стал одеваться. Анджела тем временем перевела луч фонарика на найденный в колодце загадочный предмет.

— Похоже на свернутый в рулон лист металла, — охрипшим от волнения голосом проговорила она, и Бронсон увидел, что его бывшую супругу тоже начала сотрясать дрожь. — Он весь в водорослях, но вроде бы на нем можно различить значки... Господи, Крис, кажется, это ОН. Похоже, что ты нашел Серебряный Свиток.

— Я тоже так считаю, — раздался вдруг над их головами чей-то голос.

Внезапно темноту прорезали целых три луча света от мощных фонарей. Бронсон и Анджела на несколько мгновений ослепли. Возникло кошмарное ощущение дежавю: так же все происходило и в Туннеле Езекии, только на этот раз бежать было некуда. Они оказались в самой настоящей ловушке, безоружные и беспомощные.

Лучи света буквально пригвоздили Бронсона и Анджелу к деревянной площадке. Они стояли и, прищурившись, смотрели на собравшихся у верхней ступеньки мужчин.

Хокстон чуть переместил фонарь, и свет упал на пистолет, который он крепко держал в правой руке.

— Как видите, мы вооружены, — бросил он, — так что не надо делать глупостей.

— Что вам нужно? — спросил Бронсон.

— Да вроде это должно быть очевидно, — вступил в разговор Бэверсток. — Мы хотим забрать этот свиток. Спасибо, что потрудились его достать и нам даже не пришлось мочить ноги.

Анджела моментально узнала голос.

— Тони? Мне следовало догадаться! Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты, Льюис. Ищу сокровище, которое сикарии спрятали две тысячи лет назад. Как приятно, что вы его нашли. Теперь я сказочно разбогатею.

— Ерунда какая! — яростно возразила Анджела. — Если это в самом деле Серебряный Свиток, его нужно должным образом изучить и сохранить. Он должен отправиться в музей.

— Не волнуйся. В конечном итоге он и окажется в музее, — с довольным видом заверил ее Бэверсток. — То, что лежит сейчас у твоих ног, — это, возможно,

самая известная в мире карта сокровищ. И когда мы ее расшифруем, она укажет нам путь к богатейшему за всю историю человечества кладу. Последующие несколько лет мы только и будем заниматься тем, что выкапывать этот клад и осторожно продавать на черном рынке некоторые наиболее ценные предметы — вот, Декстер большой дока по этой части. Ну а потом мы все сможем удалиться на покой и жить припеваючи на вырученные средства. И тогда уже я прибегу со свитком в Британский музей. Я получу такую же известность, как и Говард Картер.

— Эх, Тони, а я-то всегда считала тебя ученым, — холодным, презрительным тоном произнесла Анджела. — А ты, оказывается, просто маленький, грязный расхититель гробниц?

— Я и есть ученый, но мне всегда доставляло удовольствие немного поработать на стороне. Пожалуй, то же можно сказать и про тебя.

— А если мы отдадим вам свиток, вы нас отпустите? — спросила Анджела.

— Не будь такой наивной, — бросил Хокстон. — Если сохранить вам жизнь, вы расскажете кому-нибудь об этом свитке, и уже через каких-то несколько дней весь Ближний Восток будет кишеть охотниками за сокровищами. Нет, твоя карьера и вся твоя жизнь закончатся прямо здесь.

— Я офицер британской полиции, — предупредил его Бронсон. — Убьете меня — и вас будут искать все копы Великобритании.

— Я бы с тобой согласился, будь мы в каком-нибудь английском подвале, но мы-то торчим в туннеле под заброшенной крепостью посреди Израиля. Никто и никогда не узнает, что вы мертвы; никто и никогда не будет даже знать, что вы были здесь. Ваши тела просто исчезнут. Этот колодец достаточно глубокий, и он прекрасно укроет ваши косточки на веки вечные. Ну все, хватит болтать. Передайте-ка свиток. — Хокстон повернулся к Бэверстоку. — Тони, возьми.

Держа на мушке Анджелу, Бэверсток осторожно шагнул к ведущей на нижнюю площадку лестнице. Однако у Бронсона оказался припрятан в рукаве козырный туз. Он схватил свиток, отскочил к самому краю площадки и вытянул руку с реликвией прямо над темными водами подземного колодца.

— Сделаешь еще один шаг — и я его выпущу, — предупредил Бронсон. — Понятия не имею, насколько глубок этот колодец, но уж поверьте мне: он *действительно* глубокий. Чтобы достать свиток, вам понадобится профессиональное водолазное оборудование, но не факт, что оно поможет. Вы верно заметили: здесь любой предмет может упокоиться на веки вечные.

На несколько секунд в подземном туннеле воцарилась мертвая тишина — никто не осмеливался даже шевельнуться, — и вдруг раздался выстрел. Он прогрохотал подобно грому, и громкое эхо загуляло по пещере, отражаясь от каменных стен.

А в следующее мгновение туннель огласил дикий вопль.

74

Внезапно для всех окружающих Декстер повалился на бок и схватился за раненую ногу; пистолет его покатился по полу туннеля. В первую секунду от шока он ничего не почувствовал, но через мгновение нога взорвалась болью, и Декстер заорал благим матом.

Бэверсток предусмотрительно бросился на землю, чтобы уйти с линии огня. Хокстон развернулся на сто восемьдесят градусов и направил луч фонаря в ту сторону, откуда они все пришли, отчаянно пытаясь определить, откуда стреляли. Одновременно другой рукой он выхватил свой пистолет. Внезапно фонарь выхватил из темноты три неподвижные фигуры — они находились всего в каких-то двадцати футах.

Бронсон, как только услышал звук выстрела, бросил свиток на деревянную площадку, а сам толкнул Анджелу в сторону, под защиту скалы, которая нависала над источником.

Только Хокстон попытался прицелиться, как был ослеплен сразу двумя фонарями, и немедленно услышал звук выстрела.

В то же мгновение он почувствовал мощный толчок в грудь и, не удержавшись на ногах, рухнул спиной вперед на деревянный настил. Тело его пронзила вспышка ужасной, непереносимой боли; свет вокруг, казалось, начал меркнуть. А потом Хокстон перестал вообще что-либо чувствовать.

Лучи света переместились — неизвестные выискивали новую мишень. Вот они скрестились на Бэверстоке, который, весь дрожа, съехал у края дощатого настила. В руке он судорожно сжимал пистолет. Один за другим, практически слившись в один, прозвучали два выстрела. Бэверсток, опрокинувшись навзничь, слетел с настила и затих на каменном полу туннеля.

Когда смолкло эхо выстрелов, вокруг воцарилась зловещая тишина, но уже через несколько мгновений кто-то невидимый в темноте закричал от боли.

— Господи, Крис! — испуганно прошептала Анджела. — Что же это такое?

— Веди себя тихо. В нас, похоже, никто не стреляет. Пока, во всяком случае.

Бронсон схватил рюкзак и, порывшись в его недрах, вытащил небольшой ломик. Засунув приятно холодящий кожу стальной инструмент за пояс, он выпрямился и сразу почувствовал себя увереннее. Оружие, конечно, было не ахти какое, но ничего лучшего у него не было. И потом, напомнил себе Бронсон, прежде он довольствовался и меньшим. Значительно меньшим.

— Как крыс в ловушке, — раздался вдруг в темноте тихий, еле слышимый за причитаниями Декстера, голос.

Трое мужчин осторожно приближались к ведущей вниз лестнице; лучи света от их фонарей плясали по полу туннеля.

Один остановился возле Декстера и холодно посмотрел сверху вниз на корчащегося от боли торговца антиквариатом. Луч фонаря высветил уже приличных размеров лужу крови, вытекающей из простреленного бедра.

— Прошу вас, помогите, — простонал искаженным от боли голосом Декстер. — Мне нужно срочно к врачу, или я истеку здесь кровью.

— Не истечешь, — успокоил его обладатель негромкого голоса, — и врач тебе уже не понадобится.

Небрежным движением он прицелился в голову Декстера и спустил курок.

Один из его товарищей перешел на противоположную сторону туннеля и, осветив скрючившееся окровавленное тело Бэверстока, удовлетворенно хрюкнул. Наконец, третий опустился на корточки рядом с неподвижным телом Хокстона. Он сноровисто обыскал убитого, нашел в одном из карманов заинтересовавший его предмет и окликнул поделщиков.

— Ты угадал. У него действительно была дощечка, — сказал он и продемонстрировал извлеченный из кармана Хокстона прямоугольник обожженной глины.

Мужчина высокого роста подошел к нему, взял дощечку и несколько секунд изучал ее, подсвечивая себе фонарем.

— Это другая, — произнес он наконец. — Оставь ее у себя, пока я здесь закончу.

Стоя на самой нижней площадке, Бронсон и Анджела, после того как стихли выстрелы, слышали только неразборчивое бормотание нескольких голо-

сов. Дальше на некоторое время все стихло, а потом они услышали звуки шагов. Они приближались.

Бронсон осторожно посмотрел наверх. По лестнице спускался высокий мужчина с пистолетом в руке. Лицо его пока оставалось в тени. Оставшиеся двое стояли наверху и, держа Бронсона и Анджелу на прицеле, не спускали с них глаз. В сложившейся ситуации Бронсон был лишен возможности сделать хоть что-то; единственное, что ему оставалось, это поднять руки — по крайней мере, пока мужчина не подойдет ближе.

Вот неизвестный вышел на площадку и встал там, глядя на Бронсона и Анджелу. На мгновение его осветил луч фонаря, который держал один из оставшихся наверху, и Бронсон не смог сдержать улыбку, когда увидел частично парализованное лицо и бельмо на месте правого глаза.

— Не могу сказать, Якуб, чтобы я был удивлен. После того как я увидел вас в Тель-Авиве, я ждал, что вы появитесь и здесь. Надо думать, ваши люди следили за нами с самого нашего приезда в Израиль?

Якуб улыбнулся и кивнул. Улыбка его производила устрашающее впечатление.

— Вы умный человек, Бронсон. Поэтому я и оставил вас в живых в Марокко. Я знал, что вы отправитесь на поиски Серебряного Свитка, и подумал: очень велика вероятность, что вы сможете его найти. — Он махнул рукой в сторону лежащего на площадке зеленоватого металлического цилиндра. — И вы действительно его нашли. Теперь я заберу его с собой.

— Свиток должен отправиться в музей, — решительно заявила Анджела.

Несколько секунд Якуб рассматривал ее словно какое-то редкое насекомое.

— Все называют меня Якуб, — почти доверительно сказал он, — хотя настоящее мое имя другое. А знаете, почему меня так зовут?

Анджела помотала головой.

— Вам, наверное, приходилось слышать о Лестнице Иакова?

— Это какая-то веревочная лестница, используемая на кораблях, — предположил Бронсон.

— В общем, верно, — отметил Якуб. — Есть еще такое растение¹. Но имеется и третье значение. Персонаж христианской Библии по имени Иаков увидел во сне лестницу, ведущую на небеса. Я многим людям показал дорогу на небо, потому меня и прозвали Якубом, когда мне еще не было и пятнадцати. — Он помолчал и потом продолжил: — Я вооружен, как и мои люди. Вы безоружны. Теперь отдайте мне Свиток, и можете свободно уходить. В противном случае я без особого сожаления пристрелю вас обоих и все равно заберу Свиток.

— Вы только что хладнокровно, будто мух, прикончили трех человек, — сказал Бронсон. — В Марокко ваши люди убили О'Конноров. Если вы так легко забираете у людей жизни только ради того, чтобы вернуть глиняную дощечку, где гарантия, что вы не убьете и нас?

— Нет никакой гарантии. А теперь быстро решайте. Я не могу назвать себя терпеливым человеком.

Бронсон протянул свиток Якубу. Припрятанный ломик оттягивал брюки, но Бронсон понимал, что шансов у него пока что нет никаких. Двое бандитов держат его на мушке и запросто пристрелят, не успеет он достать свое оружие.

— И что вы будете с ним делать? — спросил он Якуба.

— В этом свитке содержится перечень мест, где спрятаны иудейские сокровища. Я разыщу их сколько смогу, но, в отличие от трех этих кровавых кусков

¹ Лестницей Иакова (англ. Jacob's ladder) называют вант-трап, или веревочную лестницу, на кораблях. Растение рода *Pedilanthus* из семейства молочайных получило название «Лестница Иакова» (другое название — «Хребет дьявола») за необычную изломанную форму ствола.

дерьма, — и он брезгливо кивнул наверх, где, как понял Бронсон, лежали тела Декстера, Хокстона и Бэверстока, — которые просто хотели присвоить себе все награбленное, я намерен продать большинство своих находок в израильские музеи и частным коллекционерам из этой страны. Для собственной коллекции я оставляю лишь наиболее ценные предметы. Ну а потом те деньги, которые мне заплатят евреи, я передам палестинцам, и пусть они помогут им освободить страну от наводнивших ее израильских паразитов. В этом действительно будет какая-то справедливость, если деньги евреев в итоге обратятся против них же самих.

Он еще раз взглянул на Анджелу, которая с независимым видом стояла рядом с Бронсоном, потом спокойно повернулся к ним обоим спиной, поднялся по ступенькам и махнул своим людям рукой, чтобы они двигались в обратный путь. Анджела и Бронсон остались стоять в темноте и слушали, как удаляются по деревянному настилу шаги Якуба и его поделщиков.

75

Когда шаги марокканских бандитов затихли в туннеле, Бронсон натянул оставшуюся одежду и обнял Анджелу.

— Ну, по крайней мере, мы нашли Серебряный Свиток и какое-то время подержали его в руках, — попытался он ободрить бывшую супругу. — Очень мало кто еще сможет когда-либо похвастать этим. Очень, конечно, досадно, что пришлось отдать его Якубу, но у нас не было выбора. Тут уж или пан, или пропал.

— Может, так, — негромко сказала Анджела, — а может, и нет.

К удивлению Бронсона, судя по голосу, она вовсе не казалась расстроенной.

— Что ты хочешь сказать?

— Сикарии утверждали, что спрятали здесь и кое-что еще, кроме Серебряного Свитка; нечто, столь же для них ценное. Возможно, даже более ценное.

Бронсон аж присвистнул.

— Ну конечно! «Дощечки из Храма в Иерусалиме». Но где их искать? Ты знаешь?

Даже в полутьме Бронсон различил на лице Анджелы довольную ухмылку.

— Думаю, что знаю. Я еще не вышла из игры. А ты?

* * *

Бронсон подхватил рюкзак, и они с Анджелой стали подниматься по лестнице. Наверху им пришлось перешагнуть через тела Декстера и Хокстона, однако третьего трупа нигде видно не было.

— А где же Бэверсток? — громко поинтересовался Бронсон.

— Может, он ухитрился улизнуть?

— Сомневаюсь. Якуб безо всяких колебаний пристрелил двух других, так с какой стати он бы оставил в живых Бэверстока? — Бронсон несколько секунд всматривался в конец туннеля, потом подошел к краю площадки, где между деревянным настилом и стеной имелся зазор. Посветил туда фонарем и удовлетворенно хмыкнул. — Ну, точно. Там внизу лежит тело. Должно быть, выстрелами его просто снесло с настила.

— Ох, Крис, мне это совершенно безразлично. Они все получили по заслугам, и я не собираюсь проливать по ним слезы, даже по Бэверстоку. Давай уже пойдем отсюда.

Когда Бронсон и Анджела скрылись в направлении входа, в конце туннеля, рядом с резервуаром, раздались негромкие царапающие звуки. Спустя не-

сколько секунд из щели у стены показалась голова Бэверстока, и вот он уже, подтянувшись, оказался на деревянном настиле. Пошарив вокруг руками, он довольно быстро, несмотря на крошечную тьму, нашел пистолет, который обронил при падении.

Бэверстоку повезло: одна из выпущенных в него пуль прошла мимо, а вторая лишь слегка зацепила плечо, но рана очень сильно кровоточила и жгла, словно огнем. Свалившись с настила, он благоразумно решил притвориться мертвым, надеясь, что безжалостные убийцы поверят в его смерть и не станут в том удостоверяться.

И хитрость его сработала. Бэверсток был жив и практически здоров, а теперь карман приятно оттягивал пистолет. И — что было еще более важно — он слышал все, что Анджеला говорила Бронсону о «дощечках из Храма». А Бэверстоку было прекрасно известно, о чем именно шла речь. Он даже представлял, где Бронсон и Анджеला начнут их искать.

Бэверсток снова наклонился и долго шарил руками по деревянному настилу, пока не нащупал фонарь. Убедившись, что тот работает, он осторожно направился по туннелю в сторону входа.

Анджеला и Бронсон вышли из древнего акведука и с наслаждением вдохнули свежий ночной воздух. Постояв немного в самом сердце крепости Хар-Мегиддо, они поднялись по ступенькам и наверху снова остановились, чтобы восстановить дыхание, а потом направились к развалинам храмов.

— Если внимательно присмотреться к надписи на глиняных дощечках, — объясняла Анджеला, пока они шли к большому круглому алтарю, расположенному позади руин храма, — становится понятно, что сикарии спрятали Серебряный Свиток и «дощечки из Храма» в одном месте: только свиток в резервуаре, а дощечки в алтаре. А в то время, когда они пришли с реликвиями в Хар-Мегиддо, единственным здесь ал-

тарем был тот, на который мы с тобой смотрим в настоящую минуту.

Она остановилась и вытащила из кармана лист бумаги — тот самый, который изучала вечером, пока Бронсон мирно посапывал на соседнем сиденье. Направив на лист луч фонарика, Анджела сказала Бронсону:

— Взгляни еще раз на эту надпись. Смотри: здесь прямо говорится про «дощечки из нашего Храма в Иерусалиме». Следующая фраза, которая должна нас сейчас интересовать, звучит так: « в круга алтаре». Здесь два слова пропущено, но, пожалуй, можно восстановить первоначальный смысл. Я бы интерпретировала это следующим образом: «в имеющем форму круга алтаре». Следующий кусок расшифровать уже несколько легче. Сейчас мы имеем: «..... четыре камня стороны шириной локтей и локоть чтобы внутреннюю полость». Я думаю, читать предложение следует так: «нужно вынуть четыре камня с южной стороны шириной на *столько-то* локтей и высотой один локоть, чтобы открыть внутреннюю полость».

— Несколько локтей? — переспросил Бронсон. — Я понимаю, почему ты решила, что в высоту будет один локоть, но вот с шириной все чертовски запутаннее, точно?

— Запутаннее. Но не думаю, чтобы это имело значение. Важно здесь то, что надпись четко указывает на наличие внутри этого алтаря полости, и чтобы получить к ней доступ, нужно было вытащить несколько камней с южной стороны. И именно этим займемся сейчас и мы с тобой.

Они подошли поближе к алтарю и, чтобы не споткнуться и не упасть, все время подсвечивали себе под ноги фонариками. Идти здесь было очень непросто и даже опасно: на пути постоянно встречались низкие стены и предательски поджидали неосторожного ротозея равномерно расположенные довольно

глубокие квадратные ямы, о назначении которых Бронсон мог только догадываться.

Определить, где у алтаря южная сторона, было трудно. Бронсон просто посмотрел на звездное небо, нашел Большую Медведицу и перешел к противоположной стороне каменного сооружения, Анджела — следом за ним.

— Север находится там, — показав на ночное небо, объяснил Бронсон, — следовательно, здесь у нас южная сторона алтаря. — Он присел на корточки и при свете фонаря стал рассматривать слагающие древнее сооружение камни. — Впечатление такое, что никто сотни лет к ним не прикасался. — Уразумев, что сказал, он коротко хохотнул. — Ну, естественно, не прикасался. Так откуда мы начнем?

— В надписи имеется только одно точное указание: высота камней, которые вынимали сикарии, составляла один локоть. Это при условии, что я правильно перевела это слово с арамейского, то есть именно «локоть», а не «локтей».

— Напомни, пожалуйста, сколько будет локоть в современных единицах?

— Если грубо, то восемнадцать дюймов, — ответила Анджела. — Но сикарии вынимали камни, чтобы получить доступ к полости внутри алтаря, и, думаю, они имели в виду именно размер открывавшегося отверстия. Но вот смотрю я на эти камни и думаю: вынь почти любые два — и получится отверстие высотой около восемнадцати дюймов. Так что это указание не сильно нам поможет.

Бронсон снова внимательно посмотрел на стенку древнего алтаря.

— Ну, пожалуй, можно будет начать где-нибудь с середины, а дальше поглядим, что из этого выйдет.

— Возможно, есть более простой путь, — заметила Анджела. — Камни не скреплены раствором, а я положила тебе в рюкзак проволочную вешалку. Надо только ее распрямить, и мы получим что-то вроде

тонкого, но прочного щупа длиной около трех футов. Будешь просовывать его между камнями — может, тебе в итоге удастся таким образом обнаружить внутреннюю полость.

— Гениально, — только и смог вымолвить Бронсон и, не теряя времени, принялся за работу. Он достал из рюкзака вешалку и плоскогубцы и принялся разматывать проволоку. Уже через пару минут она вся была выпрямлена, лишь на одном конце Бронсон оставил подобие Т-образной ручки, чтобы держать за нее импровизированный щуп.

— Попробуй вот здесь, — предложила Анджела и показала на два камня, между которыми имелась большая щель.

Бронсон засунул проволоку в щель, но, проникнув всего дюймов на восемь-десять, она наткнулась на препятствие — вероятно, на следующий ряд камней, лежащий за внешним. Бронсон вытащил щуп и попробовал в другом месте, но результат был тот же.

— Да, это может затянуться, — произнес он и сунул проволоку в следующую щель, — но все равно так будет намного быстрее, чем если бы пришлось набом вытаскивать камни.

Прошло почти десять минут, а никаких признаков полости за внешним рядом камней пока не обнаружилось. И вдруг, так внезапно, что Бронсон даже удивился, при очередной попытке импровизированный щуп ушел глубоко — намного глубже, чем все предыдущие разы. Бронсон вытянул его, просунул снова, и снова щуп не остановился на десяти дюймах, а проник на расстояние много больше двух футов.

— Здесь явно есть пустота, — уверенно заявил Бронсон. — Давай-ка поглядим, что тут у нас.

Он снова открыл рюкзак и вытащил ломик. Просунул кончик инструмента между двумя камнями и надавил на противоположный конец. Ничего не произошло. Тогда Бронсон развернул ломик, снова вставил в щель и со всей силой навалился на него. На

этот раз камень чуть пошевелился. Тогда Бронсон принялся методично его распатывать, вставляя ломик то сверху, то снизу, и камень постепенно стал поддаваться усилиям. Через пару минут он распатался настолько, что Бронсон смог с размаху загнать свое орудие глубоко в щель над камнем и, действуя как рычагом, вывернуть наконец его из стены. С глухим стуком тот упал на землю. Бронсон отодвинул его в сторону, и они вдвоем с Анджелой нетерпеливо заглянули в образовавшуюся дыру.

К огромному их разочарованию, прямо за вынутым камнем находился другой.

— Теперь понятно, почему наш щуп прошел так далеко, — сказал Бронсон и ткнул пальцем в отверстие. — В одном месте угол камня, который я вытащил, находился в точности на том же уровне, что и угол следующего. А в предыдущих случаях везде, где я просовывал проволоку, она, должно быть, просто утыкалась в камень из внутреннего ряда.

— Попробуй еще, — предложила Анджела.

Когда Бронсон стал просовывать стальной щуп в щели вокруг камней уже из внутреннего ряда, тот каждый раз, не встречая сопротивления, явно проникал в пустоту.

— Надо вынуть еще один камень из внешней кладки, — решил он, — чтобы было сподручнее работать. А потом я вытащу пару камней из внутреннего ряда.

После того как Бронсон вывернул из стенки один камень, вынуть второй было уже не так сложно. Его больше беспокоило, как бы не обрушился верхний ряд, потерявший в результате его действий опору, но пока что он держался крепко. Внутренняя кладка легче поддавалась усилиям, поскольку слагавшие ее камни были несколько меньших размеров. Бронсон довольно быстро вытащил три из них, так что в стенке образовалось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него можно было заглянуть.

— Дай, пожалуйста, фонарь, — невнятно проговорил он, встал на колени и просунул голову в дыру.

— Что там видно? — дрожащим от возбуждения голосом спросила Анджела. — Что там?

— Сдается мне, здесь ничего нет. Постой-постой — на полу что-то лежит. Помогите мне. Похоже, она весьма тяжелая.

Кряхтя, Бронсон вытащил через отверстие массивную каменную плиту и с помощью Анджелы прислонил ее к стенке алтаря. Потом они поднялись на ноги и несколько секунд завороченно разглядывали нахождение.

— Черт, и что же это? — нарушил наконец молчание Бронсон. — И, кажется, там лежит еще одна такая.

Менее чем через минуту они вытащили и вторую плиту и аккуратно поместили ее рядом с первой.

— Вот так, — пробормотал Бронсон, потом еще раз заглянул в дыру и, подсвечивая себе фонариком, внимательно обследовал полость. — И больше здесь ничего нет, — сообщил он, — кроме мелких камней и массы пыли.

Бронсон и Анджела стояли и пристально смотрели на две каменных плиты. Они были продолговатые, с прямоугольным основанием и закругленной верхней частью, где-то с дюйм толщиной, порядка пятнадцати дюймов в высоту и девять-десять дюймов в ширину. Плиты с обеих сторон покрывали аккуратные ряды значков, и, как показалось Бронсону, надпись была сделана на арамейском. За последнее время ему очень часто приходилось иметь дело с арамейскими текстами, и он не сомневался, что не ошибается. Кроме того, похоже было, что надписи на обеих плитах идентичны.

— Пыли? — глядя на него, переспросила Анджела.

— Ага. Я бы сказал, это пыль двух тысячелетий.

— Но смотри, — и Анджела показала на плиты. — На них нет ни пылинки.

Бронсон присмотрелся к находке более внимательно.

— Ну, возможно, я смахнул всю пыль, пока вытаскивал их, — предположил он. — Но что это такое? Мне кажется, текст представляет собой что-то вроде списка. Просто это больше похоже именно на ряд отдельных фраз, чем на какой-то цельный текст.

Анджела ничего не ответила. Она опустила на колени и внимательно рассматривала плиты, кончики ее пальцев осторожно повторяли очертания арамейских символов. Когда через полминуты она подняла глаза на Бронсона, он увидел, что лицо ее побледнело.

— Я и думать не смела, что мы обнаружим что-то подобное, — тихо произнесла Анджела. — Пожалуй, нашу находку можно назвать «дощечками из Храма в Иерусалиме», «дощечками Моисея». Я полагаю, это могут быть ранние — действительно ранние — копии Декалога¹.

— Копии чего? — не понял Бронсон. Он заметил, что Анджела едва ли не задыхается, так она разволновалась.

— Я имею в виду Десять заповедей, Завет Моисеев. Каменные скрижали, которые Господь передал Моисею на горе Синай. Договор, который Бог заключил с людьми. Те самые законы, которые заложили основы веры. — Анджела замолчала на несколько секунд, потом посмотрела на Бронсона. Глаза ее округлились, и в них отразился страх. — Забудь о Ковчеге Завета. Возможно, перед нами сейчас находятся две копии самого Завета.

¹ Декалог в буквальном переводе с греческого означает «десяти-слобие».

— А кто сказал, что это копии? — раздался голос за их спинами, и через мгновение из темноты выступил Бэверсток с пистолетом в руке.

76

Не веря своим ушам, Анджела и Бронсон обернулись и — хоть это казалось невозможным — увидели Бэверстока. В свете фонарей блеснул металлом направленный прямо на них ствол автоматического пистолета.

— Я думал, вы умерли, — все еще не веря в случившееся, пробормотал Бронсон.

— Так и было задумано. Мне очень жаль. — Судя по тону, каким произнес эти слова Бэверсток, он ни о чем ни капли не жалел. — Наверное, было бы лучше, если бы вы оба умерли там, в туннеле. И не пытайтесь ослепить меня своими фонарями. Направьте свет на скрижали, а то я быстро выпущу в одного из вас пулю.

Бронсон и Анджела покорно опустили фонари и осветили каменные плиты, две тысячи лет пролежавшие в скрытой полости внутри алтаря. В ярком свете два камня из дохристианской эпохи сверкали, словно металлические.

— Тони, ты же не можешь говорить серьезно, — возразила Анджела. — Ты что, действительно хочешь сказать, будто это те самые Скрижали Завета, которые Моисей получил от Бога на горе Синай? Ты правда веришь, что этот текст был написан рукой самого Господа?

— Конечно, нет. Не знаю, кто именно вырезал эти надписи, но определенно то был человек из плоти и крови. А вот во всем остальном я абсолютно серьезен. Не приходится сомневаться, что существовало нечто, именуемое Заветом Моисея, ведь евреи даже построили специальный Ковчег для его переноски. Ковчег исчез около 600 года до нашей эры, когда вавилоняне

разрушили Первый Иерусалимский храм, но вот что касается Скрижалей, об их судьбе никаких преданий не сохранилось. Большинство археологов придерживаются точки зрения, что, когда вавилоняне разрушили Храм и разграбили его сокровища, то вместе с Ковчегом они унесли и Скрижали Завета. Однако никаких исторических свидетельств тому нет.

Бэверсток замолчал и горящими глазами уставился на две каменных плиты, прислоненные к круглому алтарю.

— И что же теперь? — спросила Анджела. — Мы должны передать их в музей для изучения, чтобы установить их подлинность.

Лица Бэверстока в темноте было практически не видно, но смешок прозвучал вполне отчетливо.

— Я, Анджела, придерживаюсь другого мнения. Я вовсе не горю желанием делиться славой. Серебряный Свиток ускользнул у меня из рук, но на сей раз я своего не упущу. Я заберу Скрижали с собой, а вы... вы умрете.

— Значит, ты готов убить двух человек только ради каких-то жалких пятнадцати минут славы? Как это печально, Тони.

— Нет, Анджела, не пятнадцать минут. Всю оставшуюся жизнь я буду купаться в лучах славы. А с вашей смертью в эту землю просто попадет еще немало крови — ничтожное количество в сравнении с теми тысячами галлонов, что пролились здесь за многие века.

Бэверсток внезапно направил луч фонаря прямо на них, так что Бронсон и Анджела на мгновение ослепли, а в следующую секунду Крис увидел, как обуреваемый жаждой славы маньяк прицеливается и готов выстрелить.

Бронсон среагировал мгновенно. Он швырнул свой фонарь прямо в Бэверстока. Луч света заплескался по каменистой почве и на мгновение дезориентировал противника. Одновременно Бронсон начал движение.

Он шагнул в сторону, повалил Анджелу на землю, а сам бросился на противника.

Бэверсток ухитрился уклониться от летящего снаряда и снова направил ствол пистолета на Анджелу.

Но Бронсон уже налетел на него и в тот миг, когда Бэверсток нажимал на спусковой крючок, ударил его по правой руке. Пуля с визгом улетела в сторону древнего форта на самой вершине холма и, никому не причинив вреда, исчезла в ночи. Крис, потеряв равновесие, снова повернулся к противнику и попытался схватить его за другую руку. Бэверсток вильнул в сторону, отступил на пару шагов и направил на Бронсона одновременно луч фонаря и пистолет.

В течение, наверное, десятой доли секунды Бронсон буквально глядел в глаза смерти — вернее, в глаз, в черный зрачок автоматического пистолета, — но уже в следующее мгновение отпрыгнул в сторону и больно приземлился среди разбросанных всюду камней с острыми кромками.

Бэверсток начал поворачиваться, чтобы снова прицелиться и выстрелить, но внезапно все переменялось. Голова его качнулась вперед, руки опустились, пистолет и фонарик выпали и покатились по земле. Он схватился обеими руками за живот, поднял голову и закричал. Это был не просто крик, это был высокий, протяжный вопль, в котором слились воедино боль и отчаяние. Громким эхом он многократно отражался от окружающих скал.

Бронсон схватил выпавший во время приземления фонарик — к счастью, упал он недалеко и все еще работал — и посветил на своего противника. Глазам его предстало жуткое зрелище: заостренный кончик тонкого стального лезвия торчал из диафрагмы Бэверстока. В следующее мгновение Бронсон с ужасом увидел, как лезвие стало продвигаться вверх, и кровь потоком хлынула из расширяющейся раны. Непослушные пальцы Бэверстока безуспешно пытались остановить продвижение смертоносного клинка, и еще больше

крови пролилось на землю, когда безжалостная сталь почти отделила пальцы от руки. Агонизирующие вопли усилились.

Происходившее прямо на глазах Бронсона было настолько необъяснимо, что несколько секунд он просто стоял на месте с широко разинутым от удивления ртом, но потом пришел в себя и кинулся к смертельно раненному Бэверстоку, но не успел.

Едва Бронсон сделал несколько шагов, как клинок вдруг дернулся вверх и исчез из виду. Вопли Бэверстока внезапно прекратились, и он безвольной куклой повалился на землю, один-единственный раз дернулся и затих. Позади него Бронсон разглядел неприятно знакомую фигуру Якуба. В правой руке кошмарный марокканец сжимал нож с очень длинным лезвием, с которого все еще стекала кровь Бэверстока. А за спиной Якуба в темноте зловещими тенями маячили двое его подельников, оба вооруженные пистолетами, и стволы их были направлены на Бронсона.

— Не люблю оставлять дела незаконченными, — коротко пояснил Якуб, присел на колени и вытер клинок о штаны Бэверстока. Потом спрятал нож под курткой и переложил пистолет в правую руку. — Я-то думал, мы прикончили его еще в водном туннеле. Эй, а ну, стой где стоишь, — махнув рукой, велел он Бронсону.

— Держись за моей спиной, — сказал Бронсон Анджеле, встал рядом и повернулся лицом к Якубу.

— Очень благородно, — хихикнул бандит. — Хотите принять на себя ее пулю? Пожалуйста! У меня их еще куча.

— Вы сказали, что отпустите нас, — посмотрел в глаза Якубу Бронсон. — Вам недостаточно Серебряного Свитка?

— Все верно. Но это было еще до того, как вы нашли эти камни. Я слышал, что вам говорил о них Бэверсток. Если вам действительно удалось обнаружить подлинный Завет Моисея, эта находка может полно-

стью изменить весь расклад сил в арабо-израильском конфликте. Мои друзья в секторе Газа найдут наилучший способ ею воспользоваться.

— Скрижали должны попасть в музей, — яростно заявила Анджела. — Нельзя использовать в грязных политических играх такие древние и такие важные для истории реликвии.

Но Якуб только раздраженно взмахнул рукой с пистолетом.

— В этой стране все, любая мелочь, имеет отношение к политике, нравится вам это или нет. Древнее или современное — не имеет значения. Мы будем использовать в качестве оружия все, что только возможно. Так что теперь вы, наверное, понимаете, почему я не могу оставить вас в живых. Никто никогда не должен узнать, что эти каменные скрижали были найдены здесь, в Израиле. Но я буду милосердным: вы оба умрете быстро.

Он поднял пистолет и прицелился в Бронсона.

Но не успел Якуб нажать на спусковой крючок, как совсем рядом раздался негромкий хлопок и в ночное небо взвился чуть светящийся объект. По мере подъема он разгорался все ярче, и спустя несколько секунд половина неба уже полыхала ослепительно-белым пламенем, так что ночь моментально обратилась в день.

Пораженные внезапным зрелищем марокканские бандиты на мгновение застыли в неподвижности, словно обратились в камень.

А потом в безжалостном ослепляющем свете снижающейся осветительной ракеты возникли с полдюжины одетых во все черное, с раскрашенными в черные полосы лицами фигур. Они, словно призраки, выбравшиеся из самих глубин земли, появились менее чем в двадцати ярдах от места, где стоял Якуб, из-за низких каменных стен, протянувшихся по одну сторону от алтаря. Все были вооружены штурмовыми винтовками «Galil SAR» с укороченными стволами.

Якуб вышел из оцепенения и прокричал несколько слов по-арабски. Его подручные бросились на землю, укрылись за первыми попавшимися камнями и открыли огонь по «черным призракам». Секундная тишина сменилась канонадой выстрелов. Стороны поливали друг друга свинцовым градом, и буханье девятимиллиметровых полуавтоматических pistols марокканцев сливалось с сухими щелчками выстрелов из штурмовых винтовок калибра 5,56 миллиметра в настоящую какофонию.

В то самое мгновение, когда в небе взорвалась осветительная ракета, Бронсон схватил Анджелу за руку, они обогнули круглый алтарь и, скорчившись в три погибели, спрятались за ним. Мощные каменные стены алтаря должны были послужить им надежной защитой от шальных пуль.

— Ложись на землю! — прошипел Бронсон, когда пуля ударилась в каменный блок прямо над их головами, осыпав дождем каменной крошки и пыли.

Сам он рискнул на мгновение высунуться из-под защиты алтаря и оценить обстановку. Подельники Якуба притаились за одной из низких каменных стен, которых было множество в этой части крепости. Они продолжали яростно отстреливаться от людей в черном, но силы были явно неравны: нападавшие превосходили их числом и оружие у них было посерьезнее. Бронсон не сомневался, что исход схватки очевиден.

Вот один из одетых в черное спецназовцев принял обходной маневр, чтобы зайти к марокканцам с фланга. Он бросился в обход разрушенного древнего храма, используя для маскировки малейшие неровности рельефа и искусственные преграды. Секунд через двадцать он занял удобную позицию, с которой мог хорошо видеть якубовских бандитов и как следует в них прицелиться. Но только стрелять он не стал, а прокричал что-то по-арабски.

Услышав крик, оба бандита подскочили и, повернувшись, направили пистолеты на спецназовца. Это была их роковая ошибка. Штурмовая винтовка в руках человека в черном сухо затрещала, изрыгнув из себя менее чем за секунду с полдюжины пуль, и не успевших ничего предпринять марокканцев отбросило назад. Они рухнули на каменистую почву и затихли.

Спецназовец подбежал к поверженным противникам, наклонился, чтобы убедиться, что оба мертвы, потом выпрямился и оглянулся вокруг.

— Якуб! — внезапно подала голос Анджела. — Где этот чертов Якуб?

— Не знаю. Я не заметил, где он скрылся.

Бронсон осторожно высунулся из-за алтаря и посмотрел вперед, туда, откуда, как черти из-под земли, появились люди в черном. Потом он поглядел по сторонам, но высокого марокканца нигде не обнаружил.

Внезапно в нескольких футах позади Бронсона раздался пистолетный выстрел.

Стоявший футах в двадцати спецназовец, который только что прикончил двух бандитов, выронил винтовку, схватился двумя руками за грудь и повалился на спину. Буквально через секунду рядом с ним материализовалась высокая темная тень и подхватила с земли оброненное оружие. В это же мгновение осветительная ракета коротко мигнула и наконец погасла, погрузив вершину холма в кромешную тьму.

Бронсон вскочил и рывком поставил Анджелу на ноги.

— Это был Якуб, — негромко сказал он. — Он завладел штурмовой винтовкой. Нам пора убираться отсюда.

Но только они собрались бежать, как прямо над головами у них будто прогремел гром, потом раздалось громкое хлопанье, подул ураганный ветер, и аб-

солотную черноту ночного неба вдруг прорезал яркий сине-белый луч света.

Справившись с секундным замешательством, Бронсон и Андже́ла уже хотели бежать прочь, но, повернувшись, буквально наткнулись на Якуба. Его бельмо и искривленный в жуткой ухмылке рот удивительно отчетливо были видны в ярком свете ночного прожектора «Nightsun», установленного на зависшем над головами вертолете.

— Стойте спокойно, — прорычал Якуб и уткнул ствол пистолета Бронсону в живот. — Вы двое послушайте мне пропуском отсюда. — Второй рукой, в которой он держал трофейную винтовку, Якуб махнул в сторону от каменного алтаря. — Поднимите руки и топайте туда. Оба.

— Андже́ла, держись от меня слева и чуть впереди, — шепнул Бронсон и сделал, как велел бандит.

Андже́ла покорно зашагала вперед, на лице ее застыла маска неприкрытого ужаса.

— Шевелитесь! — рявкнул Якуб и больно подтолкнул Бронсона, уперев ему в спину дуло пистолета.

Именно этого Бронсон и хотел добиться, именно поэтому и велел Андже́ле держаться впереди.

Он сделал еще пару шагов, глубоко вдохнул и, вытянув пальцы левой руки, ребром ладони нанес резкий удар назад и вниз, вложив в него всю силу. Удар пришелся в левое предплечье Якуба, рука его — и, соответственно, зажатый в ней пистолет — дернулась вправо, в противоположную сторону от Андже́лы.

Дальнейшее зависело только от расторопности Бронсона. Он повернулся против часовой стрелки и, продолжая движение, левой рукой еще дальше оттолкнул в сторону пистолет Якуба, правой же, сжатой в кулак, от души врезал бандиту по физиономии. Якуб с трудом удержался на ногах и, отчаянно размахивая руками, попытался снова прицелиться в противника.

Но Бронсон еще не закончил. Он сделал маленький шагок к Якубу и с левой нанес мощнейший удар в лицо. Кулак впечатался прямо в переносицу; хрупкие носовые кости раздробились, и их осколки проникли глубоко в мозг Якуба. Удар получился смертельным. Марокканец отлетел на пару метров и рухнул на спину. Конечности его подергивались, все тело начали сотрясать судороги. Мозг умирал.

Бронсон схватил пистолет, который бандит выронил при падении, прицелился и дважды выстрелил с близкого расстояния в грудь умирающего. Конвульсии прекратились, тело Якуба в последний раз пронзила судорога, и вот он затих навсегда.

Несколько секунд, еще не осознав до конца, что произошло, Анджела и Бронсон смотрели на неподвижное тело человека, который причинил им столько страданий.

Затем они повернулись и увидели, что всего футах в десяти стоят трое спецназовцев в черном и держат их на прицеле штурмовых винтовок. Один из них повелительно махнул рукой Бронсону. Тот опустил глаза, увидел, что до сих пор сжимает пистолет Якуба, и отшвырнул его в сторону. Они с Анджелой подняли руки вверх, показывая, что готовы сдаться. Бронсон понятия не имел, кто были эти люди, хотя и мог предположить. Очевидно, они не являлись друзьями Якуба, и, по крайней мере, возможно было, что они находятся на одной стороне. В любом случае Бронсон понимал, что противопоставить что-либо трем направленным на них штурмовым винтовкам он не сможет.

Один из людей в черном что-то отрывисто скомандовал — Бронсону показалось, что на иврите, — и его коллега, шагнув вперед, сноровисто сковал сзади руки Бронсону и Анджеле наручниками. Потом он так же быстро обыскал их в поисках спрятанного оружия и, удовлетворившись осмотром, отошел в сторону. И сразу же висевшее в воздухе напряжение заметно ослабло.

С безошибочно узнаваемым грохотом и ревом в каких-то пятидесяти ярдах от группы людей на небольшом участке относительно ровной поверхности приземлился вертолет. Вращающиеся лопасти подняли в воздух над холмом огромную тучу пыли, мелких камешков и всякого мусора. Бронсон и Анджела отвернулись и прикрыли глаза.

После того как вертолет коснулся колесами земли, рев двигателей утих, а облако поднятой пыли чуть рассосалось, Бронсон повернулся и посмотрел в сторону приземлившейся машины. Вертолет — громоздкая черная тень — был едва виден на фоне чуть более черного ночного неба; на бортах его горели навигационные огни и проблесковые маяки. В свете фонарей, которые держали окружающие их люди в черном, Бронсон увидел, как от вертолета к ним медленно направляются двое мужчин.

Вновь прибывшие остановились прямо перед пленниками, и те увидели их лица. Анджела от удивления даже открыла рот.

— Йосеф! — воскликнула она. — Что ты здесь делаешь?

Йосеф Бен Халеви улыбнулся одними губами.

— Я бы мог задать тебе тот же вопрос. Что это ты со своим бывшим мужем разыскиваешь в одном из самых значимых древних поселений на территории Израиля, да еще и глубокой ночью? — Он снова улыбнулся и закончил: — Впрочем, пожалуй, я уже знаю ответ.

Он наклонился к своему товарищу и прошептал ему на ухо пару слов. Тот кивнул, махнул рукой, и один из стороживших Бронсона и Анджелу спецназовцев снял с них наручники.

— Откуда вы? — обратился ко второму пассажиру вертолета Бронсон. — «Шин Бет»?¹ «МОССАД»?

¹ «Шин Бет» (Служба безопасности) — одна из израильских спецслужб, отвечающая за внутреннюю безопасность.

Тот промолчал, а через пару секунд к нему повернулся Бен Халеви и сказал:

— Мы только что видели, как Бронсон на глазах у полудюжины свидетелей убил человека. Узнает он или нет, кто вы такой и на кого работаете, на самом деле не имеет значения.

— Да, пожалуй, вы правы. Ну что ж, Бронсон, давайте знакомиться. Меня зовут Леви Барак. Я старший офицер «МОССАДа».

Бронсон кивнул на стоящих в нескольких метрах от них людей в черном.

— А они из ЦАХАЛ?¹

Барак отрицательно качнул головой:

— Не совсем. Они служат в «Сайерет Маткаль». Это подразделение для проведения спецопераций, находящееся в ведении руководства армейской разведки. В его задачи входит разведка, в том числе и за рубежом, а также контртеррористическая деятельность. Что-то наподобие вашей SAS².

— Я слышал о таком, — сказал Бронсон. — Это его люди участвовали в операции «Энтеббе»? Когда боевики из Организации освобождения Палестины захватили самолет «Эйр Франс» и заставили его приземлиться в Уганде?

Барак кивнул:

— Это была выдающаяся операция. Однако мы прибыли сюда не для того, чтобы обсуждать давние военные дела. Необходимо определиться, что делать с вами и Анджелой Льюис.

— И что делать с вашей находкой, — вставил Бен Халеви. — Где реликвии?

— Каменные скрижали стоят, прислоненные к стенке вон того круглого алтаря, — показала Андже-

¹ ЦАХАЛ — аббревиатура названия Армии Израиля на иврите.

² SAS (Special Air Service, Особая воздушная служба) — подразделение спецназа вооруженных сил Великобритании. Действует в интересах внешней разведки MI6.

ла. — Но вот где Серебряный Свиток, сказать вам не могу. Этот человек, которого убил Крис, забрал его у нас в туннеле.

Леви Барак отдал команду, двое спецназовцев направились к каменному алтарю, забрали плиты с надписями и, вернувшись, осторожно прислонили их к невысокой стене возле того места, где стоял Бен Халеви.

Ученый тут же склонился над реликвиями и, в то время как Барак освещал скрижали фонарем, осторожно, чуть ли не с любовью, водил по ним кончиками пальцев, будто ласкал буквы, вырезанные бог весть сколько веков назад.

— Древний арамейский, — пробормотал он и выпрямился.

— Это именно то, что вы предполагали? — спросил Леви Барак.

Бен Халеви задумчиво покачал головой:

— Пока с уверенностью говорить слишком рано, но, по мне, так очень похоже.

— Я тоже так считаю, — встряла Анджела. — Ты же имеешь в виду Декалог, да? Подлинный Завет? Те, вторые каменные скрижали, которые Моисей принес с горы Синай?

Йосеф Бен Халеви задумчиво кивнул, не в силах отвести взгляд от бесценных реликвий.

— Ну ладно, вернемся к прозе жизни, — отрывисто произнес Леви Барак и посмотрел на Бронсона. — Вы только что убили человека, — без обиняков заявил он, — и как офицер полиции должны понимать, что это значит.

— Это была самооборона, — горячо воскликнула Анджела. — Если бы вы видели, как все произошло, вы бы не сомневались.

— Да я-то видел, но есть одна проблема. Сотрудники «Сайерет Маткаль» состоят на действительной военной службе в Вооруженных Силах Израиля и имеют законное право носить оружие и использовать его. Этот человек, — он небрежно махнул рукой в

сторону тела Якуба, — был застрелен из пистолета, но не того типа, которым вооружены мы. — Барак повернулся и, подозвав к себе одного из спецназовцев, приказал: — Дай мне свое оружие.

Тот секунду поколебался, но потом расстегнул кобуру на липучке и протянул моссадовцу пистолет.

— Это, — объяснил Барак, — девятимиллиметровый пистолет SP-21 производства «Израиль уэпонз индастриз». Одной из характерных его особенностей является полигональная нарезка ствола. А это, — он показал на пистолет, который бросил на землю Бронсон, — чешский CZ-75 со стандартной нарезкой. Когда мы будем проводить вскрытие тела, то найдем в нем одну, а может, две деформированные девятимиллиметровые пули. По отметкам на них можно будет совершенно четко определить страну-производителя и марку пистолета, из которого был убит этот человек. Таким образом, патологоанатом сразу поймет, что застрелил его кто-то другой, а не один из направленных мной сюда людей. Вот такая у нас возникает проблема.

Неожиданно Барак подошел к трупу Якуба, резким движением вскинул руку с пистолетом и выстрелил в грудь мертвеца. Тело вздрогнуло и снова замерло в неподвижности.

Потом он спокойно вернулся и отдал пистолет бойцу «Сайерет Маткаль».

— Теперь, — прокомментировал Барак, — патологоанатом обнаружит в теле убитого пулю, выпущенную из SP-21, и придет к надлежащему заключению.

— Но как же с двумя другими пулями? — спросил Бронсон.

— Думаю, вскрытие установит, что они прошли навылет, а найти их мы не сумели. А сейчас, — продолжил Барак, — вам пора. Нам еще нужно будет успеть здесь все подчистить, пока с утра не начнут прибывать толпы туристов. Кроме того, мы еще должны найти, где этот одноглазый ублюдок спрятал Серебряный Свиток.

Спустя три минуты Бронсон и Анджела сидели у открытой боковой двери набирающего высоту вертолета и смотрели на удаляющуюся древнюю крепость Хар-Мегиддо. По ее территории, словно муравьи, носились люди в черном; они устанавливали на вершине холма многочисленные прожектора, чтобы в считанные минуты можно было приступить к поиску Серебряного Свитка.

77

Лучи восходящего солнца только-только коснулись крыш и заглянули в окна верхних этажей окружающих зданий, окрашивая белый камень стен в серебристый цвет, когда Бронсон остановил взятый напрокат автомобиль на стоянке возле автобусной станции рядом с мечетью Сулеймана, на самой границе мусульманского квартала Старого города Иерусалима.

Бронсон и Анджела вышли из машины и направились на юго-запад, к Дамасским воротам. Со времени памятного происшествия в древнем городе Хар-Мегиддо прошло уже три дня, и на сегодняшний вечер у них были зарезервированы места на самолет, вылетающий из аэропорта Бен-Гурион в Лондон, — маленькая любезность, оказанная «МОССАДом». Большую часть времени из этих трех дней они провели в комнате для допросов в ничем не приметном с виду здании в Иерусалиме и подробно рассказывали обо всех событиях, начиная с того дня, когда Бронсон получил приказ вылететь в Марокко для расследования гибели О'Конноров. Казалось, с тех пор прошло уже много недель. В конце концов Леви Барак и Йосеф Бен Халеви решили, что больше ничего полезного они от англичан не услышат, а Барак намекнул, что для всех заинтересованных сторон будет лучше всего, если Бронсон и Анджела как можно скорее покинут Израиль.

И в последний день своего пребывания в этой стране они решили пройтись по Старому городу Иерусалима. Когда Бронсон и Анджела перешли улицу и двинулись вдоль массивной городской стены, Бронсон оглянулся.

— Они по-прежнему следуют за нами? — спросила Анджела и взяла его за руку.

— Да. Два серых человека в серых костюмах.

Леви Барак ясно дал понять, что до отлета англичане могут быть совершенно свободны, могут идти куда захотят, но настоял на том, что они будут находиться под постоянным присмотром. Впрочем, и Бронсон и Анджела быстро привыкли к двум повсюду следующим за ними безмолвным теням.

Туристов еще не было видно, да и местных жителей они повстречали всего несколько человек. Воздух был приятно теплым, но небо, окрашенное в розовый и бирюзовый цвета, предвещало днем палящий зной.

— Можно подумать, что город принадлежит только нам одним, — с чувством произнесла Анджела.

Ощущение мира и покоя длилось до тех пор, пока они не вышли на площадь перед Дамасскими воротами.

Несмотря на столь ранний час, толпы людей уже бродили вокруг расставленных среди величественных пальмовых деревьев десятков временных торговых палаток. Большинство из них представляли собой просто маленькие тележки с зонтиками, которые должны были укрыть продавца и его товар от солнца. Анджела и Бронсон прошли мимо одетых в традиционные расшитые платья пожилых женщин, возле которых стояли открытые мешки, полные гороха на продажу. В воздухе витал сильный запах свежей мяты. В нескольких местах Бронсон заметил цветные постеры с изображением симпатичных молодых людей. Постеры лежали прямо на земле, словно коврики для молитвы.

— Арабские поп-звезды, — ответила Анджела на не высказанный вслух вопрос.

Они спустились по каменной лестнице, ступени которой были вытерты за бесчисленные годы миллионами ног, прошли через выразительную арку, увенчанную башенками, и оказались на местном *суке*, или базаре, Хан эз-Зеид, шумном, суетливом, находящемся в постоянном движении. Это было царство узких, мощенных булыжником улочек; многочисленных кофеен, в которых собирались пообщаться местные жители, а между разговорами играли в карты и курили кальян; сапожников, портных и торговцев специями; палаток, в которых были выставлены на продажу сверкающие ткани всевозможных расцветок; ящиков с овощами и торговцев, окруженных свисающими с крюков мясными тушами. А вот серьезные мужчины горстями бросают бараний горох в огромные котлы с кипящим маслом — они готовят фалафель¹. Национальная арабская музыка (очень неблагоприятная, на слух Бронсона) гремела из раздолбанных транзисторных радиоприемников и случайно затесавшегося среди них геттобластера², почти полностью перекрывая крики нахваливающих свой товар продавцов и ни на секунду не прекращающийся гул голосов: продавцы и покупатели шумно обсуждали качество товаров и спорили по поводу цены.

Они свернули налево на Виа Долороза³, и гомон базара остался позади. Бронсон взял Анджелу за руку.

— Ну что же, пожалуй, можно сказать, что мы кое-чего достигли.

— Ты абсолютно прав, — ответила Анджела. — Прошедшая неделя действительно была очень удач-

¹ Фалафель — шарики из нута (бараньего гороха), жаренные во фритюре.

² Геттобластер (он же бумбокс) — переносной стереомагнитофон с радиоприемником, CD-проигрывателем и большими динамиками.

³ Виа Долороза (лат. Via Dolorosa, «Путь Скорби») — улица в Старом городе Иерусалима, по которой, как считается, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия. На Виа Долороза находятся девять из четырнадцати остановок Крестного пути Христа.

ной для археологии в целом и иудейской археологии в частности. Практически не пошевелив пальцем, если не считать привлечения отряда спецназа и небольшого отряда сопровождения, израильяне заполучили легендарный Серебряный Свиток. Это значит, что, если *действительно* где-то в пустыне спрятаны неизвестные иудейские сокровища, теперь их обнаружат археологи Израиля, и это, я считаю, правильно. Надо только не забывать, что приступить к поискам они смогут не скоро. Для начала придется тщательно законсервировать свиток, а потом придумать наилучший способ, как его развернуть, не повредив, и прочитать текст.

— Будем надеяться, что к этому делу не привлекут «специалистов» из Манчестера, которые разрезали Медный Свиток.

— Думаю, такое вряд ли повторится. Серебро — а я предполагаю, что свиток на самом деле сделан из серебра, — гораздо более упругий материал по сравнению с медью. А от того, что он пролежал последние две тысячи лет в чистой воде, серебро могло разве что немного потускнеть. Есть даже вероятность, что, когда свиток развернут, надпись окажется практически в таком виде, в каком была, когда ее наносили. Однако это уже совсем оптимистичное предположение.

Помолчав, Бронсон задал вопрос, который больше всего беспокоил его все последние дни:

— А эти каменные плиты? Ты действительно считаешь, что это Скрижали Завета? Ты веришь, что Бэверсток был прав?

Анджела покачала головой:

— Я ведь ученый. Это значит, что я должна скептически относиться к подобным вещам. Но если честно, то я не знаю, — уточнила она. — Правда не знаю. Если судить по тем описаниям Декалога, что приведены в Библии, то, что мы нашли нечто, очень похоже на Скрижали Моисея. Но это еще ничего не доказывает. Ряд специалистов полагает, что да — в Библии

содержится подробное описание Скрижалей, однако на деле все может быть совсем наоборот. Эти каменные плиты могли изготовить таким образом, чтобы они точно соответствовали библейскому описанию. Иными словами, их могли сделать специально, чтобы придать материальный вес устным библейским преданиям, чтобы дать вечным скитальцам евреям нечто вещественное, во что можно верить.

Но какая-то часть меня — хоть и совсем небольшая — считает, что Бэверсток мог быть и прав. Было в этих двух каменных плитах что-то жутковатое, иномирное, я бы сказала. Например, тот факт, что на них будто бы не было ни единой пылинки, хотя в самой полости, из которой мы их вытащили, пыли было полным-полно. И еще — помнишь? — как они буквально засияли, когда мы осветили их фонариками. — Анджела содрогнулась. — Так непохоже на обычную меня, да, Крис?

— Как ты думаешь, что станут делать с ними израильтяне? — спросил Бронсон. Они как раз повернули направо, в сторону Котель Плаза и Стены Плача.

— Их, конечно же, будут беречь как зеницу ока. После того как нас перестали пытаться расспросами, мне удалось перебраться парой слов с Йосефом Бен Халеви. Я задала ему тот же самый вопрос, что и ты мне сейчас, и ответ его оказался весьма интересным. Он сказал, что они уже провели огромную работу: сделали сотни фотоснимков и провели самые разнообразные исследования, например, изучали патину на плитах или определяли, каким способом были начертаны буквы — все для того, чтобы установить возраст находок. А потом он сообщил мне, что получил четкое указание — причем у него был при этом такой многозначительный вид, что я догадалась: приказ исходит из самых верхов кнессета, — ни в коем случае не выставлять Скрижали на обозрение и не заикаться об их существовании. В противном случае возможны непредвиденные политические последствия.

— Так как же они собираются с ними поступить? — повторил вопрос Бронсон.

— Йосеф сказал, что они вернутся туда, где и должны по праву находиться.

— Что? Обратно в тот алтарь в Хар-Мегиддо?

Анджела замотала головой, а потом показала рукой вперед, в направлении Котель Плаза.

— Это Стена Плача. А знаешь, почему она так называется?

— Понятия не имею.

— Происхождение названия довольно незамысловатое. Начиная с 70 года, когда римляне разрушили Второй Храм, и до раннего византийского периода евреям было запрещено даже показываться в Иерусалиме. Но и после им было позволено лишь раз в год, в годовщину разрушения Храма, приходить к Западной Стене. Евреи прислонялись к ней и оплакивали потерю своего священного Храма. Отсюда и пошло название Стена Плача.

Бронсон окинул взглядом массивное сооружение на противоположной стороне площади.

— Но ведь, насколько я понимаю, Стена никогда не являлась частью собственно Храма? — спросил он. — Это была просто подпорная стена, предназначенная для того, чтобы удерживать земляной холм, на котором некогда стоял Храм. Почему же евреи так ее почитают?

— Ты совершенно прав: она не имеет прямого отношения ко Второму Храму. Но ортодоксальные евреи верят, что в том месте, где когда-то находился Храм, до сих пор проявляет себя Божественная Сущность — то, что они называют *Шехина*. Когда Храм строился, его Святая Святых, помещение, предназначенное для хранения Ковчега Завета, была размещена в западной части. В этом месте, несмотря на то что Храм был разрушен, и присутствует незримо *Шехина*. Всем евреям их законами строго-настрого запрещается подниматься на саму Храмовую гору, туда, где когда-то располагался Изначальный Храм. Так

что эта Стена — максимально близкое к святыне и доступное для посещения место. Поэтому она и имеет для них такое значение.

— И?..

— И, следовательно, если Ковчег Завета, как считается, хранился где-то по ту сторону Западной Стены, то это же будет и наиболее подходящее место для хранения и самого Завета.

Они направились к северной стороне площади Котель Плаза, к входу в Фонд наследия Стены Плача, откуда начинаются организованные экскурсии в проходящие под Стеной подземные туннели.

— Странно, — проронила Анджела.

Ворота были заперты, а поперек них висела большая табличка, извещающая, что выставка и туннель закрыты для посещения из-за угрозы возможного проседания грунта.

Она прошла вперед и заглянула в царящую за воротами темноту. Постояв там немного, вернулась к Бронсону, и он заметил на лице Анджелы чуть заметную, но довольную улыбку.

— Что там такое? — спросил он.

— Внутри горит свет, и я заметила, как там суетятся люди. Было бы крайне удивительно, если бы в туннеле Котель случилось проседание. Он сложен из действительно гигантских камней — самый массивный имеет вес около шестисот тонн, — и покоятся они на монолитных коренных породах. У меня уже возникли подозрения, когда я увидела, что туннель закрыт, ну а то, что там ходят какие-то люди, для меня является веским доказательством. Израильтяне собираются вернуть Скрижали Моисея на их законное место, в своего рода потайное святилище за Стеной Плача, насколько возможно ближе к тому месту, где некогда находилась Святая Святых Второго Храма. Так что теперь, когда набожные евреи будут приходить помолиться возле Стены, они впервые за последние две тысячи лет окажутся совсем рядом со Скрижалями Завета.

Бронсон несколько секунд смотрел на закрытые ворота, а потом задумчиво кивнул:

— Да, в этом есть смысл.

Они повернулись и пошли назад к машине. Бронсон оглянулся и увидел, что их сопровождающие по-прежнему топают позади.

— Знаешь, а ты ведь так и не ответила на мой вопрос.

— Какой? — недоуменно спросила Андже́ла.

— Который я задал тебе в вертолете, когда мы летели из Хар-Мегиддо. Я тогда предложил тебе стать партнерами. Мы, кажется, становимся большими доками по части поиска потерянных реликвий.

Андже́ла кивнула и рассмеялась:

— А ты не задумывался над тем, что каждый раз, когда кто-то вытаскивал пушку, она, казалось, была нацелена прямо на нас?

— Ну да, — протянул Бронсон. — Тем не менее мы ведь остались живы, верно? — Он помолчал, а потом взглянул на Андже́лу. — А если действительно я брошу службу в полиции, а ты уйдешь из музея и мы с тобой займемся поисками спрятанных сокровищ?

— Ты серьезно?

— Абсолютно. У нас с тобой отлично получается.

— А мы будем партнерами только в работе?

Бронсон тяжело вздохнул:

— Ты ведь знаешь ответ. Я хочу этого больше всего на свете.

Перед тем как что-то сказать, Андже́ла некоторое время внимательно смотрела на Бронсона, а потом с улыбкой предложила:

— Может, поговорим об этом за ленчем? Я приметил на Виа Долороза пристойный на вид ресторанчик.

— Блестящая идея, — согласился Бронсон.

Он взял Андже́лу под руку, и они пошли по Чейн-стрит в направлении церкви Иоанна Крестителя и старого, измученного сердца этого древнейшего из городов.

ДЖЕЙМС БЕККЕР О ПРИСУТСТВИИ ПРОШЛОГО В «СКРИЖАЛЯХ МОИСЕЯ»

История эта выдумана от начала и до конца, однако я старался, чтобы по возможности она базировалась на достоверных фактах. Все описанные в книге места существуют в реальности, и упоминания о большинстве событий, произошедших в первом веке нашей эры и о которых шла речь на этих страницах, можно встретить в исторических хрониках.

Масада

Падение крепости Масада я постарался описать настолько точно, насколько это вообще возможно, учитывая, что с тех пор прошло почти две тысячи лет. Осада завершилась именно так, как описано в этой книге: сикарии действительно совершили массовое самоубийство, лишь бы только не сдаваться в плен ненавистным римлянам. Две женщины сумели избежать гибели и позже поведали Иосифу Флавию о трагической развязке. Их рассказ, как непосредственных очевидцев трагедии, считается достоверным и подробным источником сведений о последних часах, предшествовавших падению крепости.

В период с 1963 по 1965 год в Масаде проводил раскопки израильский археолог Игаэль Ядин. Перед северным дворцом он нашел одиннадцать так называемых *острака*: небольших фрагментов керамики или камня. На одном из них удалось прочесть слова «бен Яир» — так звали лидера сикариев, — на всех остальных также были начертаны имена. Теперь уже никто не сможет сказать наверняка, но, по крайней мере, вполне возможно, это были имена тех десятирх избранных, которые казнили добровольно принявших смерть товарищей перед тем, как римляне взяли, наконец, крепость.

Туннель Езекии и Силоамский бассейн

Несмотря на то что туннель имеет возраст почти в три тысячи лет, он и по сей день остается шедевром инженерного искусства.

Иерусалим расположен на холме, благодаря чему его защитникам было довольно легко оборонять город. Но им приходилось сталкиваться с одной серьезной проблемой: основной источник водоснабжения находился в Кидронской долине, на некотором расстоянии от городских стен. Таким образом, долгая и решительная осада (а это был в те времена самый распространенный способ взятия большинства неприятельских укреплений) всегда заканчивалась сдачей города по той простой причине, что запасы воды в нем рано или поздно подходили к концу.

Около 700 года до нашей эры царь иудейский Езекия, очень обеспокоенный тем, что ассирийское войско под предводительством Сеннахериба осадит Иерусалим, пришел к заключению, что вопрос с бесперебойным водоснабжением города надо как-то решать. Необходимо, правда, отметить, что некоторые ученые

сейчас сомневаются, действительно ли царь заслуживает приписываемой ему славы.

В 1838 году американский ученый по имени Эдвард Робинсон открыл туннель, который впоследствии стал известен как Туннель Езекии. Еще его называют Силоамским туннелем, поскольку он идет от источника Гихон к Силоамскому бассейну. Очевидно, что туннель должен был играть роль акведука, водопровода для доставки воды в город. Он имеет более или менее форму буквы «S», в длину примерно треть мили и на всем протяжении имеет уклон примерно один градус, чтобы вода гарантированно текла в нужном направлении.

Строительство туннеля должно было быть очень серьезным предприятием, если принять во внимание, какими инструментами (насколько известно) пользовались в то время местные жители. Современные теории гласят, что на самом деле туннель был на большей своей части образован естественной пещерой, стены которой просто слегка расширили. Возле одного из выходов обнаружили надпись, гласящую, что строительство вели две группы рабочих, и они пробились с противоположных сторон навстречу друг другу. Сам источник Гихон был после этого замурован снаружи, а воды его теперь потекли по туннелю внутрь городских стен. История эта больше похожа на легенду и примерно соответствует тому, о чем рассказывается в Библии.

Но в 1867 году офицер британской армии Чарльз Уоррен, проводивший исследования Туннеля Езекии, наткнулся на другое, значительно более древнее сооружение. Впоследствии оно получило название «Шахта Уоррена». Оно состоит из системы туннелей, которые начинались внутри городских стен и заканчивались вертикальной шахтой прямо над Туннелем Езекии возле источника Гихон. Таким образом, горожане могли набирать воду в туннеле, не выходя за

пределы городских стен. Определить точное время постройки Шахты Уоррена оказалось непросто, но большинство специалистов сходитя во мнении, что она была сооружена приблизительно в десятом веке до нашей эры.

И как будто этого было недостаточно, несколько лет спустя, а именно в 1899 году, был обнаружен еще один, намного более древний туннель, который также шел напрямик от источника Гихон до Силоамского бассейна. Его называют Каналом среднего бронзового века, а время его постройки датируется приблизительно 800 годом до нашей эры, то есть почти четыре тысячелетия назад. Фактически он представлял собой прорытую в грунте глубокую канаву, которую затем перекрыли большими каменными плитами, а их, в свою очередь, присыпали листьями. Но водоток этот не был туннелем в буквальном смысле слова и потому, безусловно, являлся потенциальным слабым звеном в обороне города.

Таким образом, если судить по результатам проведенных на сегодняшний день исследований, не похоже, чтобы Езекию действительно посетило вдохновение создать подземный акведук. Нет, он просто увидел, что существовавшие в его время водотоки совершенно недействительны в случае осады города, и решил их усовершенствовать. Впрочем, нужно отдать ему должное: организовать такую работу было очень нелегко. На самом деле можно говорить, что названный его именем туннель стал просто большей и улучшенной версией Канала среднего бронзового века.

Кумран и Свитки Мертвого моря

Кумранское поселение расположилось на засушливом плато примерно в миле от северо-западного побережья Мертвого моря, рядом с израильским кибуцем Калия. Предположительно, первые строения в

Кумране были возведены в начале первого столетия до нашей эры¹, а в 70 году нашей эры поселение было полностью разрушено Десятым римским легионом под командованием Тита Флавия.

Согласно общепринятому мнению, Свитки Мертвого моря были обнаружены совершенно случайно юным козопасом-бедуином по имени Мухаммед Ахмад эль-Хамед по прозвищу эд-Диб, то есть Волк. В начале 1947 года он то ли зашел в одну из пещер возле Кумрана в поисках потерявшегося животного, то ли швырнул в пещеру камень, чтобы выгнать оттуда козу; так или иначе, он услышал, как там что-то разбилось. В результате он нашел несколько очень старых глиняных кувшинов, в которых оказались древние свитки, обмотанные льняной тканью.

Когда эль-Хамед и его приятель-бедуин сообразили, что свитки очень старые и, возможно, имеют большую цену, они взяли еще несколько (по мнению большинства исследователей, первоначально из пещеры были вынесены только три свитка) и предложили купить их торговцу антиквариатом в Вифлееме, однако тот наотрез отказался, решив, что парни могли просто стащить свитки из синагоги. В дальнейшем эти свитки прошли через несколько рук, в том числе побывали и у некоего торговца древностями Халила Искандера Шахина, больше известного как Кандо. Очевидно, Кандо упрямил юных бедуинов принести ему больше свитков, или, возможно, он самолично отправился в Кумран и взял еще несколько — так или иначе, в итоге у Шахина во владении оказалось по меньшей мере четыре старинных свитка.

Пока Кандо искал покупателей на реликвии, он вручил их на хранение человеку по имени Георг Ишайя, прихожанину Сирийской православной церк-

¹ Большинство источников относят возникновение кумранского поселения к последней четверти II века до н.э.

ви. Поняв, какие ценные предметы попали к нему в руки, Ишайя отнес парочку свитков в сирийский православный монастырь Святого Марка в Иерусалиме, чтобы попытаться определить их возможную стоимость. Мар Атанасий Иешуа Самуэль, митрополит Палестины и Трансиордании (митрополит — церковный ранг, выше епископа и ниже патриарха, примерно эквивалентный архиепископу), слышал об этих свитках. Он провел их исследование, а потом ухитрился купить четыре штуки.

Тем временем у сомнительных торговцев ближневосточными древностями начали появляться все новые свитки из Кумрана. Три приобрел израильский археолог профессор Элеазар Сукеник. Вскоре после этого Сукеник услышал о тех свитках, которые достались Мар Самуэлю, и попытался их у него купить, но стороны не пришли к согласию.

Дальше свою лепту внес Джон Тревер. Он работал по найму в Американской школе восточных исследований (ASOR) и был заядлым фотолюбителем. Это его хобби сыграло важную роль в истории Свитков Мертвого моря. В феврале 1948 года он встретился с Мар Самуэлем и сфотографировал все принадлежавшие митрополиту свитки. За прошедшие со времени находки годы состояние реликвий постепенно ухудшалось, но в фотоальбоме Тревера исследователи до сих пор могут увидеть, как они выглядели шесть десятилетий назад. Сделанные им снимки значительно помогли ученым, изучавшим реликвии, в частности, дали возможность осуществить их перевод.

Начавшаяся в том же 1948 году арабо-израильская война вынудила перевезти свитки на хранение в Бейрут. В то время никто из ученых понятия не имел, где были найдены реликвии, и, конечно, пытаться выяснить их происхождение в охватившем страну хаосе не представлялось возможным. И только

в январе 1949 года наблюдатель Организации Объединенных Наций обнаружил наконец рядом с Кумраном пещеру, которая впоследствии стала известна как пещера номер 1.

Как только она была открыта, начались дальнейшие исследования, и вскоре в окрестностях древнего поселения обнаружили множество пещер. Свитки находили в одиннадцати из них. В самом же Кумране за все годы не было найдено ни одного свитка или хотя бы фрагмента.

Первую археологическую экспедицию в Кумран возглавил отец Ролан де Во из Библейской Школы в Иерусалиме. В 1949 году он начал раскопки в пещере номер 1, а спустя два года стал копать уже и в самом Кумране. Подход де Во к изучению находок оказался в корне неверным: он предположил, что авторами Свитков Мертвого моря являлись обитатели Кумрана, и использовал тексты для построения картины жизни кумранской общины того времени.

В результате получился классический порочный круг, и результат был совершенно предсказуем. Свитки содержали в большинстве своем религиозные тексты, так что де Во заключил, что обитатели Кумрана были членами религиозной секты, известной как ессеи. Соответственно, все обнаруженные им и его единомышленниками находки интерпретировались исключительно в данном ключе, хотя никаких фактов в поддержку этой гипотезы так и не было представлено. Так и получилось, что резервуар для хранения воды стал у него ритуальной иудейской купальней, и все в таком же духе, а те находки, которые противоречили раз выдвинутому предположению, просто игнорировались либо объявлялись позднейшими включениями.

Медный Свиток, содержащий перечень захороненных невообразимых сокровищ, конечно же, никак не

увязывался с интерпретацией Кумрана как чисто религиозной общины, и потому де Во ничтоже сумняшся объявил его мистификацией, чьим-то розыгрышем.

Медный Свиток

Медный Свиток и по сию пору остается одной из наиболее загадочных находок в истории ближневосточной археологии. Он был обнаружен в 1952 году Анри де Контенсоном в пещере номер 3 и совершенно не похож ни на одну другую реликвию — ничего подобного не находили нигде ни до того, ни после. Он традиционно включается в число Свитков Мертвого моря, хотя поводом для этого служит одна-единственная причина: то, что артефакт был найден в одной из кумранских пещер вместе с другими свитками. Во всех остальных отношениях (материал, из которого он сделан, содержание, язык надписи) он от них полностью отличается.

Свиток сделан из почти чистой меди (содержание ее составляет около 99 процентов), а изготовить его по тем временам было чрезвычайно непросто. Он имеет почти восемь футов в длину и является фактически просто описью с сухим перечислением мест, в которых спрятаны огромные сокровища. Язык, на котором написан текст Свитка, необычен. Это ранняя форма иврита, известная как «квадратный шрифт». Она, похоже, имеет некоторое лингвистическое родство с домишнитским ивритом и даже с арамейским, однако ряд выражений может быть полностью понятен лишь людям, знакомым одновременно с арабским и аккадским языками. Одним словом, палеография (стиль письма) и орфография (правописание), характерные для текста Медного Свитка, не похожи ни на какие другие письменные памятники того времени — из Кумрана ли или откуда-то еще.

Другой особенностью является присутствие небольшого количества греческих букв, которые встречаются

рядом с некоторыми упомянутыми в Свитке местами. Первые семь букв, как говорилось на страницах этой книги, образуют имя египетского фараона Эхнатона. Предположений было высказано множество, но пока никто не представил убедительного объяснения, что означает присутствие имени фараона в этом тексте.

Высказывалось также мнение, что в Медном Свитке имеется порядка тридцати ошибок — того рода, которые можно ожидать от переписчика, копирующего написанный на незнакомом ему языке документ. Это, разумеется, в том случае, если принять допущение, что содержание Свитка было скопировано с другого, возможно, более раннего источника. Но все это только догадки.

Указания на места, где спрятаны сокровища, перечисленные в Медном Свитке, с одной стороны, в высшей степени подробные, с другой — абсолютно бесполезные. Очень точно, к примеру, указана глубина, на которой зарыто золото, но вот для того чтобы определить конкретное место, где находится тайник, требуются исчерпывающие знания города и названий улиц, плюс к тому нужно обладать сведениями о землевладельцах, проживавших в Иудее первого века нашей эры. А знания эти, к сожалению, вот уже почти два тысячелетия как утрачены.

В целом большинство археологов склоняются к мнению, что Медный Свиток, похоже, является подлинным, а перечисленные в нем сокровища были спрятаны в Иудейской пустыне. Возможно даже, что один из упомянутых в списке предметов найден в 1988 году. Тогда в пещере недалеко от Кумрана обнаружили небольших размеров глиняный сосуд, в котором оказалось темное, со сладковатым запахом масло. Возможно, этот сосуд упоминается в перечне Медного Свитка — если следовать одной из интерпретаций текста.

Серебряный Свиток

Но, пожалуй, наиболее таинственной и интригующей во всем Медном Свитке является его последняя часть, в которой сообщается, что существовал еще один документ, и в нем как раз содержатся более подробные сведения о местах захоронения сокровищ. Документ этот также был спрятан. Вот что, согласно одному из переводов, говорится в этой загадочной части текста:

«Копию сего списка, все необходимые разъяснения, размеры и подробности о каждом из укрытых предметов найдешь в сухой подземной полости, что в гладкой скале к северу от Колита. Вход в нее обращен на север, и рядом с ней увидишь гробницы».

Этот другой документ — он получил название Серебряного Свитка — являлся одним из ряда сокровищ, которые, как утверждалось, были спрятаны в городе Колит. Однако точное место, где располагался этот город, остается неизвестным. Известна местность под названием Колит, лежащая к востоку от реки Иордан, но не существует никаких доказательств того, что именно о ней идет речь в Медном Свитке. Кроме этого Колита, на Ближнем Востоке известно еще лишь одно место с похожим названием: Келей Колит в Эфиопии, то есть слишком далеко от Иудеи, чтобы это было похоже на правду. Другим ключом может стать упоминание в тексте «гробниц рядом с полостью». Данный пассаж можно истолковать как указание на смотрящую на север пещеру, расположенную рядом с кладбищем. Однако надо признать, что толку от этого уточнения немного.

Но вот что важно: если мы признаем, что Медный Свиток действительно является перечнем спрятанных сокровищ, тогда и к упоминанию о Серебряном Свитке следует относиться со всей серьезностью, а стало быть, этот легендарный артефакт существовал на самом деле. Можно предположить, что авторы Медного

Свитка точно знали, где спрятан Серебряный Свиток, — об этом свидетельствует имеющееся подробное (хотя и бессмысленное для нас) описание места, где он был захоронен. Правда, это отнюдь не означает, что реликвия до сих пор остается там.

Первый век нашей эры был для Иудеи настоящим смутным временем: постоянно то здесь, то там возникали стычки между отрядами иудейских повстанцев и римскими легионами. В подобной ситуации очень вероятно, что важные для страны и народа реликвии — а в их число, безусловно, входили и Медный, и Серебряный Свитки — могли перепрятать в более надежные схроны. Одним из них могли стать кумранские пещеры. Свитки Мертвого моря, два по крайней мере, сохранились там в целости и сохранности на протяжении почти двух тысяч лет. Вполне возможно, что другим схроном мог оказаться Эйн-Геди.

Эйн-Геди

Как рассказывается на страницах этой книги, оазис Эйн-Геди был одним из наиболее значительных поселений в Иудее первого века, помимо Иерусалима. Во время осады крепости Масада сикарии действительно совершили на оазис опустошительный налет — в точности как я его описал. С высокой долей вероятности можно предположить, что иудейские священники осознавали надвигающуюся угрозу Храму со стороны подступающих к Иерусалиму римских легионов и попытались переместить самые ценные сокровища в более надежное место. В таком случае Эйн-Геди вполне отвечал этим требованиям.

Если упоминаемые в книге реликвии (Медный Свиток, Серебряный Свиток и Моисеев Завет) действительно хранились в указанное время в Иерусалимском Храме, то не было бы ничего удивительного, если бы их для большей безопасности перенесли в он-

зис рядом с Мертвым морем. А сикарии в ходе налета, вероятно, хватали все, что только попадалось под руку.

Соответственно, если эти zeloty обнаружили, что неожиданно-негаданно стали обладателями трех самых священных сокровищ иудейского народа, они должны были сделать все возможное, чтобы эти предметы ни в коем случае не попали в руки ненавистных римлян. Так вот и родился целиком вымышленный рассказ о бегстве четверки избранных сикариев из осажденной Масады.

Храмовая гора и Стена Плача

Западная Стена, частью которой является Стена Плача, служила одной из четырех подпорных стен Храмовой горы. Конструкция стены неоднородная и в нижней части заметно отличается от верхней. Каменная кладка в основании и примерно на две трети высоты состоит из отдельных крупных блоков светлого камня; самые большие из них имеют в объеме по меньшей мере кубический метр. Выше же, до самого верха, стена сложена из камней значительно более скромных размеров.

Стена вовсе не является цельным сооружением, хотя и кажется таковой в нижней части. Лишь у каменных блоков семи нижних рядов кладки имеются зубчатые края — эти блоки служат единственным напоминанием о временах царя Ирода, который в 20 году до нашей эры проводил работы по укреплению Храмовой горы. В последующих четырех рядах камни имеют несколько меньшие размеры; они были уложены в византийский период, который длился с 330 по 640 год нашей эры. Идущая выше, третья часть стены была сооружена после того, как Иерусалим в седьмом веке захватили мусульмане. Наконец, самые верхние ряды относятся к совсем недавнему прошло-

му: они появились в девятнадцатом веке на деньги британского филантропа сэра Мозеса Монтефиоре. Но есть еще и невидимые глазу семнадцать рядов кладки — все они в настоящее время находятся ниже уровня земли. Причиной тому служит почти постоянно идущее строительство и многочисленные перестройки зданий в этом районе города.

В период с 1948 по 1967 год, когда город находился под контролем Иордании¹, евреям было запрещено приходить к Стене Плача. Ситуация переменялась после того, как в ходе Шестидневной войны израильские десантники захватили Храмовую гору и весь Восточный Иерусалим. Стратегического значения этот район города не имел, но Гора всегда была важнейшим религиозным символом для еврейского народа. За несколько недель к Стене пришло помолиться свыше четверти миллиона евреев. К тому времени, когда Израиль аннексировал Восточный Иерусалим, большая часть той территории, которая сейчас носит название Котель Плаза, была уже застроена, и для поклонения остался доступен лишь небольшой участок Стены длиной около сотни футов, а расстояние от нее до ближайших построек не превышало десятка футов. Израильтяне быстро снесли все сооружения, выровняли и расчистили территорию и устроили перед Стеной мощеную площадь.

Слева от Стены Плача за стеной примыкающего к ней здания с двумя массивными контрфорсами начинается Туннель Котель², в который открыт доступ для туристов и который ежегодно привлекает тысячи и тысячи любопытствующих. Вход в него представляет собой арку, находящуюся практически по центру здания. Поверх арки, следуя ее изгибу, идет надпись

¹ В указанный период под контролем Иордании (до 1950 года — Трансиордании) находилась только восточная часть Иерусалима, западная относилась к Израилю.

² Его также называют Туннель Хасмонеев.

на иврите, а ниже ее перевод на английский: «Наследие Западной Стены».

Экскурсия по туннелю начинается в комнате с любопытным названием «Ослиное стойло». Наградил ее таким эпитетом британский исследователь Чарльз Уоррен. А дело все в том, что археологам и наемным рабочим потребовалось целых семнадцать лет на то, чтобы вычистить это помещение от скопившихся в нем за века камней и всяческого мусора. Из него экскурсанты попадают в Потайной проход. Согласно распространенной легенде, этим подземным ходом пользовался царь Давид, чтобы незаметно для посторонних глаз попадать из своей крепости, расположенной к западу отсюда, на Храмовую гору. Но, к сожалению, результаты археологических раскопок говорят о том, что в действительности туннель был сооружен арабами лишь в конце двенадцатого века нашей эры. Им необходимо было приподнять над землей дома в этой части города, и потому они возвели здесь мощные фундаменты. Туннелем и в самом деле пользовались для того, чтобы иметь беспрепятственный доступ на Храмовую гору, — но не набожные иудеи, а мусульманское население Иерусалима. Позднее отдельные участки подземного хода были поделены на секции, которые стали использовать в качестве резервуаров. Таким образом, проживавшие в непосредственной близости от туннеля горожане получили постоянный доступ к свежей воде. Проход резко обрывается, упираясь в огромную грудку камней — она служит молчаливым напоминанием о том, каким предстал подземный лабиринт глазам первых израильских археологов.

Примерно посередине Зала Хасмонеев, большого подземного помещения, относящегося ко времени Второго Храма, стоит коринфская колонна. Одним из четких указаний на дату создания Зала служит способ обработки камня: он был характерен для строите-

лей, работавших при царе Ироде. Сама колонна, однако, относится к Средневековью. Ее привезли сюда, чтобы дополнительно укрепить потолок Зала — тот со временем обветшал и потрескался.

Дальше экскурсанты оказываются в узком коридоре, примечательной особенностью которого является невероятных размеров камень. Он имеет свыше сорока футов в длину, около двенадцати футов в высоту и толщину от одиннадцати до пятнадцати футов. Вес камня оценивается примерно в пятьсот тонн, то есть он является одним из самых больших, а возможно, и самым большим камнем, которые когда-либо использовались в строительстве на всем земном шаре. Он массивнее каменных блоков египетских пирамид. Даже в настоящее время самые мощные из существующих кранов способны поднять лишь половину его веса. Очевидным образом возникает вопрос: как строители во времена Ирода умудрялись передвигать этот камень? И не только передвигать — хотя сейчас он приподнят всего на три-четыре фута над уровнем пола туннеля, улица древнего города проходила по меньшей мере футов на двадцать ниже, а коренные породы залегают ниже еще на десяток футов.

Гигантский камень — один из нескольких подобных, и вместе они образуют так называемую Большую кладку. Исследования показали, что для такого способа кладки стены существовали веские причины. При ее строительстве не использовали никакого раствора или цемента, и, согласно общепринятой теории, огромные камни как раз и служили для того, чтобы скреплять стену. Их громадный вес надежно удерживал нижележащие камни и служил прочным основанием для рядов кладки, лежащих выше. Стена простояла неповрежденной почти две тысячи лет, в частности, пережила несколько землетрясений — так что, похоже, безымянные строители царя Ирода хорошо знали свое дело.

Хар-Мегиддо

Хар-Мегиддо — иногда его называют Тель-эль-Мутеселлим («Гора Властелина»), а также Армагеддон — это реально существующее место на севере Израиля. Во все времена оно имело важное стратегическое значение, и в его окрестностях происходило множество битв, в том числе и три так называемые «битвы при Мегиддо». Самой известной из последних является, пожалуй, и самая ранняя по времени: это сражение, состоявшееся в пятнадцатом веке до нашей эры между войском фараона Тутмоса Третьего и ханаанской армией.

Армия фараона двигалась на север, к долине Езрель, где уже собралось войско противника, и Тутмосу предстояло сделать нелегкий выбор, каким из трех возможных путей пойти. Кратчайший маршрут лежал напрямик, через местечко Аруна, и часть его воинам пришлось бы двигаться буквально гуськом по тропинке через очень узкое ущелье; два других пути — один западнее, другой восточнее — были длиннее, но казались более безопасными.

Тутмос направил вперед лазутчиков, и те выяснили: враги логично предполагают, что египетская армия пойдет обходным путем. Военачальники антиегипетской коалиции разделили силы так, чтобы перекрыть восточный и западный подходы к долине, в то время как ущелье осталось практически неохраняемым. Никто не мог поверить, что фараон окажется настолько глуп, что по собственной воле направит войско практически на верную гибель. И тогда Тутмос лично повел своих воинов смертельно опасным маршрутом. В Аруне стояло всего несколько ханаанских отрядов, и они были буквально сметены внезапно появившимся египетским войском, которое, не встречая сопротивления, вышло в долину. В последовавшей затем битве Тутмос разбил коалицию под

предводительством царя Кадеша, осадил крепость Мегиддо, и та вскоре капитулировала.

Фараон — что было необычно для того времени — пощадил и не стал уничтожать город и его обитателей. Он продолжил завоевательный поход, и следующие пятьсот лет прошли в этих краях под знаком египетского владычества и влияния.

Завет Моисеев

Большинство специалистов соглашаются с тем, что Ковчег Завета существовал в действительности и представлял собой, вероятно, богато изукрашенный ящик из акациевого дерева, обшитый листовым золотом, который принесли с собой в Ханаан спасшиеся из египетского плена евреи. А если существовал Ковчег, то логично будет предположить, что и Завет также являлся вполне реальным, осязаемым предметом, и хранился он в этом самом Ковчеге.

Как повествует Ветхий Завет, на третий месяц после Исхода Моисей у подножия горы Синай дал народу Израилеву так называемые Скрижали Завета, или, если быть точнее, Скрижали свидетельства. Завет представляет собой договор, который заключил Бог со своим избранным народом. Это десять простых правил, Десять заповедей, которые впоследствии заложили основы как иудейской, так и христианской религии (хотя на самом деле, как указано в этой книге, в Книге Исхода четко говорится, что заповедей было *четыренадцать*).

Затем Моисей снова поднялся на гору Синай, а вернувшись позже к соплеменникам, обнаружил, что они уже отступили от уготованного им пути. Израильтяне нарушили вторую заповедь, которая гласила: «Да не будет у тебя богов других перед лицом Моим». Аарон, брат Моисея, соорудил золотого тельца и возвел алтарь, чтобы ему поклоняться. Увидев такое

пренебрежение заповедями Бога, Моисей пришел в ярость и в исступлении разбил обе Скрижали.

Тогда Господь самолично высек из камня новые скрижали, и снова Моисей поднялся на гору Синай, и Бог вручил ему две каменных плиты. Эти самые плиты и были помещены в Ковчег Завета, который на самом деле более правильно было бы называть Ковчегом свидетельства.

Ковчег исчез около 586 года до нашей эры, когда вавилоняне под предводительством царя Навуходоносора разрушили Первый Иерусалимский храм, но вот что касается Скрижалей, об их судьбе, в отличие от судьбы Ковчега, никаких преданий не сохранилось. Исследователи предполагают, что когда вавилоняне разрушили Храм и разграбили его сокровища, то вместе с Ковчегом они унесли и Скрижали Завета. Однако никаких исторических свидетельств тому нет.

Зато известно, что Ковчег к описываемому периоду времени сам по себе сделался объектом поклонения, и поэтому возможно, по крайней мере, высказать догадку, что, когда Навуходоносор со своим войском захватил Иерусалим, каменные плиты с Десятью заповедями уже были перемещены в другое, безопасное место, а в Храме оставался один лишь Ковчег. Что произошло в действительности, мы, видимо, уже никогда не узнаем, но так или иначе Скрижали свидетельства, подлинный Завет Моисеев, бесследно растворились более двух с половиной тысяч лет тому назад.

Почти наверняка можно утверждать: что бы ни произошло со Скрижалями, они не были утеряны. Они имели чрезвычайно большое значение для религии евреев, чтобы просто пропасть. Если их не захватил в числе прочей добычи Навуходоносор, тогда, скорее всего, они были спрятаны еще до вторжения вавилонского войска; очень возможно, что где-то за пределами Иерусалима, поскольку город находился под угрозой захвата и разграбления. И снова мы воз-

вращаемся к Эйн-Геди. Оазис кажется возможным и даже наиболее вероятным местом для укрытия Скрижалей Завета.

В последней главе книги я рассказываю, как израильтяне тайно помещают священные каменные плиты в подземной полости под Стеной Плача. Я думаю так: если Скрижали действительно будут когда-либо обнаружены и политическая обстановка окажется неподходящей, чтобы предать их находку огласке, они будут сокрыты именно там. Они вернутся почти на то самое место, где некогда был установлен Ковчег Завета.

И когда Скрижали окажутся там, произойдет фактически воссоединение *Шехина*, Божественного Присутствия, с самой первой, оригинальной записью Завета между Человеком и Богом.

Джеймс Беккер

Июль 2009 года

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Часть 1. МАРОККО	17
Часть 2. АНГЛИЯ	171
Часть 3. ИЗРАИЛЬ	211
Джеймс Беккер о присутствии прошлого в «Скрижалях Моисея»	395

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Беккер

СКРИЖАЛЬ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Ответственный редактор *В. Хорос*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Смирнов*
Корректор *З. Харитонова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 09.10.2012.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7756.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-59970-7

9 785699 599707 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**

обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ДЖЕЙМС
БЕККЕР

СКРИЖДАЛЬ ПОСЕЯННОГО АННЯ

Сотрудник британской полиции Крис Бронсон прибыл в Марокко – расследовать гибель двух своих соотечественников, чей автомобиль упал в пропасть. Детектив узнает, что накануне трагедии они случайно нашли на местном базаре какую-то глиняную табличку, испещренную странными знаками. Но в вещах погибших ее не обнаружили – остались лишь несколько фотографий находки. С помощью специалистов Крис выясняет, что это – часть некоего зашифрованного послания на арамейском... И тут вокруг Бронсона раскручивается настоящий смерч кровавых событий. Все люди, знающие о существовании этой таблички, погибают. Сам детектив несколько раз лишь чудом избежал смерти. Ему еще предстоит узнать, что тайна, к которой он прикоснулся, очень древняя. И очень страшная...

ISBN 978-5-699-59970-7

9 785699 599707 >

ЭКСМО